

**СЕМЕН
ГОЛЬДИН**

**СЕМЕН
ГОЛЬДИН**

**РУССКАЯ АРМИЯ
И ЕВРЕИ
1914–1917**

*Памяти Матвея (Мордехая) Гольдина
(1937–2017)*

Книга издана при поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»

Семен Гольдин

«Принять исключительные меры...» Русская армия
и евреи. 1914–1917 / Ред. В. Нехотин. — М.: Мосты культуры,
2018. — 448 с. (Вид с горы Скопус)

ISBN 978-5-93273-499-5

Монография израильского историка анализирует причины, содержание и последствия отношения русской армии к евреям в 1914–1917 гг. С началом войны командиры различных рангов были уверены в существовании на театре военных действий «проблемы» еврейской лояльности русскому оружию и собирались добиться ее страхом перед массовыми выселениями и казнями заложников. В рамках «борьбы» с евреями армией были осуществлены поголовные депортации еврейского населения, сотни тысяч людей лишились своих домов, стали жертвами погромов, грабежей и издевательств. Неэффективно воюя с мощным внешним врагом и придумав для себя еще и «войну» с врагом внутренним, в лице евреев, — русские военные элиты сами готовили страну к революции и гражданской войне.

ISBN 978-5-93273-499-5

© Семен Гольдин, 2018
© Мосты культуры, 2018

Предисловие

Основой для этой книги стала докторская диссертация, защищенная в 2005 году в Иерусалимском университете под руководством проф. Йонатана Френкеля (1935–2008). Великий историк и замечательный человек, Йонатан не навязывал своим ученикам темы для исследований, предпочитая обсуждать идеи самих студентов. Тема «Русская армия и евреи во время Первой мировой войны» ему понравилась — показалась значительной и интересной. «В общем, канва событий ясна и сейчас — понятно, что во время войны с евреями произошли разные неприятные вещи, но как и почему они произошли — мы не очень понимаем. Это и есть тот вопрос, который тебя интересует?» — спросил он. «Нет, — ответил я. — Есть другой вопрос. В 1914 году, вступая в войну, Российская империя казалась несокрушимой. Через три с половиной года режим пал, практически без сопротивления, а вслед за ним распалась и страна. Понятно, что во время войны “что-то пошло не так”. Мне интересно посмотреть на “еврейский вопрос” и отношения армии с евреями через призму того, что произошло потом; понять, как исследование того, что случилось с евреями во время войны, поможет нам объяснить коллапс империи и страны в 1917 году. Это и есть мой “большой вопрос”». Йонатан улыбнулся и ничего не сказал. Сегодня, перечитывая подготовленный к печати текст, я вижу, что очень многое написал бы по-другому, сильно сократил в одних местах и расширил в других. Однако общая идея и выводы книги по-прежнему кажутся мне достойными того, чтобы быть представленными читателю.

Отдавая книгу в печать, я прежде всего хочу еще раз вспомнить своего Учителя — проф. Йонатана Френкеля.

Мне просто повезло, что жизнь предоставила возможность учиться у этого замечательного человека и великого ученого. Мои коллеги и друзья (Владимир Левин, Илья Лурье, Гиллель Казовский, Шауль Штампфер, Алексей Миллер, Михаил Долбиллов) на разных этапах работы читали текст отдельных глав и всей работы и делали замечания, очень ценные для меня. Естественно, все ошибки и недочеты в книге мои и только мои. Книга не появилась бы на свет, если бы не упрямство замечательного издателя Михаила Гринберга. Я хочу также поблагодарить В.В. Нехотина за прекрасную редактуру текста. Я никогда не закончил бы работу над диссертацией, если бы меня не поддерживала (и не подгоняла) моя жена Анита, эта книга настолько же ее, как и моя. Я посвятил книгу памяти моего отца Матвея (Мордехая) Гольдина, скончавшегося в Иерусалиме в мае 2017 года. Да будет благословенна его память!

* * *

Первая мировая война, открывшая бурный период революционных потрясений и Гражданской войны, стала переломной точкой в истории России. Общие трагические события войны имели на Восточном фронте специфическое еврейское содержание. Боевые действия в этом районе Европы, где проживала большая часть евреев мира¹, привели к массовым перемещениям еврейского населения, ухудшению условий его жизни и значительным человеческим потерям, в том числе в результате намеренных преследований евреев со стороны властей². Негативное отношение русской армии к еврейскому населению прифронтовой полосы, выразившееся, в частности, в поголовных депортациях евреев и взятии заложников, а также в многочисленных случаях насилия и погромов, из-

¹ В 1900 году в Российской империи и прилегающих к российской границе районах Австро-Венгрии, ставших ареной военных действий (Галиция, Буковина, Закарпатье), проживало 59 процентов всего еврейского населения мира (www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Population_and_Migration/Population_and_Migration_before_World_War_I).

² *Levene M.* War, Jews, and the New Europe: the Diplomacy of Lucien Wolf, 1914–1919. Oxford, 1992. P. vii.

вестно и признано в еврейской историографии. Этой теме посвящена знаменитая книга С. Ан-ского, неоднократно упоминавшаяся в общих работах, посвященных судьбе евреев России в XX веке³.

В то же время причины и обстоятельства событий, происходивших с евреями в прифронтовой полосе Восточного фронта не рассматривались подробно, тем более в контексте русской военной истории, то есть ситуации, в которой оказалась русская армия и ее командование в годы Первой мировой войны. Именно эту сторону проблемы — еврейскую «политику» русской армии и ее отношение к евреям, оказавшимся в зоне ответственности военных властей, мы и хотим осветить.

Отношение русской армии к гражданскому населению, в частности к евреям, формировалось под влиянием концепции «национальной» военной доктрины, распространившейся в Европе к концу XIX века и считавшей лояльность граждан и их готовность приносить жертвы во имя родины, в том числе и с оружием в руках, одной из главных составляющих безопасности нации⁴. Негативный стереотип еврея, сложившийся в глазах русского военного командования еще в предвоенные годы, ярко проявился в условиях военного вре-

³ *An-sky.* Hurban Galitsie (Gezamlte shrift. Vol. 4). Vilno — Warsaw — N.Y., 1923. Мы пользовались переводом этой книги на иврит (*An-sky.* Hurban ha-jehudim be Polin, Galicija ve Bukovina. Helek 1–4. Berlin, 1929). См. также частичный перевод: *Ansky S.* The Dibbuk and Other Writings. New Haven and London, 2002. P. 169–208. Среди обзорных работ см.: *Greenberg L.* The Jews in Russia. The Struggle for Emancipation. Two volumes in one, volume II. New Haven & London, 1965. P. 94–103; *Baron S.W.* The Russian Jew under Tsars and Soviets. N.Y., 1964. P. 187–200; *Levin N.* The Jews in the Soviet Union since 1917. Vol. I. N.Y., 1988. P. 27–31. Среди специальных работ по теме отметим статьи М. Альтшуллера (*Altshuler M.* Russia and her Jews — The Impact of the 1914 War // *The Wiener Library Bulletin.* 1973/1974. № 30/31), Й. Френкеля (*Frankel J.* The Paradoxical Politics of Marginality: Thoughts on the Jewish Situation During the years 1914–21 // *Studies in Contemporary Jewry.* 1988. IV), а также работы Э. Лопы (*Lohr E.* The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // *The Russian Review.* 2001. № 60(3) July. P. 404–419).

⁴ *Howard M.* War in European History. L. — Oxford — N.Y., 1976. P. 110; *Sunborn J.A.* Drafting the Russian Nation. Military Conscriptations, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb (Illinois), 2003. P. 4.

мени — на фоне предоставленных военному командованию широчайших полномочий в сфере гражданского управления в прифронтовой полосе и невиданной тяжести боевых действий, в целом скорее неудачных для русской армии. Настороженность и враждебность к евреям проявлялись как относительно евреев-солдат, так и в отношении гражданского еврейского населения в районе боевых действий. Эти эмоции привели к принятию военным командованием мер, направленных на силовое обеспечение лояльности евреев или, по крайней мере, на снижение «вреда» от них. Поведение солдат и офицеров русской армии по отношению к еврейскому населению прифронтовой полосы также определялось как негативным стереотипом, так и невиданной тяжести стрессом, в котором неожиданно для себя оказались фронтовики Первой мировой войны⁵.

Хронологические рамки исследования ограничены 1914–1917 годами (до Февральской революции, резко изменившей и политическую ситуацию в стране, и статус евреев в России). Наиболее важные с точки зрения политики военных властей в отношении евреев события произошли в течение первого года войны, когда боевые действия на Восточном фронте имели маневренный характер. К этому периоду относятся наиболее значительные депортации еврейского населения, а также многочисленные акты насилия, связанные с наступлениями и отступлениями войск. Однако и в следующий год войны военные власти занимались «еврейским вопросом», формулируя правила и инструкции по отношению к евреям. К тому же вопрос о еврейском равноправии, ставший особенно острым на фоне отношения армии к евреям, активно рассматривался в Думе именно в 1916 году.

Географически наше исследование касается зоны ответственности военных властей (зоны военного управления) на

⁵ О психологическом стрессе фронтовиков Первой мировой см., напр.: Асташов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война. Психологическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник 2001/2002. М., 2004. С. 399–425; Поршнева О.С. Социальное поведение солдат русской армии в годы Первой мировой войны // Там же. С. 355–398; Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 175–214.

территориях как собственно Российской империи, так и на оккупированной в сентябре 1914 — июне 1915 годов Восточной Галиции.

Что касается тематических рамок, то в первой главе рассмотрены состояние русской армии накануне Первой мировой, взаимоотношения русской армии и евреев в предвоенный период, а также влияние на армию боевых действий 1914–1917 годов.

Во второй главе анализируются устройство и полномочия системы военного управления на театре военных действий, взаимоотношения военных и гражданских властей и конфликты между ними, основы функционирования военного управления.

В третьей главе рассматривается формирование образа еврея и евреев в глазах русского военного командования, общая атмосфера, сложившаяся вокруг евреев в прифронтовой полосе.

В четвертой главе мы попробуем выделить этапы формирования и применения репрессивных мер по отношению к евреям: массовых депортаций и взятия заложников, практикуемых военными властями в 1914–1915 годах в целях радикального решения проблемы лояльности евреев.

В пятой главе проанализировано отношение к евреям таких структур и органов военного управления, как армейская контрразведка, военная цензура и система военного судопроизводства, а также практика индивидуальных административных высылков. Мы попробуем также систематизировать инструкции и положения, выработанные военными властями с целью ограничить доступ евреев в прифронтовую полосу и не допускать контакта с войсками, евреев — поставщиков товаров и услуг для армии и сотрудников помогавших фронту общественных организаций.

В шестой главе речь пойдет об отношении русских солдат и офицеров к еврейскому населению прифронтовой полосы.

Седьмая глава посвящена попыткам русско-еврейской элиты бороться с антиеврейской политикой военных властей с помощью обращений к правительственным кругам и к влиятельным политическим силам страны, а также с помощью влия-

тельных западных еврейских организаций. Здесь же анализируется отношение русских политических партий и правительства России к «еврейскому вопросу» в годы Первой мировой войны.

* * *

Среди основных источников:

Документы органов военной и гражданской власти. Фонды Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) содержат различные (приказы, донесения, переписку, материалы органов контрразведки) документы штаба Верховного Главнокомандующего (Ставки), штабов фронтов (Северо-Западного и Юго-Западного до августа 1915-го, Северного, Западного и Юго-Западного с августа 1915-го), штабов армий, корпусов, военных округов, а также контрразведывательных отделений и военных судов при различных штабах. В этих документах содержится масса информации, раскрывающей и мнение военных властей о еврейском населении, и проводимую ими относительно евреев политику.

Примечательно при этом небольшое количество материалов, сохранившихся в фондах военно-корпусных судов — единственных из военных судов, оставявших, по свидетельству М.М. Винавера, «письменные следы» и соблюдавших «процессуальные гарантии» и во время войны⁶.

Документы, хранящиеся в РГВИА, дополняются находящимися в других архивах фондами местных военных и гражданских властей. Так, в Центральном Государственном историческом архиве Украины в Киеве (ЦГИАК) хранятся фонды военного генерал-губернатора Галиции, в варшавском Archiwum Główny Akt Dawnych (AGAD) — фонды варшавского генерал-губернатора, а в городском архиве Варшавы (Archiwum Państwowe m. st. Warszawy) — фонды варшавского губернатора. Все эти органы местной власти получали от военных властей различного уровня распоряжения, касающиеся евреев, и вступали с ними в переписку по затрагивающим евреев вопросам⁷.

⁶ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 203.

⁷ Важным дополнением к документам военных и местных гражданских властей служат протоколы заседаний Совета министров России; Аркадий Николаевич Яхонтов, занимавший в 1914–1915 годах должность по-

Архивные коллекции, собранные еврейскими общественными деятелями. Целенаправленный сбор материалов, документов и сообщений, касающихся положения еврейского населения прифронтовой полосы, проводило с осени 1914-го так называемое Информационное бюро при еврейских депутатах, работавшее в Петрограде. Пять полных комплектов собранных Информбюро материалов хранились для передачи после войны в книгохранилища⁸. Огромное количество частично повторяющихся материалов Информационного бюро отложилось в личных фондах еврейских депутатов Думы М.Х. Бомаша (ГАРФ. Ф. 9458) и Н.М. Фридмана (ЦГИАК. Ф. 1010)⁹.

Материалы, собранные еврейскими общественными деятелями, распространялись внутри России и переправлялись за границу (в 1916 году передача собранных еврейскими организациями документов на Запад осуществлялась, в частности, с помощью большевистского курьера А.Г. Шляпникова)¹⁰.

В постсоветские годы иерусалимский Центральный архив истории еврейского народа (ЦАИЕН) предпринял усилия по ксерокопированию огромного количества материалов о положении еврейского населения России в годы Первой ми-

мощника управляющего делами Совета Министров, сохранил эти чрезвычайно ценные записи со своими комментариями, см.: Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров (16 июля — 2 сентября 1915 г.) // Архив русской революции. Т. XVIII. С. 5–136, а также позднейшую публикацию: Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999.

⁸ Документы о преследованиях евреев // Архив русской революции. Т. XIX. С. 246.

⁹ О деятельности Н.М. Фридмана и М.Х. Бомаша см. подробнее: Из недавнего прошлого: Речи еврейских депутатов в Государственной думе за годы войны. Пг., 1917.

¹⁰ Baron S.W. The Russian Jew under Tsars and Soviets. P. 199. Переправленные нелегально материалы, отражающие положение еврейского населения прифронтовой полосы и частично переведенные на английский, находятся, например, в собрании Отдела рукописей и архивов Национальной библиотеки Израиля (АНБ. Ф. V254). Часть этих материалов представляет собой куски тонкой марлевой ткани с напечатанным на пишущей машинке текстом. Как предполагает проф. Ш. Штампфер, эта ткань зашивалась в подкладку верхней одежды курьеров и таким образом нелегально вывозилась из России.

ровой из различных архивов России и Украины. Богатая коллекция ксерокопий, собранная ЦАИЕН, существенным образом облегчила нам работу с вышеупомянутыми архивными собраниями.

Публикации документов. Наряду с архивными материалами, важным источником служат публикации, основанные на обработке части обширной коллекции документов, собранной в годы войны «межпартийной еврейской организацией» при евреях — депутатах Государственной думы. Это публикация «Из черной книги русского еврейства. Материалы для истории войны 1914–1915 годов» в журнале «Еврейская старина»¹¹ и обнародованные десять лет спустя «Документы о преследованиях евреев» в «Архиве русской революции»¹².

Публикация в «Еврейской старине», подготовленная С.М. Дубновым, имела цели как научную («помочь» собиранию источниковой базы еврейской истории), так и политическую — обеспечить представление еврейского вопроса «на предстоящем конгрессе мира»¹³. Само название этой публикации восходило к традиции издания т.н. «белых книг» дипломатических документов. «Черная книга» должна была дать голос еврейской «непризнанной державе», пострадавшей от преследований в годы войны¹⁴. Публикация освещала события до октября 1915-го и включала четыре раздела: доклад М.М. Винавера на конференции партии кадетов 6–8 июня 1915-го, подготовленную Д.О. Заславским «Записку о выселении евреев», «Записку о заложниках» и подготовленную Г.М. Эрлихом «Записку о погромах». Планировалось продолжить публикацию в дальнейших выпусках «Еврейской старины»¹⁵. Публикация в «Архиве русской революции»

¹¹ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 195–296.

¹² Архив русской революции. Т. XIX. С. 245–284.

¹³ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 195.

¹⁴ Там же. С. 196. Ср. с «Черной книгой» В. Гроссмана и И. Эренбурга времен Второй мировой войны.

¹⁵ Там же. С. 196–197. В «Записке о погромах» приводились имена еврейских женщин, ставших жертвой изнасилований во время погромов, и это вызвало протест читателей. В частности, Г. Канель писал С.М. Дубнову из Москвы: «Вообразите себе, как должны реагировать эти бедные

представляла собой подборку собранных Информационным бюро материалов, приведенных по «частной копии»¹⁶.

Подобные источники¹⁷ позволяют нам увидеть широкую панораму событий, проникнуть в мотивы поведения исторических персонажей, по новому оценить уже известные факты.

женщины и их близкие на тот факт, что их горе и позор выставлены на показ». Дубнов пометил на полях этого письма: «Сулра mea. Недосмотр. Готов был бы лично просить прощения у мучениц» (ЦАИЕН. Фонд С.М. Дубнова. Р/1, 10/3).

¹⁶ Архив русской революции. Т. XIX. С. 246. В отличие от публикации в «Еврейской старине», где материалы обрабатывались с целью создать связный тематический рассказ, в «Архиве русской революции» документы (прежде всего попавшие в распоряжение Информационного бюро копии приказов военных властей) публиковались без редактуры.

¹⁷ Среди них упомянем фонды С. Ан-ского в Институте рукописей Центральной научной библиотеки им. Вернадского Национальной академии наук Украины (ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 339) и Л.М. Брамсона (ЦГИАК. Ф. 992), а также сборники официальных документов (как, например: Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914; *Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 годов. Т. I. Пг., 1916), мемуары (*Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915 — 2 июля 1916 г.). Пб., 1920; *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М., 1991; *Войтоловский Л.Н.* Выходил кровавый Марс. По следам войны. М., 1998; *Фрумкин Я.Г.* Из истории русского еврейства (Воспоминания, материалы, документы) // Книга о русском еврействе (от 1860-х годов до революции 1917 г.). N.Y., 1960. Важными источниками служат также периодические издания времен Первой мировой, уделявшие внимание еврейской тематике, как еврейские («Рассвет», «Новый восход», «Еврейская неделя» и др.), так и нееврейские («Речь», «Новое время», выходившие в прифронтовой полосе «Варшавская заря», «Минская газета-копейка» и др.), и военная периодика («Русский инвалид», «Армейский вестник» и др.).

ГЛАВА 1

**РУССКАЯ АРМИЯ
В НАЧАЛЕ
XX ВЕКА**

*Роль армии в политической
и общественной жизни страны*

На протяжении XVIII–XX веков Российская империя представляла собой военную державу, для которой «армия была тем цементом, который держал общество, не давая распасться»¹, и к началу XX столетия «армия в целом переставала устройство и сущность империи»².

Но оставалось ли укрепление армии главным приоритетом для правительства России? Анализ бюджетов показывает, что в последние десятилетия существования империи военные расходы отнюдь не были главной статьей расходов. С 1881 по 1902 годы их доля в бюджете снизилась с 30 до 18 процентов³. В начале XX века Россия тратила на военные нужды 5,9 процента своего ВВП (Франция и Германия — по 2 процента каждая)⁴. В 1913 году военные расходы поглотили в России 21 процент бюджета (в Германии — 14, во Франции 18 процентов)⁵.

¹ Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2001. С. 496.

² Wildman A.K. The End of Russian Imperial Army. Princeton, 1980. P. 10.

³ Fuller W.C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881–1914. Princeton, 1985. P. 49.

⁴ *Ibid.* P. 57–58. Столь высокая доля военных расходов объясняется высокой численностью русской армии. В 1893 году Россия имела под ружьем 992 тысячи человек, при 573 тысячах во Франции и 521 тысяче в Германии (*Ibid.* P. 52).

⁵ *Ibid.* P. 228. Накануне Первой мировой военные расходы составляли 24,3 процента русского бюджета (в Германии — 17,3; в Австро-Венгрии — 17,6; во Франции — 28,6 процента, см.: Golovine N.N. The Russian Army in the World War. New Haven, 1931. P. 31.

Русское военное министерство боролось с гражданскими ведомствами (прежде всего с министерством финансов) за увеличение ассигнований на нужды армии, однако требования военных регулярно отвергались гражданской бюрократией, вовсе не считавшей запросы армии высшим приоритетом⁶. В 1893 году затраты на одного солдата в русской армии составляли только 57 процентов от суммы, которую тратила германская армия, и 63 процента того, что тратила французская⁷.

Русская армия была преимущественно крестьянской по своему составу (в 1903-м 89 процентов призывников были крестьянского происхождения). Крестьяне приносили в армию свой извечный фатализм, привычку к тяжелому труду и тяжелым условиям жизни⁸. «Отношения офицеров и солдат отражали патерналистскую структуру государства в целом»⁹: офицер был для солдат «барином», а солдатская служба зачастую напоминала полузабытую барщину, а не выполнение гражданского долга¹⁰. Среди офицеров была распространена вера в то, что служба в армии делает крестьян более «цивилизованными»¹¹. Для солдат — выходцев из деревни условия жизни и питание в армии действительно зачастую превосходили то, что они оставили дома. Зуботычины и телесные наказания официально были запрещены и преследовались¹².

⁶ Fuller W.C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 64–67.

⁷ Bushnell J. Mutiny amid Repression. Russian Soldiers in the Revolution of 1905–1906. Bloomington, 1985. P. 11.

⁸ Ibid. P. 2–3.

⁹ Luckett R. The White Generals. The Account of the White Movement and the Russians Civil War. N.Y., 1971. P. 3.

¹⁰ Булдаков В.П. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 209.

¹¹ Bushnell J. Mutiny amid Repression. P. 11.

¹² Wildman A.K. The End of Russian Imperial Army. P. 32–33, 34. Условия жизни солдат все же были нелегкими: рядовой в армии получал жалования 2 рубля 10 копеек в год, одеяла и постельное белье были заведены лишь в немногих частях, солдат «бывал сыт лишь при особой распорядительности и честности его начальника» (Редигер А. История моей жизни: воспоминания военного министра. В 2-х тт. Т. 1. М., 1999. С. 475).

В русской армии существовала система экономического самообеспечения воинских частей: сбереженные бюджетные средства составляли кассу полка, командиры были в большой степени заняты хозяйственными обязанностями, солдаты работали на отходных работах и т.д.¹³ В среднем полк тратил в год на 5 тысяч рублей больше, чем получал от военного министерства. Дефицит наличных пополнялся благодаря использованию солдатского труда на различных работах, не связанных с военной службой. В 1907-м 12 процентов солдат (150 тысяч человек) были заняты шитьем обуви и обмундирования в полках (ассигнований на их покупку части не получали)¹⁴.

На рубеже XIX–XX веков русский офицерский корпус стремительно демократизировался. Число офицеров — выходцев не из дворян составило в 1911 году 46,7 процента по всей армии, в том числе 56,3 процента по армейской пехоте (в 1895-м соответственно 26,15 и 32,5 процента¹⁵. Большинство офицеров получили относительно слабое образование¹⁶. Денежное довольствие младших офицеров составляло 60

¹³ Bushnell J. The Tsarist Officer Corps, 1881–1914: Customs, Duties, Inefficiency // The American Historical Review. 1981. Vol. 86. № 4 (October). P. 766. См. также: Керсновский А.А. История русской армии. М., 1999. С. 411.

¹⁴ Bushnell J. Mutiny amid Repression. P. 12.

¹⁵ Данные по: Wildman A.K. The End of Russian Imperial Army. P. 23. По данным на 1903 год, 96 процентов генералов были потомственными дворянами, но лишь 10 процентов генералов владели унаследованной недвижимостью. Процент потомственных дворян был выше в кавалерии и на флоте, и особенно в гвардейских частях, офицерство которых представляло собой особую касту (Ibid. P. 5–10, 22). В ту же эпоху (1896) в армии Австро-Венгрии, дворянами были 72 процента генералов, 58 процентов кавалерийских и лишь 14 процентов пехотных офицеров (см.: Deák I. Beyond Nationalism. A social & Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918. N.Y. — Oxford, 1992. P. 162–163).

¹⁶ Kenez P. Russian Officer Corps Before the Revolution: The Military Mind // The Russian Review. 1972. Vol. 31. № 4 (July). P. 226. В 1907 году Главное управление Генерального штаба опубликовало циркуляр по поводу результатов вступительных экзаменов в Академию Генерального штаба. Анализ письменных работ поступающих обнаружил «очень слабую грамотность, грубые орфографические ошибки... Слабое общее развитие... Крайне слабое знание в области истории, географии...» (Цит. по: Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский, 1904–1983: Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 27).

(в гвардии 70) рублей в месяц, ротный получал около 100, батальонный — около 150 рублей в месяц. «Цифры эти сравнительно с тем, что получали офицеры в армиях других великих держав Европы, казались ничтожными, но, теоретически говоря, на это содержание жить было можно. Жизнь в России, главным образом — еда, — стоила гораздо дешевле»¹⁷. В то же время, по воспоминаниям современника, «стол большинства офицеров был немногим лучше солдатского: щи да каша, картошка и все в этом роде», а денежного довольствия командира дивизии не хватало на жизнь в Киеве и содержание сына в Петербурге¹⁸.

Социальная неоднородность русского офицерского корпуса сочеталась с относительной однородностью национальной¹⁹ и разнородностью профессиональной, различиями между родами войск и видами оружия. Обычно сами царские офицеры редко чувствовали свою общность, различия между ними (например, между гвардией, армейской пехотой, казачьими войсками) были разнообразны и глубоки²⁰. Привилегированным положением, а также шансами на быструю карьеру обладали в русской армии офицеры гвардии и, в еще большей степени, выпускники Академии Генерального штаба. В 1912-м гвардейцы, составляя 4 процента всего офицерского корпуса, занимали 64 процента должностей полных генералов и 54 процента должностей генерал-лейтенантов. Офицеры Генерального штаба, составляя всего 2 процента офицерского корпуса, занимали 62 процен-

¹⁷ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. I. Paris, 1969. С. 65. В то же время в некоторых гвардейских полках реальные действительные расходы офицеров превосходили их жалованье в 3–4 раза, то есть служить там могли лишь состоятельные люди (*Там же*).

¹⁸ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996, С. 358, 360.

¹⁹ В 1912 году 86 процентов офицеров были великороссами (включая украинцев и белорусов), среди генералитета были относительно заметны польское и особенно немецкое меньшинства. Каждый шестой полный генерал был немцем (см.: Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. С. 31).

²⁰ Bushnell J. The Tsarist Officer Corps. P. 762, см. также: Керсновский А.А. История русской армии. С. 482–483; Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. С. 26).

та должностей корпусных командиров²¹. Не окончившие академию офицеры имели слабые шансы на продвижение. В 1903 году 77 процента капитанов были старше 41 года, 32 процента — старше 46 лет²².

Две трети офицеров были холостяками, женитьба до 28-летнего возраста была запрещена военными правилами, и в любом случае выбор офицера должен был быть одобрен офицерским собранием полка²³. Холостые офицеры проводили обычно свободное время в офицерском собрании. Достаточно заурадным явлением, составной частью ежедневной рутины в офицерской среде было употребление алкоголя и просто пьянство²⁴. У современника-офицера вызвало искреннее удивление, когда в одном из полков, где он служил, офицеры вместо «обычной водки» пили молоко — «этот напиток для младенцев»²⁵. Нередки были также кражи и растраты офицерами казенных средств, хотя это, в отличие от пьянства, осуждалось корпоративной моралью²⁶.

Кастовое чувство чести и ее защита были главной чертой самосознания офицерского корпуса²⁷. Офицеры нередко избивали и даже убивали штатских, нанесших, по их мнению, оскорбление этой чести (например, не вставших при испол-

²¹ Bushnell J. The Tsarist Officer Corps. P. 771–772.

²² Ibid. P. 773.

²³ Ibid. P. 758.

²⁴ Ibid. P. 755–756.

²⁵ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. I. С. 209.

²⁶ Bushnell J. The Tsarist Officer Corps. P. 757. В кавалерийских частях, особенно в западных округах, фуражные подрядчики платили ежемесячное жалование командирам полков и даже бригад. Среди командиров, бравших эти регулярные взятки, были известные в будущем генералы Сухомлинов (со временем военный министр), Ренненкампф, Бобырь (*Редигер А. История моей жизни Т. 2. С. 144–145*).

²⁷ П.А. Зайончковский так расшифровывает понятие «офицерская честь»: «нерушимость честного слова, долга перед родиной, сохранение чести мундира, определенных рыцарских черт в отношении к женщине, неприязни к подхалимству и доносительству» (*Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. С. 28*). Особенно показательна неприязнь офицерства к жандармам, олицетворявшим иные общественные ценности (*Там же. С. 36, 60–61, 64–65*).

нении гимна в ресторанах и т.д.)²⁸. Для защиты от «нападений» гражданских военные командиры считали оправданной бестактность, грубость и даже прямо криминальное поведение своих подчиненных²⁹. Такое преувеличенно вызывающее поведение офицеров, дающее им чувство «фиктивного единства», может быть объяснено с помощью термина «негативный корпоративизм»: «в то время как обычно военная корпорация, будучи вне гражданского общества, держится по отношению к нему свысока... офицеры, зараженные негативным корпоративизмом, видят себя вне общества в том смысле, что они его жертвы или потенциальные жертвы»³⁰.

Конфликты между военными и гражданскими в императорской России могли возникать на основе как негативного корпоративизма, так и подлинного военного профессионализма. В первом случае его представляют драки офицеров с гражданскими лицами из-за антивоенных выпадов последних и защиты офицерской чести. Второй тип представляют конфликты военного руководства с гражданскими бюрократами и придворными кругами из-за обеспечения интересов и целей армии. И профессионализм, и негативный корпоративизм могли сосуществовать вместе и уживались в сознании русских офицеров³¹.

Офицеры в России начала XX века чувствовали себя социально изолированной группой. Интеллигентов они презирали, считая их зазнайками. Русская культура на рубеже веков совершенно не была пропитана духом воспевания воинских доблестей и захватов, и своих Киплингов она не породила³².

²⁸ *Bushnell J.* The Tsarist Officer Corps. P. 760.

²⁹ *Fuller W.C., Jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 29.

³⁰ *Ibid.* P. 28–29.

³¹ *Ibid.* P. 46.

³² *Kenez P.* Russian Officer Corps Before the Revolution. P. 230. Ср. в воспоминаниях современника-офицера: «Вы чаще могли слышать пренебрежительное, недоброжелательное отношение к армии. Либеральная интеллигенция презрительно отзывается о “военщине”, “солдатчине”, иронизирует над “шагистикой”, офицеры, по ее мнению, люди, способные только командовать: “раз, два!”, а солдаты... бесправные, забытые люди, в которых выбивается все живое “бессмысленной дисциплиной”» (*Корольков М.* Примасы жизни. Воспоминания военного юриста. Новый

Престиж военной службы в обществе был относительно низок, хотя армейская карьера открывала возможности социального продвижения для неродовитых офицеров без средств (можно указать на карьеры будущих вождей Белого движения — М.В. Алексеева, Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина)³³.

Политические воззрения русского офицерского корпуса были достаточно туманны. В целом можно назвать военных консервативной силой в русском обществе. В отличие от своих коллег в других модернизирующихся странах, русские офицеры, за немногими исключениями, не понимали, что слабость русской армии predetermined отсталостью общества и экономики России³⁴. Военные публицисты больше всего воевали с пацифизмом (в русских условиях — с учением Л.Н. Толстого) и социализмом³⁵.

Как таковое, офицерство не поддерживало ни одну политическую партию. Не было оно индокринировано монархической или какой-либо иной идеологией. Уверенность правительства в верности офицерского корпуса была чисто положительной. Само правительство старалось держать офицерство полностью вне политики (в военных училищах было запрещено чтение любых газет, офицеры были исключены из числа выборщиков в Государственную думу)³⁶. Последствием такого подхода была политическая наивность офицерства³⁷.

Сад, 1929. С. 66). Ср. также *Керсновский А.А.* История русской армии. С. 481.

³³ *Fuller W.C., Jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 14–15.

³⁴ *Kenez P.* Russian Officer Corps Before the Revolution. P. 234.

³⁵ *Ibid.* P. 231–232.

³⁶ *Редигер А.* История моей жизни. Т. 1. С. 442–443. Вопрос о привлечении офицеров к выборам в Думу обсуждался в Совете при Военном министерстве. Хотя некоторые генералы считали, что «офицеров желательнее привлечь к выборам, так как они — представители порядка и консервативных начал», Николай II согласился с большинством Совета, находившим «опасным втягивать офицеров в политическую борьбу ради получения их голосов, сравнительно малочисленных». В декабре 1905-го Совет Министров запретил военным входить в состав и принимать участие в любых политических союзах и партиях, не исключая монархических (*Там же.* С. 442, 528).

³⁷ *Kenez P.* Russian Officer Corps Before the Revolution. P. 233. А.И. Деникин отмечал в своем труде «Старая армия»: «Социальные вопросы почти

С другой стороны, офицеры не считали использование войск против демонстрантов и революционеров политическим актом, поскольку долг армии состоял в защите Отечества и от внешних, и от внутренних врагов³⁸.

Использование армии для подавления беспорядков и несения полицейских функций имело в России давнюю традицию и воспринималось бюрократией как норма³⁹. Принятые в 1877-м правила вызова войск гражданскими властями определяли, что, если на взгляд местной администрации силы полиции не справляются со своими обязанностями, войска могут привлекаться для выполнения разнообразных функций по охране и наведению порядка. Войска могли вызываться генерал-губернаторами, губернаторами, градоначальниками, полицмейстерами, исправниками (двумя последними категориями с санкции судебной власти). При этом гражданские чиновники не могли сами командовать солдатами, они передавали инструкции прибывшим с войсками офицерам⁴⁰. За период с 1896 по 1904 годы вызванными для подавления беспорядков армейскими частями было убито 196 человек, потери войск составили 22 человека⁴¹. В 1895-м армия ис-

не интересовали военную молодежь, проходя мимо ее сознания как нечто чуждое или просто неинтересное»; поступающие в Академию Генерального штаба офицеры не знали, «что такое власть исполнительная и что законодательная. Какая разница между двухпалатным и однопалатным парламентом...» (цит. по: *Зайончковский П.А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. С. 27). Отсутствие политического образования у вождей Белого движения ярко проявилось в ходе гражданской войны, см.: *Пайнс Р.* Россия при большевиках. М., 1995. С. 21, 62; *Керсновский А.А.* История русской армии. С. 462.

³⁸ *Kenez P.* Russian Officer Corps Before the Revolution. P. 234. Схожая политическая изолированность и неграмотность вместе с развитым кастовым чувством отмечалась у австро-венгерского офицерства, см.: *Deák I.* Beyond Nationalism. P. 6.

³⁹ Несущие полицейскую и караульную службу солдаты восполняли нехватку кадровой полиции на местах. Например, во Владивостоке до 1910 года не было городских, их функции исполняли солдаты гарнизона (*Керсновский А.А.* История русской армии. С. 412).

⁴⁰ См.: *Fuller W.C., Jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 79–80.

⁴¹ См.: *Ibid.* P. 88. Использование войск в целях подавления беспорядков практиковалось не только в России, см., например: *Deák I.* Beyond Nationalism. P. 68.

пользовалась для подавления забастовок в индустриальных центрах (Ярославле, Белостоке, Иваново-Вознесенске и др.), в 1903-м — для подавления всеобщей забастовки на Юге России⁴². В марте 1903-го при усмирении рабочих беспорядков в Златоусте погибло 45 человек, 83 было ранено⁴³.

Для выполнения полицейских функций особенно активно привлекались казачьи части, размещаемые в крупных городах и промышленных районах. Так, в 1896-м на службе находилось свыше 67 процентов казаков-мужчин, что вызывало серьезные жалобы их семей⁴⁴.

Руководство военного министерства было недовольно практикой широкого использования вооруженных сил для поддержания внутреннего порядка. По мнению военных, это отрывало армию от ее естественной задачи обеспечения внешней безопасности государства⁴⁵. В 1901 году Главный штаб предложил военным округам руководствоваться новыми правилами использования войск. Прежде расплывчатые, теперь возможные причины вызова войск были четко определены.

Войска должны были вызываться только при наличии серьезных беспорядков, а не в случае их вероятности. Они не должны были нести полицейских функций. Военные и только они определяли, какие войска, и в каком количестве будут посланы, когда будет применяться оружие и когда части возвратятся в казармы.

Министерство внутренних дел, со своей стороны, не собиралось уступать, потребовав создания специальной межведомственной комиссии для рассмотрения этого вопроса. Гражданская бюрократия в целом смотрела на войска как «доступный инструмент для подавления беспорядков» внутри страны⁴⁶, для нее «участие в репрессиях было одним из главных (если не главным) предназначением армии»⁴⁷. Рево-

⁴² *Wildman A.K.* The End of Russian Imperial Army. P. 31, 42.

⁴³ См.: *Fuller W.C., Jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 91.

⁴⁴ *Ibid.* P. 103.

⁴⁵ *Ibid.* P. 110.

⁴⁶ *Wildman A.K.* The End of Russian Imperial Army. P. 42.

⁴⁷ См.: *Fuller W.C., Jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 110.

люция 1905 года решила эту проблему однозначным подчинением военных гражданским властям⁴⁸.

Русские военные активно привлекались правительством на ответственные посты в гражданской администрации. В 1890 году 13 из 50 губернаторов европейской части России (то есть 26 процентов) имели военные чины. В то же время и здесь значение военной элиты падало: в 1863 году в Государственный Совет входило 20 гражданских и 35 военных чинов (включая членов царской фамилии), в 1895-м уже 47 гражданских чинов и лишь 19 генералов⁴⁹. Немало офицеров действительной службы, не покидая ее, были прикомандированы к различным министерствам (внутренних финансов, иностранных дел, двора) и фактически служили в гражданской администрации (в 1890-м таких офицеров было 669, в 1895-м — 674, а в 1901-м — 799). Военное министерство стремилось сосредоточить в одних руках военное и гражданское управление в приграничных районах, добиваясь назначения там командующего войсками округа генерал-губернатором⁵⁰.

Если в начале XX века русская армия была замкнутым на себя, оторванным от жизни страны организмом (чему способствовала аполитичность офицерского корпуса, молодость и психологическая изолированность солдат), то война с Японией и революция 1905 года сломали эту изоляцию и изменили жизнь вооруженных сил.

⁴⁸ *Ibid.* P. 100.

⁴⁹ *Ibid.* P. 39. По выражению В.А. Сухомлинова, «гвардейская кавалерия очутилась в роли академии по поставке... губернаторов, полицмейстеров и генерал-губернаторов» (цит. по: *Айранетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003. С. 45).

⁵⁰ *Fuller W.C., Jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 45. Военные считали, что командующий округом лучше будет заботиться о интересах армии, чем представлявший МВД генерал-губернатор. Так, конфликт между киевским, вольнским и подольским генерал-губернатором А.П. Игнатьевым и командующим военным округом М.И. Драгомировым закончился в 1897 году отстранением Игнатьева и назначением Драгомирова генерал-губернатором (*Ibid.* P. 45–46). Командующие округами подчинялись непосредственно императору и нередко чувствовали себя независимо даже от военного министерства, критически относясь к указаниям министра (см.: *Редигер А.* История моей жизни. Т. 1. С. 426–428).

Всеобщая мобилизация (даже весьма неполная), проведенная в 1904–1905 годах, резко изменила возрастной и социальный состав армии. В ее ряды влились взрослые семейные люди, нередко оппозиционно настроенные, а также офицеры запаса, зараженные университетским радикализмом. Во время русско-японской войны в армии проявились тенденции, вернувшиеся позднее с новой силой в Первую мировую — враждебность мобилизованных запасных (так называемых «бородачей») к молоденьким солдатам кадровой армии, их попытки увильнуть в тыл, нежелание воевать. Война и особенно неудачный ход военных действий сильно повлияли на армию. Явными стали падение дисциплины, недовольство условиями жизни, питанием и т.д., а также уровнем профессионализма собственного командования⁵¹.

Поражение в войне с Японией стало серьезной травмой для армии. В нем обвиняли Министерство финансов, не выделявшее средств на военные расходы, а также пораженческую, «антипатриотическую» позицию прессы. Некоторые военные авторы отмечали, однако, что неграмотный русский солдат, не понимавший целей войны, и «не мог составить воодушевленной, проникнутой боевым духом армии»⁵².

Во время революции 1905–1907 годов именно армия фактически спасла империю от крушения⁵³. По официальным данным, в 1905-м воинские части участвовали в подавлении беспорядков 3893 раза, в 311 случаях применялось оружие⁵⁴ (так, в Минске 18 октября 1905 года более 50 человек были убиты и около 100 ранены⁵⁵). В конце 1905-го генералы, облеченные широкими полномочиями, командуются распоряжаться наведением порядка в различных районах страны,

⁵¹ См.: *Wildman A.K.* The End of Russian Imperial Army. P. 42–46.

⁵² *Fuller W.C., Jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 158.

⁵³ *Ibid.* P. 129; *Wildman A.K.* The End of Russian Imperial Army. P. 43, *Керсновский А.А.* История русской армии. С. 461.

⁵⁴ *Fuller W.C., Jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 130.

⁵⁵ *Bushnell J.* Mutiny amid Repression. P. 80. По свидетельству тогдашнего военного министра, за первые десять месяцев 1906-го войска призывались гражданскими властями 2330 раз, в 158 случаях им приходилось применять оружие (*Редигер А.* История моей жизни. Т. 2. С. 82).

охваченных волнениями. Именно воинские части подавили зимой 1905–1906 годов вооруженные выступления в Москве и восстановили контроль властей над Транссибирской магистралью⁵⁶. Революционное движение не миновало и рядов самой армии. Кроме знаменитых восстаний на флоте, в качестве примера можно привести также массовые выступления демобилизуемых солдат, в Чите образовался Совет солдатских и казачьих депутатов (разгромленный карательными экспедициями Ренненкампа и Меллер-Закомельского)⁵⁷.

Вряд ли военное руководство было в восторге от повсеместного выполнения армией полицейских функций (вплоть до охраны полицейских участков)⁵⁸. В 1908 году военный министр А.Ф. Редигер на заседании, посвященном возможному военному конфликту с Турцией, заявил, что армия воевать не сможет, поскольку у нее нет запасов и она не обучена, заявив министру внутренних дел П.А. Столыпину: «Армия не учится, она служит Вам»⁵⁹.

Но выбора у гражданских властей не было. Полагаться в момент внутреннего кризиса на молодых, хорошо вооружен-

⁵⁶ Fuller W.C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 137–138.

⁵⁷ См. об этом: Wildman A.K. The End of Russian Imperial Army. P. 49–64. В октябре–декабре 1905 года в Чите существовал Союз военно-служащих Читинской области, объединявший почти всех офицеров гарнизона и стоявший на радикальных позициях, такого же рода петербургский Офицерский союз объединял до 100 офицеров (Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. С. 58–60).

⁵⁸ На просьбу военного министра усилить полицию и не привлекать войска для выполнения ее функций, гражданские власти отвечали, что «на это нужно столько времени и средств, что об этом и думать не стоит!» (Редигер А. История моей жизни. Т. 1. С. 475). От войск требовали «караулы не только для охраны банков, казначейств и тюрем, но и почтово-телеграфных отделений и даже винных лавок!» (Там же. Т. 2. С. 81) По выражению одного из генералов, столь частое обращение за помощью к войскам объясняется «недостатком храбрости гражданских» (Fuller W.C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 164).

⁵⁹ Из дневника А.А. Поливанова, цит. по: Зайончковский П.А. Высшее военное управление. Император и царствующий дом // П.А. Зайончковский, 1904–1983: Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 79; см. также: Wildman A.K. The End of Russian Imperial Army. P. 64.

ных и смелых солдат (обходившихся к тому же очень дешево, поскольку солдат получал лишь 6–12 рублей в год) было для государства и логично, и более эффективно, чем использовать обычные полицейские силы⁶⁰.

Период 1907–1914 годов стал временем активных реформ, внутренней перестройки и обновления русской армии⁶¹. Для укрепления ее боеготовности и мощи нужны были серьезные ассигнования. Министерство финансов отнюдь не спешило откликнуться на просьбы военных о дополнительных средствах. Руководство армии вынужденно было пойти на контакт с Думой с целью получить поддержку своим нуждам⁶².

Проигранная война с Японией сделала очевидной также необходимость обновления и чистки высшего командного состава русской армии. Император Николай II благоволил, однако, к престарелым генералам, служившим еще при его отце, и лично вмешивался при попытке отправить их в отставку. Высшие командные посты перед Первой мировой войной зачастую занимали генералы сомнительных военных талантов, отличившиеся энергичным подавлением революции (Н.И. Иванов, П.К. Ренненкампа и др.)⁶³. Даже после первой русской революции и конституционных реформ Николай II считал армию своей вотчиной, а русских офицеров — своими личными вассалами. Вмешательство императорской семьи и двора в жизнь армии было глубоким и разносторонним⁶⁴.

К августу 1914-го русская армия была реально, более чем когда-либо прежде, занята исполнением своего професси-

⁶⁰ Fuller W.C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 167.

⁶¹ Wildman A.K. The End of Russian Imperial Army. P. 65–69; Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 51–59.

⁶² Wildman A.K. The End of Russian Imperial Army. P. 69–70. См. также: Fuller W.C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 202–203, 223, 226–230.

⁶³ Wildman A.K. The End of Russian Imperial Army. P. 70–71.

⁶⁴ Fuller W.C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 230–237. Страшным грехом в глазах царя было поддержание контактов и сотрудничество с Думой. Такие «преступления» послужили, видимо, причиной отставки военного министра А.Ф. Редигера в 1909 году (см.: Fuller W.C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 230–237; Редигер А. История моей жизни. Т. 2. С. 277–280).

онального долга — защиты страны от внешних врагов. Армия чувствовала себя «вне политики», она освободилась от контроля министерств внутренних дел и юстиции, финансирование армии улучшилось благодаря сочувственной позиции 3-й и 4-й Дум, профессионализм офицеров вырос. Для успешной подготовки к войне царской армии не хватило одного: времени⁶⁵.

*Русская армия и евреи
перед Первой мировой войной*

Взаимоотношения русской армии и евреев перед 1914 годом имели два важнейших аспекта: а) евреи в рядах армии; б) армия и еврейское население черты оседлости⁶⁶. Остановимся сперва на службе евреев в армии и отношении к ним со стороны товарищей-солдат, командиров и высшего военного руководства.

В отличие от ряда других народов Российской империи, относящихся к категории «инородцев», евреев в армию призывали⁶⁷. При этом процент евреев-солдат превышал долю евреев в населении страны. В 1897 году в русской армии служило 53 тысячи евреев при численности вооруженных сил 1075 тысяч человек, то есть еврейми было около 5 процентов солдат (доля евреев в населении составляла 4 процента)⁶⁸.

⁶⁵ Fuller W.C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 257–258. Другой точки зрения придерживался К.Ф. Шаццлло, считавший, что самодержавие приняло ошибочный план подготовки к войне, предусматривавший огромные вложения в строительство флота (*Шаццлло К.Ф.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне: Генералы и политика. М., 2000, С. 344–346).

⁶⁶ Чертой еврейской оседлости принято наименовать территорию Российской империи (15 западных губерний и 10 губерний Царства Польского), на которых еврейское население могло проживать без особого разрешения и (почти) без ограничений, см.: www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Pale_of_Settlement

⁶⁷ Подробное описание обстоятельств введения воинской повинности для евреев см.: *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии, 1827–1914. М., 2003. С. 31–34, 37–43. При этом евреев не призывали на флот (Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 278).

⁶⁸ *Усов М.А.* Предание и факты (к еврейскому вопросу). СПб., 1908. С. 54. По данным Г.Б. Слиозберга, в мирное время в армии служило не менее

Объясняется это тем, что благодаря многосемейности еврейских семей среди евреев были редкостью льготы по семейному положению (когда призывался единственный сын), причем имевшие льготу первого разряда евреи не исключались, в отличие от христиан, из жеребьевки⁶⁹. В то же время ежегодно правительственная статистика сообщала о значительном недоборе евреев по сравнению со списками подлежащих призыву⁷⁰. В этой связи много говорилось о стремлении евреев уклониться от службы в армии. Причины такого недобора, по мнению еврейских публицистов, крылись в низком качестве статистики по черте оседлости (в призывных списках числилось множество людей, давно умерших, а

100 тысяч евреев, что составляло более 5 процентов всех солдат (*Слиозберг Г.Б.* Дореволюционный строй России. Paris, 1933. С. 273). Если принять цифру в 100 тысяч евреев в армии при численности армии (1912) в 1330 тысяч человек (Россия 1913 год. С. 285–286), мы получаем долю евреев — 7 процентов. Военные инстанции объясняли относительно высокую долю евреев в армии тем, что число мужчин призывного возраста в еврейском населении России было выше, чем в целом по стране (1,84 против 1,66 процента) и если бы евреи не уклонялись от призыва, их доля в армии превысила бы 5 процентов (ЦАИЕН. НМ2/8279.6; оригинал: РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 37). См. также статью «Воинская повинность в России» (*Еврейская энциклопедия*. Т. 5. СПб., [1910]. С. 703–710); *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. С. 195–196. Ср. с противоположной ситуацией в Австро-Венгрии, где доля евреев среди солдат составляла примерно 3 процента (1911), а среди населения империи — около 4,5 процента (*Deák I.* Beyond Nationalism. P. 174).

⁶⁹ *Слиозберг Г.Б.* Дореволюционный строй России. С. 274; *Усов М.А.* Предание и факты. С. 55.

⁷⁰ По данным Главного штаба, в 1885 году уклонилось от призыва в армию 38,8 процента, в 1886-м — всего 13,4, в 1890-м — 8,6 процента. Главный штаб объяснял это снижение введением в 1886 году штрафа (300 рублей), налагаемого на семью не явившегося к призыву новобранца. Затем процент уклонившихся от призыва евреев вновь начал быстро расти (в 1909-м — 27,9 процента): по оценке Главного штаба, евреи научились обходить этот штраф. В 1898–1905 годах на евреев было наложено 38254,5 тысячи рублей штрафов, из них выплачено лишь 1077 тысяч (ЦАИЕН. НМ2/8279.6; оригинал: РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 37). Ср. с противоречивыми данными МВД, на которые ссылается А. Антонович: по его подсчетам, в 1904–1908 годах уклонилось от службы от 37 до 40 (!) процентов всех еврейских призывников, при этом ежегодное количество евреев-новобранцев осталось неизменным (17–18 тысяч в год), см.: *Антонович Ан.* Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. 1909. № 11. С. 248, 252–253.

также эмигрировавших из России)⁷¹. По свидетельству современника, чтобы избежать призыва в армию, евреи иногда калечили себя, прибегая к помощи подпольных «докторов»: отрезали себе пальцы на ногах, прокалывали барабанные перепонки и т.д.⁷²

В русской армии евреи не допускались к производству в офицеры. Евреи — нижние чины (как их называл официальный документ — «исповедующие Еврейский Закон талмудисты») не допускались вовсе к поступлению в военные и юнкерские училища, а евреи-вольноопределяющиеся (их доля в частях не должна была превышать 3 процентов) не допускались к держанию офицерского экзамена⁷³. Ограничения эти

⁷¹ Усов М.А. Предание и факты. С. 54–55. Такое объяснение не убеждало антисемитов. По их мнению, недостатки еврейской метрикации зависели от самих евреев, умышленно ее запутывавших или неспособных навести в ней порядок. Эмиграция же еврейских юношей призывного возраста не была ничем иным, как уклонением от воинской повинности (*Далинский*. Евреи в армии (отклик на книгу М.А. Усова «Евреи в армии»). СПб., 1911. С. 22, 27). См. также: *Могильнер М.* Homo Imperii: История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX века). М., 2008. С. 428–429.

⁷² *Деникин А.И.* Путь русского офицера. N.Y., 1953. С. 284. А.И. Деникин был несколько лет членом губернского воинского присутствия. Описывая евреев, прибегавших к услугам таких «докторов», он добавляет: «И если виновна власть в том, что создала ряд ограничений для евреев, то малая вина лежит на интеллигентной и богатой еврейской верхушке, которая, горячо и страстно ратуя за равноправие, не принимала, однако, мер для поднятия... культуры и зажиточности своих местечковых соплеменников» (*Там же*. С. 285). Ср. описание начала Первой мировой в романе И. Башевис-Зингера: «Польша кишела злоумышленниками с проколотыми барабанными перепонками, вырванными зубами и ампутированными пальцами. Зачем служить царю?... Отец... пытался уговорить моего брата нанести себе какое-нибудь легкое увечье...» (*Башевис-Зингер И.* В суде моего отца; Люблинский шукарь. СПб., 1997. С. 202–203).

⁷³ Высочайше утвержденное 21 мая 1888 года расписание допустимого числа иноверцев в офицерском составе» (ЦАИЕН. НМ2/7912.3; оригинал: РГВИА. Ф. 1859. Оп. 2. Д. 281). Число врачей-евреев ограничивалось 2 процентами, число офицеров-католиков уроженцев Царства Польского и западных губерний, а также караимов и мусульман — не могло превышать 20 процентов от общей численности офицеров в каждой части. См. также: *Слюозберг Г.Б.* Дореволюционный строй России. С. 273; *Раскин Д.* Евреи в составе российского офицерского корпуса в XIX — начале XX века // *Евреи в России; история и культура: сборник научных трудов.* СПб., 1998. С. 170–174. Общий для нижних чинов порядок

носили поначалу религиозный характер. Евреи, принявшие православие, допускались в конце XIX — начале XX веков к поступлению в военные училища⁷⁴.

Положение изменилось в царствование Николая II, когда определение «еврейства» превратилось из религиозного в расовое понятие. По Высочайшему повелению от 11 мая 1910 года евреи — нижние чины, «какого бы вероисповедания они не были», более к офицерскому экзамену не допускались⁷⁵. При представлении нижних чинов к званию прапорщика запаса командиры обязаны были «досконально выяснять национальность этих нижних чинов», не допуская к представлению не только евреев, принявших христианство, но и сыновей, и даже внуков (по мужской и женской линии), «родившихся в иудейской вере»⁷⁶. Еще в 1903 году Военный Совет при военном министре принял резолюцию, согласно которой «молодые люди иудейского вероисповедания, принявшие христианство, являются крайне нежелательным элементом в

выслуги не распространялся на евреев уже с 1828 года, когда для них была введена воинская повинность. К концу XIX века в списках русской армии числилось три еврея — офицера запаса, двое из них бароны Александр и Альфред Гинцбурги, произведенные в корнеты из юнкеров соответственно в 1874 и в 1886 году (*Раскин Д.* Евреи в составе российского офицерского корпуса. С. 170–172).

⁷⁴ Так, согласно распоряжению военного министра от 20 декабря 1891 года вольноопределяющиеся-евреи, принявшие православие до поступления на службу, допускались к офицерскому экзамену при условии сдачи ими экзамена по Закону Божию (ЦАИЕН. НМ2/7912.3; оригинал: РГВИА. Ф. 1859. Оп. 2. Д. 287). Ср. в воспоминаниях А.И. Деникина: «Совершенно закрыт был доступ к офицерскому званию лицам иудейского вероисповедания. Но в офицерском корпусе состояли офицеры и генералы, принявшие христианство до службы и прошедшие затем военные школы» (*Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 283). Одним из таких генералов был М.В. Грулев, оставивший интересные мемуары.

⁷⁵ ЦАИЕН. НМ2/7912.3 (оригинал: РГВИА. Ф. 1859. Оп. 2. Д. 287). 10 сентября 1910 года военный министр запретил принимать вольноопределяющихся-евреев на службу в гарнизоны крепостей, а 12 мая 1912 года Главный штаб распорядился распространить все ограничения, налагаемые «Расписанием допустимого числа иноверцев в офицерском составе» на «евреев-талмудистов», на всех евреев, независимо от их вероисповедания (*Там же*).

⁷⁶ Приказ командующего войсками Варшавского военного округа от 13 января 1914 года (*Там же*).

нашей армии...». Тогда же вопрос о запрете приема крещеных евреев в военные училища должен был рассматриваться Государственным Советом, но был снят по указанию военного министра «до благоприятного момента»⁷⁷.

Постепенная замена в России рубежа XIX–XX веков религиозного определения «еврея» на расовое и соответствующее расширение дискриминации евреев изучены недостаточно, хотя чрезвычайно важны для понимания эволюции идеологии позднего царизма⁷⁸.

Отношение к евреям, проходившим срочную службу в рядах русской армии, со стороны их командиров и товарищей-солдат освещается в воспоминаниях современников по-разному. По словам М.В. Грулева:

При самом поступлении на службу он <еврей — С.Г.> встречал уже атмосферу обычной, преследующей его всюду вражды и ненависти... главным образом со стороны начальствующих офицеров. При первой же беседе с новобранцами ротный командир не преминет прибавить при обращении к новобранцу еврею что-нибудь ироническое, дышащее глумлением и недоверием... Солдаты старались, конечно, подражать начальству⁷⁹.

А.И. Деникин отмечает, говоря об отношении к евреям-новобранцам:

В некоторых частях была тенденция к угнетению евреев, но отнюдь не вытекавшая из военной системы, а приносимая в казарму извне, из народного быта... Главная масса евреев, — горожане, жившие в большинстве бедно, — и потому давала но-

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ См.: Rogger H. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Oxford, 1986. P. 33–39. Х. Роггер приводит примеры подобного «расового» подхода уже в 1860-х — 1880-х, когда крестившихся евреев не допускали нести жандармскую службу в приграничных областях или быть цензорами изданий на еврейских языках. На выборах в 4-ю Думу (1912) расовый подход получил подтверждение в инструкциях МВД, предписывавших записывать крещеных евреев в курии еврейских выборщиков (*Ibid.* P. 35, 36).

⁷⁹ Грулев М. Записки генерала-еврея. Orange, 1987. С. 240.

вобранцев хилых, менее развитых физически... и это уже сразу ставило их в некоторое второразрядное положение в казарменном общежитии. Ограничение начального образования евреев «хедером», незнание часто русского языка и общая темнота еще более осложняло их положение... некоторые распространенные черты еврейского характера, как истеричность и любовь к спекуляциям, тоже играли известную роль⁸⁰.

Протест же евреев-солдат против преследований проявлялся в форме «затаенного пассивного бойкота требованиям службы»⁸¹. В то же время «солдаты-евреи, сметливые и добросовестные, создавали себе всюду нормальное положение...»⁸².

Русский офицерский корпус в целом не выработал единого отношения к евреям, поскольку сам был неоднороден по своему составу. «Кастовое офицерство», числящее среди своих традиций «антисемитизм», составляло небольшую группу офицерского корпуса, преобладали же в нем демократические элементы⁸³: «мы находим в офицерской среде полную гамму возможных отношений к евреям, от крайнего юдофобства до юдофильства»⁸⁴.

Вполне лояльное отношение к евреям-солдатам и к еврейской религии проявил, например, командир 59-го Люблинского полка (расквартированного в Одессе) полковник Макеев. В июне 1889-го он разрешил евреям — солдатам своего

⁸⁰ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 283–284. Ср. воспоминания военного юриста, считавшего «наветы на дурное и жестокое отношение русского солдата к евреям» неосновательными: «Правда, солдат посмеется над “жидочком”, если он уж очень любит деньги и очень уже всегда трусит, — но, в общем, отношение к ним вполне благожелательное...» (Корольков М. Grimасы жизни. С. 58). Анонимный автор сборника «Война и евреи» придерживается схожей точки зрения: «По чести и совести должно сказать, что солдатская масса не только не повинна в каком-либо глумлении над евреями, но... не проявляет никакого стремления к отчуждению от себя “евреев” как таковых...» (Война и евреи. СПб., 1912. С. 54).

⁸¹ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 283–284.

⁸² Там же. С. 285.

⁸³ Война и евреи. С. 55.

⁸⁴ Там же. С. 56.

полка «занести в синагогу» купленную ими на свои деньги «еврейскую богослужебную книгу под названием Тора», отправив их в синагогу строем⁸⁵. При этом сам Макеев также прибыл в синагогу с офицерами полка и обносил книги Торы «вокруг аналая»⁸⁶. Подобные случаи были зафиксированы в эту эпоху еще по крайней мере в шести полках, и все допустившие это командиры были наказаны⁸⁷.

В то же время офицеров-антисемитов оскорбляла сама мысль о денщике-еврее: «Ни один офицер русской армии не возьмет к себе в денщики еврея... в силу его крайней нечистоплотности и неряшества, опасаясь надувательства, сплетничания и даже шпионства»⁸⁸. Негативное отношение к евреям как к ненадежному элементу населения формировали учебники военной статистики и географии⁸⁹.

Если отношение солдат и офицерского корпуса к евреям было неоднозначным, то среди высшего военного руководства России антисемитизм был не просто распространен; неприязнь к евреям являлась признаком официально одобряемого направления мыслей военачальника. В этом убеждают результаты обсуждения высшим армейским командованием проекта об отмене призыва евреев в армию.

⁸⁵ ЦАИЕН. НМ2/8279.5 (оригинал: РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 1092). В этом полку было 327 солдат-евреев.

⁸⁶ Там же. Несмотря на отличные характеристики своего начальства и рекомендацию командующего округом ограничить наказание за проявленную Макеевым «бестактность» выговором, высочайшим повелением от 16 июля 1888 года Макеев был уволен в отставку (Там же). О деле Макеева см. также: Быть евреем в России... Материалы по истории русского еврейства, 1880–1890-е годы, Иерусалим, 1999. С. 21–23.

⁸⁷ Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. С. 63–65, 325–330. «...Военное министерство считало филосемитские настроения среди офицеров противоречащими духу и букве армейских порядков» (Там же. С. 331).

⁸⁸ Далинский. Евреи в армии. С. 12. Ср. с циркуляром генерал-лейтенанта Прясллова, запрещающим назначать солдат-евреев денщиками, вестовыми и посыльными (Война и евреи. С. 57).

⁸⁹ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 88–89.

Проекты отмены призыва евреев в русскую армию

Впервые мысль о замене воинской повинности для евреев особым денежным налогом была высказана в 1903 году при обсуждении военным министром и министром финансов военного бюджета на 1904 год⁹⁰. Опрошенные в 1904-м командующие округами единодушно (за исключением командующего Сибирским военным округом генерала Сухотина) высказались против такой замены как несправедливой по отношению к другим народам империи (прежде всего к русскому). По мнению генералов, введение для евреев дополнительного денежного налога приведет к «еще большей эксплуатации» ими нееврейского населения и, в конечном итоге, вызовет рост антисемитизма⁹¹.

Предложение о замене для евреев воинской повинности налогом вновь всплыло в 1907 году, на этот раз инициатива фактически исходила от царя. Николай II наложил одобренные резолюции на ежегодных отчетах командующего Виленским военным округом и херсонского губернатора за 1907 год, требовавших прекратить призыв евреев в армию⁹². Вопрос был направлен на рассмотрение Совета государственной обороны — высшего органа, отвечавшего за выработку оборонной политики и возглавлявшегося великим князем Николаем Николаевичем (будущим Верховным Главнокомандующим).

⁹⁰ Goldin S. The «Jewish Question» in the Tsarist Army in the Early Twentieth Century // The Revolution of 1905 and Russia's Jews / Eds.: Stefani Hoffman and Ezra Mendelsohn. Philadelphia (Pa), 2008. P. 271–274. См. также: ЦАИЕН. НМ2/8279.6 (оригинал: РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 37). Возможно, к такому плану обоих министров привела нехватка средств на военные расходы. Во всяком случае, именно в 1903-м в военном министерстве рассматривался вопрос о недопущении в военные училища даже крещеных евреев.

⁹¹ Там же.

⁹² Командующий Виленским военным округом, в частности, докладывал царю: «Исконным злом нашей армии являются евреи, вредные качества коих ныне в полном расцвете... войсковые начальники... высказываются за совершенное прекращение приема евреев в армию». Резолюция Николая II гласила: «И я тоже» (Там же).

Совет государственной обороны определил в своем решении, что «...пребывание евреев в армии... чрезвычайное зло, крайне вредное для интересов армии...»⁹³. Вместе с тем он не посчитал возможным заменить для евреев воинскую повинность денежным налогом, поскольку эта мера несправедлива по отношению к другим населяющим империю народам и «безнравственна, так как устанавливает право богатого на откуп» от службы. Указывалось вновь, что евреи платили бы новый налог за счет христиан, поднимая цены на продаваемые товары⁹⁴. Следует отметить, что такое решение Совета государственной обороны нисколько не переубедило царя в необходимости убрать евреев из армии. На отчет командующего Омским военным округом за 1909 год, где сообщалось: «Недопущение евреев в ряды войск так же важно для интересов армии, как и для интересов государства», Николай наложил резолюцию: «И я того же мнения»⁹⁵. Идеи отмены призыва для евреев высказывали представители военной элиты и военные публицисты. В частности бывший военный министр А.Н. Куропаткин призывал перестать без успеха стараться «обратить евреев в хороших солдат» и считал «вполне необходимым избавить армию от евреев»⁹⁶. К этому же призывал публицист журнала «Военный сборник»: «...пора нам вполне реально осуществить ту мысль, которая сидит гвоздем в голове у каждого, любящего великую Россию и ее армию — пора избавить армию от евреев»⁹⁷.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. Резолюции монарха существенны, поскольку по ним бюрократия определяла направление практической политики. К 1910 году относился запрет принимать в военные училища и производить в офицеры крестившихся евреев.

⁹⁵ Там же. Резолюции монарха существенны, поскольку по ним бюрократия определяла направление практической политики. К 1910 году относился запрет принимать в военные училища и производить в офицеры крестившихся евреев.

⁹⁶ Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Т. 3: Задачи России и русской армии в 20 столетии. СПб., 1910. С. 388.

⁹⁷ Трифон. По поводу книги «Евреи в армии» // Военный сборник. 1911. № 12. С. 84.

В третий раз предложение об отмене призыва евреев в армию было поднято по инициативе Государственной думы. В марте 1911-го Дума потребовала «выяснения причин повторяющихся из года в год крупных недоборов» новобранцев из «иудеев, поляков, литовцев, магометан, а также соотношения количества призываемых иудеев их общему количеству в России». Комиссия Думы по государственной обороне, «... признавая лиц иудейского вероисповедания элементом для армии вредным», выразила весной 1911-го пожелание «о... внесении законопроекта по вопросу об отбывании воинской повинности лицами иудейского вероисповедания»⁹⁸.

Получив столь значимую поддержку со стороны Думы и зная о горячем одобрении этого шага царем, военная бюрократия принялась за разработку проекта. В 1911–1912 годах мобилизационное управление военного министерства предложило 50 высшим военачальникам (командующим военными округами и армейскими корпусами) высказаться по вопросу о качествах солдат-евреев и желательности вообще отменить призыв евреев в армию.

Все без исключения опрошенные признали евреев мало пригодными либо вообще непригодными к службе в армии, подавляющее большинство из них высказалось за отмену всеобщей воинской повинности для евреев. Генералы отмечали физическую слабость и повышенную болезненность евреев, их неприспособленность к физическому труду и к тяготам военной службы. Из-за такой слабости приходится освобождать евреев от тяжелых работ, участия в маневрах и т.д. При этом евреи и сами стремятся устроиться на нестроевые должности, вынуждены отправлять их туда и командиры⁹⁹. Среди нравственных качеств солдат-евреев военачаль-

⁹⁸ Там же. В 1914 году Дума вновь высказалась (на закрытом заседании 24 апреля) за скорейшее рассмотрение законопроекта об изменении отбывания воинской повинности евреями (Там же). См. также: Sunborn J.A. Drafting the Russian Nation. P. 118–119; Petrovsky-Shtern Y. The «Jewish Policy» of the Late Imperial War Ministry: The Impact of the Russian Right // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. № 3(2). Spring. P. 248–252.

⁹⁹ ЦАИЕН. НМ2/8279.6 (оригинал: РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 37). Возможно, опрос высших военачальников был связан с подготовкой нового

ники упоминали трусость, лживость, нестойкость в бою, склонность к выгораживанию друг друга, симуляции болезней, кражам и мошенничеству. Отмечалось, что умственные способности евреев выше, чем у средней массы солдат, но евреи используют свои способности главным образом для того, чтобы уклониться от тяжестей службы. Относительно невысокий процент осужденных преступников среди солдат-евреев объяснялся лишь их осторожностью и изворотливостью¹⁰⁰.

Говоря о желательности отменить призыв евреев в армию, некоторые военачальники требовали также ограничить их гражданские права или вообще лишить русского подданства¹⁰¹. Иные из них подводили идеологическую основу под свое нежелание видеть в русской армии евреев. Генерал П.А. Пле-

военного Устава в 1912 году (*Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. С. 343). Докладная записка начальника Генерального штаба Я.Г. Жилинского военному министру В.А. Сухомлинову, излагающая результаты опроса, опубликована (*Литвин А.* Генералы и евреи (Докладная записка начальника Генерального штаба Я.Г. Жилинского) // Вестник Еврейского университета в Москве. 2000. № 4(22). С. 273–290). Мобилизационное управление Военного министерства составило полную сводку всех ответов. Во время маневров 1910 года в Московском военном округе до 50 процентов отставших были евреями. В Одесском военном округе евреев было 9 процентов уволенных в 1910-м по болезни солдат (среди солдат округа евреев было 5,3 процента); в Киевском военном округе этот показатель составил в 1908-м соответственно 9,4 и 5 процентов (ЦАИЕН. НМ2/ 8279.6; оригинал: РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 37).

¹⁰⁰ Там же. По словам командующего Одесским военным округом, «честностью еврей, в общем, не может обладать».

¹⁰¹ В частности, Брусиллов (в то время командир 14 армейского корпуса) требовал «...совершенно изъять евреев из рядов армии, ...ограничив их гражданские права». Исключить евреев из русского подданства требовали командующий Виленским военным округом Мартсон и наказной атаман казачьего войска Донского Мищенко («тогда вопрос об их гражданских обязанностях и воинской повинности решиться сам собой»). Генерал Сахаров (командир 7-го армейского корпуса) считал такой шаг «истинным благом для России», а генерал Литвинов (командир 5-го армейского корпуса) требовал или изгнания евреев из России, или «хотя бы лишения всех прав состояния». Литвинов, а также генерал Плеве (командующий Московским военным округом) говорили и о необходимости лишить евреев возможности быть поставщиками товаров для армии.

ве (командующий войсками Московского военного округа, во время войны — командующий рядом армий и Северным фронтом) считал, что «евреи — враги России, желающие ее разрушения». Генерал Эверт (командир 13 армейского корпуса, во время войны — командующий 4-й Армией и Западным фронтом) отмечал: «Всегда и везде... евреи были чужды и даже враждебны интересам того государства, в котором они жили... В нации без патриотизма, без преданности Государю и Отечеству хороших солдат быть не может». Генерал Смирнов (командир 20 армейского корпуса, во время войны — командующий 2-й Армией) думал, что «еврей — космополит по своим убеждениям, идея национальной защиты ему чужда». Особенно пространный ответ дал командующий войсками Киевского военного округа Н.И. Иванов (во время войны — главнокомандующий Юго-Западным фронтом):

В интересах государства иметь могучую армию... что возможно лишь при удалении из нее всего вредного элемента. Таким элементом прежде всего является еврейство, вносящее развращающее и разлагающее начало в наши войска... Евреи не признают армию, отрицают те высокие идеалы, которым она служит...¹⁰²

Необходимо отметить, что были и военачальники, выступавшие против отмены призыва евреев в армию. Наиболее лаконично выразился генерал Алексеев (командир 3 Кавказского армейского корпуса): «Всем народам следует отбывать натуральную воинскую повинность, ни в коем случае не заменяя ее денежной...»¹⁰³. Великий князь Николай Николаевич (командующий войсками Петербургского военного округа и Гвардейского корпуса) и граф Воронцов-Дашков (командующий войсками Кавказского военного округа) отмечали, что

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. А. Литвин считает, что это мнение М.В. Алексея (*Литвин А.* Генералы и евреи). По сведениям биографических справочников, М.В. Алексеев был в момент опроса начальником штаба Киевского военного округа (см.: *Залесский К.А.* Первая мировая война: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 62–63; *Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 16–17).

отмена призыва евреев в армию будет несправедливой льготой для них¹⁰⁴.

Два военачальника, генералы Экк (командующий Гренадерским корпусом) и Радкевич (командующий 3 Сибирским корпусом), считали даже, что из евреев могут получиться неплохие солдаты. Экк отмечал, что вред, приносимый евреями в армии «преувеличен, при строгости и надлежащем надзоре... они способны нести службу. Хороших солдат-евреев следует поощрять», в то же время доступ в офицерский корпус должен быть исключен и для крещеных евреев¹⁰⁵. Радкевич (производивший во время войны массовые выселения евреев) полагал, что

солдаты-евреи вредны там, где нет твердого порядка и работы с войсками... Выступления евреев в 1904–1907 годах, особенно под руководством Бунда, отодвигают на задний план вопрос об их «евреев» врожденной трусости и не воинственности... Исходя из того, что истребить всех евреев невозможно и что русский народ не избавится от необходимости жить с ними совместно, следует быть по отношению к ним начеку...

Службу евреев в русской армии Радкевич считал к тому же эффективным средством для их успешной ассимиляции¹⁰⁶.

Военное министерство проделало огромную работу, готовя проект о службе евреев в армии. Кроме опроса военачальников были составлены исторические справки и статистические обзоры службы евреев, велась обширная переписка с

¹⁰⁴ ЦАИЕН. НМ2/8279.6 (оригинал: РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 37). Николай Николаевич считал, что «евреи — неизбежное зло в армии». Воронцов-Дашков, в свою очередь, опасался перехода «слабых элементов» других народов в иудаизм (*Там же*).

¹⁰⁵ *Там же*.

¹⁰⁶ *Там же*. Е.А. Радкевич также сообщал, что в членовредительстве солдаты-сибиряки в его корпусе далеко превосходят евреев, а подрывное влияние евреев в войсках — ничтожно по сравнению с собственно русскими революционными партиями (*Там же*). Ср. с мнением военного географа и этнографа А.Ф. Риттиха: «Войско для еврейства в России — великая школа, которая в будущем сможет преобразить этих паразитов народа...» (цит. по: Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо». Запад и военная элита России (1900–1914). М., 2001. С. 193).

МВД, у русских военных агентов за границей были запрошены справки о службе евреев в зарубежных армиях¹⁰⁷. Результатом всего этого труда явилось письмо военного министра В.А. Сухомлинова председателю Совета Министров от 26 апреля 1914 года, где он «с полной определенностью высказывается за прекращение доступа евреев в армию»¹⁰⁸. Фактически же Совет Министров уже с начала 1914-го «доверительным образом» обсуждал этот вопрос, создав 18 марта особое межведомственное совещание под председательством помощника военного министра А.П. Вернандера¹⁰⁹.

Первая мировая война прервала начатую работу, и отмена призыва евреев в армию не состоялась.

¹⁰⁷ Судя по представленным русскими военными агентами справкам, наиболее либеральными по отношению к евреям были итальянская и французская армии, наиболее антисемитски настроенной — румынская. Русский военный агент в Румынии с сочувствием описывает отношение румынской армии к евреям как к вредному «в практическом и политическом смысле элементу» (ЦАИЕН. НМ2/8279.6; оригинал: РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 37). В армии Австро-Венгрии евреи в 1911-м составляли лишь 0,6 процента кадровых, но 17 процентов офицеров резерва (см.: *Deák I. Beyond Nationalism*. Р. 175). Офицеры-евреи, в частности, отстаивали свою честь на дуэлях, не прощая антисемитских выходов (*Ibid.* Р. 133). О службе евреев в австрийской (австро-венгерской) армии см. также: *Schmidl E.A. Żołnierze żydowscy w Austrii // Ze sobą, obok siebie, przeciwko sobie. Polacy, Żydzi, Austriacy, Niemcy w XIX i na początku XX w., Kraków, 1995*. Р. 108–133. Ситуация с офицерами-евреями в австро-венгерской армии коренным образом отличалась от ситуации в Германии. Там между 1884 и 1914 годами ни один из почти 30 тысяч евреев — кандидатов в офицеры запаса не получил звания, поскольку не был утвержден офицерским собранием своего полка (*Ibid.* Р. 123).

¹⁰⁸ ЦАИЕН. НМ2/8279.6 (оригинал: РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 37). Для определения, чем следует заменить для евреев воинскую повинность, В.А. Сухомлинов предлагал образовать комиссию Совета Министров, утверждающую царем.

¹⁰⁹ *Там же*. Вывод о будто бы возобладавшем среди руководства военного министерства «прагматических настроениях» в противовес антисемитизму (*Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии*. С. 344; см. также: *Petrovsky-Shtern Y. Jews in the Russian Army, 1827–1917: Drafted into Modernity*. Cambridge, 2008. Р. 240–248) не кажется достаточно обоснованным.

Русская армия и еврейское население перед войной

Другим аспектом отношений армии и евреев были ее отношения с еврейским населением черты оседлости. Как указывалось выше, одной из важных функций русской армии было участие в поддержании порядка в стране.

подавлялись с помощью армии и антиеврейские беспорядки, нередкие в царской России. Так, в 1882 году министр внутренних дел Д.А. Толстой потребовал активного участия войск в подавлении погромов в южной и юго-западной России¹¹⁰. Войска были вызваны для умирения антиеврейских волнений в городе Ченстохова в 1902 году. Погромщики кричали: «Не бойтесь солдат, они стреляют холостыми патронами». По приказу солдаты открыли огонь, в результате два человека было убито и восемь ранено, толпа рассеялась¹¹¹. Во время Кишиневского погрома (1903) командующий гарнизоном генерал Бекман требовал у губернатора передать армии полномочия для наведения порядка. Около 500 человек было арестовано в ходе погрома военными властями¹¹².

В октябре 1905-го солдаты неоднократно принимали участие в еврейских погромах, в Екатеринославе войска вышли из казарм, чтобы «бить жидов»¹¹³. В 1905–1906 годах офицеры нередко объясняли солдатам, что революция вызвана происками «еврейской» прессы, звучали призывы истреблять евреев и других «внутренних врагов». Полковые штабы выпускали антисемитские прокламации к нижним чинам. Так, командование 42-го Якутского пехотного полка (Житомир) уверяло солдат, что революционная пропаганда ведется евреями, которые ненавидят христиан и православие. Крайне правые организации также свободно распространяли свою агитационную литературу в казармах¹¹⁴.

¹¹⁰ См. Fuller W.C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 106.

¹¹¹ См.: *Ibid.* P. 90–91.

¹¹² *Ibid.* P. 109.

¹¹³ Bushnell J. Mutiny amid Repression. P. 80.

¹¹⁴ *Ibid.* P. 161–162.

В сочувствующей евреям предвоенной публицистике обсуждались роль и значение еврейского населения Черты в будущей войне (в частности, необходимость использования этих евреев в разведке)¹¹⁵. В экономике войны российские евреи должны были играть стратегическую роль, ведь они занимали главные позиции в кожевенной и суконной промышленности и торговле, играли ведущую роль в хлебной торговле. Наконец, очевидна была роль евреев в финансировании войны через контролируемые ими банки. И в этой связи отмечалось, что нельзя безнаказанно обижать евреев, поскольку «национальное» чувство еврейских банкиров, торговцев и промышленников может перевесить интересы «выгодной денежной сделки»¹¹⁶.

Однако характерно, что такого рода доводы совершенно не заботили ведущих русских военачальников, как видно из проведенного военным министерством опроса¹¹⁷.

Ход боевых действий и структурные изменения в армии

С началом боевых действий Верховным Главнокомандующим русской армии был назначен Великий князь Николай Николаевич, двоюродный дядя царя¹¹⁸. Начальником штаба Верховного Главнокомандования стал генерал Н.Н. Янушке-

¹¹⁵ Война и евреи. С. 281–282.

¹¹⁶ Там же. С. 283.

¹¹⁷ Пожалуй, лишь генерал Мышлаевский (командир 2 Кавказского армейского корпуса) пытался в своем ответе встать на государственную точку зрения. Он отмечал, что еврейский вопрос в армии — только часть сложного вопроса о правах евреев в России вообще, а потому должен рассматриваться на государственном уровне. Принятие же любой меры по отношению к евреям в рамках армии лишь вовлечет ее в политическую борьбу, чего следует избегать (ЦАИЕН. НМ2/8279.6; оригинал: РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 37).

¹¹⁸ Обзор боевых действий составлен на основе обобщающих работ: Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне; Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны; Стоун, Норман. Первая мировая война. Краткая история. М., 2009; Stone N. The Eastern Front, 1914–1917. L., 1975; Rutherford W. The Alley: The Russian Army in World War I. L., 1977; Bruce Lincoln W. Passage Through Armageddon: The Russians in War and Revolution 1914–1918. N.Y., 1986.

вич, занимавший в тот момент должность начальника Главного управления Генерального штаба. Фактически оперативной работой штаба Верховного, получившего наименование Ставка и располагавшегося в Барановичах, руководил генерал-квартирмейстер Ю.Н. Данилов.

Действующая армия была разделена на два фронта — Северо-Западный (главнокомандующий Я.Г. Жилинский, начштаба В.А. Орановский) и Юго-Западный (главнокомандующий Н.И. Иванов, начштаба М.В. Алексеев). В Северо-Западный фронт входили поначалу две армии, в Юго-Западный — четыре, затем состав фронтов многократно изменялся.

Боевые действия на русском фронте Первой мировой войны можно разделить на три этапа: *август 1914-го — апрель 1915-го* — период относительных успехов русской армии; *апрель-сентябрь 1915-го* — период поражений и «большого отступления» русской армии; *сентябрь 1915-го — февраль-март 1917-го* — стабилизация ситуации, позиционная война; *апрель-декабрь 1917-го* — разложение армии, которая в итоге оставила фронт.

Первый период протекал в целом благоприятно для русской армии. Относительно успешно обороняясь на германском отрезке фронта, русские войска нанесли ряд серьезных поражений австро-венгерской армии, оккупировав значительную часть Галиции и Буковину. Этот период войны характеризуется большим количеством крупных боевых операций.

В августе 1914-го армии Северо-Западного фронта (1-я и 2-я) начали наступление в Восточной Пруссии. Наступление развивалось поначалу успешно, русские одержали ряд побед. Однако в решающих боях германской армии удалось разгромить и частично окружить 2-ю русскую армию (командующий А.В. Самсонов застрелился). 1-я армия под натиском противника отошла назад к русско-германской границе. В сентябре 1914-го не справлявшийся с командованием фронтом Я.Г. Жилинский был заменен выдвинувшимся в ходе боев на Юго-Западном фронте генералом Н.В. Рузским.

На Юго-Западном фронте 4-я и 5-я русские армии сумели в августе 1914-го остановить наступление австро-венгерских войск в междуречье Вислы и Буга (особенно упорный харак-

тер носили бои под Красником, Замостью, Красноставом и Томашувом). Одновременно 3-я и 8-я русские армии успешно наступали в восточной Галиции, заняв Львов и Галич и осадив крепость Перемышль.

В сентябре-октябре 1914-го крупные силы германской и австро-венгерской армий пытались разбить русские войска на средней Висле и атакой с юга взять Варшаву. В ходе кровопролитных боев в районе Ивангорода (Dęblin), Новоалександрии (Puławy) и Козениц русские армии смогли остановить наступление противника и сорвать этот план. В ноябре 1914-го русское командование сосредоточило в центральной Польше значительные силы, намереваясь вторгнуться вглубь Германии. Германское командование разгадало этот замысел и нанесло упредительный удар, сорвав наступление русских, и надеясь, в свою очередь, окружить 2-ю и 5-ю русские армии в районе Лодзи. Развернулись жестокие бои, сопровождавшиеся взаимными попытками окружения, особенно у местечка Брезины (Brzeziny). В конечном итоге русские войска были ближе к успеху, но из-за ошибок командования не смогли разгромить окруженного противника. Командующие 1-й (П.К. Ренненкампф) и 2-й (С.М. Шейдеман) армиями были смещены со своих постов.

Зимой 1915-го командование Северо-Западного фронта планировало широкомасштабную наступательную операцию вглубь Германии (включая овладение Восточной Пруссией). В январе 1915-го германское командование вновь упредило русских. Отвлекая внимание противника атаками восточнее Варшавы (в районе «Болимовского мешка»), германская армия попыталась в ходе Августовской операции окружить и уничтожить 10-ю армию русских. Один из корпусов 10-й армии был полностью разгромлен, армия вынуждена была отступить. Попытка русского наступления в феврале 1915-го у Прасныша захлебнулась. Командующий 10-й армией Ф.В. Сиверс был заменен Е.А. Радкевичем. В марте 1915-го главнокомандующий Северо-Западным фронтом Н.В. Рузский, сославшись на нездоровье, попросил освободить его от должности, его преемником стал генерал М.В. Алексеев.

В январе 1915 года начала наступление в Карпатах и Австро-Венгрия, пытаясь выбить русских из Галиции. Перейдя

в контрнаступление, русские войска завязали бои за карпатские перевалы и частично ими овладели. 9 марта пал Перемышль, русские пленили 120-тысячный гарнизон этой крепости. План русского командования предусматривал выход летом 1915-го на венгерскую равнину в направлении на Будапешт и Вену. Разгром Австро-Венгрии казался предрешенным, война выглядела почти выигранной.

Второй период войны (апрель–сентябрь 1915-го) ознаменовался крупными успехами германской и австро-венгерской армий. Их командование понимало всю опасность складывавшейся на Восточном фронте ситуации. Было решено нанести русской армии сильный фронтальный удар и отбросить ее из Галиции, а в дальнейшем и из центральной Польши. В месте предполагаемого прорыва — у города Горлице в южной Польше были сосредоточены отборные части. 19 апреля 1915 года началось совместное наступление германской и австро-венгерской армий, значительно превосходивших по численности противостоящие им русские войска. Ведя упорные бои, русские армии вынуждены были начать отступление. Одновременно германское командование нанесло отвлекающий удар в Прибалтике — на Митаву и Шавли, также имевший успех. В мае-июне 1915-го русские войска оставили почти всю оккупированную ими Галицию (9 июня был оставлен Львов), отступив с карпатских перевалов.

Вытеснив русские войска из Галиции, германская и австро-венгерская армии развернули летом 1915-го широкомащтабные наступательные операции, намереваясь окружить и уничтожить группировку русских армий в центральной Польше. Один удар наносился из Галиции на север, в междуречье Вислы и Буга; другой — к северу от Варшавы, на праснышско-наревском направлении; третий — в Прибалтике. На этих направлениях развернулись ожесточенные бои. Под давлением противника русская армия отступила на восток, избежав окружения, но оставив значительную территорию с многомиллионным населением. В начале августа 1915-го Северо-Западный фронт был разделен на Северный (главнокомандующий — Н.В. Рузский) и Западный (главнокомандующий — М.В. Алексеев, затем — А.Е. Эверт) фронты.

Произошли персональные изменения и в Ставке. 23-го августа император Николай II принял на себя верховное командование русскими армиями, его начальником штаба был назначен М.В. Алексеев, Ставка переехала в Могилев. В августе-сентябре 1915-го германские войска прорвали русский фронт на стыке Северного и Западного фронтов (так называемый «свенцянский прорыв»). Ценой больших усилий русскому командованию удалось стабилизировать ситуацию, отведя войска на линию Западная Двина, Двинск, Вилейка, Барановичи, Пинск.

В *третий период* войны русская армия не понесла серьезных поражений, но не добилась и больших стратегических успехов. К концу 1915-го линия фронта стабилизировалась и не претерпела больших изменений вплоть до лета 1917-го. Война на Восточном фронте приобрела позиционный, «окопный» характер. Вместе с тем русское командование, пользуясь тем, что основные силы германской армии были скованы на Западе, пыталось в 1916-м провести значительные наступательные операции. В марте 1916-го неудачей окончилась попытка большого наступления русских армий в районе озера Нарочь. В мае наступление Юго-Западного фронта (знаменитый «Брусиловский прорыв») имело успех, но не привело к стратегическому изменению линии фронта. Однако его следствием было вступление в войну на стороне Антанты (летом 1916-го) Румынии, причем значительное количество русских войск пришлось сосредоточить на вновь образованном Румынском фронте.

Таким образом, боевые действия 1914–1916 годов явились серьезнейшим испытанием для русской армии. К 1917-му она уже ни качественно, ни количественно не напоминала довоенную императорскую армию.

К началу мобилизации 1914-го численность русской армии составляла 1423 тысячи человек¹¹⁹, в течение 1914 года было мобилизовано еще более 5 миллионов¹²⁰. С объявлением вой-

¹¹⁹ В 1893 году. Россия имела под ружьем 992.000 человек, при 573.000 во Франции и 521.000 в Германии (Fuller W.C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. 52).

¹²⁰ Golovine N.N. The Russian Army in the World War. P. 45, 48.

ны стало заметным различие между патриотическим энтузиазмом образованной публики (с одной стороны), равнодушием и апатией простого народа (с другой). Наблюдались и серьезные беспорядки среди призывников, с человеческими жертвами¹²¹. Русская армия была многонациональной, в ее ряды было призвано от 600 до 650 тысяч поляков и более 400 тысяч евреев¹²².

Потери русской армии в ходе войны были чрезвычайно значительны. В 1914-м они составили порядка 1,8 миллиона человек, из них около 400 тысяч погибшими, 920 тысяч ранеными и около 485 тысяч пленными. Около половины обученной до войны живой силы выбыло из строя еще до большого отступления 1915-го, в ходе которого потери армии убитыми и ранеными составили еще 1,41 миллиона человек¹²³. С начала войны по 1 ноября 1915 года общие потери русской армии составили 4,36 миллиона человек (в том числе 1,740 миллиона пленных, 2,62 миллиона убитых и раненых)¹²⁴.

Несмотря на гигантские потери, численность русской армии постоянно росла. К 1 октября 1914 года на фронте находилось 2,7 миллиона человек; к 1 апреля 1915-го — 4,2; к 1 ноября 1915-го — 4,9; к 1-му апреля 1916-го — 6,2 миллиона¹²⁵. К концу 1916 года в армию было мобилизовано 14,6 миллиона человек, из них на фронте находилось 6,9, в тылу 2, в плену 2,1 миллиона (немецкие и австрийские данные чрезвычайно точ-

¹²¹ Wildman A.K. The End of Russian Imperial Army. P. 77–78. Многие бунты новобранцев были вызваны невозможностью, из-за введения «сухого закона», отметить переход в новое состояние с помощью «ритуального закрепления в виде гульбы» (Булдаков В.П. Истоки и последствия солдатского бунта. С. 210). Непонимание солдатами целей войны «стало общим местом» в литературе (Там же). По воспоминаниям Ф. Степуна, мобилизованные солдаты-сибиряки спрашивали, нельзя ли «откупиться от немца», вместо того, чтобы «с ним воевать»: «...если бы немцу треть того отдать, во что война обойдется, то, быть может, он бы и угомонился и государю-императору не надо было бы зря народ калечить» (Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. М.—СПб., 1995. С. 269–270).

¹²² Wildman A.K. The End of Russian Imperial Army. P. 103.

¹²³ Ibid. P. 85–86, 89–90. Гигантскими были и потери гвардии — опоры трона, в том числе в офицерском составе (Ibid. P. 85).

¹²⁴ Golovine N.N. The Russian Army in the World War. P. 96–101.

¹²⁵ Ibid. P. 109.

ны). Число убитых, раненых и серьезно больных оценивалось к этому времени в 3.600.000 человек¹²⁶.

Помимо этого, в прифронтовых учреждениях Земского и Городского союзов (Земгор) и Красного Креста служило к лету 1916-го 334 тысячи человек, в благотворительных организациях еще 270 тысяч — всего 600 тысяч человек¹²⁷.

Война привела к глубоким изменениям в офицерском корпусе русской армии. Число офицеров выросло с 40,5 тысяч (апрель 1914-го) до 146 тысяч (январь 1917-го)¹²⁸. Поскольку к январю 1917-го потери в офицерском составе достигли 63 тысяч человек это значит, что около 170 тысяч человек получили звания уже в войну, и менее 10 процентов офицеров в 1917-м принадлежали к довоенным офицерским кадрам¹²⁹. Дефицит командного состава сделался с 1915 года острой проблемой русской армии. Более 3 тысяч солдат, обладавших необходимым образованием, были произведены в прапорщички. В 1915-м ускоренные офицерские курсы (срок обучения 4–8 месяцев) выпустили 19 тысяч офицеров и прапорщиков, к концу этого года действовали 34 юнкерских училища, в каждом 200–400 юнкеров, 80 процентов из них были выходцами из крестьян и мещан¹³⁰. «К 1917 году офицерский корпус, включавший почти всех в армии, кто обладал минимальным уровнем образования и амбиций, стал исключительно гетерогенным. Различие в менталитете старших офицеров, получивших образование в Академии Генерального штаба, и

¹²⁶ Wildman A.K. The End of Russian Imperial Army. P. 95.

¹²⁷ Ibid. P. 102.

¹²⁸ Kenez P. Changes in the Social Composition of the Officer Corps During World War I // The Russian Review. 1972. Vol. 3. № 4 (October). P. 369.

¹²⁹ Kenez P. Changes in the Social Composition. P. 369. По данным А. Уайлдмана, потери в офицерском составе к 1917-му составили 92,5 тысяч человек (что более чем в два раза превосходит число офицеров в довоенной русской армии). Около трети (50 тысяч) всех офицеров были ускоренного военного выпуска, подавляющее большинство — происходило не из дворян (Wildman A.K. The End of Russian Imperial Army. P. 100). Примерно в таких же пропорциях росло в годы войны и число офицеров в австро-венгерской армии, см.: Deák I. Beyond Nationalism. P. 192–195.

¹³⁰ Kenez P. Changes in the Social Composition. P. 371–372.

вновь произведенных младших офицеров из крестьян, было невообразимым. В 1916 году только 4 процента младших офицеров происходило из дворян»¹³¹.

Характерно, что даже в период жесточайшей нужды в офицерах военные власти не задумывались о послаблениях в производстве евреев в офицеры. Как и в довоенный период, касавшиеся евреев запреты по-прежнему носили не только религиозный, но и расовый характер. Не только сам кандидат в офицеры, но и его родители, и родители родителей не должны были родиться евреями. К 1917-му евреи остались почти единственными образованными людьми в армии, не имевшими офицерских погон¹³².

Уже в первый период войны нередки были случаи грабежа и порчи имущества мирного населения солдатами, довоенная дисциплина в армии начала давать трещины¹³³. Во время отступления 1915-го грабежи и падение дисциплины сделались распространенным явлением. К концу 1916-го недовольство солдат росло, участились случаи отказов идти в бой, солдатских мятежей и восстаний на фронте и в тылу¹³⁴. Сильное деморализующее влияние на солдатскую массу оказали слухи о предательстве русских генералов-«немцев» (то есть носив-

¹³¹ *Ibid.* P. 374. Ср. в воспоминаниях В.Б. Шкловского: «Офицерство почти равнялось по своему качественному и количественному составу всему тому количеству хоть немного грамотных людей, которое было в России. Все, кого можно было произвести в офицеры, были произведены... Грамотный человек не в офицерском костюме был редкость...» (*Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 81).

¹³² *Kenez P.* Changes in the Social Composition. P. 373. В. Шкловский, говоря об избранных на фронте в 1917-м солдатских комитетах, отмечал: «...в армии очень большая часть грамотных и более или менее развитых солдат — оказалась именно евреями. Они и прошли в комитеты. Получилось такое положение: армия в своих выборных органах имеет процентов сорок евреев на самых ответственных местах и в то же время остается пропитанной самым внутренним, “заумным” антисемитизмом и устраивает погромы» (*Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. С. 81).

¹³³ По свидетельству А.Ф. Редигера, уже в 1914-м в запасных батальонах, расположенных в тылу, нижние чины на ночь уходили из казарм, а ближайшие их начальники не смели об этом докладывать из боязни быть убитыми (*Редигер А.* История моей жизни. Т. 2. С. 379).

¹³⁴ *Wildman A.K.* The End of Russian Imperial Army. P. 87–88, 90–94, 106–119.

ших немецкие фамилии) и самой царицы¹³⁵. В то же время до 1917 года дезертиров было относительно немного, на 1 января 1916 года — лишь 34 тысячи человек (тогда как на 1 ноября 1917-го — уже 1500 тысяч)¹³⁶.

* * *

Можно ли считать Россию последних десятилетий существования империи казарменным государством, считавшим своей постоянной обязанностью заботиться об интересах армии, и примером общества, в котором государственная элита слилась с военной? Убедительным представляется вывод В. Фуллера¹³⁷: в период 1881–1914 годов Россия не была милитаристским или воинственным государством. С точки зрения военного руководства, государство не ставило военные интересы превыше всего и фактически не удовлетворяло многие из необходимых армии потребностей.

В России рубежа XIX–XX веков гражданские ведомства стремились использовать армию в своих интересах. Министерство юстиции видело в ней прежде всего контингент для охраны тюрем, МВД — источник помощи полиции, министерство финансов стремилось за счет военного бюджета поднять уровень правительственных инвестиций. В то же время русские правители смотрели на армию как на свою собственность, на офицеров — как на личных вассалов¹³⁸.

С точки же зрения военных профессионалов главной задачей армии была подготовка к войне. Участие армии в репрессиях отрывало ее от учебы, деморализовало личный состав, разрушало престиж военных в глазах общества. Действительно профессиональные офицеры видели в армии высшую

¹³⁵ *Булдаков В.П.* Истоки и последствия солдатского бунта. С. 210. См. также: *Мельгунов С.П.* Легенда о сепаратном мире. Paris, 1957.

¹³⁶ *Golovine N.N.* The Russian Army in the World War. P. 124.

¹³⁷ *Fuller W.C., Jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia. P. XVIII, XXI. Примером милитаризованного режима в императорской России В. Фуллер считает царствование Николая I (*Ibid.* P. XXII).

¹³⁸ *Ibid.* P. 260.

ценность, ее сохранение было неизмеримо важнее для них, чем сохранение династии Романовых или даже империи¹³⁹.

В отличие от других стран — участниц Первой мировой, русские военные не имели ни престижа в обществе, ни естественных социальных союзников. К лету 1914-го отношения армии с политиками (Думой), царским двором и правительственной бюрократией характеризовались недоверием и подозрительностью, которые должны были проявиться во время войны¹⁴⁰. Правительство не смогло, да и не хотело создать институты, посредничающие между бюрократией и армией. Царский режим не был готов также предоставить армии более широкую автономию, что противоречило бы самому принципу автократии¹⁴¹.

Служба евреев в армии была постоянным источником взаимных претензий. Евреи считали, что дают непропорционально большое число новобранцев, являются жертвой придирок офицеров-антисемитов, их продвижение по служебной лестнице сдерживают унижительные ограничения¹⁴².

С точки зрения военного министерства евреи не годились для службы, были вредным и опасным элементом в армии, от которого желательно избавиться вовсе. Часть военного руководства усвоила при этом риторику и аргументацию крайне правых политических кругов, чрезвычайно влиятельных в высших эшелонах власти¹⁴³. Видимо, большое влияние на по-

¹³⁹ *Ibid.*

¹⁴⁰ *Ibid.* P. 262.

¹⁴¹ *Ibid.* P. 263.

¹⁴² См. имевшие большой общественный резонанс (в том числе отклики в официальной переписке военного министерства) работы М.А. Усова «Предание и факты (к еврейскому вопросу)» (СПб., 1908) и «Евреи в армии» (СПб., 1911).

¹⁴³ Ср. уже приводившиеся высказывания военачальников с резолюцией Съезда Объединенного Дворянства (февраль 1914-го), единогласно потребовавшего исключения евреев из армии: «Евреи не могут быть солдатами, так как они лишены патриотического чувства... Брать таких людей на защиту Отечества не имеет никакого смысла» (ЦАИЕН. НМ2/8279.6; оригинал: РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 37). Резолюция была разослана и в Совет Министров, и в военное министерство (она приложена к заведенному там делу об отмене призыва евреев в армию). Бывший военный министр А.Н. Куропаткин в цитированном выше труде ссы-

зицию генералов в еврейском вопросе оказывал демонстративный антисемитизм Николая II, не оставлявший сомнения в том, какой образ мыслей угоден императору. Замена ограничительных критериев для евреев на откровенно расовые и активная подготовка законопроекта об отмене призыва евреев в армию свидетельствовали о жесткой антисемитской позиции официальных военных кругов и высшего генералитета в период 1907–1914 годов.

С началом Первой мировой войны еврейское население России оказалось лицом к лицу с русской армией. Боевые действия происходили в основном в черте оседлости — районе массового проживания евреев. Населенные пункты, переходившие из рук в руки, являвшиеся ареной наступательных и оборонительных операций, преимущественно были еврейскими местечками.

Русская армия, с которой в ходе войны встретились евреи, очень сильно изменилась за 1914–1916 годы. Она одержала ряд побед и потерпела значительные поражения, многократно выросла численно и почти полностью обновила свой офицерский состав. Однако прежним, довоенным осталось военное руководство (большинство генералов, участвовавших в опросе военного министерства о призыве евреев, занимали ключевые должности в русской армии в период войны). Некоторые из русских военачальников (как мы увидим ниже) уделяли борьбе с евреями едва ли не больше усилий, чем борьбе с неприятелем.

лался на статьи по «еврейскому вопросу» публициста «Нового времени» М.О. Меншикова (*Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Т. 3. С. 69, 343*).

При взрыве. Дурак на дит под солонной
окажется круп. чловк; Заввал нафрона
и артм. сна

ГЛАВА 2

ПОЛНОМОЧИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЮЩЕЙ АРМИИ В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

С началом боевых действий Первой мировой войны командование русской армии получило чрезвычайно широкие, фактически ничем не ограниченные полномочия в области гражданского управления на гигантской территории, объявленной «театром военных действий»¹. Рассмотрим сейчас устройство системы военного управления в России и предоставленные ей полномочия, взаимоотношения военных и гражданских властей и конфликты между ними, основы функционирования военного управления², не касаясь пока вопроса об отношении военной администрации к еврейскому населению.

¹ «Территория, предназначенная для развертывания и действий вооруженных сил, а равно для расположения всех их тыловых учреждений, составляет театр военных действий» (Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914. С. 1). При этом пункты, в которых «располагаются войска с непосредственно приданными к ним учреждениями и заведениями, составляют войсковые районы», всегда состоящие на военном положении. Соответственно, остальная часть территории театра военных действий именуется тыловым районом, военное положение в нем вводится властью главнокомандующих фронтами и командующих армиями (*Там же*. С. 2).

² О военных властях и вызванных их деятельностью проблемах и конфликтах см. докторскую диссертацию и статью Д. Графа: *Graf D.W. The Reign of the Generals: Military Government in Western Russia, 1914–1915*. Ph.D. Dissertation. University of Nebraska, 1972; *Ibid.* Military Rule Behind the Russian Front, 1914–1917: The Political Ramifications // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1974. № 22. P. 390–411; см. также: *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 11–26. См. также Приложение 1, с. 402.

*Устройство и полномочия
системы военного управления*

Полномочия военных властей вытекали из двух правовых актов: «Положения о полевом управлении войск в военное время» (принятого перед самым объявлением войны, 16 июля 1914 года, ниже — «Положение о полевом управлении») и «Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении» (принятых в 1892 году, ниже — «Правила о местностях»). Эти документы определяли компетенцию и сферы деятельности военных органов управления во время боевых действий³.

Во главе русской армии во время войны стоял *Верховный Главнокомандующий*, обладавший верховной властью на территории театра военных действий. Юрисдикция Ставки (штаб-квартиры) Верховного Главнокомандующего распространялась на территорию, объявленную императорским указом от 17 июля 1914 года на военном положении и включавшую 25 губерний и 10 отдельных уездов, общей площадью превосходивших территорию Германии и Австро-Венгрии, вместе взятых⁴.

Полномочия Верховного Главнокомандующего были сравнимы только с императорскими. «Никакое правительственное место, учреждение и лицо в Империи не дает Верхов-

³ Первое «Положение о полевом управлении» было принято еще в 1868 году, его уточненные и измененные варианты принимались затем в 1876 и 1890 годах. Работа над «Положением» 1914 года началась уже в 1901-м, но сильно затянулась (*Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. С. 112–113).

⁴ *Graf D.W. Military Rule.* P. 392; *Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 годов. Т. I. С. 15. В частности, на военном положении были объявлены столица и столичная губерния, губернии Прибалтики (Эстляндская, Лифляндская и Курляндская), 10 губерний русской Польши, так называемые Северо-Западный (Виленская, Ковенская, Гродненская и Минская губернии) и Западный (Волынская, Подольская, Киевская губернии) края, а также Витебская, Херсонская и Таврическая губернии (*Там же*). Все не объявленные на военном положении местности империи были переведены в состояние чрезвычайной охраны, дающее местной администрации широкие полномочия (*Там же*. С. 206).

ному Главнокомандующему предписаний и не может требовать от него отчетов», указывалось в «Положении о полевом управлении»⁵. Указы Верховного заменяли собой императорские, их должны были беспрекословно исполнять все правительственные учреждения и должностные лица, равно как и все население. Даже вступать с Верховным в переписку могли только высшие чиновники, то есть министры⁶. Верховным Главнокомандующим в период с 20 июля 1914 по 23 августа 1915 года был великий князь Николай Николаевич (двоюродный дядя царя), начальником штаба при нем — генерал Н.Н. Янушкевич⁷. С августа 1915-го Николай II взял на себя выполнение функций Верховного, начальником его штаба был назначен М.В. Алексеев.

Следующим после Ставки звеном сложной иерархии военного управления был фронт, объединявший несколько армий, действующих на одном стратегическом направлении. Согласно «Положению о полевом управлении» распоряжения *Главнокомандующего армиями фронта* «исполняются в пределах

⁵ Положение о полевом управлении. С. 3. См. также: *Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915 — 2 июля 1916 г.). Пб., 1920. С. 43. Михаил Константинович Лемке (1872–1923), историк литературы, историк, журналист. В 1915–1916 годах сотрудник управления печати Ставки. В его книге «250 дней в царской Ставке», кроме дневниковых записей, приводится немало документов, попадавших в руки Лемке в Ставке и скопированных им.

⁶ *Барк П.Л.* Воспоминания // *Возрождение.* 1966. № 172 (Апрель). С. 88. П.Л. Барк был министром финансов Российской империи в 1914–1917 годах. См. также: *Graf D.W. Military Rule.* P. 392; *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 10.

⁷ Николай Николаевич, по отзывам современников, был одарен большим здравым смыслом, чрезвычайно быстро схватывал суть любого вопроса, любил и знал военное дело, отличался громадной памятью. Характер его был взрывчат и непостоянен (*Редигер А.* История моей жизни. Т. 1. С. 529–530). Ср. с характеристикой, данной Верховному его родственником вел. князем Николаем Михайловичем: «Николай Николаевич так же бесцветен, как и всегда, но осадка и походка, а также голос, словом, вся манера себя держать всеяют «решпект» и повинение, при отсутствии мозговых тканей для вдохновения» (*Николай Михайлович, вел. князь.* Записки // *Гибель монархии.* М., 2000. С. 26). Один из сотрудников Ставки охарактеризовал Николая Николаевича как человека «бесхарактерного, всецело шедшего на поводу у Янушкевича, Данилова и других» (*Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели. С. 48)

подчиненного ему района всеми правительственными местами, общественными управлениями, должностными лицами всех ведомств и всем населением». Он подчиняется только Верховному Главнокомандующему, «никакое правительственное место, учреждение и лицо в Империи не могут давать ему предписаний и требовать отчета...», и имеет право «устранять от должностей всех должностных лиц всех ведомств... в подчиненном ему районе без различия их чина и звания; ... устанавливать в занятых областях подати и налоги, налагать контрибуции и конфискации»⁸. В июле 1914-го было образовано два фронта: Северо-Западный и Юго-Западный; в августе 1915-го Северо-Западный фронт был разделен на Северный и Западный. Кроме того, были образованы Кавказский (с ноября 1914-го) и Румынский (с августа 1916-го) фронты.

Вопросы административно-хозяйственного характера относились в штабе фронта к компетенции *главного начальника снабжения армий фронта*. В его обязанности входили «общие указания по гражданскому управлению во всем районе данного фронта, причем ему подчинены главные начальники военных округов и военные генерал-губернаторы этого района»⁹. С точки зрения имевшихся у него полномочий, главный начальник снабжения был «фактическим диктатором на тысячах квадратных миль»¹⁰. В 1914–1915 годах на Северо-Западном фронте эту должность занимал Н.А. Данилов, на Юго-Западном — А.Ф. Забелин, затем А.А. Маврин¹¹.

⁸ Положение о полевом управлении. С. 11–12. См. также: Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. С. 48. Военный историк А.А. Керсновский в своей вышедшей в 1930-х в Белграде работе называет командующих фронтами «северо-западным» и «юго-западным» удельными князьями, а «Положение о полевом управлении войск» — «удельно-вечевой хартией» (Керсновский А.А. История русской армии. С. 671).

⁹ Цит. по: Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 10.

¹⁰ Graf D.W. Military Rule. P. 392.

¹¹ Б.В. Геруа описывает в своих воспоминаниях Н.А. Данилова как «ловкого карьериста» (Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. I. С. 153). Нелестную характеристику дает Геруа и генералу Маврину: «Длинный, мешковатый и угрюмый Маврин... отставший от Военной науки и откровенно к ней безразличный, продукт канцелярской школы мирного времени» (Там же. С. 217, 222). В.Ф. Джунковский отмечает в воспоминаниях неприятно поразившую его атмосферу роскоши, в которой

Следующим за фронтом звеном военного управления была армия. Полномочия *командующего армией* почти полностью повторяли широчайшие полномочия командования фронтом, но только в районе действий армии. Согласно «Положению о полевом управлении», командующий армией «непосредственно и во всех отношениях подчиняется главнокомандующему армиями фронта; никакое правительственное место, учреждение и лицо в Империи не могут давать ему <командующему— С.Г.> предписаний или требовать у него отчета»¹², командующий «имеет право... выселять из района армии всех лиц, присутствие коих им будет признано нежелательным... воспрещать в районе армии удаляться из места жительства... воспрещать вывоз из района армии необходимых для работ орудий и материалов, продовольствия, фуража, дров...»¹³. Командующий армией имел право издавать обязательные постановления, относящиеся: а) к предупреждению нарушений общественного порядка и государственной безопасности, б) к почтовым, телеграфным и телефонным сношениям, в) к торговым и промышленным заведениям, г) к типографиям¹⁴.

За нарушение обязательных постановлений командующий мог накладывать взыскания, не превышающие заключения в тюрьму или крепость на 3 месяца или денежного штрафа до трех тысяч рублей. К правам командующего армией относилось также право назначать в районе армии общие и частные реквизиции и производить секвестры... В чрезвычайных обстоятельствах имеет право принять меры, не предусмотренные «Положением о полевом управлении», сообщив об этом в штаб фронт¹⁵.

Н.А. Данилов жил на фронте (Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 396). О любви Данилова к роскоши пишет и Д. Граф (Graf D.W. The Reign of the Generals. P. 24).

¹² Положение о полевом управлении. С. 54.

¹³ Цит. по: Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. С. 48. Район армии, за который отвечал командующий, трудно было разграничить от тылового района, подчиненного главному начальнику снабжения, что усугубляло «путаницу» и «неурядицу в гражданской части» (Курлов П.Г. Гибель императорской России. С. 180).

¹⁴ Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. С. 48.

¹⁵ Там же.

Переданные в руки военных полномочия в области гражданской администрации должны были помочь им в эффективном руководстве боевыми действиями¹⁶. Именно это руководство, а не гражданское администрирование, поглощало львиную долю времени командиров разных степеней. Верховное главнокомандование, штабы фронтов и армий прежде всего были заняты разработкой и проведением боевых операций. Даже главный начальник снабжения фронта, прямо отвечавший за руководство гражданскими властями, основной сферой своей деятельности считал обеспечение бесперебойного снабжения войск фронта необходимым им продовольствием, боеприпасами, фуражом и т.д. Аппарат для реального управления территорией с многомиллионным населением не был предусмотрен «Положением о полевом управлении»¹⁷. Штат гражданского отделения канцелярии главного начальника снабжения состоял всего из двух офицеров¹⁸ и не мог эффективно руководить жизнью населения на тысячах квадратных километров. Исполнение приказов военных должна была обеспечить гражданская администрация района театра военных действий. Связующим звеном между местной администрацией и военным командованием призваны были служить главные начальники военных округов и военные генерал-губернаторы¹⁹.

¹⁶ Начальник штаба Юго-Западного фронта С.С. Саввич так аргументировал в сентябре 1915-го необходимость включения Курской и Харьковской губерний в район театра военных действий: «армии должны иметь свободу действий, а следовательно, и необходимое для этого пространство... Нельзя допустить, чтобы Главнокомандующий вынужден был просить и ожидать разрешения пользоваться своим тылом» (*Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. С. 672). Однако Курская и Харьковская губернии находились за сотни верст от линии фронта и вряд ли могли считаться тылом. В августе 1915-го в Ставке разрабатывался проект расширения района театра военных действий до линии Тверь-Тула, что вызвало резко отрицательную реакцию Совета Министров (*Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 73–74).

¹⁷ *Graf D.W.* Military Rule. P. 393.

¹⁸ Положение о полевом управлении. С. 106; *Graf D.W.* Military Rule. P. 393.

¹⁹ Современный исследователь Белого движения, отмечая стремление белых генералов назначить генерал-губернаторов, поясняет: «Генералы, традиционно считавшие смыслом существования и главным пред-

Генерал-губернаторам и главным начальникам военных округов подчинялись, согласно «Положению о полевом управлении», «все местности и все гражданское управление в подлежащих районах театра военных действий»²⁰. До войны в России (особенно в приграничных областях) существовала практика совмещения одним лицом обязанностей генерал-губернатора и командующего войсками округа²¹. По «Положению о полевом управлении» в случае такого совмещения должностей в районе театра военных действий все права и обязанности довоенных генерал-губернаторов переходили к главным начальникам округов. Главные начальники округов при этом занимались исключительно вопросами тыла, а штабы округов из приграничных Варшавы и Вильно переместились соответственно в Минск и Двинск²².

Согласно «Правилам о местностях» генерал-губернаторы «или облеченные их властью лица» (то есть начальники округов) имели право издавать обязательные постановления, устанавливать наказания за нарушение этих постановлений и своей властью наказывать виновных (аналогично правам командующего армией). Они могли также исключать из общей подсудности и передавать в ведение военных судов дела гражданских лиц (например, об измене, нападении на часовых,

назначением гражданской власти обеспечение нужд армии... не могли не ощущать своей беспомощности в отсутствии атрибутов и рычагов власти» (*Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М., 2003. С. 78).

²⁰ Цит. по: *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 10.

²¹ См.: *Ерошкин Н.П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. С. 318, 321. С началом боевых действий командовавший Варшавским военным округом Я.Г. Жилинский автоматически занял должность главнокомандующего Северо-Западным фронтом, а командовавший Киевским военным округом Н.И. Иванов — аналогичную должность на Юго-Западном фронте.

²² Положение о полевом управлении. С. 3. См. также: *Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. С. 42; *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне. С. 103; Юрий Никифорович Данилов (1866–1938) — генерал от инфантерии, с начала войны по август 1915-го — генерал-квартирмейстер Ставки, фактически руководил планированием боевых действий русской армии; затем — командир 25-го армейского корпуса, в 1917-м — командующий 5-й Армией.

поджоге, порче имущества и др. по своему усмотрению)²³. Во власти главного начальника округа было также запрещать любые собрания, включая частные, а также собрания местных представительских органов, закрывать любые торговые и промышленные и учебные заведения, приостанавливать периодические издания, налагать секвестр на недвижимые и арест на движимые имущества²⁴. Кроме того, главный начальник округа (генерал-губернатор) мог воспрещать отдельным лицам пребывание в местностях, объявленных на военном положении (п. 16 статьи 19) и высылать отдельных лиц во внутренние губернии Империи, с извещением МВД для установления за ними полицейского надзора (п. 17 статьи 19)²⁵.

Таким образом, главный начальник округа, получая распоряжения из штаба фронта (от главного начальника снабжения), непосредственно руководил местной администрацией и жизнью населения на территории округа. В то же время его полномочия во многом (например, издание обязательных постановлений, право подвергать наказаниям за их нарушение) дублировали полномочия командующего армией. Командующие армиями требовали исполнения своих распоряжений напрямую от губернаторов на местах, минуя начальников

²³ Порядок судопроизводства регулировался военными властями с помощью обязательных постановлений. Главный начальник Двинского военного округа князь Туманов передал 15 августа 1914 года ведению военного суда дела о грабежах и поджогах, совершенных на территории округа, в апреле 1915-го он отменил это постановление, передав одновременно в ведение военного суда дела об убийствах и умышленных поджогах. (Виленские губернские ведомости. № 30 (22 апреля) 1915. С. 2). Варшавский военный генерал-губернатор князь Енгальчев передал 12 апреля 1915 года к производству военного суда «...все дела об обманной продаже или переуступке денатурированного спирта под видом спиртных изделий... Все дела о подложном составлении рецептов врачей...» (AGAD. Kancelaria Warszawskiego General-Gubernatora. Jednostka. 7100. S. 2).

²⁴ «Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении» (Свод Законов Российской империи. Т. II. М., 1910. С. 187–188).

²⁵ Там же. С. 188. Небольшое, на первый взгляд, различие между воспрещением пребывать в районе театра военных действий и высылкой во внутренние губернии играло огромную роль в судьбе высланных. Достаточно указать, что высланные по пункту 16 ст. 19 евреи отправлялись, например, в Полтаву, в то время как высланные по пункту 17 ст. 19 — в Тобольскую губернию.

округов. Сам вопрос подчиненности между начальником округа и командующим армией не был прояснен, они оба подчинялись штабу фронта, при этом согласно «Правилам о местностях» начальник округа подчинялся также командующему армией²⁶.

Еще более запутанная ситуация сложилась в крепостях, расположенных вдоль западной границы России. Комендант крепости и в мирное время пользовался широкими правами по отношению к населению самой крепости и 25-верстного крепостного района. При объявлении крепости на осадном положении комендант получал по отношению к жителям крепости и крепостного района права командующего армией в местности, объявленной на военном положении, и обязан был «держат их в полном подчинении, запрещая вредные речи и суждения»²⁷.

Хотя с введением военного положения гражданская администрация на местах, превратившись в исполнителя воли военных, наделялась и дополнительными полномочиями²⁸, в итоге губернаторы на местах должны были исполнять предписания, зачастую разноречивые, двух или даже трех военных инстанций (начальника округа, командующего армией, коменданта крепости). При этом губернатор, назначенный министром внутренних дел, получал служебные инструкции также от МВД.

Необходимо отметить, что наделение военных полномочиями в сфере гражданской администрации не было экзотическим нововведением и опиралось на существовавшую традицию. В руках военных вплоть до 1917-го находилось управление присоединенными районами Средней Азии (Турке-

²⁶ «В районе действия армии командующему ею подчиняется местный Генерал-губернатор или лицо, коему присваиваются права последнего... причем командующий армией пользуется правом отменять их распоряжения» (Там же. С. 186).

²⁷ «Правила о правах и обязанностях Комендантов крепостей по отношению к гражданским властям и местному населению» (Свод Законов Российской империи. Т. II. М., 1910. С. 184).

²⁸ Graf D.W. Military Rule. P. 393.

станский край и Степное генерал-губернаторство)²⁹. В борьбе с революционным движением, особенно в периоды революции 1905 года и после нее, сделалось нормой использование военных в качестве гражданских администраторов³⁰. Однако до войны военные использовались в роли администраторов ввиду слабости гражданской бюрократии на окраинах или для более решительной и эффективной борьбы с революционным движением — от лица правительства и верховной власти. Военное управление в 1914–1917 годах само было верховной властью в районе театра военных действий, а его отношения с правительством оставались непроясненными.

Военное руководство и Совет Министров

Как мы видели, военное управление районом театра военных действий не заменяло собой обычную структуру гражданской администрации, а переподчиняло эту администрацию себе. В то же время «Положением о полевом управлении» какая-либо координация деятельности Верховного Главнокомандования и Совета министров не оговаривалась вовсе. Формально «подчинение гражданских властей на театре военных действий армейскому командованию... выводило эти территории из сферы влияния... Совета Министров»³¹. Реальностью, порожденной «Положением о полевом управ-

²⁹ *Ibid.* P. 394.

³⁰ См.: Fuller W.C., Jr. *Civil-Military Conflict in Imperial Russia*. P. 129–168. О применении военно-полевых судов в этот период см.: *Ibid.* P. 169–191; Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. С. 367. Об использовании военных на административных должностях в период 1907–1914 годов см.: Graf D.W. *Military Rule*. P. 394.

³¹ Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. *Российская государственность*. С. 11. Ср. в записке управляющего делами Совета Министров И.Н. Ладъженского: «территория эта как бы изъята из ведения общегосударственного управления» (цит. по: Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 10); по словам министра земледелия А.В. Кривошеина: «...невероятные условия созданы у нас отмежеванием части России под театр военных действий. Какая-то опричнина и земщина» (*Там же*. С. 88). Сравнение А.В. Кривошеина не лишено некоторых оснований — фактическая подмена упорядоченного гражданского управления военным с возникающим в результате хаосом и произволом действительно напоминает времена Ивана Грозного (*Graf D.W. The Reign of the Generals*. P. 43).

лении», стало фактическое двоевластие в Империи с образованием «правительства фронта» наряду с «правительством тыла»³². При этом министры «были фактическими узниками армии в своей собственной столице»³³ и утратили контроль над рядом важнейших центров империи — Варшавой, Одессой, Киевом.

Можно предложить несколько объяснений сложившейся ситуации. С одной стороны, столь явное «невнимание к взаимодействию военных и гражданских властей... отражало господствовавший в высших военных кругах России... взгляд на грядущую войну как на скоротечную, а потому и неспособную повлиять сколько-нибудь серьезно на деятельность гражданских властей»³⁴. С другой, при подготовке «Положения о полевом управлении» предполагалось, что функции Верховного Главнокомандующего возьмет на себя сам император, что казалось «достаточной гарантией согласованного функционирования военных и гражданских властей»³⁵. На-

³² Выражение А.Д. Протопопова, министра внутренних дел (1916–1917), цит. по: Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. *Российская государственность*. С. 24.

³³ Graf D.W. *Military Rule*. P. 408. А.Н. Яхонтов писал в 1925-м: «Столица империи, сосредоточение всей жизни государства, находилась под рукою разных, часто сменявшихся, военачальников... которые рассматривали себя в качестве независимых владык и разговаривали с правительством как с управлением побежденного города, а иногда и вовсе с ним не разговаривая и проводя собственную политику... Петербургский градоначальник находился в подчинении... начальнику военного округа и делился сведениями о петербургских событиях с министром внутренних дел лишь в порядке добрых с ним отношений, поскольку позволяло время» (цит. по: Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. *Российская государственность*. С. 16).

³⁴ Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. *Российская государственность*. С. 13. Убеждение в скоротечности войны было летом 1914-го всеобщим, в Петербурге заключались пари, соберется ли мирная конференция до октября (*Там же*. С. 35). Таким убеждением можно объяснить беззаботное заявление председателя Совета Министров И.А. Горемыкина: «Правительство будет управлять тылом, а вопросы войны — это не мое дело» (*Там же*. С. 18). О влиянии господствовавшей теории скоротечной войны на подготовку русской армии к боевым действиям см.: Ротунов И.И. *Русский фронт Первой мировой войны*. С. 103.

³⁵ Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. *Российская государственность*. С. 13. Одним из факторов, повлиявших на решение царя, было резкое неодобрение этого шага Советом министров (*Там же*. С. 10–11).

значение Верховным Главнокомандующим великого князя Николая Николаевича изменило ситуацию, создав две независимые друг от друга системы власти³⁶.

Необходимость координации деятельности военных и гражданских властей сделалась очевидной с первых дней войны. Отправляясь на фронт, Николай Николаевич обратился к председателю Совета Министров И.Л. Горемыкину с пожеланием «тесного взаимодействия»³⁷. Министры расценили это как повод для установления своего влияния на политику Ставки, особенно необходимого ввиду деклараций последней.

В начале августа 1914-го Верховный Главнокомандующий издал воззвания «К Полякам» и «К Русскому Народу Червонной Руси», продемонстрировавшие наличие у Ставки самостоятельных политических амбиций. В обращении к полякам великий князь призывал их поддержать русскую армию в войне и обещал воссоединение польского народа под скипетром русского царя и возрождение под этим скипетром свободной Польши³⁸. Обращение к жителям Червонной Руси объявляло завоевание Галиции воссоединением исконно русских земель с Россией и завершением «дела великого князя Ивана Калиты»³⁹.

³⁶ Graf D.W. Military Rule. P. 403. По-видимому, император Николай не отказался от мысли самому возглавить армию (что он и сделал в августе 1915-го) и рассматривал назначение Николая Николаевича как временное, см.: Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность. С. 13.

³⁷ Цит. по: Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность. С. 15.

³⁸ Achmatowicz Aleksander. Polityka Rosji w kwestii polskiej w pierwszym roku Wielkiej Wojny 1914–1915, Warszawa, 2003. P. 243–265.

³⁹ Цит. по: Розанов В.В. Война 1914 г. и русское возрождение. Пг., 1915. С. 94–95. В обществе ходили слухи, будто ожидается манифест царя или великого князя, обращенный к евреям и дарующий им равноправие — см. рукопись статьи Ш. Ан-ского «Немецкая ставка на русскую реакцию» (ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 339. Ед.хр. 25. Л. 5). В начале сентября 1914-го Николай Николаевич опубликовал воззвание к народам Австро-Венгрии, обещавшее им национальное самоопределение после победы России в войне (см.: Яхонтов, Арк. Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 годов). Записи, заметки, материалы бывшего помощ-

Эти обращения Верховного Главнокомандующего вызвали оживленную реакцию в обществе (русском и польском) и в политических кругах. Видные представители бюрократии (например, министр юстиции И.Г. Щегловитов и министр внутренних дел Н.А. Маклаков) находили формулировки обращения к полякам слишком расплывчатыми и дающими повод к «излишним мечтаниям»⁴⁰. Провозглашение Галиции исконно русской землей предопределяло характер военного управления в ней, направленный на быструю и бескомпромиссную русификацию⁴¹.

Совет Министров, отвечая на «пожелание» великого князя, выдвинул предложение о назначении полномочного представителя правительства, облеченного широкими полномочиями, непосредственно при Верховном Главнокомандующем. Такой представитель должен был быть связующим звеном между Ставкой и Советом Министров, он же отвечал бы и за управление завоеванными русской армией территориями. Это предложение столкнулось с сопротивлением начальника штаба Верховного Н.Н. Янушкевича, не желавшего делиться полномочиями⁴². Руководство Ставки инициирова-

ника управляющего делами Совета министров / Вводная статья и комм. Р.Ш. Ганелина и М.Ф. Флоринского // Русское прошлое: историко-документальный альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 285). Если о первых воззваниях Верховного Совет министров был хотя бы предупрежден, то последнее из них стало для министров полной неожиданностью (Там же. С. 286).

⁴⁰ Бахтурина А.Ю. Государственное управление окраинами Российской империи в годы Первой мировой войны // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 72–73; Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность. С. 22–23; Graf D.W. Military Rule. P. 406.

⁴¹ Бахтурина А.Ю. Государственное управление окраинами. С. 60–62. Отмечается влияние националистически настроенных депутатов Думы на формирование русификаторского курса временной администрации Галиции (Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 68).

⁴² Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность. С. 15; Бахтурина А.Ю. Государственное управление окраинами. С. 60. Совет Министров согласился, в частности, с тем, чтобы военный генерал-губернатор Галиции сносился с ним через Ставку (Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции. С. 77).

ло в октябре 1914-го образование при ней «гражданской канцелярии» во главе с князем Н.Л. Оболенским, не игравшей серьезной роли политической и бюрократической роли (Оболенский был всего лишь коллежским советником — среднего ранга чиновником МВД, а весь штат его канцелярии состоял из шести человек)⁴³.

Первая попытка правительства установить какой-либо контроль над военным командованием (пусть и в чисто гражданских сферах) закончилась неудачей. Координация деятельности военных и гражданских властей осуществлялась путем визитов членов Совета Министров в Ставку, а также перепиской между министрами и Ставкой. Отношения между военными и гражданскими властями оставались при этом напряженными (в ноябре 1914-го «великий князь не считал целесообразным» назначить П.Г. Курлова прибалтийским генерал-губернатором «ввиду возможных трений с министерством внутренних дел»⁴⁴).

Особенно показательным было полное отсутствие сотрудничества Верховного Главнокомандующего с военным министром В.А. Сухомлиновым, которое объясняли личным конфликтом между ними. Замена в июне 1915-го Сухомлинова на рекомендованного великим князем генерала А.А. Поливанова рассматривалась как серьезное упрочение позиций Ставки в отношениях с правительством⁴⁵.

Следующее обострение отношений между Советом Министров и Ставкой пришлось на лето 1915-го, то есть период тяжелых поражений и отступления русской армии на фронте. На заседаниях Совета Министров в июле-августе 1915-го участие Ставки в гражданском управлении и лично началь-

⁴³ Graf D.W. Military Rule. P. 393, 405.

⁴⁴ Курлов П.Г. Гибель императорской России. С. 205.

⁴⁵ Graf D.W. Military Rule. P. 403, 406. Впрочем, сотрудничество Ставки с новым военным министром А.А. Поливановым не выглядело более убедительным (*Ibid.* P. 403). По свидетельству М.К. Лемке, «военный министр знает “о ходе военных операций” то, что Ставка сообщает для публики плюс еще 100–200 слов, которые должны побудить его к энергичному доставлению боеприпасов» (*Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. С. 86*).

ник штаба Н.Н. Янушкевич подверглись резкой критике. Министр земледелия А.А. Кривошеин заявил:

Пока военное реформаторство распространялось на одну Галицию — один вопрос. Сейчас неприятель захватил почти третью часть Европейской России. Казалось бы, наступил момент для пересмотра гражданских полномочий военных властей. С многовластием надо решительно покончить... Никакая страна... не может существовать при наличии двух правительств⁴⁶.

Его активно поддержал министр путей сообщения С.В. Рухлов:

Не может быть двух мнений о необходимости заставить военную власть считаться с интересами гражданского управления. Мы все точно так же работаем для России и не меньше гг. военных заинтересованы в спасении родины от вражеского засилья... И Совет Министров и мы — отдельные министры, попали в какое-то странное положение перед Ставкой. Это учреждение призвано руководить военными действиями и бороться с врагом. А между тем оно проникает во всю жизнь государства и всем желает распоряжаться. Из Ставки нам дают предначертания и повеления, которые мы обязаны выполнять чуть ли не беспрекословно⁴⁷.

Государственный контролер П.А. Харитонов предложил, в свою очередь, назначить в Ставку комиссара Совета Министров,

избрав для этого высокопоставленное лицо, которое по своему положению, опыту в государственных делах, своею независимостью было бы достаточно авторитетно в глазах Верховного Главнокомандующего. Следовало бы добиться того, чтобы Янушке-

⁴⁶ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 18–19.

⁴⁷ Там же. С. 21.

вич стал начальником исключительно военного штаба, а комиссар — гражданского...⁴⁸

Таким образом, предлагалось вернуться к идее создания должности полномочного представителя правительства при Ставке, который контролировал бы деятельность военных в сфере гражданского управления. Другим предложением Совета Министров было формирование при особе монарха военного совета с участием как министров, так и высшего командования. Такой совет обсуждал бы «план войны», складывающуюся на фронте и в тылу ситуацию, лишив военное руководство монополии на принятие решений в области стратегии⁴⁹. Предложения правительства поступили на рассмотрение царя, но Николай II радикально изменил ситуацию, объявив в августе 1915-го Верховным Главнокомандующим себя самого.

Этим решением существовавший с начала войны параллелизм военных и гражданских властей был устранен, и правительство, и военное командование были теперь прямо подчинены монарху. Царь отверг ходатайство о создании военного совета, видимо, считая его ненужным в новой ситуации⁵⁰. Действительно, явный конфликт между высшим военным руководством и гражданской администрацией был ликвидирован этим решением царя. Но в то же время не приходилось говорить о каком-либо контроле за деятельностью военных со стороны правительства. Напротив, сменивший Н.Н. Янушкевича М.В. Алексеев все сильнее вмешивался в деятельность министерств и ведомств. «Осознавая тесную взаимосвязь

⁴⁸ Там же. С. 20. Н.Н. Янушкевич именовался в выступлениях министров «самовлюбленным ничтожеством», а его предложения «непростительной глупостью» (Там же. С. 24–25). Решение Ставки об образовании национальных воинских формирований также встретило критику Совета Министров (Там же. С. 20).

⁴⁹ Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность. С. 18. Первая такого рода конференция министров и военных была проведена под председательством царя в Ставке 27 июня 1915 года и вызвала большой энтузиазм в Совете Министров (Graf D.W. Military Rule. P. 407).

⁵⁰ Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность. С. 19–20.

между ситуацией в стране и положением на фронте и не веря в работоспособность... кабинета, высшие военные круги пытались, и не без успеха, заменять собой “правительство тыла”»⁵¹. Начальник штаба Верховного Главнокомандования превратился в фактического руководителя жизни не только армии, но и всей страны⁵².

Проблемы в отношениях гражданской и военной властей не были специфически русским явлением, они проявились и в других воюющих странах. По словам президента Франции Р. Пуанкаре, высшее командование в его стране «держалось того взгляда, что оно одно должно сосредоточить в своих руках всю компетенцию и всю власть»⁵³. В Англии, «по свидетельству Д. Ллойд Джорджа, члены кабинета Г. Асквита (подобно своим русским коллегам) не получали сколько-нибудь полной информации о положении на фронтах»⁵⁴.

Такое положение вещей не удовлетворяло правительства Англии и Франции, которые были вынуждены взять под свой контроль подготовку и реализацию планов высшего командования. Как отмечал в мемуарах Д. Ллойд Джордж, «ответственность за успех или неудачу лежала на правительствах, и они не могли сбросить с себя какую-либо часть ответственности ссылкой на то, что они доверились специалистам, ко-

⁵¹ Там же. С. 24. По словам современников, Военное министерство стало новилась «как бы придатком Ставки», «министры и министерства как бы уничтожались, и Ставка, полевое управление, взяли все в свои руки» (цит. по: Там же. С. 25–26).

⁵² Замещавший Алексеева в 1916-м генерал Гурко с удивлением отмечал, что в штатах Ставки «один только список начальников отдельных направлений занимал целые страницы», помимо оперативных включая управления тыловые, железные дороги, инженерный и медицинский департаменты, а также дипломатическую и гражданскую канцелярию (Гурко В. Война и революция в России: Мемуары командующего Западным фронтом, 1914–1917. М., 2007. С. 217). Показателен в этой связи проект М.В. Алексеева (июнь 1916-го) об учреждении поста министра государственной обороны с диктаторскими полномочиями и всей полнотой власти в тылу, «причем осуществление плана... предполагало помимо прочего и полное подчинение тыла фронту» (Там же. С. 24). Проект встретил единодушную оппозицию со стороны правительства, Думы и царского окружения и не был принят.

⁵³ Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность. С. 26.

⁵⁴ Там же.

торые явно не отвечали своей задаче»⁵⁵. В России события развивались в прямо противоположном направлении — действенный механизм сотрудничества военных и гражданских властей так и не был создан к февралю 1917-го; потребности фронта приводили к усилению контроля военного командования над правительством и гражданскими ведомствами⁵⁶.

Функционирование военного управления

Одной из первых проявившихся с началом войны проблем военной администрации было отсутствие *аппарата для реального управления* гигантской территорией, перешедшей в ее ведение. По словам П.Г. Курлова, «управление гражданской частью при верховном главнокомандующем — я не говорю уже об управлении главных начальников снабжений армий, ведавших гражданской частью — было совершенно не разработано»⁵⁷.

В систему военного управления, и так довольно запутанную, пришлось добавить новые элементы. Одним из первых изменений стал возврат к практике назначения генерал-губернаторов наряду с главными начальниками округов. В авгу-

⁵⁵ Там же. С. 34. В Германии наблюдалась противоположная западным демократиям и сходная с происходящим в России тенденция передачи полномочий военному командованию (Там же. С. 27). Наиболее парадоксальная ситуация сложилась в Австро-Венгрии. В австрийской части империи парламент был распущен и значительные территории (включая часть Богемии, удаленной от района военных действий) были объявлены на военном положении. В то же время в Венгрии гражданское правительство не допускало передачи каких-либо полномочий военным (Deák I. Beyond Nationalism. P. 199).

⁵⁶ Процесс установления такого контроля был, по-видимому, объективным, не связанным с амбициями того либо иного генерала. В августе 1915-го Н.В. Рузский, приглашенный на заседание Совета Министров для сообщения о планах обороны Петрограда, перевел разговор на положение рабочих на петроградских военных заводах и на опасность для «дела войны» забастовок и беспорядков в тылу. Министры отнюдь не были довольны этим вторжением Рузского в чисто гражданскую область. (Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 66).

⁵⁷ Курлов П.Г. Гибель императорской России. С. 178. Ср.: «Характерной чертой первоначальной структуры Ставки было то, что ее мыслили как орган, руководивший лишь оперативной деятельностью войск» (Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 114).

сте 1914-го, по мере продвижения русских войск в Восточной Пруссии и Галиции, было решено образовать два военных генерал-губернаторства для управления этими «занятыми по праву войны территориями»⁵⁸.

Военным генерал-губернатором Галиции был назначен генерал-лейтенант граф Г.А. Бобринский, подчинявшийся главному начальнику снабжения Юго-Западного фронта; территория генерал-губернаторства была разделена на три, а затем на четыре губернии⁵⁹. На пост генерал-губернатора Восточной Пруссии планировалось назначить генерал-лейтенанта П.Г. Курлова, но вопрос этот отпал сам собой после разгрома русских войск и отступления отсюда⁶⁰. Курлов, однако, не долго оставался «безработным», для него была изобретена должность «помощника гл. начальника Двинского военного округа по гражданской части», поскольку «Верховный Главнокомандующий находил, что гражданская часть в таком обширном округе должна сосредоточиться в руках опытного лица»⁶¹.

Через два месяца, в ноябре 1914-го, П.Г. Курлов назначается уже «особоуполномоченным по гражданскому управлению прибалтийскими губерниями» с правами генерал-гу-

⁵⁸ Graf D.W. Military Rule. P. 393–394.

⁵⁹ Львовская, Тарнопольская, Черновицкая и Перемышльская губернии (Бахтурина А.Ю. Государственное управление окраинами. С. 62). Образование военного генерал-губернаторства должно было предотвратить ожидаемую попытку Совета Министров поставить оккупированные территории под свой контроль (Там же. С. 60). Бобринский был «великосветский», «паркетный» генерал, близкий к придворным кругам, В.Ф. Джунковский отмечает у него отсутствие административных способностей и, «как и у большинства лиц, стоявших в то время наверху» — чрезмерную самоуверенность. Бобринский считал, что Галицией «можно управлять так, как управляют любой губернией России» (Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 447).

⁶⁰ О его несостоявшемся назначении генерал-губернатором Восточной Пруссии см.: Курлов П.Г. Гибель императорской России. С. 202–203.

⁶¹ Там же. С. 204. Кроме административной части начальник Двинского округа князь Туманов возложил на Курлова «заведование военной цензурой и контрразведкой».

бернатора и подчинением ему Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний⁶².

В январе 1915-го вновь вводится упраздненная было «за надобностью» должность варшавского генерал-губернатора, на нее назначается не имевший никакого административного опыта генерал князь Н.П. Енгальчев⁶³. Как уже упоминалось, в октябре 1914-го при Ставке создается гражданская канцелярия во главе с князем Н.Л. Оболенским, впрочем, вскоре отправленным в Варшаву⁶⁴.

Таким образом, структура военной администрации, и без того замысловатая, еще более усложнилась в течение 1914–

⁶² Там же. С. 205. До назначения Курлова Эстляндская и Лифляндская губернии подчинялись Петроградскому военному округу, а Курляндская губерния — Двинскому, и такая «двойственность власти в трех совершенно однородных губерниях вызывала массу недоразумений». (Там же). Новый помощник по гражданской части при главном начальнике Двинского военного округа, после того как П.Г. Курлов оставил эту должность, назначен не был. В свою очередь, после ухода П.Г. Курлова в резерв в августе 1915-го новый особоуполномоченный в эти губернии также не был назначен.

⁶³ Об упразднении этой должности см.: Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне. С. 193. Как вспоминал находившийся при ставке Г.И. Шавельский, «трудно было представить себе более неудачный выбор, чем выбор князя Енгальчева в Варшавские генерал-губернаторы... <он> не отличался ни крепким умом, ни твердыми убеждениями. Начальником канцелярии к нему был назначен... Н.Л. Оболенский, начальник гражданской части в Ставке... Он склонялся к тому, чтобы отказаться от назначения. «Вы не имеете права отказываться, — сказал я ему, — вы видите, кого посылают туда в генерал-губернаторы. Без благоразумного помощника он может натворить невесть что!» (Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 1. N.Y., 1954. С. 215–216). В качестве помощника по гражданскому управлению к Енгальчеву был прикомандирован сенатор Д.Н. Любимов. Енгальчев считался креатурой великого князя. Начальник штаба Верховного, Н.Н. Янушкевич, после знакомства с ним сказал: «Поражаюсь, как могли назначить такого дурака генерал-губернатором» (Там же. С. 214, 216). Ср. в мемуарах В.Ф. Джунковского (в то время зам. министра внутренних дел и командир корпуса жандармов): «Енгальчев ничего из себя не представлял и никаких административных способностей у него не было, он был совершеннейший дилетант. И в прошлом у него заслуг никаких не было, так как командование гусарским полком не давало еще данных на назначение на такой крупный пост» (Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 495).

⁶⁴ См. выше, прим. 58; Graf D.W. Military Rule. P. 405.

1915 годов. Назначение временных генерал-губернаторов и помощников военных администраторов по гражданской части, так же как и создание гражданской канцелярии Ставки, может рассматриваться и как попытка создать более эффективную модель управления, и как признание непродуманности первоначальных замыслов⁶⁵.

Получившее в свои руки власть над гигантской территорией театра военных действий, военное руководство было неопытно в сфере гражданской администрации и не подготовлено к принятию решений в этой области. М.К. Лемке в дневнике пишет о высших офицерах Ставки: «В Академии их учили о тыле в 25–40 верст, все позади него... отданное в их управление... им совершенно неизвестно»⁶⁶. Эта неопытность и отсутствие необходимых знаний не мешала военным администраторам считать «себя способными управлять всеми сторонами жизни страны»⁶⁷. Великий князь Николай Николаевич, по словам П.Г. Курлова, был «мало знаком» с гражданским управлением, что «осложняло несомненно внутреннее положение страны», а начальник штаба Верховного генерал Н.Н. Янушкевич «в вопросах гражданских... был так же неопытен, как и его августейший принципал»⁶⁸. Несмотря на это, Янушкевич полностью сосредоточился на «административно-распорядительной области»⁶⁹, не принимая участия в управлении боевыми действиями в силу своей «полной неподготовленности к стратегической работе»⁷⁰.

⁶⁵ Graf D.W. Military Rule. P. 394.

⁶⁶ Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. С. 799. Отметим, что Н.Н. Янушкевич был как раз профессором военной администрации.

⁶⁷ Там же. С. 508.

⁶⁸ Курлов П.Г. Гибель императорской России. С. 176. Айранетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 45.

⁶⁹ Вся система военного снабжения была отчасти выстроена в соответствии с идеями Янушкевича, специалиста в этой области (Jones D.R. Imperial Russia's Forces at War // Millet A.R., Murray W. Military Effectiveness. Vol. I: The First World War. Boston, 1988. P. 256).

⁷⁰ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. С. 117. Назначение было тем фантастичнее, что «Янушкевич был совершенно не знаком с полевой службой Генерального штаба, почти не занимался кабинетной работой, никогда не коман-

Н.Н. Янушкевич, «малозаметный профессор военной администрации, представлял собой тип скромного подчиненного, всегда готового сказать: «чего изволите»⁷¹. С началом войны не разбиравшийся в управлении войсками Янушкевич автоматически сделался начальником штаба Верховного Главнокомандования. На практике стратегической работой в Ставке занимался генерал-квартирмейстер Ю.Н. Данилов, свысока смотревший на «профана» Янушкевича⁷².

Сменивший Янушкевича М.В. Алексеев по замечанию М.К. Лемке, «не понимает всю глубину своего незнания, и все берется решать и по всему давать... заключения...»⁷³. Как

довал войсками, не имел никакого боевого опыта, не знал ни одного театра военных действий, и к тому же «не отличался большими способностями» (*Залесский К.А.* Первая мировая война: Биографический энциклопедический словарь. С. 247). Современники именовали его «дамой, приятной во всех отношениях» (Военный дневник Великого князя Андрея Владимировича Романова, 1914–1917 / Сост., предисл., комм.: В.М. Осин, В.М. Хрусталева. М., 2008. С. 86).

⁷¹ *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Т. I. С. 257. Он очень понравился императору во время своей командировки в Ливадию в 1913 году, когда показывал наследнику кинематографическую ленту из жизни А.В. Суворова. К тому же Янушкевич был политически благонадежен, состоя членом Совета объединенного дворянства (*Залесский К.А.* Первая мировая война. С. 247). В 1913-м Н.Н. Янушкевич назначается начальником Академии Генерального штаба, а в марте 1914-го (по личному желанию императора) — начальником Главного управления Генерального штаба, являя «небывалый за долгое время в нашей армии пример выдающейся карьеры» (Сын отечества. 1914. № 11(69), 13 января; машинописная копия: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 201. Лл. 3–4).

⁷² *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 1. С. 117. Сам Янушкевич отвечал на вопросы, касающиеся стратегии: "Вы обратитесь к Юрию Никифоровичу (Данилову), это его дело" (Военный дневник Великого князя Андрея Владимировича Романова, С. 61). Ср. у М.К. Лемке, цитировавшего нового генерал-квартирмейстера Ставки Пустовойтенко: «Янушкевич был совсем не на месте и прав кто-то, окрестивший его стратегической невинностью» (*Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. С. 32). Интересно, что сам Янушкевич сознавал себя в Ставке не на месте и писал В.А. Сухомлинову, что знает «дюжины генералов» Генерального штаба, более талантливых, чем он (*Graf D.W.* The Reign of the Generals. P. 18). Янушкевич даже получал анонимные письма с упреками, что «взялся за дело не по уму», см.: *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 471.

⁷³ *Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. С. 767. Вместе с тем Лемке отме-

пример непонимания военными своей новой, гражданской роли Лемке приводит то, что «Н.А. Данилов признал вовсе ненужным иметь при себе юрисконсульта, тогда как именно при начальнике снабжения он необходим каждую минуту»⁷⁴. Неопытность и неосведомленность военных властей могли использоваться гражданской бюрократией в межведомственной борьбе⁷⁵.

Военные власти пытались регламентировать жизнь населения в различных областях, широко пользуясь правом издания обязательных постановлений. Сферы жизни, в которые вмешивались военные, были при этом «почти неограниченными»⁷⁶, от установления максимальных цен до регулирования работы транспорта в Петрограде⁷⁷. В рамках чрезвычайных полномочий «без достаточных поводов развязными генералами и чрезмерно ретивыми губернаторами» запрещались профессиональные союзы⁷⁸. Трудовые конфлик-

тил, что «Алексеев — человек очень прямой, глубоко честный, одаренный необыкновенной памятью» (*Там же*. С. 32).

⁷⁴ *Там же*. Не желающий прибегать к услугам юрисконсульта Данилов не был даже знаком с правилами проведения реквизиций, нарушаемыми его подчиненными (*Курилов П.Г.* Гибель императорской России. С. 179).

⁷⁵ См. два примера в воспоминаниях В.Ф. Джунковского. В начале 1915-го министр юстиции И.Г. Щегловитов получил (через председателя Совета Министров) согласие Ставки предать арестованных социал-демократов — депутатов Государственной думы военному суду. МВД резко протестовало против этого решения, и оно было отменено (*Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 524–525). В мае 1915-го по приказу Верховного Главнокомандующего в Петрограде (где действовало военное положение) был арестован известный московский фабрикант Ю.П. Гужон. Оказалось, что арест вызван обращением в Ставку главноначальствующего в Москве князя Юсупова, пытавшегося таким образом «миновать» МВД, так как никаких оснований для ареста Гужона у него не было (*Там же*. С. 558).

⁷⁶ *Graf D.W.* Military Rule. P. 397.

⁷⁷ *Graf D.W.* Military Rule. P. 396–397.

⁷⁸ Выступление министра торговли и промышленности В.Н. Шаховского на заседании правительства 26 августа 1915 года (*Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 113). Министр внутренних дел Н.Б. Щербатов подтвердил, что «в отношении союзов господствует полный произвол на местах» (*Там же*).

ты разрешались военными властями с помощью «полевых судов» и «вооруженной силы»⁷⁹.

Наибольшей активностью в издании обязательных постановлений отличались начальники военных округов. Обязательные постановления главного начальника Двинского военного округа князя Туманова публиковались почти в каждом номере местных газет. 29 сентября 1914 года он запретил «вывоз за пределы округа всякого кожаного товара, годного для изготовления обуви, за пределы Виленской губернии — вывоз зерна, пшеницы, муки, овса, гороха, сахара, соли» (это обязательное постановление было отменено в начале 1915-го)⁸⁰. Для жителей Вильно князь Туманов определил также часы закрытия кафешантанов, ресторанов, театров и других увеселительных заведений; запретил продажу в городе любых спиртных напитков (кроме легкого белого и крепленого вина), предписал содержание в чистоте улиц, домов, лестниц, дворов и т.д.⁸¹ Одним из обязательных постановлений главный начальник Двинского военного округа запретил публичное употребление немецкого языка (включая разговоры на улицах)⁸².

Особенно активный характер носила административная деятельность временного генерал-губернатора Галиции Г.А. Бобринского. Поддерживаемый Ставкой и командованием Юго-Западного фронта, Бобринский пытался ввести в Галиции «русский строй», насаждая русский язык в суде, печати и школе, заменяя местную администрацию привезен-

⁷⁹ Выступление министра торговли и промышленности В.Н. Шаховского, 16 июля 1915 года (*Там же*. С. 20–21).

⁸⁰ Виленские губернские ведомости. 1915. № 11 (7 февраля). С. 1; аналогичное запрещение на вывоз мяса и скота из Ковенской губернии: Ковенские губернские ведомости. 1915. № 5 (14 января). С. 1.

⁸¹ Виленские губернские ведомости. 1914. № 76 (24 сентября). С. 1; 1915. № 11 (7 февраля). С. 1; 1915. № 29 (18 апреля). С. 1. В июне 1915-го уже сам Верховный Главнокомандующий запретил продажу любых спиртных напитков на территории театра военных действий (Виленские губернские ведомости. 1915. № 51 (4 июля). С. 1.

⁸² Виленские губернские ведомости. 1915. № 22 (18 марта). С. 2; в Петроградском военном округе запрет был отдан раньше, видимо, в ноябре 1914-го, см.: Курлов П.Г. Гибель императорской России. С. 208; Graf D.W. Military Rule. P. 397.

ными из России чиновниками и полицейскими, поддерживая переход местного населения в православие⁸³.

Активность в издании регламентирующих жизнь населения постановлений проявляли и командующие армиями. По словам П.Г. Курлова:

Каждый из командующих армией издавал массу обязательных постановлений, совершенно между собой не координированных и зачастую друг друга исключающих, так что гражданские власти иногда терялись, какие же из этих постановлений подлежат исполнению⁸⁴.

Команданты крепостей не отставали от командующих армиями. По сообщению газеты «Речь», в мае 1915-го «господином комендантом гродненской крепости за нарушение обязательных постановлений подвергнуты: Филомена Михайловна Цельнер — аресту при тюрьме на 2 недели, за то, что выливала из ночных горшков нечистоты “на улицу”... Дворянин Константин Янулевич — штраф в 100 рублей... за неуборку нечистот... Крестьянин Устинович — штраф в 25 рублей за продажу хлеба выше установленной таксы»⁸⁵.

⁸³ Бахтурина А.Ю. Государственное управление окраинами. С. 60–67; Graf D.W. Military Rule. P. 397–398. По версии Г.И. Шавельского, однако, военные власти и на местах, и в Ставке пытались сопротивляться политике обращения галицийских униатов в православие, проводимой по инициативе придворных кругов Синодом и архиепископом Евлогием (*Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. С. 165–182). Сам Бобринский заявлял, что «управление генерал-губернаторством должно было основываться «на русских началах», однако «без коренной ломки существующего строя», то есть польское помещичье землевладение в Галиции затронуто не будет (*Савченко В.Н.* Восточная Галиция в 1914–1915 годах (этносоциальные особенности и проблема присоединения к России) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 103).

⁸⁴ Курлов П.Г. Гибель императорской России. С. 180. Так, уже 2 августа 1914 года командующий 2-й Армией генерал Самсонов, «озабоченный нормальным течением жизни в районе армии среди местного населения», приказал «местной администрации установить цены на продукты первой необходимости», то есть на хлеб, мясо, овощи и топливо (Плоцкие губернские ведомости. 1914. № 34 (23 августа). С. 1).

⁸⁵ Речь. 1915. № 131 (15 мая) 1915. С. 4. Напомним, что максимальным налагаемым военными властями административным наказанием был штраф в 3 тысячи рублей и тюремное заключение на 3 месяца.

Одним из проблемных моментов в деятельности военной администрации была *практика реквизиций*⁸⁶. Согласно «Положению о порядке проведения реквизиций во время войны и в период мобилизации» от 31-го июля 1914 года, «в пределах своей страны» могли производиться только платные реквизиции с оплатой на месте наличными деньгами или реквизиционными квитанциями.

Право производить такие реквизиции предоставлялось не только высшим командирам, но и начальникам «всякого отряда или воинской части, действующей отдельно, не исключая мелких команд и разъездов...»⁸⁷. Столь широкое определение открывало простор для произвола и злоупотреблений, тем более что органы управления тылом слабо контролировали ситуацию.

П.Г. Курлов описывает в мемуарах, как некая комиссия подполковника Семенова задержала на таможах в районе Риги «товаров на много миллионов рублей» и бесследно исчезла⁸⁸. Терпящие в течение нескольких месяцев гигантские убытки торговые фирмы обратились к главному начальнику снабжения. После запроса последнего главный начальник Двинского военного округа поручил расследование Курлову. Оказалось, что загадочная комиссия «прибыла в Ригу по приказанию главного начальника снабжений». П.Г. Курлов телеграфировал «о таком неожиданном результате» генералу Данилову и получил приказание выпустить товар из таможен⁸⁹.

Производились и безвозмездные реквизиции на значительные суммы. Данилов, если верить мемуарам Курлова, не знал, что такие реквизиции разрешаются только в неприятельской стране, то есть незаконны, а просвещенный на сей счет Курловым, возмутился, что его ввели в заблуждение⁹⁰.

⁸⁶ О проблеме реквизиций см.: *Graf D.W. Military Rule*. P. 395–396.

⁸⁷ *Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 годов. С. 179–181.

⁸⁸ *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. С. 180.

⁸⁹ *Там же.*

⁹⁰ *Там же.* С. 179. См. также: *Graf D.W. Military Rule*. P. 395. Столь вопиющая некомпетентность Н.А. Данилова в области, за которую он прямо отвечал, не мешает П.Г. Курлову описывать личные качества этого военного

Впрочем, недостатки Данилова не были секретом, военный министр В.А. Сухомлинов писал в октябре 1914-го Н.Н. Янушкевичу, что Данилов отдает «грубые, деспотичные и поразительно бесосновательные распоряжения»⁹¹.

В сентябре 1914-го Верховный Главнокомандующий приказал принять все возможные меры с тем, чтобы платить населению на месте наличными деньгами. Суровые приказы главнокомандующих армиями Северо-Западного фронта Н.В. Рузского (ноябрь — декабрь 1914-го) и М.В. Алексева (август 1915-го) об ответственности за незаконно производимые реквизиции показывают, что до наведения порядка в этой области было далеко⁹².

Военные власти использовали *местную гражданскую администрацию* как инструмент для выполнения своих приказов. Гражданскую администрацию, в свою очередь, раздражала обязанность выполнять распоряжения, нередко разноречивые, исходящие от различных командиров, как и высокомерный тон, усвоенный военными в отношениях с ними. Министр внутренних дел князь Н.Б. Щербатов заявил на заседании Совета Министров 16 июля 1915 года:

Губернаторы заваливают меня запросами и телеграммами о невыносимом положении, порождаемом деяниями военных властей. При малейшем возражении — окрик и угрозы, чуть не до ареста включительно. Невозможно разобраться, чьи приказания и требования следует исполнять. Сыплются они со всех сторон,

администратора в превосходных степенях: «крайняя простота, любезность, внимательное выслушивание всякого мнения, быстрота в решениях самых запутанных вопросов и отсутствие самомнения...» (*Курлов П.Г.* Гибель императорской России. С. 179). В Совете Министров, напротив, с содроганием говорили о Н.А. Данилове («рыжем» Данилове) и его «орде тыловых героев» (*Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 173).

⁹¹ Цит. по: *Graf D.W. The Reign of the Generals*. P. 48. Уже в 1914-м Сухомлинов отмечал, что и Данилов, и его коллега на Юго-Западном фронте генерал Забелин (вскоре смещенный) не оправдывают ожиданий (*Ibid.*). Несмотря на известные недостатки Данилова как администратора, доверие Янушкевича к нему оставалось непоколебимым (*Ibid.* P. 49–50).

⁹² О приказах Рузского см.: *Graf D.W. Military Rule*. P. 396. Приказ Алексева: AGAD. Rosyjskie jednostki wojskowe, nie wchodzące w skład Warszawskiego wojennego okręgu. Dok. 2. S. 74.

причем нередко совершенно противоречивые. На местах неразбериха и путаница невообразимые. Распоряжаются все, начиная от любого предприимчивого прапорщика⁹³.

Полномочия младших командиров в сфере гражданской администрации, не оговоренные никакими законодательными актами, определялись приказами местного военного командования. Так, командующий 8-й Армией А.А. Брусилов приказал 10 августа 1915 года для гражданского управления на занимаемых армией территориях «назначить в каждом корпусе энергичного штаб-офицера для исполнения должности земского правителя в пределах корпусного района». Начальники этапных участков и этапные коменданты (офицеры службы армейского тыла) получали согласно приказу Брусилова полномочия окружных и областных «земских правителей»⁹⁴. Поскольку четкие границы полномочий тыловых офицеров не были определены, превышение ими власти было одной из очевидных проблем в районе театра военных действий. Согласно замечанию П.Г. Курлова:

Конечно, вся власть была сосредоточена по закону в руках высшего начальства, но так как оно было занято почти исключительно военным делом и надлежащей практикой в административной сфере не обладало, то фактически почти безграничная власть сосредоточивалась у младших чинов. Лучшим примером может служить деятельность этапных комендантов из младших офицеров, которые считали себя чуть не начальством над губернаторами⁹⁵.

⁹³ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 19. На заседании 9 августа 1915 года министр внутренних дел вновь говорит о «повсеместном господстве тыловых прапорщиков с деспотическими наклонностями и малыми познаниями в поручаемых им делах» (*Там же*. С. 64).

⁹⁴ Цит. по: Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 129–130.

⁹⁵ Курлов П.Г. Гибель императорской России. С. 178.

В качестве примера П.Г. Курлов приводит случай с одним из таких этапных комендантов, прапорщиком запаса, который потребовал от лифляндского губернатора осуществить громадную бесплатную реквизицию, а за неисполнение этого требования грозил расстрелять губернатора⁹⁶.

Представление об отношении командиров воинских частей к местной администрации дает история, произошедшая в Ковенской губернии. Ковенский губернатор Грязев обратился 7 декабря 1914 года к главному начальнику Двинского военного округа с жалобой на коменданта местечка Кретинген (сейчас город Kretinga, Литва), командира 1-й пограничной конной сотни подполковника Карпенко. Местная полиция арестовала еврея Янкеля Рабиновича, обвиняемого в подслушивании «секретных служебных разговоров» кретингенских полицейских, а также в «распространении ложных слухов, что урядник был пьян», и в «сочувственном отношении к немецким победам». Карпенко заявил, что лично хорошо знает Рабиновича (впоследствии выяснилось, что тот был его агентом), и потребовал прекращения дела.

Когда Рабинович был приговорен губернатором к высылке в Олонецкую губернию до конца войны, Карпенко силой освободил его из рук полиции и отпустил домой, заявив, что «с распоряжениями гражданских властей он не считается». В конечном итоге Рабинович был все-таки выслан. Губернатор просил наказать Карпенко, неуважительно относящегося к гражданским властям⁹⁷. Главный начальник Двинского военного округа попросил непосредственного начальника Карпенко, генерала Апухтина, «провести подробное расследование деятельности командира 1-й конной сотни»⁹⁸. Примеча-

⁹⁶ Там же. Распоряжающийся в тылу «прапорщик из тыловых героев» превратился в нарицательного персонажа, в оценке которого сходятся и ненавидимый в правительстве Курлов (которого в Совете Министров считали фигурой одиозной и просили Ставку о его удалении с поста, см.: Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 26), и А.В. Кривошеин: «Господа прапорщики роют могилу российской государственности и родят повсюду врагов» (*Яхонтов А.Н. Тяжелые дни*. С. 26, 100).

⁹⁷ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 50. Лл. 27–28.

⁹⁸ Там же. Л. 29 (распоряжение от 9 декабря 1914 года).

тельно донесение Апухтина главному начальнику округа, где, в частности, сообщалось:

Подполковник Карпенко — комендант Кретингена... этого совершенно достаточно, чтобы любой житель по его требованию был гражданскими властями арестован или освобожден. Между тем письмо Карпенко губернатору совершенно не повлияло на постановление последнего... Подполковник Карпенко допустил ошибку, а именно не донес мне об этом случае и лишился нужного ему агента. Если бы я знал о происшествии своевременно, то приказал бы не допускать ареста Рабиновича, хотя бы для этого пришлось *объявить войну всем местным гражданским властям* <Выделено нами — С.Г.>. Подполковнику Карпенко я сделал замечание... предписываю <ему> не допускать впредь подобного отношения... со стороны гражданских властей, хотя бы для этого пришлось прибегнуть к вооруженной силе⁹⁹.

Взгляд на местную гражданскую администрацию как на покоренных подданных, а не партнеров в деле управления, не способствовал установлению корректных отношений между военными и гражданскими властями.

Практика военного управления обнаружила неподготовленность военных администраторов к выполнению своих функций и вместе с тем их стремление контролировать и регламентировать все и вся. Военное управление отличалось «произволом, неразберихой, административными злоупотреблениями...»¹⁰⁰. С особой остротой последствия решительных, но скоропалительных распоряжений военных властей, принимаемых и без совета с гражданской администрацией, и с игнорированием ее мнения, проявились во время большой эвакуации лета 1915-го.

⁹⁹ Там же. Лл. 30–32. О таком своем предписании Апухтин сообщил и губернатору Грязеву (Там же). Ковенский губернатор вообще вызывал особую неприязнь со стороны военных. В июле 1915-го комендант Вилькомира порвал пропуск, выданный губернатором еврею, «и заорал: “Грязев — мерзавец, как он смел давать пропуска жидам-шпионам в военное время”» (ЦАИЕН. НМФ/ 588.2; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165). Подробнее см. ниже.

¹⁰⁰ Graf D.W. Military Rule. P. 395.

Принудительная эвакуация (1915)

С начала 1915 года, когда военные действия складывались в целом благоприятно для России, военные власти начали отдавать распоряжения о принудительной эвакуации. В феврале командование 6-й Армии приказало готовиться, на случай германского вторжения, к массовой эвакуации ценностей из Финляндии, в апреле это приказание было дополнено распоряжением принудительно эвакуировать население¹⁰¹. На Северо-Западном фронте главный начальник снабжения Н.А. Данилов отдал 8 апреля от имени главнокомандующего армиями фронта (М.В. Алексева) распоряжение «вывести из приграничной полосы ценности, скот, зерно». Это распоряжение было передано главным начальником Двинского военного округа губернаторам на места¹⁰². В последующие дни штаб фронта разъяснил, что ширина «приграничной полосы» равняется 100 верстам и в этой полосе можно оставлять на каждый двор по одной голове скота и на два месяца продовольствия. Распоряжения о вывозе должны были поступать от командующих армиями¹⁰³. Все это вызвало немалое волнение местной администрации, и 17 апреля штаб фронта разъяснил, что распоряжение о вывозе «касалось исключительно Ковенской и Курляндской губерний»¹⁰⁴.

Летом 1915-го русская армия потерпела ряд тяжелых поражений и вынуждена была отступать под напором австро-германских войск. Получив сведения, что неприятель рассчитывает захватить в тылу русской армии запасы продовольствия, а также воспользоваться населением захваченных областей для пополнения своей армии, военное руководство России приняло тактику «выжженной земли» при отступлении, по примеру войны 1812 года¹⁰⁵.

¹⁰¹ Ibid. P. 138.

¹⁰² РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 50. Лл. 201–205.

¹⁰³ Там же. С. 207, 209, 212, 218.

¹⁰⁴ Там же. С. 230. В районе Ковенской и Курляндской губерний развивалось в это время немецкое наступление (Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 237).

¹⁰⁵ Graf D.W. Military Rule. P. 401. По свидетельству А.В. Кривошеина: «Янушкевич... прямо сказал мне, что война ведется огнем и мечом и

Согласно директиве Н.Н. Янушкевича от 10 июня 1915 года следовало:

...посевы уничтожать, косьбой или иным путем. Население возраста военнообязанных удалять в тыл, кроме жидов. Все запасы скота, хлеба, фуража вывозить в тыл. Легче будет вновь снабдить войска при нашем наступлении, но не оставлять противнику... Водокачки взрывать, где возможно, и плотины¹⁰⁶.

6 июня 1915 года главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванов отдал приказ о поголовной эвакуации населения и имущества при отступлении русских войск. В приказе, в частности, говорилось:

Ввиду имеющих несомненных данных, что неприятель забирает в занимаемых им областях все мужское население в войска и на работы... всему населению предлагать отправляться в тыл по мере отхода наших войск. Отправлять в тыл весь скот и лошадей, все медные предметы (включая колокола), и все, что может послужить неприятелю. Запасы продовольствия — уничтожать¹⁰⁷.

что пусть страдают те, кто попадет на пути. Я понимаю, что фатальный для России Янушкевич мог так рассуждать, ибо такой ему дан от Господа Бога кругозор...» (*Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 131*).

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Лл. 11–11об. Ср. с указанием Ставки о поголовном выселении всего населения в возрасте с 17 до 45 лет «кроме калек и евреев» (*Там же. Л. 327*).

¹⁰⁷ *Там же. Л. 10*. «Переселяющееся население, — предлагал генерал Иванов, — сосредотачивать в тыловом районе... Выселяющихся же евреев направлять в районы к востоку от Волги, не предупреждая, однако, их о том» (*Там же*). Речь идет о евреях, выразивших добровольное желание следовать за русской армией. Ср. с распоряжением, переданным главным начальником снабжения армий Северо-Западного фронта Н.А. Даниловым в штаб 4-й Армии 22 июня 1915 года: «Реквизиции “при отступлении” подлежат скот, повозки, продовольственные запасы, если их количество превышает месячную потребность населения, машины и станки, если они поддаются вывозу и вся медь, кроме колоколов и церковной утвари. Уничтожению или разрушению подлежат посевы и покосы, если они не были убраны, и заводское оборудование... Желательно дать населению убрать посевы и тогда урожай реквизировать, в противном случае уничтожить» (*Там же. Ф. 2118. Оп. 3. Д. 9. Л. 24*).

С целью «облегчить тяготы принудительного выселения» решено было «призвать все христианское население от 18 до 45 лет временно к принудительному труду в рабочих командах»¹⁰⁸.

Таким образом, первоначальные директивы военных властей предполагали принудительное выселение миллионов человек из оставляемых русской армией областей и обречение всего остального населения на голод ввиду полного уничтожения запасов продовольствия. Эти директивы были частично пересмотрены в ходе созданного в Ставке 24 июня 1915 года «Особого Совещания о мерах при оставлении войсками местностей»¹⁰⁹, которое предписало:

Немцы-колонисты... (хотя бы они и жили в городах), подлежат обязательному выселению из района ТВД (театр военных действий)... Галичане, польское население Варшавского генерал-губернаторства, а равно русское население в случае желания оставить место жительства получают всемерное содействие и бесплатный проезд... Взамен принудительного призыва в рабочие роты из населения очищаемых областей формируются добровольные рабочие команды... При очищении неприятельских местностей еврейское население сосредотачивается в особых пунктах, в прочих местностях — оставляется на месте. Евреи иностранного подданства вглубь России ни в коем случае не допускаются... Уничтожению или разрушению подвергаются лишь те строения и леса, необходимость уничтожения которых определяется боевой обстановкой... Реквизиции... производятся

¹⁰⁸ Распоряжение штаба 4-й Армии от 21 июня 1915 года (*Там же. Ф. 2118. Оп. 3. Д. 9. Л. 29*).

¹⁰⁹ В этом совещании приняли участие Н.Н. Янушкевич, главные начальники снабжения фронтов Н.А. Данилов и А.А. Маврин, варшавский генерал-губернатор князь Н.П. Енгальчев, дежурный генерал Ставки П.К. Кондзеровский, главный начальник военных сообщений С.А. Ронжин и начальник гражданской канцелярии Ставки князь Н.А. Оболенский (*Нелипович С.Г. Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: немецкую пакость уволить, и без нежностей... Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 48*). Одним из результатов этого совещания стала поголовная депортация немецкого населения с театра военных действий (*Там же. С. 48–50*).

обязательно платные с вознаграждением на месте. Отбирается весь излишек запасов сверх годовой потребности¹¹⁰.

Решения Особого Совещания несколько смягчали первоначальные директивы военных властей. Однако войска продолжали энергично уничтожать все, что встречали при отступлении, и сгонять мирное население в тыл, несмотря на строжайшие приказы «самыми суровыми решительными мерами прекратить самовольное уничтожение войсками имущества жителей»¹¹¹. Сложившуюся ситуацию ярко описывает обращение одиннадцати членов Государственной думы к Верховному Главнокомандующему от 19 августа 1915 года:

... помимо приказа от 21 июня 1915 г. вслед за войсками продолжают беспощадно срывать с мест население, уничтожают или отбирают все имущество. Сплошь выжигают деревни, фольварки. Дороги переполнены больными, голодными беженцами, эпидемии разносятся по всем местностям. Просим поддержать веру в святость Ваших приказов и спасти население от отчаяния и смуты¹¹².

Хаос, вызванный приказами об эвакуации и поведением войск, превратившихся во время отступления «просто в вольницу»¹¹³, не был секретом для Ставки. Находившийся при Ставке граф А.С. Замойский рапортовал Верховному Главнокомандующему:

¹¹⁰ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Лл. 13–15. Таким образом, решениями совещания проводилась ясная грань между евреями — русскими и иностранными подданными. Новые указания были немедленно доведены до войск, см., напр.: телеграмму штаба 4-й Армии от 25 июня 1915 года: «По повелению Верховного Главнокомандующего польское население принудительному выселению не подвергать и в рабочие дружины привлекать только добровольно. Еврейское население принудительно не выселять и в рабочие дружины не принимать» (*Там же*. Ф. 2118. Оп. 3. Д. 9. Л. 69). См. также: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 111. Лл. 222–224.

¹¹¹ Archiwum Akt Nowych. Warszawa. Akta Stanisława Dzierżbickiego. P. 105.

¹¹² *Там же*. Л. 206.

¹¹³ Выражение В.П. Денисенко, дивизионного контролера 7-й кавалерийской дивизии (*Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. С. 88).

Приказы об истреблении посевов, выселении и т.д. отдаются в большинстве случаев устно... <они> обогащаются по пути угрозам, вводят в недоумение, порождают панику... царит хаос, порождающий колоссальные материальные и нравственные жертвы. Общее число и содержание жалоб наполняет чувством безысходности¹¹⁴.

Некоторые генералы (в их числе М.В. Алексеев, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта), выступали против безудержного разрушения собственного тыла, но не оказали серьезного влияния на политику Ставки¹¹⁵.

Распоряжения военных властей об эвакуации стали предметом оживленного обсуждения в Совете Министров¹¹⁶. Общим было мнение о непродуманности политики разрушений и выселений и убежденность в ее губительных последствиях. В июле 1915-го министры отмечали, что «Ставка окончательно потеряла голову. Она не отдает себе отчета в том, что она делает, в какую пропасть затягивается Россия. Нельзя ссылаться на пример 1812 года и превращать в пустыню оставляемые неприятелю земли...»¹¹⁷. Возмущение вызывали прежде всего массовые выселения:

¹¹⁴ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 129. На телеграмме, сообщавшей о чинимых отступающими войсками грабежах и бесчинствах, Н.Н. Янушкевич наложил 5 июля 1915 года характерную резолюцию: «Прекратить грабежи и насилия, уподобляющие нас нашим врагам» (*Там же*. С. 71).

¹¹⁵ *Graf D.W.* Military Rule. P. 401.

¹¹⁶ Дискуссии происходили на фоне полного отсутствия взаимопонимания со Ставкой, поскольку «сплошная эвакуация уступаемых неприятелю местностей» стала для высших гражданских властей «полною неожиданностью. Со стороны главнокомандования не последовало каких-либо предупреждений о принятых... решениях... Невероятно предположить, чтобы сама Ставка не отдавала бы себе отчета в истинных размерах надвинувшейся беды и она захватила ее врасплох» (*Яхонтов, Арк.* Первый год войны. С. 312).

¹¹⁷ Заседание 30 июля 1915 года (*Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 32–33). На заседании велся оживленный общий разговор, и А.Н. Яхонтов записывал реплики, не указывая, кому они принадлежат. Кто-то из министров метко охарактеризовал резоны военного руководства: «Ставка... не склонна отказываться от кутузовского заманивания и надежды побороть немецкое наступление опустошенным пространством...» (*Там же*).

Людей отрывают от родных гнезд, давая на сборы несколько часов, и гонят в неведомую даль... вся эта сбитая с толку, раздраженная, измученная толпа сплошным потокам катится по всем путям, мешая военным передвижениям и внося в тыловую жизнь полнейший беспорядок¹¹⁸.

Последствия насильственной эвакуации представлялись очень грозными. Прослушав обсуждение в Совете Министров, А.Н. Яхонтов записал: «В обычной войне действует правило: лес рубят — щепки летят... А между тем эти “щепки” грозят зажечь пожаром всю Россию»¹¹⁹.

В августе 1915-го Совет Министров вновь обратился к вопросу о принудительной эвакуации. Поводом стало требование главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванова «эвакуировать в принудительном порядке тыловую полосу на 100 верст в глубину страны...»; министры единодушно признали такую меру недопустимой:

С военной точки зрения — массовый наплыв беженцев сдвигает передвижение войск и ближний тыл. С общегосударственной точки зрения недопустимо поголовное выселение населения с уничтожением имущества и всеобщим разорением... <выселение> производится грубо и с насилиями, вплоть до убийства... землевладельцев, отказывающихся покинуть усадьбу. Сжигание построек и урожая крайне раздражает и крестьяне даже вооружаются, чтобы сохранить свое имущество от уничтожения¹²⁰.

¹¹⁸ Там же. По словам А.В. Кривошеина: «Из всех тяжких последствий войны — это явление <беженцы> самое неожиданное, самое грозное и самое непоправимое...» (Там же. С. 37).

¹¹⁹ Там же. С. 33. Последствия политики военного руководства не были секретом и для придворных кругов. См. в мемуарах дворцового коменданта В.Н. Воейкова: «Несмотря на неоднократные обращения Совета Министров к штабу Верховного Главнокомандования продолжалось полнейшее ограбление нашими отступающими войсками мирного населения... и совершенно ненужные выселения... приводившие к полному разорению польского края...» (Воейков В.Н. С Царем и без Царя. М., 1995. С. 159).

¹²⁰ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 74, заседание 16 августа 1915 года. Характерно, что, критикуя действия военных властей, министры рассуждают

В связи с безответственным и безрассудным проведением принудительной эвакуации Совет Министров считал остро необходимым проведение военного совета с участием военного и гражданского руководства¹²¹. В конце августа 1915-го новое руководство Ставки потребовало прекратить несанкционированные выселения людей и уничтожение их имущества, отмечая особенно поведение казачьих частей, сжигающих города и местечки¹²².

И все же на Юго-Западном фронте принудительные выселения продолжались и в сентябре, а командование Северного фронта в середине этого месяца потребовало поголовно выселить из Лифляндской губернии всех мужчин от 17 до 45 лет, исполнение чего правительству с трудом удалось предотвратить¹²³.

В результате политики принудительной эвакуации, проводимой военными властями во время отступления 1915-го, покинули свои дома от миллиона до нескольких миллионов человек¹²⁴.

Беженцы, переполнившие прифронтовые и внутренние районы страны, стали огромной экономической и социальной проблемой, так и не решенной в годы войны¹²⁵. В ходе

о вопросах военной стратегии. Ср. с похожим заявлением А.В. Кривошеина (Там же. С. 37).

¹²¹ Там же. С. 99–100, заседание 24 августа 1915 года. Поводом для требований министров созвать такой совет послужили распоряжения командования Юго-Западного фронта об очищении тыла и эвакуации Киева. Подробнее о предложении созвать военный совет см. выше.

¹²² Курцев А.Н. Беженство // Россия и первая мировая война: Материалы международного научного colloквиума. СПб., 1999. С. 133.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Graf D.W. Military Rule. P. 402.

¹²⁵ Ibid. Ср.: «Война... стала также, и в России в большей степени, чем где-либо, социальной и экологической катастрофой, которая навсегда сорвала со своих мест миллионы мужчин, женщин и детей. Империя превратилась в океан беженцев, борющихся вместе с более устроенной частью населения за свое существование и стремящихся как-то выбраться из своего отчаянного положения» (Гемпел П. Экономическое и социальное развитие России в начале XX в. // Реформы или революция? Россия 1861–1917, материалы международного colloквиума историков. СПб., 1992. С. 187). См. также: Gatrell P. A Whole Empire Walk-

этого отступления. Система военного управления ярко продемонстрировала свою административную неопытность, организационную беспомощность, неумение предвидеть результаты собственных решений и исправить уже допущенные ошибки. М.К. Лемке справедливо записал в дневнике: «Военная власть, лишенная каких бы то ни было знаний экономической и бытовой жизни страны, не считала нужным вдумываться в отдаваемые ею приказы по очищению полей предстоящих сражений...»¹²⁶.

* * *

Принятие нового «Положения о полевом управлении» накануне войны диктовалось стремлением высшего военного и государственного руководства России привести систему управления войсками в соответствие с современными потребностями. Однако созданная властная пирамида — от Ставки до штабов армий — с самого начала боевых действий оказалась запутанной и нелогичной для сферы гражданского управления. «Положение о полевом управлении» сосредоточило гигантские полномочия в руках армейского командования, не имевшего ни подготовки, ни опыта, ни аппарата для их эффективного использования¹²⁷. В то же время высшее военное руководство ревниво оберегало свои недавно полученные права, восставая против попыток правительства установить контроль над распоряжениями Ставки в области гражданского управления или хотя бы влиять на них.

ing. Refugees in Russia during World War I. Bloomington and Indianapolis, 1999.

¹²⁶ Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. С. 265. «Когда волны беженцев создали затор в железнодорожном движении и транспорте, а потоки выгонцев гнались плотной массой по всем другим дорогам, и сама армия стала ощущать беспорядок... только тогда шайка правительственных злодеев спохватилась» (*Там же*).

¹²⁷ Нельзя отказать составителям «Положения» в известной логике и последовательности: они стремились предоставить военному командованию на театре военных действий максимально широкие полномочия, и если бы война действительно продлилась считанные недели, как планировалось, то недостатки системы военного управления, возможно, не проявились бы столь очевидно (см.: Graf D.W. The Reign of the Generals. P. 39).

Конфликт высшего военного руководства с центральной властью имел под собой несколько оснований. Ярко выраженные дефекты военного управления, стремление армейского руководства контролировать все и вся не только на фронте, но и в тылу, бессилие правительства влиять на ход вещей — все это вызывало протест министров. Высокомерное отношение со стороны Ставки и стремление все просчеты и неудачи свалить на нераспорядительность гражданской бюрократии усиливали раздражение против военных¹²⁸. Совет Министров чувствовал себя противником Ставки в борьбе за влияние на управление государством и мишенью для атак с ее стороны¹²⁹. Позиции правительства в этой борьбе ослаблялись его политической неоднородностью, неспособностью выступить против Ставки единым фронтом¹³⁰. В то же время Ставка активно вмешивалась в процесс формирования Совета Министров и влияла на его состав¹³¹.

¹²⁸ Так, министр путей сообщения С.В. Рухлов заявил на заседании Совета Министров 16 июля 1915 года: «Нельзя примиряться с таким положением, будто каждый чиновник... является помехой для носящих военный мундир и что во всем виновато крапивное семя <выделено в тексте — С.Г.>» (*Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 21). Ср. с тем, что сам А.Н. Яхонтов писал в 1925-м: «...поражения мало-помалу были свалены на бездействие тыла. Т.е. на правительство, на бюрократию, на крапивное семя» (Ср. с: *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность. С. 17).

¹²⁹ Так, военная цензура пропускала критику правительства в печати, ограничиваясь контролем за сохранением военной тайны (*Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность. С. 17).

¹³⁰ Graf D.W. Military Rule. P. 406. Некоторые министры, впрочем, поддерживали тесные контакты со Ставкой, выступая как ее союзники. Вызавшее столь много толков обращение великого князя к полякам было написано министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, представленным в Ставке особой дипломатической канцелярией (*Ibid.*). А.В. Кривошеин, резко критикуя Янушкевича на заседаниях правительства, конспирировал с ним и с Николаем Николаевичем по поводу нового состава кабинета и видел в Янушкевиче кандидата на пост военного министра (*Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность. С. 20).

¹³¹ Так, кампания по замене военного министра В.А. Сухомлинова, как и ряда других министров, была начата именно в Ставке Н.Н. Янушкевичем (*Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность. С. 17; Graf D.W. Military Rule. P. 403).

Фактически уже с начала войны стало заметно, что высшее военное руководство видит в себе не только центр административной власти, эффективно конкурирующий с Советом Министров, но и центр принятия важных политических решений.

В частности, позиция Ставки по национальному вопросу проявилась в декларациях Верховного Главнокомандующего (август 1914-го) и в решении образовывать национальные воинские единицы (1915)¹³². В области внутренней политики Ставка стремилась сотрудничать с Думой, а также с Союзом Земств и Городов (Земгором)¹³³. Совет Министров, как и следовало ожидать, относился к политическим контактам и инициативам военного руководства резко отрицательно¹³⁴.

¹³² Резкую реакцию правительства на решение Ставки образовать национальные воинские формирования без консультации с Советом Министров см.: *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 20 (заседание 16 июля 1915 года). Справедливости ради отметим, что Н.Н. Янушкевич просил в сентябре 1914-го у Совета Министров директив по польскому вопросу в Галиции, но получил от И.Л. Горемыкина «весьма расплывчатый ответ» (*Бахтурина А.Ю.* Государственное управление. С. 64).

¹³³ О предложении председателя Думы М.В. Родзянко наделить Николая Николаевича диктаторскими полномочиями, «чтобы правительство ...переехало в Ставку» см.: *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность. С. 16; ср. в воспоминаниях самого Родзянко: «Вообще, великий князь очень охотно выслушивал все, что я говорил ему... просил приезжать почаще и обо всем его уведомлять» (*Родзянко М.В.* Крушение Империи // Архив русской революции. Т. XVII. С. 85). Союз Земств и Союз городов были общественными организациями, образованными в августе 1914-го для помощи фронту и пострадавшим от войны в тылу (см.: *Astrov N.J.* The Municipal Government and the All-Russian Union of Towns // The War and the Russian Government. New Haven, 1929. P. 183; *Катков Г.М.* Февральская революция. Париж, 1984. С. 26 (здесь всюду цитируется русский перевод известной книги: *Katkov G.* Russia 1917. The February Revolution. London, 1967).

¹³⁴ На заседании правительства 2 сентября 1915 года А.В. Кривошеин так отозвался о председателе Союза земств князе Г.Е. Львове (будущий министр-председатель Временного Правительства): «Сей князь чуть ли не председателем какого-то особого правительства делается, на фронте только о нем и говорят... Вся его работа вне контроля, хотя ему сыплют сотни миллионов казенных денег «из военных источников»...» (*Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 129). Министр внутренних дел Н.Б. Щербаков поддержал коллегу: «...Земский и Городской союзы... являются колоссальной правительственной ошибкой... они превратились в огромные

Угрозу создания альтернативного центра власти правительство видело и в создании по требованию Ставки летом 1915-го Особых совещаний по обороне государства, по перевозкам, топливу и продовольствию¹³⁵.

Расширение вмешательства армии в процесс государственного управления в условиях кризиса снабжения и поражений на фронте носило объективный характер, а принятие императором функций Верховного Главнокомандующего на себя придало этому процессу видимость легитимности¹³⁶.

Само по себе участие генералитета в принятии политических решений во время войны вряд ли может исключаться полностью; проблема состояла в почти полном вытеснении гражданской администрации (центральной и местной) из управления районом театра военных действий. Проблемы, как показал опыт тотальной эвакуации 1915-го, создавались также административной неопытностью военных, их безапелляционностью и легкостью в принятии серьезных, касающихся судеб многих тысяч людей решений. Тыл действующей армии являл собой «кар-

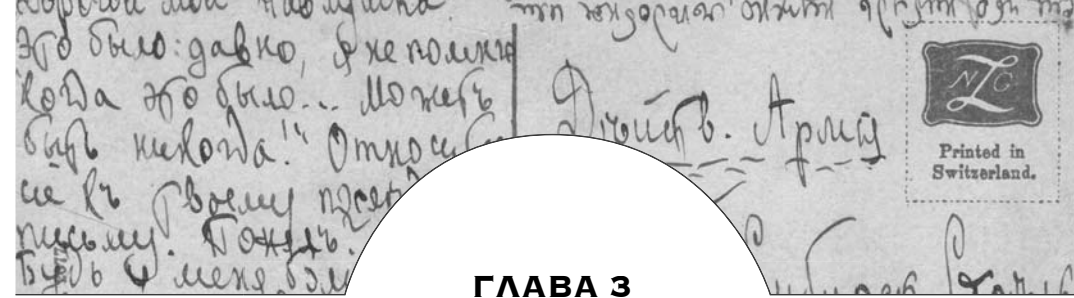
учреждения с самыми разнообразными функциями, во многих случаях чисто государственного характера... Все это делается... при покровительстве военных властей, которые широко ими пользуются и дают им огромные средства» (*Там же.* С. 133).

¹³⁵ Позднее было создано Особое совещание по помощи беженцам. Эти совещания обладали статусом высших государственных учреждений и подчинялись только царю (*Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность. С. 17).

¹³⁶ «Сам Николай II в принципе неодобрительно относился к вмешательству М.В. Алексеева в гражданские дела. Однако во время войны интересы армии выдвигались для Николая II на первый план. Как отмечал начальник дворцовой охраны... «верховный главнокомандующий заслони в нем монарха вообще». В результате царь должен был мириться с тем, что во имя интересов фронта генералитет вмешивался в вопросы, решение которых вообще говоря являлось делом кабинета и гражданских ведомств. С другой стороны, ... император... поддерживал постоянные и тесные личные контакты с армейским руководством. Все это уже само по себе обеспечивало последнему особое место в системе государственного управления ...» (*Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность. С. 26).

тину возмутительных безобразий, анархии, произвола, безвластия»¹³⁷.

На этом фоне и должен рассматриваться вопрос об отношении военных властей к еврейскому населению.

ГЛАВА 3

РУССКОЕ КОМАНДОВАНИЕ И НЕГАТИВНЫЙ СТЕРЕОТИП ЕВРЕЯ

¹³⁷ Выражение министра внутренних дел Н.Б. Щербатова на заседании правительства 16 августа 1915 года. (*Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 73). Следует отметить, что германская армия практиковала на оккупированных территориях нынешних Прибалтики и Белоруссии (т.н. Обер-Ост) политику жесткой и тотальной регуляции всех сторон жизни, стремясь поставить все ресурсы этих территорий на службу войне и также видя в военной администрации созидательную силу (см.: *Liulevicius V.G.* War Land on the Eastern Front. Culture, National Identity, and German Occupation in World War I. Cambridge, 2000. P. 89–150).

При анализе политики, выработанной русской армией по отношению к евреям во время войны, и соответствующей практики целесообразно рассмотреть отдельно три аспекта проблемы:

а) формирование образа еврея и евреев в глазах русского военного командования, общая атмосфера, складывающаяся вокруг евреев в прифронтовой полосе;

б) трансформация этого образа в конкретные шаги и меры, предпринимаемые по отношению к евреям военными властями (при этом отдельно будет рассмотрена практика выселений и взятия заложников);

в) отношение рядовых солдат и офицеров русской армии к еврейскому населению прифронтовой полосы, особенно погромы и акты насилия по отношению к евреям при отступлении 1915 года.

*Евреи в армии и вне ее
глазами русского командования*

Проблема службы евреев в русской армии приобрела в предвоенные годы особую остроту. Как уже было сказано, фактически уже готовилась отмена их призыва в армию. В этой связи любопытно проследить отношение военного командования к солдатам-евреям во время начавшейся войны (в рядах армии сражалось более 400 тысяч евреев — почти десятая часть всего еврейского населения России)¹. Богатый материал

¹ Löwe H.-D. The Tsars and the Jews. Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia (1772–1917). [n.p.], 1993. P. 323. Только в составе армий Юго-Западного фронта в апреле 1915-го было около 180 тысяч евреев (Хаген М., фон. Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 403).

по этой теме содержат ответы на специальные вопросники, направленные в войска марте и августе 1915-го и посвященные службе евреев в рядах действующей армии². Необходимость подобного вопросника была обоснована Н.Н. Янушкевичем (начальник штаба Верховного Главнокомандования) в письме М.В. Алексееву (на тот момент главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта) от 5 августа 1915 года:

Несомненно, что по окончании войны придется самым серьезным образом обсудить вопрос о возможности дальнейшего оставления евреев в рядах армии... почему представляется крайне желательным иметь к тому времени систематизированный материал, собранный по отзывам и показаниям участников войны и войсковых частей, кои испытали на себе весь вред пребывания евреев в их среде...³

Штаб одной из армий откровенно давал понять нижестоящим штабам, какого рода ответы командование желало бы видеть в вопроснике, поскольку

относительно непригодности евреев в качестве боевого материала... было сделано соответствующее сношение штаба Верховного Главнокомандующего с Генеральным штабом. Ныне выяснено, что в настоящее время выхода из этого положения нет, однако самый вопрос непригодности... заставляет ныне же организовать сборы фактического материала, устанавливающего нежелательность пребывания евреев в рядах армии⁴.

² Вопросник, составленный Генеральным штабом, впервые был разослан в части от имени Верховного Главнокомандования 30 марта 1915 года (РГВИА. Ф. 2152. Оп. 1. Д. 19. Л. 27). Ответы на него воинские части высылали с апреля 1915-го в вышестоящие штабы.

³ Янушкевич продолжал: «крайне желательно, чтобы войсковые начальники в своих ответах... отнюдь не высказывали обобщенных мнений и заключений, и излагали в возможно краткой форме ряд отдельных фактов с указанием времени и места происшествя» (Архив русской революции. Т. XIX. С. 263).

⁴ Там же. С. 262–263.

Евреев, «как находящихся в рядах действующей армии, так и составляющих местное население в районе армии», следовало охарактеризовать по нескольким параметрам: 1) отношение евреев к нашим войскам и к неприятелю; 2) поведение их во время боя и вообще военных действий; 3) обстоятельства сдачи нижних чинов евреев в плен; 4) случаи измены долгу и присяге; и т.п.⁵

Следовало сообщить все факты по данным категориям, зафиксированные до 1 мая 1915 года, а с 1 мая «регистрировать все случаи, рисующие отношение евреев к настоящей войне»⁶.

В окончательном виде перечень вопросов был разослан в части в августе-сентябре 1915-го. Он включал четыре группы вопросов: о нравственных качествах солдат-евреев, о их боевых качествах, о их физических качествах и об отношении «местного еврейского населения к настоящей войне».

Вопросник требовал указать «случаи нарушения солдатами евреями долга службы и верности присяге», случаи измены, недобросовестного исполнения служебных обязанностей или уклонения от службы, случаи симуляции и членовредительства, а также «вредного влияния отрицательных нравственных качеств солдат-евреев на прочих солдат части».

Требовалось осветить как «особые случаи проявления солдатами-евреями храбрости, самоотвержения и стойкости», так и примеры бегства солдат-евреев в бою и сдачи их в плен.

Отдельно следовало описать «случаи выражения местным еврейским населением доброжелательности или сочувствия к нашему противнику», а также случаи пособничества еврейского населения противнику⁷.

Зная результаты предвоенного опроса высшего командного состава русской армии относительно отмены призыва евреев, вряд ли можно назвать неожиданными однозначно негативные, а иногда и прямо враждебные по отношению к

⁵ Там же. С. 253.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 264–265.

евреям оценки в ответах на вопросник. Например, командир 31-го армейского корпуса П.И. Мищенко (считавший до войны, что евреев следует лишить русского подданства), 7 апреля 1915 года сообщал в штаб 4-й Армии:

Пребывание евреев в строевых частях безусловно нежелательно... Будучи плохо развиты физически, они едва переносят трудности походной жизни, часто болеют, сильно впечатлительны и своей нервностью плохо действуют на других... в значительной части не преданы России, а часто и враждебны ей⁸.

У командира 13-й кавалерийской дивизии князя Г.А. Туманова не было фактических данных о пригодности евреев, но «по общему отзыву командиров частей евреи в армии нежелательны»⁹.

Командир 16-го армейского корпуса В.Н. Клембовский остановился в своем отчете на отношении еврейского населения к войскам, определив его как «скорее враждебное, чем равнодушно»¹⁰.

⁸ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 855. Л. 2. Это мнение Мищенко обосновывал данными частей корпуса. Так, по мнению командира 297-го Ковельского пехотного полка «евреи трусливы, с трудом переносят тяготы... Есть и исключения, но очень редкие. В полку бежал к противнику жид Давид Эсенкис, после чего я просил разрешения убрать всех жидов из рот в тыл» (*Там же*. Л. 5). Командир 75-й артиллерийской бригады считал, что исключения в лучшую сторону среди евреев бывают очень редко, хотя из 30 нижних чинов — евреев в его бригаде было три Георгиевских кавалера (*Там же*. Л. 8). Начальник 41-й пехотной дивизии считал «евреев крайне плохим, неблагонадежным и развращающим для армии элементом, непригодным к службе как в мирное, так и особенно в военное время» (*Там же*. Л. 36). По мнению командира 71-го пехотного Белевского полка — «Большинство евреев трусы и для боя безусловно никуда не годны» (*Там же*. Л. 68).

⁹ *Там же*. Л. 17.

¹⁰ Так, в августе 1914-го евреи Быхавы (Люблинской губернии) неоднократно обстреливали войска, пока не были выселены. Евреи также прятали припасы, воду, хлеб (Быхава), подводили русские части под огонь противника (Ченстохова), в два раза подняли цены на товары и укрывали германского шпиона (Харнов, Радомской губернии) — *Там же*. Лл. 49–50.

Несколько иную точку зрения на солдат-евреев высказал командир другой артиллерийской бригады той же 4-й Армии. Из 26 евреев в бригаде двое были награждены Георгиевскими крестами. Командир считал, что большинство его солдат-евреев свою службу несут вполне исправно, «они народ смысленый... солдаты других национальностей относятся к евреям с большим недоверием и недружелюбно. По моему личному мнению, евреи худшие солдаты, чем христиане, но небольшой их процент повредить армии не может...»¹¹.

Однозначно отрицательное мнение выразил командующий 12-й Армией П.А. Плеве, повторивший свои же выводы из предвоенного запроса: «...нахожу, что таковых (евреев — С.Г.) ни под каким видом допускать в армию не следует, как элемент безусловно вредный, а отбывание ими воинской повинности заменить военным налогом»¹². При этом Плеве ссылался на мнение корпусных командиров своей армии о солдатах-евреях, которые «...нервны, трусливы от природы, легко поддаются панике», их отличает «отсутствие патриотизма... склонность к разным сделкам, хитрость, лживость, симуляция болезней, частая сдача в плен. Присутствие евреев в войсках вредно до чрезвычайности...»¹³.

Отчет командующего 2-й Армией В.В. Смирнова (ноябрь 1915-го), начинающийся общим изложением его взглядов на еврейский вопрос, позволяет увидеть идеологические корни отрицательного отношения русского командования к евреям. Согласно генералу Смирнову, евреи

совершенно открыто блага и выгоды материальные ставят выше благ духовных и патриотического подъема, евреям совершенно недоступного... своим они считают только еврея... вливаемая в

¹¹ *Там же*. Л. 16.

¹² РГВИА. Ф. 2152. Оп. 1. Д. 19. Л. 26 (письмо начальнику Генштаба от 13 апреля 1915 года).

¹³ *Там же*. Л. 29. Плеве подкрепляет свои выводы статистикой: в корпусах армии за время войны пропало без вести: в 5-м армейском — 29 процентов солдат-евреев, в 4-м Сибирском — 31, в 15-м армейском — 34 процента (*Там же*. Д. 19. Л. 28).

нашу армию еврейская струя разлагающе действует на наш родниковый ключ русской военной силы...

Каждому нельзя не подметить за еврейством особенных... пороков и недостатков, хаос завистливой злобы и ненависти их к неевреям, двуличие, ложь, хитрость, предательство, неразборчивость в средствах... Девиз еврея: в этом мире прекрасно все, из чего можно извлечь выгоду. В военной службе выгод нет...¹⁴

Свое мнение В.В. Смирнов обосновывал наукообразными аргументами, рассуждая об отрицательном влиянии Талмуда и еврейской религии на нравственное и умственное развитие евреев, о фальшивой талмудической нравственности, о разлагающем талмудическом образовании¹⁵.

Переходя к службе евреев собственно во 2-й Армии, ее командующий сообщал, что особенных случаев храбрости евреев отмечено не было. Если еврей и удостоивался георгиевской награды, то причиной его подвига, по мнению Смирнова, было «не молодечество и воинская доблесть... а лишь упорство через боевую награду получить право жительства вне черты оседлости»¹⁶. «Евреи-солдаты, будучи крайне трусливы и хитры, всегда были карикатурой на настоящего воина... Евреи в строю — элемент безусловно вредный и нежелательный и закрытие им доступа в армию не ослабит ее, а, напротив, укрепит...»¹⁷. Об отношении еврейского населения прифронтовой полосы к армии генерала Смирнов также был далеко не лучшего мнения: «...за малым исключением равнодушных к нам, большинство обывателей из евреев... к нам

¹⁴ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 177. Лл. 1–10б, 3.

¹⁵ «Талмуд не прививает им религию долга перед Царем и Отечеством» (*Там же*. Л. 15).

¹⁶ *Там же*. Л. 7.

¹⁷ *Там же*. Лл. 150б, 16. Согласно статистическим данным по 2-й Армии, с 18 июля 1914 года по 1 мая 1915 года в эту армию прибыло 5632 еврея. Из них бежало 3,3 процента; сдалось в плен 0,55; пропало без вести 24,8; убито 4,2; тяжело ранено 3,1; легко ранено 7,5 процента; в строю осталось 39,95 процента. Из 612 раненых — у 107 ранение пальцев, из 437 легко раненых в строй вернулось 58 человек (*Там же*. Л. 150б).

враждебно, скрывают от нас и передают неприятелю запасы зерна и фуража...»¹⁸.

Отношение командования 8-й Армии к солдатам-евреям видно из подготовленного штабом армии ответа на обращение еврейских депутатов Думы:

...Евреи... как солдаты... элемент безусловно не только бесполезный, но вредный, дают примеры подкупа деньгами, стараются избавиться от строевой службы, при первой возможности сдать в плен... Попав в плен, все выдают, становятся начальниками над пленными, проявляют *свойственные своей расе* (курсив мой — С.Г.) жестокость, жажду к наживе, стремление к эксплуатации своих подчиненных и глумление над здоровыми национальными инстинктами наших солдат¹⁹.

Что же касается еврейского населения прифронтовой полосы, то в его отношении как к русской армии, так и к русскому населению

с самого начала кампании проявляется резко выраженная враждебность... она имеет вполне определенный массовый характер, причем русские евреи мало чем отличаются от галиций-

¹⁸ *Там же*. Л. 30б. Смирнов приводит следующие примеры враждебности еврейского населения: в посаде Вискитки шпионство евреев и немецко-колонистов было столь вредно, что... этапный комендант был вынужден выселить оттуда в феврале 1915-го всех евреев и немцев. 2 августа 1914 года в Калишской губернии еврей Песах Ронечка не дал солдату попить воды и оскорблял его... арестован на 2 месяца приказом по армии... В г. Ласк евреи отказались продавать русским солдатам съестные припасы за всякую цену, а для немцев открыли 18 пекарен. «Из отношения начальника штаба 1-го Туркестанского корпуса следует, что местные жители-евреи прячут решительно все из враждебности к русским...» (*Там же*. Лл. 10–100б). В Брезине евреи вывели в тыл русским целую немецкую бригаду с артиллерией, 9 сентября 1914 года стреляли из пулеметов по нашим войскам, прятали в домах немецких солдат (*Там же*. Лл. 130б, 14, 140б). Согласно донесению 14-й Сибирской пехотной дивизии в ноябре 1914-го, в Валишеве, Кернозе и Сохачеве евреи были пойманы на сигнализации немцам и в трех случаях заколоты на месте преступления (*Там же*. Л. 140б).

¹⁹ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 60. Лл. 1–10. Ответ (от 23 апреля 1916 года) был подготовлен штаб-ротмистром Гмелиным.

ских... Евреи деятельно скрывают дезертиров, способствуют побегам нижних чинов и вообще стараются ослабить мощь русской армии. В дни наших успехов еврейская враждебность прикрывалась угодливостью и предупредительностью, в дни же неудач прорывается в виде приподнятого веселого настроения еврейских масс... нежеланием продавать солдатам товар и другими фактами... Недоброжелательность русского еврейского населения особенно проявилась... в деятельном участии евреев в ловле бежавших из плена наших нижних чинов. Во время бегства из плена не так боялись встречи с немцами, как с евреями. Когда наши войска отходили, евреи были веселы и пели песни...²⁰

Многочисленные факты пособничества евреям неприятелю, частые случаи явного их шпионажа, по мнению штаба 8-й Армии, вполне опровергают заявления членов Думы Бомаша, Фридмана и Гуревича, что «твердое убеждение русской армии и общества в существовании еврейского шпионажа имеет своим основанием лишь “антисемитизм” <кавычки в тексте — С.Г.>»²¹. При этом враждебность и помощь неприятелю галицийских евреев были все же более понятны для штаба 8-й Армии, поскольку «все там было переполнено представителями иудейской расы. С завоеванием Галиции господство евреям пало»²².

Убежденность в нелояльности солдат-евреев и их шпионаже в пользу неприятеля наблюдалась на высших этажах военного командования еще до появления вопросника и вне связи с его результатами. Так, приказ главнокомандующего армия-

²⁰ Там же. Лл. 11–16.

²¹ Там же. Л. 16. Утверждение о враждебной деятельности евреев проиллюстрировано штабом 8-й Армии следующими примерами: 15 августа 1915 года евреи провели немцев к русским позициям под Загорьем, была уничтожена целая рота; 18 августа в Луцке стреляли в отходящих русских солдат; 13 сентября 1915 года почти все евреи из Любешева ушли к немцам. В Ласке (Калишской губернии) была агитация за немцев (при этом 8-я Армия никогда не вела боевых действий в Калишской губернии). По показаниям пленного польского легионера, «все евреи продаются за деньги и помогают немцам». Евреи города Ровно отказывались эвакуироваться в Россию. В местечке Белз евреи перерезали телеграфные провода (Там же. Лл. 16–20).

²² Там же. Л. 20.

ми Юго-Западного фронта Н.И. Иванова от 31 марта 1915 года (на следующий день после рассылки в войска вопросника об отношении евреев к войне) гласил: «...благодаря обилию в обозах и фронтовых учреждениях евреев нижних чинов и общению их с галицийскими местными евреями, австрийские шпионы получают сведения о жизни тыла и фронта...»²³. Через два дня (2 апреля) Штаб Юго-Западного фронта направил армиям фронта еще более поразительное предупреждение: «...по некоторым данным усматривается, что наши нижние чины из евреев выдают сведения противнику о наших войсках, пользуясь для этого бутылками с вложенными в них записками, пускаемыми по течению»²⁴.

Безусловно напряженная и непростая, реальная ситуация в прифронтовой полосе отнюдь не давала оснований для столь драматичных обвинений в адрес евреев. Такой вывод позволяет сделать, в частности, отчет варшавского обер-полицеймейстера о настроениях населения в Департамент полиции (ноябрь 1914-го):

...Что касается еврейского населения Варшавы, то в массе оно... не проявляет особых симпатий к русской армии, но и не совершает каких-либо нелояльных действий. Еврейская интеллигенция старалась устройством госпиталей для раненых и богослужениями в синагогах выказать свое единение с Россией... и обособиться от поляков, среди которых продолжает расти антисемитское течение, поддерживаемое... рассказами солдат и беженцев о шпионстве... евреев на театре военных действий и предосудительном поведении евреев в занятых местностях. Мнение это утвердилось так прочно... <так как> евреи дают большое число шпионов вследствие склонности многих из них

²³ «...пользуясь, под предлогом служебных надобностей, правом свободного проезда в Россию, русские нижние чины-евреи провозят письма и посылки, чем устраняют цензуру первых, просмотр последних...» (Архив русской революции. Т. XIX. С. 252–253). Как сказал в 1915-м Д.С. Шуваев (в то время начальник Главного Интендантского Управления): «Евреев на фронт брать нельзя, так как много среди них шпионов, сколько не вешают, меньше не становится... Армия озлоблена против евреев» (ЦАИЕН. НМФ/585; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 162).

²⁴ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 39. Л. 113.

к преступлениям всякого рода за деньги... благодаря знанию большинством евреев немецкого языка, немцы использовали их в занятых местностях как проводников и осведомителей²⁵.

Из приведенных примеров явно вырисовывается негативный образ евреев в армии и еврейского населения прифронтовой полосы, видны «грехи» евреев с точки зрения русского военного командования. Общее недовольство армейских командиров евреями исходило прежде всего из предпосылки об их будто бы органической неспособности быть лояльными подданными — патриотами России²⁶.

На подобном фоне обвинения в адрес евреев быстро эволюционируют: если прежде их подозревали в общей «недоброжелательности» и «нерасположении» к русским войскам, то теперь — в открытом саботаже и шпионаже, так же как политическая неблагонадежность неизбежно превращается в подрывную деятельность. С другой стороны, командиры были уверены как в низких боевых и физических качествах солдат-евреев, так и в склонности всего еврейского населения к наживе и панике²⁷.

Обвинения в адрес евреев

Приведенные в ответах на вопросник «доказательства» враждебного отношения евреев к русской армии, отличаются по большей части неконкретностью, расплывчатостью и слабой доказуемостью («евреи все прячут», «все евреи продаются за деньги и помогают немцам»). Таков характер и других обвинений военных властей в адрес евреев. Так, уже вскоре после

²⁵ AGAD. Pomocnik Warszawskiego General-Gubernatora. Jednostka 491. S. 5–6.

²⁶ В 1916 году командование германской армии также распространило в войсках вопросник о солдатах-евреях и их боевых качествах (*Angress W.T. The German Army's «Judenzahlung» of 1916: Genesis — Consequences — Significance // Year Book of Leo Baeck Institute. 1978. №23(1). P. 117–138.*)

²⁷ При этом не только евреи были «нелояльным элементом». А.Н. Куропаткин отмечал, что в его гренадерском корпусе как раз солдаты-поляки перебежали к немцам. Оценка общего числа перебежчиков-поляков, возможно завышенная, — до 200 тысяч (*Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 74.*)

начала войны (23 августа 1914 года), генерал-квартирмейстер 2-й Армии писал ломжинскому губернатору: «Еврейское население Мышинца давно уже питает расположение к немцам, а с начала войны... всячески им угождает во вред России...»²⁸. 14 января 1915 года штаб 20-го армейского корпуса передал в войска информацию, что германцы переправляют через линию фронта массу шпионов, «главным образом евреев»²⁹. По сообщению штаба 8-й Армии, в августе 1915-го «наша конница, действующая в Западном Полесье, встретила недоброжелательное отношение к себе со стороны местных жителей, главным образом евреев и колонистов... Государь Император повелел к населению, проявляющему недоброжелательство к нашим войскам, применять самые суровые меры наказания»³⁰.

Общая склонность военных властей считать евреев недоброжелательным или прямо враждебным элементом проявилась и в оккупированной русской армией Галиции, где действовала подчиненная военным гражданская администрация.

13 февраля 1915 года командующий 8-й Армией А.А. Брусилов сообщил генерал-губернатору Галиции графу Бобринскому, что евреи в Жидачеве сеют панику, причем начальник уезда им содействует. Брусилов просил разобраться и наказать виновных³¹. На запрос Бобринского львовский губернатор сообщил 23 февраля 1915 года, что паника возникла вследствие грома пушек и прибытия беженцев.

По сообщению губернатора, еврейство, «как известно, недоброжелательно относится к русской народности и власти вообще и это дает основание высказывать предположение,

²⁸ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 3. Л. 563. Через несколько дней евреи по распоряжению военных властей были выселены из Мышинца (ЦАИЕН. НМФ/583.Е; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160). Ср. с приведенным выше мнением Клембовского, что отношение евреев «скорее враждебное, чем равнодушное».

²⁹ Предполагалось «внушить нижним чинам, чтобы они избегали общения с жителями и были осмотрительны с ними» (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 7. Д. 49. Л. 14).

³⁰ «На месте преступления был пойман конный еврей, дававший противнику сведения о нашем разезде, за что и был тут же повешен...» (РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1673. Л. 558).

³¹ ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 933. Л. 1.

что представители этой нации в Жидачеве выражали торжество по случаю ожидаемого прибытия австрийцев, вселяя тем панику». Между тем фактов, подтверждающих саму панику и участие в ней представителей власти, обнаружено не было³².

Другой пример отношения к евреям дал помощник начальника жандармского управления военного генерал-губернатора Галиции по Тарнопольской губернии, предложивший 3 января 1915 года заменить еще оставшихся в Галиции евреев-бургомистров, поскольку «с занятием края русскими войсками все евреи недружелюбно настроены против русских и не теряют надежды на возвращение австрийских войск»; кроме того, евреи продажны и эксплуатируют местное население³³.

Иногда обвинения против евреев носили просто фантастический характер, тем не менее всерьез рассматриваясь военными властями (ср. с упоминавшимся обвинением о передаче врагу секретных сведений с помощью бутылок, спускаемых по течению). 24 мая 1915 года начальник жандармского управления Галиции полковник Мезенцов сообщил генерал-губернатору Бобринскому, что львовские евреи скупают медь для передачи в Австрию, причем медь получают у кондукторов трамваев³⁴. По сведениям жандармов (январь 1915-го), в Гусятине 20 евреев наняли человека, который носит им из Венгрии через карпатские перевалы австрийские газеты³⁵.

³² Там же. Лл. 4–5.

³³ В Чорткове бургомистром был Козовер, в Бучаче — Штерн (ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 30. Л. 29).

³⁴ Там же. Д. 31. Л. 79. Ср. с докладом некоего чиновника по особым поручениям Плакида, который сообщил 10 мая 1915 года в КРО (контрразведывательное отделение) 3-й Армии, что евреи Люблинской и Холмской губерний готовят для наступающих австрийцев огромные склады с сахаром, мукой, салом и т.д. Австрийцы будто заказали русским евреям эти товары, складированные теперь в западной Галиции. К тому же евреи-сионисты скупают в этих губерниях золотую монету, стремясь подорвать курс рубля. 13 мая это сообщение было передано генерал-квартирмейстером 3-й Армии для ознакомления графу Бобринскому, чья резолюция от 15 мая достаточно красноречива: «Очень сомневаюсь в справедливости сведений о перевозке из России для образования больших складов» (Там же. Д. 554. Лл. 2–3).

³⁵ Там же. Д. 31. Л. 163. Однако эти газеты оказались прошлогодними (Там же. Л. 165).

По другим сообщениям, евреи в Гримайлове требуют платить им австрийскими деньгами³⁶. По всем этим обвинениям в жандармском управлении Галиции были заведены и всерьез велись дела. Заголовки подобных дел в фонде жандармского управления генерал-губернатора Галиции говорят сами за себя: «О скупке евреями хлеба», «О скупке евреями меди», «О вывозе евреями меди из Галиции»³⁷.

Убежденность военных властей в нелояльности евреев Галиции можно было бы объяснить тем, что речь шла о подданных воюющего с Россией государства. Однако обвинения военных в адрес евреев — русских подданных ни по стилю, ни по содержанию не отличаются от обвинений в адрес галицийских евреев. Не будучи более ясными и доказательными, все обвинения зачастую сводятся к «греху» политической неблагонадежности. Отношение ко всему российскому еврейству как к подрывному элементу ясно вырисовывается из переписки по поводу Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО). Как сообщалось в записке штаба Западного Фронта от 23 ноября 1915 года,

В Петрограде существует «Петроградский комитет по оказанию помощи евреям, пострадавшим от войны»... фактически им руководят представители социал-демократических еврейских партий... Петроградский комитет является ныне главным руководителем еврейского революционного движения в России, направленного на создание невыгодных условий дальнейшего ведения нами войны, к возбуждению недовольства войною и активного против нее протеста. Из этого комитета ныне даются директивы на всю Россию — партиям и организациям еврейства...³⁸

Справка Контрразведывательного отделения (КРО) штаба Северного фронта, направленная в департамент полиции, признает, правда: «Данных, что комитет является главным

³⁶ Там же. Лл. 207–208.

³⁷ ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 570, 571, 572.

³⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4с. Д. 629. Л. 1.

руководителем еврейского революционного движения в России — не имеется», однако сразу добавляет: «преступная деятельность как этого комитета... так и всего еврейства, стремящегося к одной цели — равноправию, несомненна: евреями ведется в широких размерах агитация, посвященная защите интересов еврейства, собирается подробный материал, касающийся деятельности евреев во время войны, отношения к ним войск, христианского населения», и т.п.³⁹ Из этого текста следует, что с точки зрения русских контрразведчиков достижение равноправия, к которому стремятся евреи — цель преступная, равно как и легальные средства, используемые для ее достижения.

Обвинения военных властей в адрес евреев поддерживались и ретранслировались гражданской администрацией на театре военных действий (как мы видели в отзывах русских гражданских чиновников в Галиции). Люблинский губернатор на встрече с представителями местной еврейской общи-

³⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4с. Д. 629. Лл. 43–44. Впрочем, анкеты и письма ЕКОПО КРО Северного фронта разрешил рассылать (*Там же*. Л. 37, письмо от 17 декабря 1915 года). Контрразведка Северного фронта вообще внимательно следила за происходившим вокруг евреев в тылу, о чем свидетельствует письмо в Департамент полиции по поводу сборника «Щит» от 2 марта 1916 года: «Агитация евреев в России нашла видных сторонников в Петрограде в лице либерального прогрессивного элемента и в литературных кругах. Проповедь последних,... направленная к защите «обездоленного народа», начинает прокатываться широкой волной по стране, вызывая сочувствие к еврейству и недовольство властью имущими. Ярким выразителем такой пропаганды явился сборник «Щит», под редакцией Л. Андреева, М. Горького-Пешкова и Сологуба — Федора Тетерникова...» (*Там же*. Лл. 44–44об). Подобная деятельность представлялась военным властям совсем небезобидной, о чем свидетельствует высылка английской делегации из Варшавы штабом Северо-Западного Фронта 25 мая 1915 года: «Английская делегация во главе с артисткой Яворской, избравшая центром своей деятельности Варшаву, под видом оказания помощи пострадавшему от войны населению собирает материалы о насилиях, чинимых нашими войсками и администрацией над еврейской частью населения с целью предпринять потом кампанию в английской прессе. Главнокомандующий <М.В. Алексеев — С.Г.> приказал делегацию удалить из пределов фронта» (РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 49. Л. 100). В дневнике М.К. Лемке (1 декабря 1915 года) упоминается, что делегация называлась «Дар Англии Польше» и состояла главным образом из евреев (*Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. С. 276).

ны (видимо, в январе 1915-го), ссылаясь на сведения военных властей, предъявил евреям развернутые обвинения.

Губернатор просил делегацию повлиять на своих одноверцев («может быть через раввинов»), поскольку те: «Спекулируют и неимоверно вздувают цены... Достают грузы вагонами (во время нехватки вагонов), развращают чиновников взятками, перекупают все и вся, — в том числе краденое (сведения об этом поступили из перехваченных писем на еврейском языке). Они всячески уклоняются от воинской службы, членовредительство поставлено на широкие рельсы...». «Евреи делают все, чтобы возбудить против себя возмущение и негодование», продолжал губернатор (то есть они сами и являются причиной антисемитизма). «У меня и у генерала Маврина <главный начальник снабжений Юго-Западного фронта — С.Г.> имеется высочайшее разрешение выселить всех поголовно евреев из губернии и из района военных действий. Исполнять это буду беспощадно»⁴⁰.

Отношение центральной гражданской администрации к получившим распространение в прифронтовой полосе огульным обвинениям в адрес евреев должно быть рассмотрено в контексте общей ситуации конфликта ветвей военного и гражданского управления во время войны.

19 декабря 1914 года вице-директор Департамента полиции К.Д. Кафафов сообщил губернаторам и начальникам губернских жандармских управлений (ГЖУ) в черте оседлости:

Имеются указания, что в губерниях Западного края евреи в разговорах с крестьянами, порицая существующий в России государственный строй, при каждом удобном случае восхваляют порядок управления в Германии и Австро-Венгрии и убеждают крестьян уклоняться от поступления в войска и от активного участия в боях с неприятелем, дабы этим путем способствовать переходу пограничных областей наших во власть воюющих с нами держав⁴¹.

⁴⁰ ЦАИЕН. НМФ/584.Е (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 161).

⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Д. 167. Л. 7.

Практику бездоказательных обвинений продолжил 23 июля 1915 года Департамент окладных сборов Министерства финансов. Согласно разосланному этим департаментом сообщению, «по поступившим в Департамент полиции *непроверенным* <курсив мой — С.Г.> сведениям, германцы... намереваются летом текущего года произвести в различных местностях Империи посредством особых машин выжигание хлебов на корню...». В этом злодейском заговоре, кроме немцев, принимают участие «привлеченные к этому делу путем подкупа евреи». Далее в циркуляре податным чиновникам предписывалось внимательно следить за происходящим и сразу сообщать обо всем подозрительном⁴².

9 января 1916 года К.Д. Кафафов, к тому времени исполняющий должность директора Департамента полиции, сообщал в циркуляре местным властям и ГЖУ:

евреи посредством многочисленных подпольных организаций в настоящее время усиленно заняты революционной пропагандой, причем с целью возбуждения общего недовольства в России, они помимо преступной агитации в войсках и крупных промышленных и заводских центрах Империи, а равно подстрекательства к забастовкам, избрали еще два важных фактора — искусственное вздорожание предметов первой необходимости и исчезновение из обращения разменной монеты... революционеры и их вдохновители евреи, а также тайные сторонники Германии, намереваются вызвать общее недовольство и протест против войны путем голода и чрезмерного вздорожания жизненных продуктов.... Благодаря недостатку звонкой монеты в обращении, евреи стремятся внушить населению недоверие к русским деньгам... евреи усиленно распространяют среди населения слухи, что Русское правительство обанкротилось, так как не имеет металла даже для монеты. Вместе с тем, еврейские агенты повсеместно скупают по повышенной цене серебряную и медную монеты⁴³.

⁴² Там же. Л. 280.

⁴³ Архив русской революции. Т. XIX. С. 267–268. Вновь, как рефрен, упоминается, что одной из целей евреев является отмена черты оседлости.

В 1917 году К.Д. Кафафов показал Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, что текст этого циркуляра был основан на сообщении, полученном Департаментом полиции 26 ноября 1915 года из Ставки⁴⁴. То, что борьбу с монетным голодом (имевшим во время войны объективные причины) можно вести иначе, доказал киевский губернатор граф Игнатъев. Он отдал практические распоряжения о мерах, вытекающих из циркуляра. Однако, требуя от полиции решительных мер по борьбе со спекулянтами и перекупщиками, ни разу не употребил слова «евреи», говоря все время о «лицах»⁴⁵. Циркуляр Кафафова, воспринятый как попытка правительства сделать из евреев козла отпущения за экономические трудности, стал предметом оживленного обсуждения в политических кругах и в Думе⁴⁶.

Одним из самых распространенных обвинений в адрес евреев была так называемая «порча» телефонных и телеграфных проводов. Сохранившаяся переписка военных штабов по этому поводу весьма обширна.

Вот несколько примеров по материалам 2-й Армии. В городе Сохачев евреи в конце 1914-го будто бы «портили» телеграф, прекратив это лишь после взятия заложников⁴⁷. В январе 1915-го в Вышегороде был застигнут еврей-портной, собиравшийся перерезать телефонный провод бритвой, — он был повешен на площади⁴⁸. В посаде Серпец казаки изловили еврея, вырезавшего кусок телефонного кабеля. Только с выселением евреев порча прекратилась⁴⁹.

⁴⁴ Ганелин Р.Ш. Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 годов // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 3(10). С. 6.

⁴⁵ Там же. С. 268–269.

⁴⁶ См., напр.: Фрумкин Я.Г. Из истории русского еврейства. С. 106–110; Ганелин Р.Ш. Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 годов. С. 4–37.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 177. Л. 14.

⁴⁸ Там же. Л. 120б.

⁴⁹ Там же. Л. 130б. «Аппарат для сношений с неприятелем по беспроволочному телеграфу» искали в начале мая даже в главной петроградской синагоге (Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. СПб., 1998. С. 348).

Чтобы обеспечить сохранность проводов, военные власти прибегали к весьма жестким мерам. В сентябре 1914-го комендант Лодзи возложил на еврейскую гмину под угрозой поголовного выселения из города ответственность за сохранность телефонной и телеграфной проволоки. 600 евреев охраняли проволоку днем и ночью⁵⁰. В Райгороде (Ломжинской губернии) 27 августа 1914 года была перерезана проволока. Комендант хотел повесить трех членов божничего дозора⁵¹, но удовлетворился взятием 10 заложников и объявил, что в случае повторения порчи он повесит заложников, каждого десятого из жителей-евреев, а на остальных наложит контрибуцию в 50 тысяч рублей⁵². В Жирардове этапный комендант приказал раввину организовать охрану провода: 600 евреев охраняли телефон, опасаясь провокаций со стороны поляков⁵³.

Большое количество дел, возникавших по поводу телефонных и телеграфных проводов, может быть связано с необходимостью поддержания ритуального ограждения, т.н. «эрува», дающего возможность религиозным евреям в субботу и праздник переносить что-либо с места на место⁵⁴. Благодаря дешевизне и прочности медной проволоки, евреи использовали ее для такого ограждения. Между тем в прифронтовой полосе хранение провода могло послужить достаточным поводом для обвинения в шпионаже. В Ружанах (Ломжинской

⁵⁰ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 255.

⁵¹ Орган внутреннего самоуправления еврейских общин в Царстве Польском.

⁵² Там же. Л. 260.

⁵³ Там же. Л. 250. Аналогичная ситуация была и в Замости (Там же. Л. 251) и в Избице, где сохранность проводов обеспечивалась под ответственность заложников, в том числе раввина (Там же. Л. 253). В Мщенове (Варшавской губернии) евреи в течении нескольких недель высылали на охрану ежедневно 18 человек (ЦАИЕН. НМФ/583.С; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160). В Красноставе (август 1915-го) после того, как был порван телефонный провод (охранявший его солдат сказал, что это дело евреев), русский генерал приказал евреям охранять провода. Они отказывались, так как большинство населения в городке составляли поляки. Оказалось, что провод порвал жеребенок, и генерал отменил свое приказание (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 267).

⁵⁴ www.eleven.co.il/article/15117

губернии) в августе 1914-го поляк-фельдшер донес, что евреи скрывают телефон. Мотки телефонного провода были действительно найдены, 12 евреев арестованы и жестоко избиты. После объяснения раввином Нафтали-Иосифом Фрайндом, что дело в «эруве», и его ручательства арестованные были освобождены. Комендант города полковник Безуглов сделал строгий выговор стражникам за осквернение еврейской религиозной святыни. С поляка-фельдшера, избивавшего евреев, комендант сорвал погоны и повязку Красного Креста, крича: «Это вы призваны к милосердию... Сволочь»⁵⁵. В Чижеве солдаты поймали старика еврея с проволокой и хотели повесить. Вмешался еврей-врач, которому старик объяснил, что проволока предназначалась для «эрува». Офицер сказал солдатам, что проволока не подходит для телефона, и старика отпустили⁵⁶.

В Говорово Остроленкского уезда Ломжинской губернии произошла особенно драматичная история. В начале 1914-го сюда был назначен полицейским стражником некий Денисюк, видимо, быстро оказавшийся в напряженных отношениях с местными евреями (он заставил евреев держать лавки закрытыми в праздники, дни тезоименитств и во время богослужений в христианском храме). У евреев было разрешение хранить телефонную проволоку для «эрува», однако они держали для этой цели специальные проволочные сетки. По мнению Денисюка, во время войны это разрешение утратило силу, поскольку могло быть использовано во вред армии (Денисюк слышал, будто в Млаве евреи перегораживали улицы сетками, не давая пройти русским войскам). Евреям было предложено завести проволоку и сдать сетки. Поскольку ключа от них евреи ему не дали, стражник конфисковал четыре ящика с сетками и сообщил военным властям о рас-

⁵⁵ Комендант обещал также защитить евреев от провокаций поляков, назвав последних «погромщиками» и «мятежниками» (ЦАИЕН. НМФ/583; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160; то же: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 268.

⁵⁶ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 267. Ср. со схожим случаем, приводимым в дневнике С.П. Мельгунова: пока ситуация с проволокой выяснилась, двух стариков-евреев забили насмерть прикладами (Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Вып. I. Paris, 1964. С. 188).

крытой им попытке саботажа. Местный этапный комендант послал роту солдат арестовать всех евреев-домовладельцев в Говорове для допроса, арестовали и допросили 71 человека. Начальник уездной стражи, узнав об этом, накричал на Денисюка («ты же не знаешь, что сетки устроены 16 лет назад») и сместил его за незаконные действия и оскорбление религиозных чувств евреев⁵⁷.

Уязвленный стражник решил жаловаться высокому военному начальству. Дело дошло до самого Янушкевича, который запросил подробности у главного начальника Двинского военного округа. Князь Туманов сообщил в Ставку, что Денисюк ревностно исполняет свои служебные обязанности, но нелюбим начальством. Затем главный начальник округа сместил начальника уездной стражи и восстановил в должности Денисюка; сетки у евреев отобрали, запретив ими пользоваться⁵⁸. Интенсивность участия самого начальника штаба Верховного Главнокомандования в столь незначительном, казалось бы, деле заставляет внимательнее взглянуть на личностный фактор и задуматься о влиянии антисемитизма отдельных высокопоставленных военных на формирование отношения армии к евреям во время войны.

Антисемитизм высшего командования

Можно ли действительно говорить о предвзятом и даже откровенно антисемитском подходе русского военного командования к евреям на личном уровне? Как показывают результаты опроса, проведенного военным министерством перед войной, среди высшего военного командования определенно не было юдофилов, некоторые его представители руководствовались откровенно антисемитскими эмоциями, другие же демонстрировали более прагматичный подход.

Одной из самых одиозных с точки зрения отношения к евреям фигур слыл среди современников генерал Н.Н. Янушкевич, занимавший важнейший и ответственный пост начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Общепри-

⁵⁷ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 68. Лл. 76–84.

⁵⁸ Там же. Л. 75.

нятым считается, что Янушкевич отличался «болезненным садизмом» в отношении еврейства⁵⁹, П. Холлквист считает даже, что Янушкевич осуществлял «целенаправленную, системную и далеко идущую антисемитскую программу» действий⁶⁰.

Характерен банальный служебный эпизод. В феврале 1915-го главный начальник снабжений Северо-Западного Фронта Н.А. Данилов сообщил в Ставку о «нескольких случаях» мошенничества евреев. Поскольку применяемые меры наказаний (высылка в черту оседлости, штрафы и тюремное заключение) цели не достигали, генерал Данилов просил разрешения высылать мошенников «всех национальностей» в Томскую губернию⁶¹. В ответ Н.Н. Янушкевич разразился гневной филиппикой: «В случаях мошенничества и обмана евреев... Верховным Главнокомандующим повелено... применять... самые энергичные и решительные меры, не исключая повешения и телесных наказаний».

Кроме того, Янушкевич потребовал у Данилова данные о числе повешенных за время войны евреев⁶². Штаб Северо-Западного фронта перепуганно запросил Двинский воен-

⁵⁹ Архив русской революции. Т. XIX. С. 246. См. об антисемитизме Янушкевича: *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 42; *Еврейская старина*. 1918. № 10. С. 212 (М.М. Винавер на конференции кадетской партии в июле 1915-го); *Хаген М., фон.* Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // *Россия и первая мировая война: Материалы международного научного colloquiuma*. СПб., 1999. С. 402 (со ссылкой на воспоминания английского генерала Нокса); *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge (Mass.) — London, 2003. P. 137 (ссылка на воспоминания министра финансов П.Л. Барка); *Lincoln W.B.* Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918. N.Y., 1986. P. 141–142. Еврейский публицист намекает на польское происхождение Янушкевича как причину его антисемитизма (*Львов-Рогачевский В.* Гонимые еврейского народа. М., 1917. С. 93).

⁶⁰ *Holquist P.* The Role of Personality in the First (1914–1915) Russian Occupation of Galicia and Bukovina // *Anti-Jewish Violence Rethinking the Pogrom in East European History* / Ed. by Jonathan Dekel-Chen, David Gaunt, Natan M. Meir, Israel Bartal. Bloomington and Indianapolis, 2010. P. 54.

⁶¹ ЦАИЕН. НМ2/ 7913.5 (оригинал: РГВИА. Ф. 2043. Оп. 1. Д. 455).

⁶² Там же.

ный округ о числе повешенных евреев, «если таковые случаи были, и велся учет»⁶³.

Архивные документы содержат немало такого рода примеров явно предвзятого, если не прямо антисемитского, отношения Н.Н. Янушкевича к евреям. Так, 29 июня 1915 года он сообщал главному начальнику снабжения армий Юго-Западного фронта Маврину:

В последнее время среди войск значительно учащаются случаи заболевания венерическими болезнями, в особенности сифилисом. Есть указания, что германско-еврейская организация тратит довольно значительные средства на содержание зараженных сифилисом женщин для того, чтобы они заманивали к себе офицеров и заражали бы их...⁶⁴

В связи с этим Янушкевич приказал «усилить, особенно в больших городах (Варшава, Вильно, Киев) полицейский надзор за гостиницами... В случаях, когда будет установлена принадлежность к шайке... подвергать таких женщин телесному наказанию» и высылать в административном порядке⁶⁵. Задер-

⁶³ Там же. 4 марта 1915 года Н.А. Данилов все же попросил разрешения высылать евреев в одну из местностей Сибири, так как «не все случаи мошенничества могут караться столь сурово, как указано». 16 марта 1915 года по согласованию с МВД Янушкевич предписал высылать евреев в Томскую губернию (Там же).

⁶⁴ АНБ. V 3 (на ткани), то же: ЦАИЕН. НМФ/586.В (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 163).

⁶⁵ Там же. Директивы Ставки за подписью Янушкевича с упоминанием евреев как главных виновников всяческих бед были отнюдь не редкостью, например 30 марта 1915 года было заявлено об энергичных обысках с целью отобрать у населения винтовки (собранные на театре военных действий). Собирает же винтовки «местное, преимущественно еврейское население» (РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 49. Л. 46). Ср. с распространяемой Генштабом информацией, что евреи — торговцы вразнос распространяют среди войск австрийские прокламации (РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4с. Д. 173. Л. 1). Информация Генштаба основывалась на проверке штабом Московского военного округа перехваченного цензурой письма, где говорилось, что «прокламаций масса, и в спичках, и в табаке», но евреи вообще не упоминались (Там же).

жание и регистрация одиноких женщин в Минском военном округе имели место еще в конце 1915-го⁶⁶.

8 мая 1915 года Янушкевич сообщил министру внутренних дел Н.А. Маклакову, что «в действующей армии приобрели широкое распространение некоторые газеты, издаваемые на еврейские деньги с крайне вредным для наших войск направлением», и простил МВД не допускать в воинские части «антинациональных периодических изданий, подтачивающих... героический дух нашей армии»⁶⁷. Таким образом, Янушкевич везде видел зловредное влияние евреев, стремящихся навредить России и армии.

Янушкевич в своем антисемитском раже был не одинок. Известно, что антисемитами были командующие фронтами генералы Н.И. Иванов и А.Е. Эверт, а среди чинов Ставки евреев было принято называть «жидами» и обсуждать за чаем «проекты истребления жидов»⁶⁸.

Другой пример предвзятого отношения к евреям — письмо главнокомандующего Северным Фронтом П.А. Плеве М.В. Алексееву (7 января 1916 года): «В штаб фронта неоднократно уже поступали сведения, что евреи посредством своих многочисленных социалистических (главным образом Бунд) и иных политических партий стали вести усиленную работу революционного характера...»⁶⁹. Обращает на себя внимание формулировка генерала Плеве — не «еврейские партии» заняты подрывной деятельностью, а «евреи посредством своих партий», то есть подрывная деятельность считается изначально и имманентно присущей евреям⁷⁰.

⁶⁶ Звонарев К.К. Агентурная разведка. Книга вторая: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 83.

⁶⁷ Цит. по: Эльшиевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917: Очерки истории цензуры. СПб.—Иерусалим, 1999. С. 502.

⁶⁸ Holquist P. The Role of Personality. P. 59.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4с. Д. 173. Лл. 7–70б. При этом главным грехом евреев П.А. Плеве считал сношение через линию фронта с неприятелем (Там же).

⁷⁰ Обращают на себя внимание текстуальные совпадения письма П.А. Плеве с известным циркуляром исполнявшего должность начальника Департамента полиции К.Д. Кафафова, изданным через два дня.

Такой подход к евреям как к изначально определенным военными врагам был основой под оскорблениями и издевательствами над евреями. Так, генерал Мищенко встретил в сентябре 1914-го на дороге 26 евреев из местечка Пильвишки, убежавших в тыл от боев. Сначала Мищенко приказал всех расстрелять, затем (после уговоров оказавшегося рядом дивизионного врача) — выпороть. Детям дали по 25 розог, мужчинам по 50–75, после чего всех отправили этапом в Томскую губернию⁷¹.

Генерал Безгладнов в феврале 1915-го объявил в Ломже еврейской делегации, что «жиды» обязаны поддерживать в городе чистоту, и добавил: «Вы, жиды, кровопийцы, насосались нашей крови, теперь платите сто, двести, тысячу рублей за подводу, а вывозите. Руками выносите, в карманах выносите г..., а чтобы мне было чисто»⁷².

Откровенным издевательством над евреями были назначенные комендантом крепости только для них принудительные работы в Брест-Литовске в июне 1915-го. Все еврейское мужское население (кроме извозчиков, водовозов, шорников и столяров) от 16 до 55 лет было отправлено на земляные работы. Оказалось, что идти надо 62 версты, воды не было, евреи пили воду из луж. Раввину, который заявил, что у него ожирение сердца, полицмейстер ответил, что как раз поход будет ему полезен⁷³. Случай этот был отнюдь не единичным. Еще 22 сентября 1914 года в Кальварии (Сувалкской губернии) после возвращения русских войск все евреи мужчины от 12 лет и старше были отправлены на земляные работы в

⁷¹ ЦАИЕН. НМФ/590.F (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 167). Характерно, что бытовым антисемитизмом отличается генерал, представивший, как мы уже видели, весьма негативный отзыв о евреях-солдатах.

⁷² ЦАИЕН. НМФ/585.G (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160). Ср. с неким казачьим полковником в городе Кальвария Сувалкской губернии, который склонял в разговоре с представителями евреев на все лады слово «жиды» (1 сентября 1914 года). На замечание евреев: «Мы евреи и верноподанные Русского Государя» полковник кричит им: «Вы проклятые жиды и ничего больше» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2001. Л. 7).

⁷³ По прибытии евреев отпустили домой, так как оказалось, что комендант не имел права высылать их на работы за пределы крепостного района (ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 59).

наказание за «благожелательное отношение» к немцам. Более тысячи евреев с двумя раввинами во главе направились по колено в грязи за 30 верст чинить шоссе. С окрестных деревень приводили на работы «своих» евреев, в том числе 80–90-летних стариков⁷⁴.

Различие между прагматическим и эмоционально-анти-семитским подходами среди высших командиров русской армии демонстрирует история с телесным наказанием гродненского мещанина Мстивовского⁷⁵. В мае 1915-го министр внутренних дел Н.А. Маклаков сообщил главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта М.В. Алексееву, что 31 марта 1915 года командующий 10-й Армией распорядился, «чтобы житель города Гродно мещанин еврей Мстивовский, за сокрытие... во вред действующим войскам мяса, был подвергнут телесному наказанию...» (распоряжение было направлено гродненскому губернатору). Поводом для наказания послужил отказ поставить на обед в штабе армии (причем обед давался в честь того же генерала Алексеева) мясо, ранее проданное другой воинской части. На просьбу губернатора об отмене наказания генерал Радкевич ответил, что «примерное наказание этого еврея может оказать желательное воздействие на других местных эксплуататоров-торговцев». Эзекуция была произведена 6 апреля 1915 года, после чего Мстивовского выслали в Полтаву.

В письме М.В. Алексееву министр внутренних дел Маклаков просил не возлагать на полицию эзекуций, «что не находит себе оснований в законе», если же воинским начальникам угодно прибегать к телесным наказаниям, то приказывать выполнять их воинским чинам⁷⁶. Резолюция генерала

⁷⁴ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Лл. 253–254. В Мариамполе по приказу военных властей евреи также были обязаны исправлять шоссе. Их не освободили на праздники и не позволили нанять людей вместо себя. Отправляли на эти работы стариков и медиков из лазарета, в том числе единственного врача (*Там же*. Л. 256).

⁷⁵ Весь эпизод изложен по: ЦАИЕН. НМ2/7913. 1 (оригинал: РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 390).

⁷⁶ Поразительно, что пользовавшийся в либеральных кругах репутацией антисемита и держиморды Маклаков выступает здесь как защитник закона от произвола военных. В то же время по Гродно распространился

Алексеева (26 мая 1915 года) на письме Маклакова красноречива: «Сожалею, что я был виновником всего этого дела». 9 июня запрошенный, видимо, Радкевич отвечал Алексееву: «Телесные наказания, отмененные... в обычной жизни, Верховным Главнокомандующим введены как исключительная мера в отношении евреев в случае... мошеннических действий, служащих во вред армии»⁷⁷. Верховный Главнокомандующий не определил порядок телесных наказаний, и Радкевич считал, что возложить их следует на полицию «как орган исполнительный». Использование же в этой цели нижних чинов «крайне нежелательно, как несовместимое с воинским званием»⁷⁸. В этом эпизоде, как и в случае с массовыми выселениями еврейского населения, произведенными по его приказу, Радкевич ссылается на распоряжения Ставки, чтобы таким образом «отбиться» от своего непосредственного начальника М.В. Алексеева.

Не все командиры русской армии были заражены антисемитизмом. Приведем пример корректного отношения к солдату-еврею. Командир роты 9-го Зарайского пехотного полка пишет 30 сентября 1914 года отзыв для военного суда: «Шолом Мордух Лосинский... отличался послушанием, тихим и трезвым поведением, внимательным и добросовестным исполнением своих воинских обязанностей... За все время войны он храбро и примерно исполнял свой долг и неоднократно удерживал своих товарищей от дурных поступков...»⁷⁹. Веро-

слух, будто Мстивовский дал полицмейстеру взятку в 3 тысячи рублей и его не высекли, а акт о проведении экзекуции подделан полицией. Взбешенный, видимо, Радкевич приказал направить в связи со слухами дело в суд.

⁷⁷ Радкевич ссылается на телеграмму штаба Северо-Западного фронта от 26 февраля 1915 года, выпущенную после цитированной выше телеграммы Янушкевича, разрешающей повешения и телесные наказания мошенников-евреев (ЦАИЕН. НМ2/ 7913. 5; оригинал: РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 55).

⁷⁸ Письмо Радкевича подписано: «Уважающий Вас», затем от руки добавлено «покорный слуга». Видимо, выбравший поначалу почти грубую форму обращения подчиненного к начальнику, Радкевич все же исправил ее на более вежливую. Вообще, вся переписка указывает на более чем напряженные отношения Радкевича и Алексеева.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 2213. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

ятно, были и другие, оставшиеся нам неизвестными случаи корректного и доброжелательного отношения командиров к солдатам-евреям.

Следует отметить, что откровенный антисемитизм некоторых гражданских чиновников нисколько не отставал от антисемитизма русских военачальников. Так, в июне 1915-го по ходатайству полтавского губернатора А.К. Багговута главный начальник Киевского военного округа приказал выслать в Сибирь всех неблагонадежных и заподозренных в шпионстве. Губернатор же стал арестовывать и высылать не только административно высланных, но и выселенцев-евреев с проходными свидетельствами и членов их семей. В Полтаве было арестовано 22 человека, в Гадяче 113, в Зенькове 107, в Кобелянах 59 человек⁸⁰.

По ходатайству Петроградского Еврейского Комитета, 16 июля 1915 года последовало распоряжение МВД о приостановлении высылки и возвращении высланных⁸¹. Разговаривая однажды с уполномоченным ЕКОПО и увидев на бланке в названии организации слова «жертвам войны», губернатор Багговут закричал: «Какие это жертвы войны!... Это шпионы и предатели, которых следовало расстрелять на месте... Не представляйте их несчастными, это не несчастные, а предатели, предавшие русское государство, в котором живут...»⁸². Переведенный затем на пост губернатора в Курск, тот же Багговут в 1916-м публично заявил:

Все другие народы России вели себя во время войны патриотично и лояльно, поэтому из их среды никого не выслали, а были только добровольные беженцы. Беженцы-евреи являются фактически все выселенцами, так как они все поголовно занимались шпионажем, сигнализацией врагу и предательством⁸³.

⁸⁰ ЦАИЕН. НМФ/585. D (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 162).

⁸¹ ЦАИЕН. НМФ/588. E (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

⁸² ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 95. Л. 420б.

⁸³ ЦАИЕН. НМФ/585. D (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 162).

Багговут был не одинок в своем отношении к евреям. Бессарабский губернатор в феврале 1916-го просил полицию по возможности очистить от евреев 50-ти верстную полосу вдоль румынской границы⁸⁴. Многие представители гражданской власти на местах легко позволяли себе оскорблять и унижать евреев. Так, в сентябре 1914-го начальник уезда Дмитриев избивал в Волковышках евреев (в том числе женщин) нагайкой, крича: «Я вас всех, жидов, своей властью перевешаю»⁸⁵.

В Галиции околоточный Карпенко из Станиславова вымогал у евреев деньги (однажды объявил всех молящихся в синагоге арестованными и отпустил, лишь получив взятку). Правда, за это Карпенко был приговорен Киевским военно-окружным судом к 6 годам каторги⁸⁶.

Такое отношение к евреям в прифронтовой полосе было если не легитимным, то в основном ненаказуемым — в том числе и благодаря стереотипному образу еврея, рисуемому военной печатью.

Военная печать о евреях

Среди факторов, влиявших на отношение русских военных к евреям, нельзя обойти вниманием официальную военную печать. В распространявшихся в войсках военных газетах (орган военного министерства «Русский инвалид», издававшиеся на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах «Наш вестник» и «Армейский вестник» и т.п.) печатались характерные комментарии по «еврейскому вопросу», отражавшие и дополнявшие официальный взгляд командования на евреев⁸⁷.

Начнем с повседневных бытовых сценок жизни в прифронтовой полосе, в которых иногда появляются евреи. Ар-

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1980. Л. 12.

⁸⁵ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 249.

⁸⁶ Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции. С. 82.

⁸⁷ Однако не вся пропагандистская литература о войне была антисемитской. В одной из таких книг как раз евреи помогают русским солдатам, шпионят за австрийцами и т.д. (Белов В. Евреи и поляки на войне: Впечатления офицера-участника. Пг., 1915. С. 107–111).

мейский журнал⁸⁸ описывает уличную сценку в оккупированной Галиции — крестьянин избивает еврея: «Ага, жидюга, сколько лет я ждал, чтобы можно было хоть одного жида побить, — спокойно и с удовлетворением добавляет крестьянин, продолжая спокойно и не сердясь наносить удары — Довольно над нами пановали жида». «Теперь русский добрый закон и того не будет», — добавляет один из зрителей⁸⁹. Орган штаба Юго-Западного фронта⁹⁰ публикует под рубрикой «маленький фельетон» зарисовку с натуры (еврей-лавочник не желает сдать казаку мелочь):

Маленький юркий жид, подобно рассердившемуся воробью, кричал, ругался, лез с кулаками на рослого казака и даже... вздумал силой выпихнуть его из лавки... Препирательство продолжалось недолго: вскипевший казак быстрым движением выхватил шашку и одним движением снес голову строптивому еврею, так она и покатила под прилавок⁹¹.

Результат такой «воспитательной меры» в изложении журналиста состоял в том, что все евреи от мала до велика высыпали на шоссе с мешками разменной монеты и меняли всем бумажные деньги⁹². В другом случае «Армейский вестник» публикует фото: евреи с мотыгами и лопатами на площади городка в грязи. Подпись под фотографией гласит: «Натуральная повинность. Евреи очищают от грязи непроходимую площадь своего местечка, где на глубине 1/2 аршина оказалась мостовая. О ней никто не знал»⁹³.

«Освободительная миссия» русской армии в Галиции понималась, в числе прочего, и как освобождение местного населения от «еврейского гнета» со стремлением передать ему отработанные в России навыки обхождения с евреями. Чем

⁸⁸ Разведчик. 1915. № 1277. 20 апреля.

⁸⁹ ЦАИЕН. НМ2/7955.4 (оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 101).

⁹⁰ Армейский вестник. 1915. № 184. 18 октября.

⁹¹ ЦАИЕН. НМ2/7955.4 (оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 101).

⁹² Там же.

⁹³ Армейский вестник. 1915. № 155. С. 2.

же евреи заслужили такое отношение со стороны русских солдат? Конечно, своей преданностью неприятелю и враждебностью к русской армии. Армейская печать сообщала, например, что евреи доносят австрийцам на галичан, сотрудничавших с русскими⁹⁴, а в Перемышле австрийцы расправляются с галичанами-москвофилами при участии толпы евреев. Евреи бросают в несчастных стаканы, камни, куски железа, обезумевшей от ярости толпой растерзано 48 человек⁹⁵.

Можно было бы предположить, что такую ненависть к русским питают евреи — австрийские подданные. Однако к «русским» евреям в тылу тоже надлежало относиться бдительно. Описывая, как в вагоне офицеры болтают с дамами, военный журналист добавляет: «Евреи и другая публика придвигаются поближе, внимательно прислушиваются к болтающим... Конечно, болтовня эта часто остается пустой болтовней и только иногда искупается она потоками крови»⁹⁶.

Официальные объявления евреев шпионами и выселения евреев также подробно комментировались военной печатью⁹⁷. Описание выселения еврейского населения из Курляндии «Русским инвалидом» несколько невнятно, с намеком прежде всего на враждебность прибалтийских немцев:

Среди мер борьбы с немцами в Прибалтике отметим выселение евреев из всей Курляндии, ведомое с чрезвычайной энергией. Они уличены в наведении немцев на Шавли... Основательно обыскиваются лесные сторожки, погребка колоний и усадеб, что дает спрятанные телефоны, поимку германских агентов и дозоров... Отовсюду несутся указания, что во главе проводников противника узнаны лица, проживавшие в крае и нагло обманывавшие население и правительство ...необходима энергичная сортировка пленных <sic — С.Г.> для выявления предателей⁹⁸.

⁹⁴ Наш вестник. 1915. № 64. Август. С. 6.

⁹⁵ Солдатский вестник Петроградского военного округа. 1915. № 63. 18 апреля. С. 3.

⁹⁶ Армейский вестник. 1916. № 295. 10 июля. С. 5

⁹⁷ После изложения приказа о недопущении к войскам евреев ввиду их шпионской деятельности некий И. К-ров в материале «Мой дневник (Письма с войны)» отмечает: «Давно пора взяться за господ шпионов» (Русский инвалид, 1915. № 86. Апрель. С. 3).

вавшие население и правительство ...необходима энергичная сортировка пленных <sic — С.Г.> для выявления предателей⁹⁸.

«Наш вестник» пишет о причинах выселений евреев гораздо более определенно:

В ночь на 28 апреля в местечке Кужи (северо-западнее Шавлей) немцами произведено нападение на отдыхавшие части одного из наших полков, причем случай этот обнаружил возмутительное предательское поведение некоторой части местного населения к нашим войскам, особенно со стороны евреев... Во многих подвалах евреи спрятали немецких солдат и по сигнальному выстрелу подожгли Кужи со всех сторон... Всех местных жителей, прикосновенных к этому возмутительному делу, приказано немедленно предать военно-полевому суду...⁹⁹

Распространявшиеся военными газетами обвинения евреев в поголовном шпионстве подхватывались правой русской прессой, прежде всего влиятельным и также широко распространявшимся в войсках «Новым временем», дополнявшим информацию своим политическим комментарием. В начале мая 1915-го эта газета так комментировала сообщения о измене евреев в Кужах¹⁰⁰:

Еврей сам бьет и кричит, что его бьют. Ни у кого нет охоты возиться с этими нехристианами, внедрившимися в нашу толщу народную с целями чаще всего хищническими и паразитически-

⁹⁸ Русский инвалид, 915. № 97. 2 мая. С. 2.

⁹⁹ Наш вестник. 1915. № 15. 5 мая. С. 2. Ср. с сообщениями о немцах-колонистах, осведомляющих врага (Там же. 1915 № 327. 2 июня. С. 5).

¹⁰⁰ «С тяжелым чувством приходится читать в последние дни нашу официальную военную печать... приводятся факты нескрываемой измены России со стороны некоторой части еврейского населения... Удостоверено множество случаев военного шпионства... При вступлении немцев в польские города еврейские депутации выходят встречать их как победителей России. Евреи обслуживают этих победителей... для России же у них есть только хищная эксплуатация войск, шпионаж и предательство. Особенно потрясающее впечатление производит в России описание... случая в Кужах...» (Новое время. 1915. № 14064. 7 мая. С. 4).

ми... Никто не обвиняет всю еврейскую нацию до последнего человека... но это не снимает ответственности евреев за значительную часть их племени, ведущую себя преступно по отношению к России. Для евреев Великая Война явилась случаем доказать, что они чувствуют себя сынами и истинно верными гражданами общей родины. Они воспользовались этим случаем для чего-то противоположного. Они много кричат о своем героизме и патриотизме, а на самом деле доказали свою враждебность России... Кто же будет виноват, если у нашей Великой Армии и народа нашего надолго останется память о роли евреев в этой войне?¹⁰¹

«Армейский вестник» подхватывает тон «Нового времени»:

два дельца, по оттопыренным ушам и характерным носам которых безошибочно решаю, какой они национальности, договариваются о поставке дров, на груди у одного — георгиевская медаль его сына... Мне ясно представилась картина тех жертв, которые понесла наша армия благодаря «патриотическим» действиям сынов Израиля — и расчет подобных Мееровичей мне показался ясным. После войны придется многое припомнить и произвести уплату по заслугам... Вернутся наши пленные... и тогда слухи о предательской роли евреев станут краеугольным камнем в ту или иную сторону... раввинат предъявит кучу документов, свидетельствующих о доблести сынов Израиля... какой тогда гвалт поднимется в еврейской печати и какие векселя предъявятся еврейством России¹⁰².

¹⁰¹ Там же. Сообщения печати о Кужах вызвали оживление антиеврейских эмоций в тылу. Например, в Гомеле было зафиксировано направленное против евреев брожение. В городе появилась антисемитская листовка, некий чиновник ударил на улице по лицу еврейскую девушку, заметив: «Вот тебе, изменница!» (ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 164. Л. 1).

¹⁰² Письмо за подписью «Патриот» (Армейский вестник. 1915. № 209. 15 декабря. С. 3. Ср. с комментарием «Армейского вестника» по поводу покупки прав на издание «Нового времени» банкиром Д. Рубинштейном (1916. № 217. 7 января): «Последний влиятельный орган русской печати перешел в еврейские руки... Евреи теперь вправе торжествовать победой, цикла завоевания русской печати ими завершено... завладев русской печатью, евреи будут служить своим еврейским интересам... наводнять

Если собственных мыслей и комментариев по еврейскому вопросу не хватало, военная пресса перепечатывала сообщения из крайне правых и черносотенных изданий. В вышедшей в занятом русской армией Львове газете «Львовское военное слово» публиковались обзоры печати, при этом цитировались только правые либо откровенно черносотенные издания.

Так, читатели «Слова» могли узнать, что газета «Голос Руси» возмущается наглостью еврейских журналов, расписывающих несуществующие подвиги евреев на войне, а также русской юдофильской печатью, сообщающей исключительно о еврейских подвигах, совершенно замалчивая случаи предательства и измены евреев. Цитировалась и газета «Земщина», которая, сообщив, что промышленная жизнь Митавы замерла с выселением евреев, приветствовала это как один из путей к освобождению промышленности от еврейского засилья¹⁰³.

Таким образом, официальная военная печать и цитировавшаяся ею русская правая и черносотенная пресса воспроизводили негативный стереотип еврея в тылу русской армии, распространяя и укрепляя его.

Причины формирования негативного образа евреев

Рассмотрев, что говорили и писали о евреях русские военные, попытаемся теперь понять, чем столь негативный взгляд на евреев был вызван. Очевидны три главных компонента, на основе которых формировалось отношение русского командования к еврейскому населению во время войны:

- антисемитские фобии, сформировавшиеся в предвоенный период;
- реалии обстановки на театре военных действий;

Россию еврейской «литературой»...» (Армейский вестник. 1916. № 217. 7 января. С. 4).

¹⁰³ Львовское военное слово. 1915. № 173. 10 мая. С. 3; Там же. 1915 № 179. 18 мая. С. 3.

— идеология использования ресурсов государства для обеспечения лояльности различных групп населения¹⁰⁴.

Начнем с антисемитских фобий, распространенных во влиятельных военных и государственных кругах России. Отношение к евреям русского автократического истеблишмента было редкостно негативным даже на фоне соседней консервативной Германской империи¹⁰⁵. Начиная с 1880-х русские власти видели в евреях чрезвычайно серьезную и реальную угрозу, требующую принятия мер для защиты режима, социальной стабильности и общественного порядка.

У этой угрозы было несколько главных аспектов: роль евреев в революционном движении, их роль (реальная или потенциальная) в русских экономических и интеллектуальных элитах, их влияние на экономическое состояние незащищенных и отсталых крестьян — как представлялось, главной опоры режима.

Правящей бюрократии казалось, что еврейский пролетариат и еврейский капитал вместе стремятся свергнуть режим, не дающий евреям равноправия. Вероятность массового наплыва образованных евреев в элиты (как это произошло уже на Западе) вызывала страх перед засильем евреев и невозможностью сохранить в этом случае национальный характер России¹⁰⁶.

В начале XX века во взгляде правящей верхушки на евреев нарастает значение нового, расового компонента, который теперь наслаивается на традиционный религиозный компонент¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / Будницкий О.В. (отв. ред.). М., 2005. С. 29–46.

¹⁰⁵ Rogger H. Jewish Policies and Right Wing Politics in Imperial Russia. Oxford, 1986. P. 33.

¹⁰⁶ Гольдин С. Еврей как понятие в истории имперской России // «Понятие о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М., 2012. С. 366.

¹⁰⁷ Переход в христианство не делает еврея русским, для этого недостаточно просто сменить религию, поскольку православие не просто набор обрядов и молитв, это и национальная религия русских (Rogger H. Jewish Policies and Right Wing Politics. P. 36). См. также: Avrutin E.M. Racial Categories and the Politics of (Jewish) Difference in Late Imperial Russia //

По оценке современного исследователя, «образ евреев в представлениях военно-политической элиты России ассоциировался с попытками Запада навязать ей чуждые социально-политические порядки, развалить вооруженные силы империи» и, более того, атрибуты самой модернизации западного типа (например, парламент) представлялись еврейским изобретением¹⁰⁸.

Военная элита становилась, таким образом, сознательным противником политической и экономической модернизации западного типа. Казалось бы, именно эта элита должна была приветствовать ускоренную модернизацию России, повышающую обороноспособность страны. Однако, по мнению военных теоретиков, как раз относительная экономическая отсталость России, «простота ее народнохозяйственной жизни», парадоксальным образом делала страну менее уязвимой в современной войне¹⁰⁹.

Приведенные высказывания русских военачальников о евреях совпадают, иногда даже дословно, с текстами идеологов Всероссийского Национального Союза (ВНС), ведущей парламентской партии русских националистов¹¹⁰. Русские наци-

Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Volume 8. 2007. № 1 (Winter). P. 13–40; Холл К. «Расовые признаки коренятся глубже в природе человеческого организма»: неуловимое понятие расы в Российской империи // «Понятие о России». Т. II. С. 194–258; Могильнер М. Homo Imperii. С. 5–24.

¹⁰⁸ Так, генерал свиты Г.О. Раух видел причины революции 1905 года в том, что «евреи всего мира постоянно стремятся к одной цели — добиться равноправия в России, чтобы затем совершенно поработить ее» (Цит. по: Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо». С. 83). Ср. в дневнике великого князя Константина Константиновича (начальника военно-учебных заведений): «...мы до Думы не доросли, в нее попадут все больше жида и проку от нее едва ли дожидаться» (Там же). Ср. с уверенностью великого князя Николая Михайловича (крупного историка), что «евреи поставили себе задачей проникнуть в армию и в частности в Генеральный штаб... евреи проникают под самыми русским фамилиями» (Полливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907–1916. Т. 1. М., 1924. С. 94).

¹⁰⁹ Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо». С. 232, 242.

¹¹⁰ Партия существовала в 1908–1917 годах, представляя «респектабельное» лицо русского национализма, ее основным идеологом был известный публицист «Нового времени» М.О. Меншиков, а первым предсе-

оналисты считали, что «евреи несомненно наделены всеми свойствами заразных бактерий. Как и они, евреи обладают удивительной способностью к размножению и к отравлению всякого живого организма, в котором они укоренятся»¹¹¹. В основе еврейской политики ВНС лежал тезис о безусловной недопустимости еврейского равноправия. Евреи — «это государство в государстве. Они всегда были и будут обособлены от остальных граждан, и потому не может быть речи об их равноправии»¹¹².

«Зловредными» качествами евреев, с точки зрения идеологов национализма, являлись: экономический «паразитизм» и «мошенничество», стремление захватить верхние ступени социальной лестницы («засилье»), моральное и политическое разложение русского народа («соблазн»), стремление к «господству над всеми» («всемирный еврейский заговор»)¹¹³. Религия евреев антидемократична и чисто национальна, в ней огромную роль играет Талмуд, внушающий евреям безнравственные понятия¹¹⁴. Подобные выводы были близки правящей элите, в том числе и военной, для которой также были нестерпимыми космополитизм евреев и их приверженность иудаизму, критическое отношение к самодержавию, нежелание ассимилироваться и умение расчетливо и прибыльно вести экономическую деятельность¹¹⁵.

С точки зрения антисемитской логики, евреи во время начавшейся войны и должны были быть нелояльно и враждебно настроенными по отношению к русской армии, поскольку им «хуже всего живется в России»¹¹⁶. Великий еврейский

дателем — С.В. Рухлов, во время войны министр путей сообщения (*Кочубинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 32–34).

¹¹¹ *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо». С. 264.

¹¹² *Там же.* С. 270–271.

¹¹³ *Там же.* С. 264–267.

¹¹⁴ *Там же.* С. 268. Ср. с приводимыми выше рассуждениями генерала Смирнова.

¹¹⁵ *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо». С. 194.

¹¹⁶ Так заявил еврейской депутации помощник варшавского генерал-губернатора сенатор Любимов (ЦАИЕН. НМ2/ 7954.2; оригинал: ЦГИАК.

историк С.М. Дубнов писал в дневнике (май 1915-го): «Психологически это объяснимо. Палач по-своему боится своей жертвы. Юдофобам, тиранившим евреев тридцать лет, совет подсказывает, что евреи должны мстить своим гонителям, и это должное превращается в умах палачей в сущее»¹¹⁷. Не помогли и громкие уверения лидеров еврейской общины в патриотизме и лояльности России¹¹⁸: «Все те, кто сознавал степень отчужденности евреев от государства, в котором они были гражданами второго сорта, естественно, сомневались в искренности этих проявлений лояльности»¹¹⁹.

Таким образом, русским антисемитизмом, глубоко укорененным в сознании элиты, в том числе и военной, был создан целостный еврейский миф, ставший способом восприятия мира, своего рода «катехизисом». Евреи рассматривались как политическая, демографическая, экономическая и моральная угроза существованию России, олицетворение международного заговора против нее, они превратились в главный «пункт соотнесения» правящего режима, в его абсолютного «врага» и «жертву»¹²⁰. С началом Первой мировой войны этот миф продолжил эффективно работать в новых условиях¹²¹.

Война, невиданная по размаху и ожесточению, также влияла на формирование отношения к евреям. Уже в первые ее недели активность немецких еврейских кругов и их проекты призыва к русскому еврейству восстать с оружием в руках и ударить по тылам русской армии оказали сильное впечатление на русское командование¹²². Учитывая описанные антиеврейские фобии и уверенность, что евреи, угнетавшиеся цар-

Ф. 1010. Оп. 1. Д. 13). По мнению Любимова, только евреи могли поставлять информацию немцам, «так как немецкие колонисты уже высланы» (*Там же*). Ср. в романе «Доктор Живаго» об отсутствии у евреев русского патриотизма: «А откуда быть ему, когда у врага они пользуются всеми правами, а у нас подвергаются одним гонениям» (*Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго. М., 1994. С. 96).

¹¹⁷ *Дубнов С.М.* Книга жизни. С. 348.

¹¹⁸ *Там же.* С. 336–337.

¹¹⁹ *Катков Г.М.* Февральская революция. Париж, 1984. С. 74.

¹²⁰ *Гольдин С.* Еврей как понятие в истории имперской России. С. 390.

¹²¹ *Rogger H.* Jewish Policies and Right Wing Politics. P. 54–55.

¹²² *Катков Г.М.* Февральская революция. С. 75.

ским режимом, не преминут начать с ним борьбу, предупреждения русского командования войскам остерегаться евреев выглядели логично (особенно учитывая, что в августе 1914-го в Берлине был создан «Комитет по освобождению русских евреев»)¹²³.

Шпиономания в русской армии и ее тылу, возникнув сразу с началом военных действий, приобрела к лету 1915-го гротескные размеры¹²⁴. Шпионами считали не только всех русских генералов немецкого происхождения, не только императрицу-немку, но и генерал-квартирмейстера Ставки Ю.Н. Данилова¹²⁵. Примером охватившей фронт и тыл шпиономании служит, в частности, знаменитое дело подполковника Мясоедова. В связи с этим делом было арестовано около 50 человек, в основном евреев и немцев, 9 человек было повешено, причем на основании весьма расплывчатых и косвенных обвинений¹²⁶. Как отметил наблюдатель-фронт-

¹²³ Там же; Тарсаидзе А. Четыре мифа. Нью-Йорк, 1969. С. 96. Стратегически евреи и в дальнейшем оставались для русских военных враждебным элементом. Так, военный агент в Дании полковник Потоцкий сообщал в Генштаб 8 декабря 1915 года: «...Евреи открыто заявляют, что не желают победы России — и как результата ее, — автономии Польши, ибо знают, что последняя примет энергичные меры для их изгнания из своих пределов» (Лемке М.К., 250 дней в царской Ставке. С. 310, запись от 22 декабря 1915 года).

¹²⁴ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 324–326. В воспоминаниях А.И. Верховского описывается, как при входе войск в городок Бялу «подозрение возбудила какая-то точка на фабричной трубе...» Труба несколькими пушечными выстрелами была свалена и с грохотом обрушилась на окружающие строения (цит. по: Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию 1907–1917). М., 2003. С. 66–67).

¹²⁵ Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской монархии. М., 2000. С. 176–177; Тарсаидзе А. Четыре мифа. С. 98. Н.Н. Янушкевич уверял летом 1915-го министра финансов П.А. Барка, что влиятельные лица в Петрограде окружены шпионами и что он (Янушкевич) «доберется до всех их и сбросит носимую ими маску» (Барк П.А. Воспоминания. С. 94). При этом Ставка и сам Янушкевич учитывали общее убеждение в том, что «немцы» (то есть генералы с немецкими фамилиями) — изменники (Колоницкий Б. «Трагическая эротика». С. 415).

¹²⁶ Тарсаидзе А. Четыре мифа. С. 101. См. также блестящее исследование: Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.

вик (Л. Войтоловский), у офицеров «почти все свободные от похода и карт минуты проходят в разговорах о встречах со шпионами, предателями и изменниками, которые почему-то убегают в самую последнюю минуту, оставляя рассказчиков в дураках». Результатом таких разговоров было «убеждение во внутренней гнилости военного аппарата и глубокое недоверие к населению»¹²⁷.

Евреи сразу стали отличной мишенью для обвинений в шпионаже, по словам А.Н. Яхонтова (хорошо осведомленного помощника Управляющего делами Совета Министров): «В Ставке сложилось убеждение, что еврейское население на театре войны является сосредоточием шпионажа и пособничества неприятелю. Отсюда возникла мысль о необходимости очищать прифронтовую полосу от евреев»¹²⁸. С течением времени и с неудачами русской армии проявилось и стремление «свалить» на евреев вину за неудачи на фронте. Как писал князь В.А. Оболенский (земский деятель, очевидец событий на фронте):

Верховное командование понимало опасность настроения, охватившего армию после тяжелых поражений. Нужно было во что бы то ни стало найти виновных. И они были найдены: виноваты евреи, которые, живя на фронте, занимаются шпионством. И вот последовал приказ очистить полосу фронта от еврейского населения. Армия в своей массе поверила навету на евреев и почувствовала приказу...¹²⁹

¹²⁷ Войтоловский Л.Н. Выходил кровавый Марс. С. 29.

¹²⁸ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 42.

¹²⁹ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники, Париж, 1988. С. 477 (эти мемуары писались в 1930-х в Праге). Наблюдатель-поляк отмечал в своем дневнике: «Каждую неудачу, поражение, окружение, взрыв складов офицеры объясняют не как следствие своей собственной неосторожности и невнимательности, а как результат шпионства... Ответственность за измены падает в основном на евреев. Не знаю, справедливо ли, что «они» не имеют основания любить московские власти... правда, что еврей всегда напуган и должен оправдываться; и всегда имеет грехи на совести...» (Miklaszewski W. Memorabilia. Warszawa, 1929. P. 113).

Есть основания полагать, что обвинения евреев в шпионаже были преувеличены. Русские контрразведчики говорили тому же князю Оболенскому, «что, конечно, среди шпионов попадают евреи, но... шпионов-поляков гораздо больше»¹³⁰. Причины осведомленности противника о действиях и планах русских войск могли быть прозаичнее, чем разветвленная сеть евреев-шпионов: радиотелеграммы русского командования регулярно перехватывались¹³¹.

В.А. Оболенский, близко знакомый с ситуацией на передовой, отмечал в своих мемуарах, что «в армии наша контрразведка была очень плохо поставлена»¹³². Оболенский так описывал ситуацию:

Я провел полгода на фронте, часто ездил в штабы армий, корпусов, дивизий и полков. И за все это время у меня ни разу никто не потребовал предъявления документов, удостоверяющих мою личность. Караульные посты вытягивались перед моими полковничьими погонями, а когда приходилось спрашивать о том, где находится такой-то штаб или где расположена такая-то часть — добродушно сообщали мне нужные сведения. Штабные офицеры тоже никогда не пытались проверить мою личность, разговаривали при мне о расположении частей, иногда вместе со мной рассматривали карты, на которых были обозначены все наши батареи, штабы и пр. Только перед самым отступлением нашего фронта на больших дорогах... были поставлены заста-

¹³⁰ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. С. 477. Ср. в воспоминаниях П.Г. Курлова, в 1914-м отвечавшего за контрразведку в Двинском военном округе: «Огульное обвинение евреев в шпионаже не имело под собой серьезных оснований. Таких данных не давали мне шпионские дела контрразведывательного отделения Двинского военного округа, по которым процент евреев не превышал процента лиц других национальностей» (Курлов П.Г. Гибель императорской России. С. 215).

¹³¹ Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 193; Звонарев К.К. Агентурная разведка. Кн. вторая. С. 92–94. Ср. с сообщением о передаче секретных военных телеграмм открытым текстом через варшавский почтамт — Военный дневник Великого князя Андрея Владимировича Романова. С. 121.

¹³² Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. С. 494.

вы... Чтобы не задерживаться на таких заставах, я просто их объезжал. Вероятно, так поступали... и немецкие шпионы¹³³.

Форсированные поиски врагов внутри страны должны были объяснить, отчего ход войны складывался для России отнюдь не так, как ожидалось¹³⁴. С точки зрения русских военных, в начале войны Россия находилась в исключительно выгодном положении, внутренняя стабильность и огромный запас экономических и военных ресурсов давали ей твердые надежды на победу¹³⁵. Однако, как оказалось, русское командование отнюдь не стояло на высоте задач, предъявляемых тотальной войной, демонстрируя невысокое качество управления войсками и отсутствие опыта командования войсками¹³⁶.

¹³³ Там же. С. 494–495. Усиленные поиски шпионов отнюдь не были изобретением 1914-го, ср., например, циркуляр ковенского губернатора от 21 апреля 1905 года: «Окружной генерал-квартирмейстер Виленского военного округа уведомил меня, что... за последнее время обнаружено присутствие китайцев, занимающихся продажей вразнос чесучи, чего до начала войны с Японией не замечалось. Появление их во время войны хотя и не дает достаточных оснований утверждать, что они преследуют цели шпионства в пользу Японии, но все же вызывает подозрения в этом смысле, тем более, что они, по-видимому, находятся в близких отношениях с частью еврейского населения...» (цит. по: Ганелин Р.Ш. Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 годов. С. 8).

¹³⁴ Еще в 1910-м военный теоретик М.А. Свечин писал о шпиономании во время войны: «Сеется страх перед шпионами; создается какая-то тяжелая атмосфера общего предательства; в народной массе... культивируется тупая боязнь... все это свидетельствует прежде всего о растущей неуверенности в своих силах... Жертвы нужны — человеческие жертвы — объётому страхом людскому стаду» (цит. по: Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 67).

¹³⁵ Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо». С. 239. Германия, согласно таким расчетам, должна была рухнуть вследствие экономического кризиса, а Австро-Венгрия — вследствие внутренних этнических конфликтов (Там же).

¹³⁶ Jones D.R. Imperial Russia's Forces at War. P. 301. Ср. с мнением А.Н. Яхонтова: «Уже в конце 1914 г., по мере того, как становилось ясным, что борьба принимает затяжное течение... в высших командных кругах нарастала нервность, граничившая затем с растерянностью...» (Яхонтов, Арк. Первый год войны. С. 304).

Оценивая полководческие способности русского командования, военный историк отмечал: «Жилинский, Рузский, Иванов, Эверт могли погубить любую армию, свести на нет любую победу, обратить в катастрофу самую незначительную неудачу. Лучших мишеней, лучших соломенных чучел для рубки Гинденбургу было невозможно желать — и прусский фельдмаршал всю свою удивительную карьеру построил на этих русских ничтожествах...»¹³⁷. Слабость русского генералитета отмечал и М.В. Алексеев: «Отовсюду несется вопль, дайте разумных, толковых, талантливых генералов. Но фабрика была плоха и теперь удовлетворить запросы, прекратить вопль нечем»¹³⁸.

С особенной силой слабость русского командования проявилась во время отступления 1915-го, когда «истеричная Ставка полностью утратила контроль над операциями своих армий и объясняла поражение действиями немецких и еврейских шпионов»¹³⁹. В результате поражений и провалов первого года войны возникла «атмосфера подозрительности и поистине навязчивая идея предательства и предателей, которые теперь определялись по национальному признаку»¹⁴⁰.

¹³⁷ Керсновский А.А. История русской армии. С. 672–673. Судьба России «была отдана в трясущиеся руки Рузского, Эверта и Алексеева» (Там же. С. 674).

¹³⁸ Цит. по: Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 144–145. Ср. с шуточным замечанием М.В. Алексеева в письме к жене: «Мы, русские генералы... плохо шевелим мозгами, и стремимся поступать по шаблону» (Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 285)

¹³⁹ Jones D.R. Imperial Russia's Forces at War. P. 294. Супруга великого князя опасалась тогда, что он получит полнейший нервный срыв (*Ibid.* P. 305), Николай Николаевич плакал в кабинете царя и просил заменить себя «более способным человеком» (Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 63).

¹⁴⁰ Хаген М., фон. Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи. С. 397–398. Из воспоминаний современников мы видим, что уже с первых дней войны некоторые командиры русской армии были готовы во всех бедах фронта винить евреев. Как вспоминал Л. Войтоловский, в августе 1914-го генерал П.А. Плеве, получив доклад о беспорядочном отступлении войск, сделал вывод: «...жидовские фурманки умышленно затрудняют движение» (Войтоловский Л.Н. Выходил кровавый Марс. С. 14).

Наконец, отношение военных властей к евреям базировалось и на характерной для той эпохи идеологии использования ресурсов государства для обеспечения лояльности различных групп населения.

Война к концу XIX века стала мыслиться как дело всего народа, всей нации, более того, именно чувство принадлежности к нации обуславливало радость и жертвенный восторг индивидуума при объявлении войны¹⁴¹. Готовность приносить жертвы во имя победы, энтузиазм превратились в важный ресурс воюющей нации в период, когда все ресурсы «должны были быть направлены и были направлены на цели войны»¹⁴².

Изначально предполагаемая неготовность или неспособность того или иного сообщества (евреев в данном случае) быть лояльной частью при такой мобилизации общества создавала серьезную проблему для государства¹⁴³.

Предпосылки для подобной трансформации отношения к населению создала наука военной статистики. Она утверждала, что идеально с точки военного использования население этнически однородное, говорящее на одном языке¹⁴⁴. К началу XX века на основе современных эпохе социологических теорий акцентируются важность и легитимность государственного вмешательства в «население»¹⁴⁵, в котором теперь вычлняются отдельные «элементы», со своими характеристиками, важнейшей из которых стала считаться этническая принадлежность. А.М. Золотарев, автор учебника по военной

¹⁴¹ Howard M. War in European History. L. — Oxford — N.Y., 1976. P. 110–111.

¹⁴² *Ibid.* P. 112.

¹⁴³ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения. СПб., 1999. С. 88–89.

¹⁴⁴ Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate. Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. N.Y., 2001. P. 115. Определение статистики как «политической арифметики» см. также: Фуко М. Политическая технология индивидов // Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью 1970–1984 гг. М., 2002. Ч. 1. С. 368.

¹⁴⁵ Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate P. 113; Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge (Mass.), 2002. P. 175.

статистике, отмечал, что в приграничных районах «население, делаясь более и более разнообразным, становится менее и менее надежным» и что «такой состав населения окраин не может считаться благоприятным»¹⁴⁶. Евреи при этом описывались как элемент однозначно непатриотический, жадный, эгоистичный¹⁴⁷; Д.А. Милютин (родоначальник военной статистики в России) утверждал в 1911-м, что «неприятель найдется в еврейском населении готовых к его услугам шпионов, проводников, и всякого рода ловких агентов»¹⁴⁸. Военно-статистические описания Галиции как будущего театра военных действий, подготовленные русскими генштабистами, также включали антисемитские стереотипы о евреях-шпионах во время войны¹⁴⁹.

Репрессии против целых категорий населения стали легитимным способом обеспечения лояльности тех или иных групп¹⁵⁰. Поначалу такие репрессии использовались в колониальных войнах, опыт которых был хорошо известен в России и изучен русскими военными наблюдателями (а необходимым условием проведения подобной политики было установление режима военного управления)¹⁵¹. Россия обладала и собственным историческим опытом выселения целых народов с Кавказа в 1860-х (и в меньших масштабах из Крыма после Крымской войны), а также выборочного выселения не-лояльной социальной группы — польской шляхты после восстания 1830 года¹⁵².

¹⁴⁶ Золотарев А.М. Материалы по военной статистике России // Военный сборник. 1889. № 5. С. 117, 124.

¹⁴⁷ Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate. P. 115.

¹⁴⁸ Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо». С. 194.

¹⁴⁹ Holquist P. The Role of Personality. P. 57.

¹⁵⁰ Ср.: «Население всегда оказывается лишь тем, о чем государство печется ради своего собственного блага, и потому, в случае нужды, разумеется, государство может его и истребить» (Фуко М. Политическая технология индивидов. С. 379).

¹⁵¹ Русские военные наблюдатели подробно описывали восстание кабиллов в Алжире, восстание на Кубе, англо-бурскую войну (Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate. P. 122–123).

¹⁵² Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate. P. 116–119. В 1863–1864 годах из Кубанской области было выселено 398 тысяч адыгов, абазин и

В самой России рекомендации по выселению нежелательных и ненадежных групп населения были сформулированы военно-статистическими описаниями Средней Азии¹⁵³. Подавление в этом регионе восстания местных жителей (1916) было чрезвычайно жестоким, причем свирепость не была просто «реакцией на само восстание или проявлением этнической нетерпимости. Это был результат разработанных за многие годы до этого идей и концепций макростратегии политики населения и микротактики репрессий, призванных наилучшим образом обеспечить достижение ее целей»¹⁵⁴. Как отмечал русский военачальник В.И. Гурко, «террор может служить для покоренных народов предупреждением и гарантией того, что захватчикам придется прибегать к еще большей жестокости в случае совершения действий, враждебных оккупационной армии... могут сказать, что я сам защищал подобную систему, настаивая на применении строгости для того, чтобы не попадать в положение, когда обстоятельства вынуждают быть по-настоящему жестоким»¹⁵⁵.

Период Первой мировой войны характеризовался переносом в Европу форм социального насилия, разрабатывавшихся и частично применявшихся до этого лишь на колониальных окраинах¹⁵⁶. В России репрессии коснулись категорий населения, квазинаучным образом отнесенным еще до войны к «ненадежным»¹⁵⁷. Это заметно по стремлению оградить во время войны «чисто русские провинции» от просочившихся туда не по своей воле во время отсту-

ногайцев (Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 25). О выселениях польской шляхты см.: Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011. С. 366–379.

¹⁵³ При этом прямо предполагалось, что взятие заложников «позволит отделить более умеренные «элементы» от непримиримых врагов» (Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения. С. 87).

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Гурко В. Война и революция в России. С. 98.

¹⁵⁶ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения С. 97.

¹⁵⁷ Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate. P. 123.

пленя 1915-го из прифронтовой полосы «враждебных нам элементов»¹⁵⁸.

Взгляд военных властей на евреев нельзя рассматривать в отрыве от отношения к другим национальным группам в прифронтовой полосе, также подразделяемым на «элементы». Отношение к этническим немцам во время войны тоже было резко отрицательным (фактически даже хуже, чем к евреям), и формирование такого подхода, в частности, к прибалтийским немцам началось еще в довоенный период¹⁵⁹. Как и в случае с евреями, перед войной власти были уверены в ожидаемой нелояльности прибалтийских немцев России, хотя в отличие от евреев прибалтийские бароны двести лет верно служили самодержавию¹⁶⁰. Так же как и по отношению к евреям, военные власти говорили о «подозрительном образе жизни и деятельности» всего немецкого населения, о преступной «обособленности» немцев от «коренного русского населения»¹⁶¹. Чтобы доказать свою лояльность, прибалтийские немцы должны были, даже по выражению относительно умеренно настроенного П.Г. Курлова, «резко отмежеваться от германцев, забыть об общности происхождения, забыть об общности языка...»¹⁶².

Истерия антинемецкой шпиономании, подогреваемая публицистами того же «Нового времени», охватила во время войны прибалтийские губернии, где арестовывались и выслалились этнические немцы (остзейские бароны, протестантские пасторы, представители средних городских слоев) фактически без всяких оснований¹⁶³. Во время успешных опера-

¹⁵⁸ Цитата из письма М.Д. Бонч-Бруевича по: *Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate.* P. 125; *Holquist P.* Тотальная мобилизация и политика населения. С. 89.

¹⁵⁹ См. подробно: Лор Э. Русский национализм и Российская империя. М., 2012; *Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate.* P. 125.

¹⁶⁰ См., в частности: *Андреева Н.С.* Невозможно из немца сделать русско-го... (Из истории национальной политики российского правительства в Прибалтике в начале века) // *Русское прошлое: Историко-документальный альманах.* Кн. 9. СПб., 2001. С. 106–132.

¹⁶¹ *Нелипович С.Г.* Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич. С. 42, 44.

¹⁶² *Там же.* С. 42.

¹⁶³ *Там же.* С. 98–99; *Андреева Н.С.* Прибалтийские немцы и Первая Мировая война // *Проблемы социально-экономической и политической*

ций противника поиски шпионов особенно обострялись. Так, в апреле 1915-го в зоне действия 10-й Армии (занимавшейся в это время и массовыми выселениями евреев) только в Митаве на немцев было заведено 92 дела о шпионстве, почти все совершенно безосновательные¹⁶⁴.

Армейская и правая пресса призывала немцев «вычеркнуть из нашей жизни, избавиться от немецкого засилья...»¹⁶⁵. По мнению фронтовой газеты, немцы были сами виноваты в московских погромах, так как немецкое засилье продолжалось в Москве и во время войны, и это раздражало растущий патриотизм московских масс¹⁶⁶. Отмечалось, что «змеи и скорпионы тевтонской расы шипят теперь по всем углам нашего Отечества... Евреи и немцы вообще в России не ко двору...»¹⁶⁷.

Иным было отношение военных властей к полякам. Они считались «колеблющимся» элементом населения, симпатии которого русским военным важно было приобрести. Уже в самом начале войны Николай Николаевич выпустил обращение к полякам, в котором призывал их поддержать русскую армию в войне и обещал воссоединение польского народа под скипетром русского царя и возрождение под этим ски-

истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 467–472. О направленной против прибалтийских немцев агитации «патриотической» русской печати см. также: *Бахтурина А.Ю.* Краины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны. С. 88–90.

¹⁶⁴ *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. С. 210–211.

¹⁶⁵ Армейский вестник. 1915. № 147. С. 3. Для преодоления немецкого засилья русского мастерового призывали использовать освободившиеся благодаря «сухому закону» три дня в неделю, которые ранее посвящались зауглу (*Там же*).

¹⁶⁶ Наш вестник. 1915. № 66. С. 3.

¹⁶⁷ Новое время. 1915. № 14064. 7 мая. С. 4 (статья М.О. Меньшикова «Должны победить»). Ср. с циклом статей публициста «Нового времени» А.М. Ренникова (Селитренникова) «В стране чудес», вышедших и отдельным изданием (*Ренников А.* В стране чудес. Правда о прибалтийских немцах. Пг., 1915). Книга вызывала многочисленные отклики и опровержения, см., например: Дополнительные материалы к книгам А. Ренникова «В стране чудес» и Артура Тупина «Прибалтийский край и война»: Голоса балтийских немцев и отзывы русской печати, с предисл. члена Государственной думы барона А.Ф. Мейендорфа. Венден, 1915.

петром свободной Польши¹⁶⁸. Особое отношение к полякам прокламировалось русским командованием, о нем сообщалось в печати:

Августейший Верховный Главнокомандующий повелел поставить в известность всех чинов действующей армии и население, что Россия воюет по вызову общего врага всего славянства. Поляки... будут находиться под особым покровительством нашей армии и правительства в смысле обеспечения их личной и имущественной безопасности от всякого насилия¹⁶⁹.

С октября 1914-го в противовес легионам Пилсудского русским командованием начинает формироваться польский легион. Принимать в него должны были только «поляков-католиков», то есть легион был закрыт для евреев¹⁷⁰.

Россия не была одинока в использовании средств государственного вмешательства в структуру населения приграничных областей, имевших стратегическое значение. В предвоенный период Германия также проводила сознательную и четко спланированную политику, направленную на то, чтобы менять структуру населения приграничных районов (прежде всего через выселение поляков и евреев)¹⁷¹. Во время войны Австро-Венгрия подобным же образом относилась к так на-

¹⁶⁸ Цит. по: *Розанов В.В.* Война 1914 г. и русское возрождение. С. 94.

¹⁶⁹ Радомские губернские ведомости. 1915. № 1 (3 января), цит. по: Еврейская старина. 1918. № 10. С. 251.

¹⁷⁰ *Яхонтов, Арк.* Первый год войны. С. 289. См. также: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 446–447. Инициатором создания легиона был некий Горчинский, заручившийся согласием штаба Юго-Западного фронта.

¹⁷¹ *Holquist P.* To Count, to Extract, and to Exterminate. P. 125. Вильгельм II говорил о поляках своим русским собеседникам: «Это крайне опасный народ. С ним не может быть другого обращения, как держать их постоянно раздавленными под ногой!» Высказывания германского министра финансов Михеля о поляках живо напоминают мысли русских националистов о евреях или немцах: «Поляки смотрят на себя как на государство в государстве... умышленно удаляются от немецкой культуры... Немцы достаточно сильны, чтобы защищаться...» (цит. по: *Сергеев Е.Ю., Улуян Ар.А.* Военные агенты Российской империи в Европе, 1900–1914. М., 1999. С. 72).

зываемым «москвофилам» или «русофилам» в Галиции; выселения коснулись также десятков тысяч сербов в оккупированной Сербии¹⁷².

Таким образом, антиеврейская политика военных властей формировалась под влиянием военных неудач на базе как сформировавшейся в России перед войной антисемитской идеологии, видящей в евреях «угрозу», так и «прогрессивной» военной науки, рекомендовавшей нейтрализовать «неблагоприятные элементы» населения¹⁷³.

Подобной логике поддался даже сторонник прагматичного подхода к евреям М.В. Алексеев. В мае 1915-го, во время массовых депортаций еврейского населения, генерал Алексеев (в тот момент возглавлявший Северо-Западный фронт) писал Н.Н. Янушкевичу:

Я лично не остановился бы по отношению к евреям перед мерами не только строгости, но даже и крайней жестокости, если бы видел в этом действительную пользу для армии или государства. Убеденный, однако, в противном, и памятуя неудачный пример выселения китайцев в 1905 году, я полагаю, что *обезвредить* <курсив мой — С.Г.> в известной степени еврейство можно было бы изданием от имени Верховного Главнокомандующего торжественно объявленного акта милости, разрешающего большинству еврейских семей остаться на местах жительства...¹⁷⁴

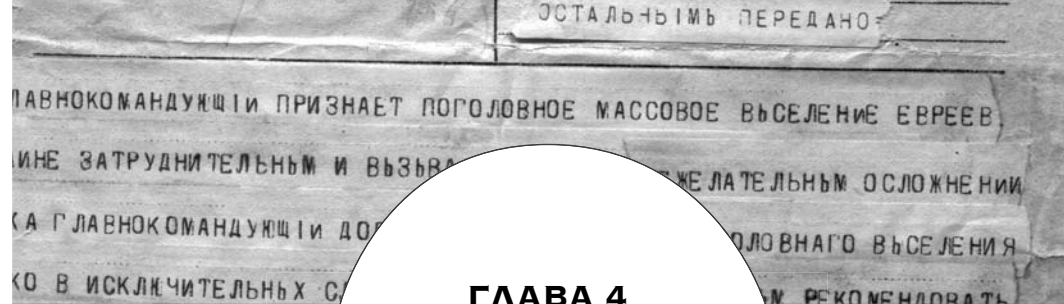
В октябре 1915-го тот же М.В. Алексеев, теперь начальник штаба Верховного Главнокомандования, наложил красноречивую резолюцию на донесении штаба 3-й Армии о активной

¹⁷² *Ibid.* P. 124, 126. См., например, мнение австрийского коменданта Львова в 1915 году генерала Римля: «русофилов» следовало бы «не содрогаясь, уничтожить», а «исправить» их можно «единственно при применении средств беспощадного террора» («Украинцы... могут сделаться честными австрийцами»: Кто учинил погром русинов в Галиции / Подг. П.С. Лидовский // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 59).

¹⁷³ *Holquist P.* To Count, to Extract, and to Exterminate. P. 124.

¹⁷⁴ Письмо от 9 мая 1915 года (ЦАИЕН. НМ2/ 7913-5; оригинал: РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 455).

революционной работе евреев: «Вероятно придется принять крутые по исключительности меры поголовно ко всему еврейскому населению на театре военных действий. Иного способа борьбы не будет»¹⁷⁵.

ГЛАВА 4

ДЕПОРТАЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ВЗЯТИЕ ЗАЛОЖНИКОВ (1914–1915)

¹⁷⁵ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4с. Д. 109. Л. 47.

Среди мер, с помощью которых русские военные власти намеревались «обезвредить» еврейское население прифронтовой полосы, особо важное место принадлежит депортациям (поголовным выселениям) евреев, а также практике взятия заложников. Эти репрессивные и взаимосвязанные меры были призваны радикально решить проблему лояльности евреев (полным их удалением из района боевых действий или угрозой смерти для заложников).

С другой стороны, именно выселения и взятие заложников, вызвав наиболее острую реакцию и ряд нежелательных для армии последствий в стране и в мире, продемонстрировали ограниченную эффективность откровенно репрессивной по отношению к евреям политики.

*Поголовные выселения: правила и реальность
(август 1914-20 — февраль 1915-20)*

Поголовные выселения по национальному признаку широко применялись русским военным командованием в ходе Первой мировой войны. Кроме евреев, жертвами депортаций стали этнические немцы, турки, армяне, болгары и т.д. В свою очередь, депортации еврейского населения служили наиболее яркой иллюстрацией враждебного отношения военных властей к евреям¹.

¹ См., напр.: *Baron S.W.* The Russian Jew under Tsars and Soviets. P. 189–192; *Levin N.* The Jews in the Soviet Union since 1917. Vol. I. P. 28; *Altshuler M.* Russia and her Jews — The Impact of the 1914 War // *The Wiener Library Bulletin*, 1973/1974. № 30/31. P. 14; *Frankel J.* The Paradoxical Politics of Marginality: Thoughts on the Jewish Situation During the years 1914–21 // *Studies in Contemporary Jewry*. IV (1988). P. 6; *Gatrell P.* A Whole Empire Wal-

Поголовные депортации еврейского населения производились на площади практически всего театра военных действий. Случаи выселений имели место на территории 8 губерний Царства Польского, 9 губерний европейской России — от Курляндии до Бессарабии, а также в оккупированных русскими войсками Галиции и Буковине. В результате выселений сотни тысяч людей были изгнаны из своих домов, разорены, зачастую стали жертвами грабежей, насилий и издевательств (см. Приложение 2, с. 403)

Как поголовное выселение мы рассматриваем принудительную высылку всего еврейского населения определенной местности (населенного пункта), в отличие от индивидуальных депортаций и, с другой стороны, в отличие от беженства евреев, добровольно покидавших свои дома, спасаясь от превратностей войны.

Полномочия русских военных властей депортировать людей во время войны были определены двумя правовыми актами — «Положением о полевом управлении войск в военное время» и «Правилами о местностях, объявляемых на военном положении». «Положение о полевом управлении» предоставило *командующему армией*, среди прочих полномочий в сфере гражданского управления, право «...выселять из района армии всех лиц, присутствие коих им будет при-

king. P. 17–23, 31–32; Курцев А.Н. Беженство // Россия и первая мировая война: Материалы международного научного colloквиума. СПб., 1999. С. 132; Полян П.М. Не по своей воле... С. 28–29; Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // The Russian Review. 2001. № 60 (3). July. P. 405–407; Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during World War I, Cambridge (Mass.) — L., 2003. P. 137–145. См. также нашу статью: Goldin S. Deportation of Jews by the Russian Military Command, 1914–1915 // Jews in Eastern Europe. 2000. № 1(41). P. 40–73.

Публикации документов этого периода: «Из черной книги русского еврейства: Материалы для истории войны 1914–1915 годов // Еврейская старина. 1918. № 10. С. 232–253; Документы о преследованиях евреев // Архив русской революции. Т. XIX. С. 247, 249–260, 262; Лор Э. Новые документы о российской армии и евреях во времена Первой мировой войны / Вступит. статья, публ. и и комм. Э. Лора // Вестник Еврейского университета, 2003. № 8(26). С. 245–268. О связи депортаций с отменой черты оседлости см.: Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 42–44.

знано нежелательным...»². Аналогичным правом обладали и командующие корпусами³.

Согласно «Правилам о местностях», у генерал-губернаторов имелись полномочия «...воспрещать отдельным лицам пребывание в местностях, объявленных на военном положении, ... высылать отдельных лиц во внутренние области Империи...»⁴. Во время войны права генерал-губернаторов в прифронтовой зоне были переданы *командующим военными округами*⁵. Наконец, в круг полномочий *коменданта крепости* входило право удалять «с театра военных действий лиц, внушающих ему недоверие, препровождая их для этого в распоряжение гражданской власти»⁶.

Высылки мыслились как производимые на индивидуальной основе. Нигде в правилах не говорилось, что население или группы населения целых городов и даже губерний может рассматриваться как «нежелательное». Фактически же эти правила искажались с первых же месяцев войны. Командиры более низких рангов, не располагая правом депортировать людей, себе это право присвоили. На это указывает, в частности, телеграмма временного военного генерал-губернатора Галиции графа Г.А. Бобринского командующему 8-й Армией:

² Цит. по: Лемке М.Н. 250 дней в царской Ставке. С. 48. «О лицах, высланных во внутренние области командующий армией сообщает в штаб фронта и в Министерство Внутренних Дел. В случае несогласия с указаниями о высылке Главного Начальника Снабжения фронта командующий армией приостанавливает выполнение этих указаний, донося об этом в штаб фронта» (*Там же*).

³ Положение о полевом управлении войск в военное время. С. 66.

⁴ Свод Законов Российской империи. Т. II. С. 188. В данном случае о выселениях также извещался министр внутренних дел.

⁵ См.: Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне. С. 103; Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. С. 42. Главные начальники военных округов, как и генерал-губернаторы, были напрямую подчинены главным начальникам снабжения армий соответствующего фронта — Северо-Западного либо Юго-Западного (см.: Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 10).

⁶ Свод Законов Российской империи. Т. II. С. 184. Право «воспрещать пребывание в пределах крепостного района» предоставлялось коменданту крепости и в мирное время (*Там же*). Размер крепостного района составлял 25 верст (см.: Грулев М. Записки генерала-еврея. С. 246), и еще до войны комендант был обязан не допускать евреев в саму крепость и, по возможности, в крепостной район (*Там же*).

Последнее время замечено массовое выселение местных обывателей из района военных действий без всякого объявления причин «...» само выселение производится зачастую властью комендантов этапных, штабов, квартир армий и корпусных, каковое право им законом вовсе не предусмотрено⁷.

С другой стороны, хотя «формально массовые высылки были незаконными»⁸, фактически они начали применяться в широких масштабах уже с лета 1914-го.

На первом этапе жертвами массовых депортаций по этническому признаку стали подданные воюющих с Россией государств. Уже в июле 1914-го их (мужчин призывного возраста) было предписано высылать в специальные лагеря в районах Вятки, Оренбурга и Вологды. За годы войны было выслано более 250 тысяч германских, австро-венгерских, турецких и болгарских подданных⁹.

Следующей жертвой поголовных депортаций стали этнические немцы (в том числе русские подданные), проживавшие в Лифляндии, в Сувалкской губернии, затем — по всей территории Царства Польского¹⁰. Только в Царстве Польском, под

⁷ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7с. Д. 33. Л. 42. На телеграмме резолюция начальника штаба 8-й Армии: «Сообщить в корпуса... выселять может командующий армией, при необходимости выселять входить с представлением <к нему — С.Г.>. Такой порядок выселения не касается заложников из еврейского населения и евреев, выселяемых в сторону противника» (*Там же*). Ср. с дошедшим до нас объявлением о депортации евреев из галицийского городка (без даты, видимо, январь–февраль 1915-го), произведенным местным комендантом: «Объявляю жителям города Мостиско и соседних поселений, что евреи выселяются за то, что они выдавали австрийским властям русских и поляков. Мера эта принимается для ограждения местного населения и является вынужденным результатом шестимесячного долготерпения и незыблемого убеждения в неояльности евреев к местному населению. Этапный комендант города Мостиско капитан Герасимов» (Архив русской революции. Т. XIX. С. 260).

⁸ *Нелипович С.Г.* Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич. С. 46.

⁹ *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire. P. 122, 127.

¹⁰ Уже в сентябре 1914-го были высланы все немцы, проживавшие в Либаве (ныне Лиепая) и Виндаве (ныне Вентспилс); 30 ноября 1914 года началась поголовная депортация немцев из Сувалкской губернии, к апрелю 1915-го завершилась их высылка из Царства Польского (*Нелипович С.Г.*

предложением «обеспечения воинских интересов», было выселено более 200 тысяч немцев¹¹.

Затем опробованные на немцах методы поголовных выселений были перенесены на евреев¹².

Поголовные выселения еврейского населения из зоны боевых действий можно условно разделить на две категории: локальные (из отдельных населенных пунктов и местностей) и массовые (из целых регионов). В ходе локальных выселений (они начались уже в августе 1914-го и прослеживаются на протяжении 1914–1916 годов) депортировалось ограниченное число евреев — от нескольких десятков до нескольких тысяч; в результате же массовых депортаций (январь–май 1915-го) изгнались из своих домов десятки и даже сотни тысяч людей.

В подавляющем большинстве выселений обеих категорий прослеживается прямая связь с шедшими в непосредственной близости боевыми действиями. Почти каждая крупная операция русских войск в 1914–1915 годах (наступательная или оборонительная) сопровождалась выселениями еврейского населения¹³.

Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич. С. 43–46). Выселялись из прифронтовых районов также цыгане (*Тамтрел П.* Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4(122). С. 50).

¹¹ *Там же*. С. 45–46, *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire. P. 130.

¹² С точки зрения военного командования немцы и евреи были одинаково ненадежны. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванов, требуя выселения немцев-горожан из польских губерний, утверждал, что немцы в городах тесно общаются с евреями и им легче шпионить, чем сельским жителям (*Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire. P. 132).

¹³ Например, в сентябре-октябре 1914-го германские войска пытались форсировать Вислу к югу от Варшавы, рассечь и окружить группировку русских. Упорные бои развернулись в районе крепости Ивангород (ныне Dęblin) и Новоалександрии (ныне Puławy), см. о них: *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. С. 168–170; *Stone N.* The Eastern Front 1914–1917. P. 97–99). В конце сентября еврейское население выселяется из района Ивангородской крепости (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 232–233). 18 января 1915 года германские войска начали наступление в излучине Вислы (т.н. «Болимовский мешок»), успешно тесня русских (*Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. С. 209). Начиная с 25 января 1915 года, русское командование выселяет более 30 тысяч евреев из прифронтовой полосы по направлению гер-

В то же время в рамках принятой русскими военными властями практики очищения территории от нежелательных элементов производились и выселения, не связанные напрямую с боевыми действиями.

Локальные выселения евреев осуществлялись войсками как Северо-Западного, так и Юго-Западного фронтов еще с августа 1914-го, то есть с первых дней войны¹⁴. Многим локальным выселениям предшествовали слухи, обвиняющие евреев в шпионаже и пособничестве немцам¹⁵. Получив распоряжение о выселении, евреи почти всегда пытались просить о его отмене, уверяя военные и гражданские власти в своей невиновности¹⁶. Пытались они воздействовать

манского удара (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 234–236). Поголовные выселения евреев из Ковенской и Курляндской губерний также происходили на фоне успешного наступления германцев в этом районе (см. *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. С. 237).

¹⁴ Первое известное нам выселение евреев (около полутора тысяч человек) русскими войсками было произведено 11 августа 1914 года из ряда деревень Хотинского уезда Бессарабской губернии (*Litai A. Perek mi'magilat ha-hurban // Reshumot. Vol. 2. Tel Aviv, ha-gra'd. P. 222.* 23 августа 1914 года евреи были выселены из района Ивангородской крепости, 29 августа — из ряда поселений Ломжинской губернии (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 232–233; ЦАИЕН. НМФ/583.А; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160).

¹⁵ Так, в Новоалександрии евреи будто бы сигнализировали врагу с помощью ветряных мельниц, в Гродзиске перерезали телефон (АНБ. V254), в Скерневицах укрывали германских солдат и пулеметы (Рассвет. 1914. № 45. С. 15–16). См. выше объявление о депортации евреев из галицийского Мостиско.

¹⁶ В местечке Мышинец в августе 1914-го «евреи всей массой, около 300 семейств, отправились к коменданту ходатайствовать об отмене выселения. Всю ночь, «дрожа от холода, читая псалмы», они стояли с женами и детьми в открытом поле. Комендант отказал» (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 232). Скорее всего, отменить выселение было и не в силах местных представителей военных властей. В октябре 1914-го в Скерневицах местный комендант сам просил у начальства не выселять хотя бы женщин и детей и получил отказ (Рассвет. 45(1914). С. 16). В местечке Ласкаржев (Радомской губернии) местный войт получил 30 сентября 1915 года предписание выселить евреев «ввиду возможных военных действий». Местный раввин разъярил войту, что речь в приказе идет «о спасении жизни евреев от опасности» и каждый может уезжать или оставаться, в зависимости от того, насколько он ценит свою жизнь. Выселение не состоялось (ЦАИЕН. НМФ/583.В; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160).

на своих собеседников и более серьезными аргументами (давняя взятка)¹⁷. Чаще всего и уговоры, и попытки подкупа не могли изменить судьбы выселяемых¹⁸.

Выселяемые евреи получали на сборы определенный срок, от нескольких дней до нескольких часов, если же они не выезжали в течение предписанного властями времени, им могли грозить насильственная депортация и иные санкции¹⁹. В распоряжениях о локальных депортациях обычно не содержалось указаний, куда евреи должны направляться, лишь бы они покинули запретную для них зону²⁰. Иногда выселенным

¹⁷ В местечке Козеницы в августе 1914-го начальник местной земской стражи получил от евреев «значительную взятку» за ходатайство, впрочем, как и следовало ожидать, безуспешное (ЦАИЕН. НМФ/583.С; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160). В деревне Кадило тогда же местный комендант потребовал от евреев 600 рублей за отмену приказа о выселении, а получив деньги, — выселил их в течении часа. Возмущенные обманом евреи пожаловались дивизионному командиру, и деньги были им возвращены *<sic — С.Г.>* (*Там же*). Евреи местечка Локач, получив в июне 1915-го распоряжение о выселении, направили депутацию «наверх» добиваться его отмены. Местный же исправник, «умиловленный, конечно, не одним красноречием», с выселением не торопился. Видимо, депортация евреев из Локача так и не состоялась (*Там же*. НМФ/588.С; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

¹⁸ Иногда все же выселения отменялись после вмешательства влиятельных лиц. В июле-августе 1915-го по ходатайству депутата Думы Якобсона было приостановлено выселение евреев из районов Слонима и Волковыска (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 247).

¹⁹ Из Ивангородского крепостного района евреев выселяли дважды, в августе и в сентябре 1914-го. В обоих случаях они получили на сборы 24 часа (АНБ. V254). В декабре 1914-го в Сохачеве евреям было приказано выселиться до утра, а в местечке Ботки (Batkiiai, Ковенской губернии) в марте 1915-го получили на сборы полчаса (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 224; АНБ. V254). За неисполнение своих распоряжений военные власти имели право заключать в тюрьму или крепость на срок до трех месяцев или налагать штраф до трех тысяч рублей (Свод Законов Российской империи. Т. 2. С. 187). Так, выехавший из Ковенской губернии на три дня позднее определенного властями срока Яков Липшиц (свою задержку он объяснял тем, что «не мог достать подводу для семи детей, а поезда не ходили»), был наказан арестом на три месяца (РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 78. Лл. 298–299об).

²⁰ Так, в распоряжении о выселении из Гродзиска (октябрь 1914-го) евреям просто приказали «оставить город» (Рассвет. 1914. № 47. С. 14). «За пределами Гродзиска еврей не интересовал больше власть» (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 238). Выселенцы направлялись чаще всего в

евреям удавалось добиться разрешения вернуться домой, в некоторых случаях их вскоре выселяли вновь²¹.

Депортации как официально одобренная мера «борьбы» с евреями

Переход русских военных властей к массовым выселениям евреев намечается в январе-феврале 1915-го и очевидно связан с официальными обвинениями высшего командования в адрес еврейства. Опубликованное 22 января 1915-го объявление Верховного Главнокомандующего определяло отношение еврейского населения к русской армии как «явно враждебное»²². Впервые на таком уровне и так публично (объявление было распространено как официальный документ и на разных языках) были сформулированы обвинения против «еврейского населения Польши, Галиции и Буковины»²³. Документ определял евреев как пособников врага и шпионов и запрещал им пребывание «в районе армии». Объявление также провозглашало взятие заложников от еврейского населения официально одобренной Верховным Главнокомандующим мерой.

Объявление Верховного было дополнено секретным циркуляром, предписывавшим выселять евреев вслед за отступающим противником либо высылать их вглубь России не ближе 200 верст от штабов армий, в губернии на левом бере-

близлежащие крупные центры (Варшава, Люблин), надеясь на приют и помощь еврейских благотворительных организаций (см., напр., список выселенцев и беженцев, получающих помощь от варшавской еврейской общины (Рассвет. 1915. № 9. С. 23–24).

²¹ Например, из Новоалександрии в августе-сентябре 1914-го; из Гродзиска и Скерневиц в октябре 1914-го и в январе 1915-го, и т.п. Как видно из удостоверения, выданного (25 августа 1914 года, в гмине Зволень (Царство Польское), раввин Абрам Хаим Носкович Фидербаум был оставлен там, «как благонадежный», со своим семейством, «состоящим из жены Златы и 9 детей», для «охраны имущества выселенных евреев» (ЦАИЕН. НМФ/588.С; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165). Видимо, предполагалось вскоре вернуть выселенных евреев.

²² Историю подготовки этого документа см.: *Holquist P. The Role of Personality*. P. 62–64.

²³ Объявление Верховного Главнокомандующего (Документы о преследованиях евреев. С. 250–251; «перевод с польского»).

гу Днепра²⁴. В конце января 1915-го командованием Северо-Западного фронта была предпринята попытка практического осуществления этих указаний. 24 января 1915 года главнокомандующий армиями фронта Н.В. Рузский отдал лаконичное распоряжение «выселить всех евреев и подозрительных лиц из районов боевого расположения»²⁵. Это распоряжение впрямую касалось многих сотен тысяч человек, и уже на следующий день штаб фронта разъяснил, что «Главнокомандующий не требует выселения евреев из всего района армий в район общего тыла, а лишь приказал удалять евреев из... тех пунктов, в которых... происходят боевые действия...»²⁶. Таких пунктов оказалось, видимо, достаточно много, и с 26 января 1915 года евреи были выселены из более чем сорока городов и местечек Варшавской губернии (общее число выселенных превысило 30 тысяч человек)²⁷.

²⁴ Циркуляр губернаторам на местах, предусматривающий также взятие заложников-евреев (ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Л. 4; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1980. Л. 7). См. также: *Lohr E. The Russian Army and the Jews*. P. 409. Подробнее о попытках выселения в сторону неприятеля см. ниже. Тогда же Ставка распорядилась поголовно выселять из Царства Польского не только немцев-колонистов, но и городское немецкое население (*Lohr E. Nationalizing the Russian Empire*. P. 130).

²⁵ РГВИА. Ф. 1939. Оп. 12. Д. 67. Л. 27).

²⁶ ЦАИЕН. НМ2/ 7913.5 (оригинал: РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 455). Через несколько дней, 2 февраля 1915 года, штаб фронта вновь разъяснил, что «евреи выселяются только из районов, занятых войсками, и только по прямому требованию войсковых начальников». Дополнительные разъяснения потребовались, видимо, ввиду рвения командования выселять большие массы евреев. Так, штаб 2-й Армии потребовал 24 января 1915 года от варшавского губернатора поголовного выселения евреев из всего района армии (*Там же*; см. также: АРШ. Kancelaria Gubernatora Warszawskiego. Referat I Tajny. 617. P. 1). Аналогичное требование передал 25 января варшавскому, ломжинскому и плоцкому губернаторам штаб 12-й Армии (АРШ. Kancelaria Gubernatora Warszawskiego. Referat I Tajny. 617. P. 9). По Варшаве ходили в это время слухи о предстоящем поголовном выселении евреев из города (Новый восход. 1915. № 10–11. С. 30, 32). Сам штаб фронта подлил масла в огонь, требуя поголовного выселения из Плоцкой губернии (см. ниже).

²⁷ В частности, евреи были выселены из Жирардова, Гродзиска, Прушко-ва, Ловича (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 92. Л. 56; Новый восход. 1915. № 6. С. 17). Встречающаяся иногда цифра в 80 тысяч выселенных в январе 1915-го (*Lohr E. Nationalizing the Russian Empire*. P. 139) кажется сильно завышенной.

Более того, штаб фронта, вопреки собственным инструкциям, потребовал поголовного выселения всего еврейского населения Плоцкой губернии (более 60 тысяч человек). Эта депортация в конечном итоге не состоялась, хотя евреи в течение января-февраля 1915 года были выселены из ряда населенных пунктов Плоцкой губернии²⁸.

Одной из проблем, тормозивших осуществление распоряжений о массовых депортациях евреев, был непроясненный вопрос о том, куда направлять высланных. Военные обратились с соответствующими запросами в МВД, которое разъяснило, что административно высланные евреи должны направляться в губернии черты оседлости вне театра военных действий (то есть «проживать на левом берегу Днепра в губерниях Могилевской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, кроме Крымского полуострова»)²⁹.

Таким образом, с первых дней войны русскими военными властями использовалась практика поголовных выселений еврейского населения в прифронтовой полосе. После публикации Верховным командованием обвинений всего еврейского населения на театре военных действий во враждебности к русской армии были предприняты первые попытки массовых выселений из целых регионов. На практике такие депортации

²⁸ Из Вышгорода, Бодзанова, Червинска (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 214; Новый восход. 1915. № 6. С. 19). Все же, по сравнению с намечавшимся первоначально, выселения были существенно урезаны. Так, 25 января штаб 5-й Армии требовал выслать всех евреев к западу от шоссе Нове Място — Могильгица — Гройцы, включая эти пункты, на следующий день просил приостановить выселение до более точного выяснения его района, а 1 февраля распорядился не высылать вовсе евреев из Мщенова, а из Бялой и Нове Място выселить только прибывших туда с началом войны (АРВ. Kancelaria Gubernatora Warszawskiego. Referat I Tajny. 672. P. 4, 14, 23).

²⁹ ЦАИЕН. НМ2/7962.6 (оригинал: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67). Отметим также некоторую медлительность гражданских властей при получении приказов о поголовном выселении значительных масс евреев. Получив из штаба 12-й Армии приказ о поголовном выселении евреев, варшавский губернатор просит разъяснения из какого района или каких пунктов следует их выселять (АРВ. Kancelaria Gubernatora Warszawskiego. Referat I Tajny. 672. P. 11). Начальник же Гроецкого уезда просил разъяснений, подлежат ли выселению «женщины, дети, мясники, новобранцы и военные подрядчики» (*Ibid.* P. 18)

еврейского населения прошли проведены позднее, в апреле-мае 1915-го.

Выселения из Ковенской и Курляндской губерний (апрель-май 1915-го)

Наиболее массовые выселения евреев русской армией были произведены в мае 1915-го на участке 10-й Армии, в Ковенской и Курляндской губерниях. Зимой-весной 1915 года 10-я Армия вела тяжелые бои, сдерживая попытки германцев прорвать фронт³⁰. В марте по приказу командующего армией было произведено выселение евреев из 17 местечек Сувальской губернии³¹. В апреле штаб армии отдал распоряжение о выселении евреев из прифронтового района, касавшееся десятков тысяч человек. Штаб Северо-Западного фронта, узнав о готовящейся депортации от жаловавшихся на это евреев (!), в итоге ее отменил³².

В конце апреля штаб 10-й Армии вновь распорядился о поголовных выселениях, на сей раз затрагивающих сотни тысяч

³⁰ В феврале 1915-го 10-я армия понесла тяжелое поражение, один из ее корпусов был полностью уничтожен (*Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. С. 208–223), причем «шпионство» евреев все-раз рассматривалось как причина этого разгрома. Так, в марте 1915-го помощник варшавского генерал-губернатора сенатор Любимов заявил еврейской делегации, что немцы «все знали» о 10-й Армии из «сообщений тех, кому хуже всего живется в России — евреев» (ЦАИЕН. НМ2/7954.2; оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 13).

³¹ Сейны, Серее (Sejrijai), Лодзее (Lazdijai) и т.д. Большая часть выселенных была отправлена в губернии на левом берегу Днепра (Рассвет. 1915. № 8. С. 7–8).

³² ЦАИЕН. НМ2/7962.6 (оригинал: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67). Выселение планировалось к западу от линии Ковна (Kaunas) — Стеклишки (Stakliškes) — Ораны (Varėna) — Рось — Соколка, евреи все же были выселены из Олиты (Alytus), Друскеник (Druskininkai) и др. (Рассвет. 8(1915). С. 7–8; 18(1915). С. 29–30). Отсутствие координации между командованием 10-й Армии и штабом Северо-Западного фронта бросается в глаза. Командующий 10-й Армией генерал Радкевич не только не известил штаб фронта (к этому времени М.В. Алексеев сменил Рузского на посту главнокомандующего) о своих распоряжениях, как однозначно от него требовалось, но уже после отмены выселения командованием фронта он продолжал считать, что выселение неуклонно выполняется, и запрашивал штаб округа о его ходе (ЦАИЕН. НМ2/7962.6; оригинал: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67).

евреев. 25 апреля 1915 года приказ о выселении еврейского населения получил курляндский губернатор Набоков, 28 апреля — ковенский губернатор Грязев.

В распоряжении штаба 10-й Армии, в частности, говорилось:

Ввиду ежедневно подтверждающихся войсками известий об исключительном развитии шпионажа среди евреев... а также полного сочувствия евреев немцам... принять самые значительные меры к поголовному выселению евреев из района армии, не допуская пребывания ни одного из них западнее линии Рига, Бауск, Поневеж, Вилькомир, Ковно. На исполнение сего командующий армией определяет недельный срок, после чего пребывание евреев в районе армии будет караться по законам военного времени. Чины администрации, не принявшие меры для выселения, будут устраняться от должности и предаваться суду³³.

Одновременно с приказом о выселении Е.А. Радкевич распорядился 21 апреля 1915 года перевести в войска из тыловых частей служивших там евреев³⁴.

Сообщая о своем решении в штаб фронта, генерал Радкевич мотивировал его «исключительным развитием шпионства и враждебного к нам отношения» со стороны еврейского и немецкого населения, так что войска действуют в условиях, «худших, чем во вражеской стране»³⁵. В ответной телеграмме главнокомандующий фронтом генерал М.В. Алексеев одо-

³³ Там же. Планируемое выселение к западу от линии Рига — Бауск (Bauska) — Поневеж (Ponėvėžys) — Вилькомир (Ukmergė) — Ковно прямо продолжало решения начала апреля. В распоряжении генерала Радкевича обращает на себя внимание прямая угроза в адрес местной администрации. Возможно, эти угрозы «свидетельствовали о необычайном характере принятой меры» (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 238). Но скорее Радкевич, помня о судьбе своего предыдущего распоряжения о выселении евреев, старался добиться на сей раз беспрекословного выполнения приказа.

³⁴ ЦАИЕН. НМФ/590.В (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 167). В приданных 10-й Армии госпиталях служило 17 евреев, в гарнизоне Гродненской крепости — 107 (Там же).

³⁵ Там же. НМ2/ 7913.5 (оригинал: РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 455).

брил выселения «неблагонадежного немецкого населения», не упомянув евреев вообще³⁶.

Предложенное широкомасштабное выселение встретило однозначную оппозицию среди местной администрации, апеллировавшей к командованию фронтом³⁷. Главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал М.В. Алексеев попробовал вновь (как и в начале апреля) отменить распоряжение Радкевича. Признав «поголовное массовое выселение евреев крайне затруднительным», Алексеев приказал разделить все пункты прифронтовой полосы на три категории: «... Пункты, откуда евреи выселяются поголовно... Пункты, где берутся только заложники... Пункты, не подлежащие репрессии...»³⁸. Одновременно штаб фронта потребовал у Е.А. Радкевича «сообщить все точно установленные случаи государственной измены, совершенной евреями»³⁹, очевидно собираясь доказать самому Радкевичу что таких случаев вовсе не было.

Однако Е.А. Радкевич, ссылаясь на поддержку Ставки, настаивал на своем решении. Телеграмма штаба 10-й Армии ковенскому губернатору от 3 мая 1915 года гласила:

Меры, принятые командующим армией относительно поголовного выселения евреев из района 10-й Армии, одобрены Верховным Главнокомандующим, а потому Командующий армией настаивает на своем решении. Все поголовно евреи должны быть

³⁶ Там же.

³⁷ Ковенский губернатор Грязев считал малореальным выселить в столь короткий срок 250–300 тысяч евреев и просил «указать мне, следует ли привести в исполнение предложение командующего армией», добавляя, что до получения ответа «ничего не предпримет» (ЦАИЕН. НМ2/ 7962.6; оригинал: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67). Прибалтийский генерал-губернатор П.Г. Курлов ссылаясь на недостаток вагонов и просил не выселять хотя бы «нужных» евреев, например поставщиков, брандмейстеров и т.д. (НМ/2 7916.3; оригинал: РГВИА. Ф. 2020, Оп. 1. Д. 128).

³⁸ ЦАИЕН. НМ2/ 7962.6 (оригинал: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67). Соответственно, командующие армиями должны были разделить все пункты в районе действия армии на указанные категории.

³⁹ Лор Э. Новые документы о российской армии и евреях. С. 256.

выселены из района 10-й Армии в недельный срок, начиная от 29 апреля⁴⁰.

Оспаривать приказ Верховного Главнокомандующего о «решительных мерах» никто не осмелился, и к 6 мая 1915 года выселение около 190 тысяч человек было завершено. Из отпущенного изначально штабом 10-й армии на выселение недельного срока пять дней ушло на согласование между инстанциями и попытки изменить первоначальный приказ. Современники же отмечали особую жестокость выселения в связи с очень коротким временем, отведенным евреям на сборы⁴¹. Местная полиция, иногда настроенная враждебно к евреям, сокращала в некоторых местах и без того небольшое время на сборы⁴².

То, что командующий армией, минуя прямой приказ штаба фронта, ссылался на распоряжение Верховного Главнокомандующего, само по себе было нарушением субординации⁴³. Ставка, однако, действительно одобрила предложенные генералом Радкевичем меры, включая и выселение в дальней-

⁴⁰ Там же. Ср. с телеграммой штаба 10-й Армии П.Г. Курлову в Ригу 27 апреля 1915 года: «Согласно повеления Верховного Главнокомандующего из района армии и всех пунктов, занятых войсками, евреи должны быть выселены поголовно и командующий армией не может нарушить сего повеления» (Лор Э. Новые документы о российской армии и евреях. С. 252)

⁴¹ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 239. Ср. с семейными воспоминаниями евреев, выселенных из местечка Жеймели: «Пришел урядник, очень удрученный — показал приказ, который он получил, что все евреи в 24 часа должны быть выселены...» (Хаеш А.И. Выселение евреев из Литвы весной 1915 года (на примере местечка Жеймели) // Иудаика: тексты и исследования. 2003. № 1. С. 50).

⁴² В Новооранах выселение было произведено за полчаса. В Вильках пристав сначала дал на «удаление шпионов» два часа, затем, получив 25 рублей, продлил этот срок до следующего утра. Тот же пристав на просьбу еврея остаться при умирающей жене ответил: «положи ее в мешок и брось в Неман, а сам убирайся к черту!» (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 95. Лл. 380б-39).

⁴³ Пользовавшийся репутацией решительного командира Е.А. Радкевич не впервые ослушался прямого приказа своего начальства. Еще командуя корпусом в 1914-м, он объявил полученный им приказ об отступлении подложным и продолжал наступать (Звонарев К.К. Агентурная разведка. Кн. вторая. С. 94)

шем евреев вслед за отступающим противником. Верховный Главнокомандующий распорядился также «в необходимых случаях применять самые решительные меры, не исключая повешения»⁴⁴. Жесткая позиция Ставки связана, возможно, с распространяемыми в те же дни, в конце апреля 1915-го историями о предательстве евреев в Кужах и Шавлях (Шауляй). В ночь на 28 апреля отряд 151-го Пятигорского пехотного полка был застигнут немцами врасплох в деревне Кужи (Kuižiai) вблизи Мариамполя (Marijampolė). Командир полка погиб, полковое знамя было сожжено. Все происшедшее было приписано измене евреев, будто бы спрятавших немцев в подвалах своих домов. Такая версия событий была официально объявлена войскам⁴⁵. За два дня до этого немецкий отряд неожиданно для русских появился под городом Шавли (Šiauliai), что было объяснено наличием у немцев «проводников евреев»⁴⁶.

Именно подобными случаями «предательства евреев» объяснялись массовые депортации⁴⁷. Однако, насколько можно судить, план массового выселения евреев по линии Рига—Ковно был заранее составлен штабом 10-й Армии. Это была та же линия, что и обозначенная Е.А. Радкевичем при предыдущем выселении в апреле 1915-го.

В любом случае, приказ о поголовном выселении евреев был получен П.Г. Курловым 24 апреля, то есть еще до случаев в Шавлях и Кужах, а ковенским губернатором 28 апреля, в день инцидента в Кужах. Депортация, по всей видимости,

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 634. Л. 100.

⁴⁵ См. приказы по войскам: Еврейская старина. 1918. № 10. С. 217, 252.

⁴⁶ Русский инвалид. 1915. № 97. 2 мая. С. 2.

⁴⁷ С «наведением» немцев на Шавли было, по данным военного официоза, связано «ведомое с чрезвычайной энергией» выселение евреев из Курляндии (Там же). Как вспоминал П.Г. Курлов, генерал Янушкевич объяснял ему в Ставке, что «основанием распоряжения о поголовном выселении евреев послужило истребление германцами небольшого нашего отряда вблизи Шавлей», при этом великий князь Николай Николаевич был «крайне раздражен происшедшим» (Курлов П.Г. Гибель императорской России. С. 214–215). При этом полученные гражданскими властями распоряжения штаба 10-й Армии о выселении евреев не содержали никаких ссылок на происшествия в Кужах и в Шавлях (Там же; ЦАИЕН. НМ2/7962.6; оригинал: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67).

уже была predetermined командованием 10-й Армии, а известия об «измене евреев» стали лишь удобным поводом для проведения этой меры при поддержке Ставки, в противовес штабу фронта.

Спешное и поголовное выселение евреев по обвинению в измене открывало простор для произвола местных властей и просто мародерства со стороны местного населения. В Кроках (Ковенской губернии), чтобы вывезти при выселении имущество, требовалось разрешение коменданта, которого тот не давал. На следующий день после выселения от еврейского имущества остались «одни окурки»⁴⁸. В Жеймах (Ковенской губернии, ныне — Žeimiai) обыватели объясняли полиции: «солдаты сказывали, еврейское добро можно брать». Полиция прямо отказывалась охранять еврейское имущество, а казаки открыто продавали награбленное, а что не могли продать — уничтожали⁴⁹. Выселенные из Велион (Ковенской губернии, ныне Veliuona) евреи, проходя через местечко Средники (Seredžius), обнаружили там полный разгром, в Чикишках (Čekiškė) увидели в синагоге выброшенные свитки Торы, «частично сложенные на полу в виде дорожки»⁵⁰. В Вильках (Ковенской губернии, ныне Vilkeniai) пристав пытался выселить евреев в двухчасовой срок, однако за взятку в 25 рублей дал им время до утра. Еврею с больной женой этот пристав сказал: «положи ее в мешок и брось в Неман, а сам убирайся к черту!»⁵¹. При выселении в Вильках евреи стали нанимать у крестьян подвод, крестьяне заламывали несусветные цены (за 14 верст брали 50 рублей). Все тот же пристав закричал: «Не смейте жидов возить, вы шпионам помогаете. Их перевешать надо». Евреи сбросили вещи с подвоя, пошли пешком. Почти на их глазах в местечке начался грабеж имущества⁵². В Бобрах и Новоора-

⁴⁸ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 95. Л. 400б.

⁴⁹ Там же. Л. 41.

⁵⁰ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 143. Л. 3.

⁵¹ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 95. Л. 380б.

⁵² Там же. Д. 16. Л. 11. В Купишках той же губернии пристав на просьбу принять меры к безопасности евреев ответил: «пусть убираются к черту, еврейчики». Когда новобранцы стали громить и избивать выселяемых евреев, пристав вмешался, лишь получив 15 рублей (Там же. Л. 7).

нах на выселение было дано полчаса, выселяемые подверглись издевательствам⁵³. В Колонеле (Kolainai) Ковенской губернии полиция не дала евреям оставить имущество у соседей, приказав немедленно выехать⁵⁴.

Депортируемые из Ковенской и Курляндской губерний евреи получили официальный статус «выселенцев», отличный от статуса «беженцев». Часть из них сохранили свои паспорта и могли селиться где угодно, в пределах черты оседлости. Другие, располагавшие лишь полученными от местных властей «проходными свидетельствами», либо оставшиеся в халосе выселения вообще без всяких документов, направлялись в губернии «по левому берегу Днепра»⁵⁵. Во многих местах, в ходе жестоких боев переходивших из рук в руки, евреи до выселения жили в постоянном страхе перед грабежами и бесчинствами. В такой ситуации «выселение могло быть принято как избавление от мук»⁵⁶.

Депортация столь значительной массы евреев стала огромной трагедией для самих выселенных, привела к расстройству транспорта в тылу русской армии, параличу экономической жизни целого региона (в том числе военных поставок), обострила обстановку в районах, куда направлялись выселенцы. Положение выселенных евреев балансировало между определениями «крайне тяжелое» и «катастрофическое». Например, в местечке Ширвинты (Širvintos, Виленской губ.) «...надо было разместить 4–5 тысяч беженцев, а там всего 200 домишек. Были заняты синагоги, амбары, сараи... подвалы... и даже бойня... люди жили в хлевах вместе с лошадьми, здоровые вместе с больными, 10 человек в одной комнате

⁵³ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 95. Л. 380б. В Бобрах выселенных евреев обыскивали по дороге солдаты, раздевали женщин (ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 60. Лл. 2–4). То же происходило в Эйраголе (Aigogala): ЦАИЕН. НМФ/583.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160).

⁵⁴ Там же. Л. 13.

⁵⁵ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 238, 242.

⁵⁶ Как говорили выселяемые евреи в Средниках и Чикишках (Там же. С. 237). В Цитовянах, узнав о предстоящем выселении, евреи «обрадовались... Новое чудо явил Господь» (ЦАИЕН. НМФ/583.В; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160).

...и при всем том ...многие проводили ночи под открытым небом»⁵⁷.

Хаос, созданный массовыми депортациями в тылу русских войск, потребовал вмешательства главнокомандующего Северо-Западным Фронтом, а затем и Верховного Главнокомандующего. Вмешательство должно было быть срочным, поскольку командующие другими армиями фронта начали по примеру 10-й Армии отдавать приказы о масштабных депортациях. Так, штаб 12-й Армии просил утвердить выселение сотен тысяч евреев за реку Нарев, включая поголовную депортацию из Белостока, Ломжи, Остроленки⁵⁸.

8 мая 1915 года М.В. Алексеев осудил практику «поголовного и притом поспешного выселения евреев из местностей... отстоящих на 20, 40 и более верст от расположения войск»⁵⁹ в письме к командующим армиями своего фронта, отмечая:

означенный вопрос имеет крупное государственное значение... мы создаем себе открытую враждебность всего еврейского населения империи, возбуждаем общественное мнение, что может отразиться на выполнении заграничных заказов... ставим в безвыходное положение сотни тысяч евреев, из которых огромная масса сплошная беднота... на государство возлагается бремя возить и кормить высланных... впоследствии придется возместить убытки... к несчастью, приходится иметь дело с русскими подданными, всю массу которых нельзя делать ответственными за преступления отдельных лиц...⁶⁰

⁵⁷ ЦГИАК. Ф. 992. Оп. 1. Д. 15. Лл. 41–47. Посетивший Ковенскую губернию депутат Думы Н.П. Огановский отмечал в отчете, что после выселения евреев цены на одежду и обувь поднялись на 50–70 процентов, Вилькомир производит впечатление «мертвого города», все магазины и лавки заколочены, возивший Огановского извозчик «не мог достать себе кнута» (ЦАИЕН. НМ2/7954.1; оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 11).

⁵⁸ ЦАИЕН. НМ2/7913.5 (оригинал: РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 455).

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Как мы видели, Алексеев возражал против массовых выселений из соображений государственной целесообразности. В цитированном письме Янушкевичу от 9 мая 1915 года Алексеев писал: «...обезвредить в известной степени еврейство можно было бы изданием от

Генерал Алексеев приказал приостановить массовое выселение евреев из пунктов вне районов военных действий, а уже выселенным разрешить вернуться под ответственность заложников — «неправительственных раввинов и богатых влиятельных евреев»⁶¹. Другим приказом Алексеева командующие армиями фронта обязывались разделить районы боевых действий на три категории:

Населенные пункты, где присутствие евреев по военным соображениям абсолютно недопустимо — из этих пунктов евреев выселять поголовно... Пункты, где можно ограничиться взятием заложников, которых за случаи измены жителей карать беспощадно или обязать кагалы круговой порукой и применять выселение как наказание... Тыловые пункты, не подлежащие репрессиям⁶².

В конце мая Верховный Главнокомандующий, в свою очередь, «в виде особой милости к большинству еврейских семей» признал необходимым разрешить выселенным вернуться домой при условии взятия заложников «в предупреждение преступных выступлений»⁶³.

Однако выселенные евреи отказались предоставить заложников, что стало, по-видимому, полной неожиданностью для властей⁶⁴. Выселенцы из Вилькомира и Поневежа направили

имени Верховного Главнокомандующего торжественно объявленного акта милости, разрешающего большинству еврейских семей остаться на местах жительства...» (Там же).

⁶¹ Архив русской революции. Т. XIX. С. 256.

⁶² РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 634. Л. 102. Алексеев почти дословно повторяет свое распоряжение от 1 мая 1915 года, проигнорированное тогда Радкевичем.

⁶³ ЦАИЕН. НМ2/7962.6 (оригинал: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67). Мысль о необходимости «милостивого» обращения к евреям принадлежала генералу Алексееву.

⁶⁴ Полиция заготовила заранее специальный «формуляр» заложника, согласно которому тот отвечал по всей строгости законов военного времени за враждебные действия евреев и за содействие неприятелю «в какой-либо форме». Сообщалось, что «в случае измены со стороны еврейского населения заложники будут повешены» (Архив русской революции. Т. XIX. С. 256). Порядок «возвращения высланных евре-

генералу Алексееву однотипные просьбы об отмене требования дачи заложников, утверждая, что это требование «клемит целый народ», «печалит» и «больно задевает» евреев, которые никогда не были изменниками. Выселенцы опасались, что заложники могут стать жертвой «злостной провокации, ложных доносов», и просили разрешения вернуться домой «под своей личной ответственностью»⁶⁵. Письмо аналогичного содержания было передано депутатом Думы от Ковенской губернии, «выселенным вместе со всем еврейским населением», Н.М. Фридманом председателю Совета Министров И.Л. Горемыкину: «Этого чудовищного условия <предоставления заложников — С.Г.>, ставимого властью своим подданным, еврейское население не примет. Оно предпочтет скитания и голодную смерть исполнению требования, которое позорит его гражданскую и национальную честь»⁶⁶. Евреи однозначно не верили властям и добровольно идти в заложники не желали⁶⁷. Проблема сотен тысяч выселенцев так и не была решена.

Выселения из оккупированной Галиции

В августе 1914-го, по мере продвижения русских войск в Галиции, было решено образовать военное генерал-губернаторство для управления «занятыми по праву войны

ев» включал письменное поручительство трех заложников за каждого возвращающегося еврея, причем заложников следовало брать из богатых евреев «с неперменным участием... и духовного раввина» (*Там же*. С. 258–259).

⁶⁵ Обращения выселенцев; Архив русской революции. Т. XIX. С. 257; ЦАИЕН. НМ2/7916.11; оригинал: РГВИА. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 128). Следует отметить, что доводы выселенцев нисколько не тронули генерала Алексеева. В резолюции на одном из обращений он отмечает, что если все обвинения против евреев — выдумки и наветы их врагов, как они утверждают, то у заложников «и волос с головы не упадет». Заложники, однако, необходимы, поскольку евреи не «доказали пока преданности, о которой они пишут» (ЦАИЕН. НМ2/ 7913.5; оригинал: РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 455).

⁶⁶ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 266.

⁶⁷ В апреле 1915-го евреям города Янов (Ковенская губерния) было предложено выбрать десять заложников и около семидесяти «более видных еврейских обывателей Янова долго обсуждали, как быть, и решили бросить жребий. Закончилось тем, что все 70 выехали из города» (Рассвет. 1015. № 19. С. 13).

территориями»⁶⁸. Военным генерал-губернатором Галиции был назначен генерал-лейтенант граф Г.А. Бобринский, подчинившийся главному начальнику снабжения Юго-Западного фронта; территория генерал-губернаторства была разделена на три, а в дальнейшем на четыре губернии⁶⁹. Административная деятельность временного генерал-губернатора Галиции носила весьма активный характер. Поддерживаемый Ставкой и командованием Юго-Западного фронта, Бобринский пытался ввести в Галиции «русский строй», насаждая русский язык в суде, печати и школе, заменяя местную администрацию привезенными из России чиновниками и полицейскими, поддерживая переход местного населения в православие⁷⁰.

Отношение русской администрации Галиции к местному еврейскому населению было однозначно негативным, считалось, что «...все евреи недружелюбно настроены против русских и не теряют надежды на возвращение австрийских войск...»⁷¹. В ходе боевых действий начались выселения ев-

⁶⁸ Graf D.W. Military Rule. P. 393–394.

⁶⁹ Львовская, Тернопольская, Черновицкая и Перемышльская губернии (*Бахтурина А.Ю.* Государственное управление окраинами Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 62). Бобринский был известен как «великосветский», «паркетный» генерал, близкий к придворным кругам, и образование Ставкой военного генерал-губернаторства было призвано упредить попытку Совета Министров поставить оккупированные территории под свой контроль. См. также: *Hagen M., von.* War in European Borderland. Occupation and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918. Seattle and London. 2007. P. 23–26.

⁷⁰ *Бахтурина А.Ю.* Государственное управление окраинами. С. 60–67; *Graf D.W.* Military Rule. P. 397–398.

⁷¹ ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 30. Л. 29; см. также: *Хитерер В.* К истории еврейского населения Галиции и Буковины накануне и в годы первой мировой войны // Евреї в Україні: Історія, культура, традиції. Київ, 1997. С. 78–90; *Хитерер В.М.* Из истории еврейского населения Галиции и Буковины накануне и в годы первой мировой войны // Евреї в Україні: Історія, культура, традиції. Київ, 1997. С. 78–90. Об амбивалентном отношении русской военной администрации к польскому населению Галиции см.: *Шлянта П.* «Братья-славяне» или «азиатские орды»? Польское население и российская оккупация Галиции в 1914–1915 годах // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох / Сборник статей / Ред.: К. Бруиш, Н. Катцер. М., 2014. С. 21–40.

реев армией (в ноябре-декабре 1915-го было выселено 75 человек), а с зимы 1915-го, после обвинявшего евреев объявления Верховного Главнокомандующего русские войска начали массово выселять евреев⁷². Выселенные (их число достигало 10 тысяч) «без определенного обвинения в шпионстве или неблагонадежности»⁷³ евреи направлялись в распоряжение галицийского генерал-губернатора. Граф Бобринский считал затруднительным высылку столь значительного количества евреев в Полтавскую губернию, как предусматривалось циркулярами командования, и обратился в штаб фронта с просьбой о кредите в 300 тысяч рублей для размещения высланных в восточных районах Галиции. Главный начальник снабжений фронта не признал возможным оставление евреев в Галиции, в то же время отправку высланных в Полтавскую губернию затруднительной не счел «ввиду наличности порожних составов, отправляемых к границе» из Львова⁷⁴. Примечательно, что высылка 10 тысяч человек (ни в чем официально не обвиненных) в товарных вагонах не представлялась «затруднительной» высокопоставленным генералам.

Дело оставалось за малым — согласием полтавского губернатора принять выселяемых евреев (напомним, что военные власти лишь сообщали гражданской администрации о своих действиях).

Однако полтавский губернатор А.К. Багговут, получив извещение от графа Бобринского об отправке в Полтаву «вскоре» первой партии евреев, не только не согласился разместить у себя в губернии значительное число высланных (он был готов принять не более двух тысяч человек), но и, по-видимому, обратился в МВД с жалобой на военные власти, наводняющие внутренние области России ев-

⁷² Prusin A.V. *Nationalizing a Borderland: War, Ethnicity, and Anti-Jewish Violence in East Galicia, 1914–1920*. Tuscaloosa, 2005. P. 49.

⁷³ Формулировка графа Бобринского (письмо в штаб Юго-Западного фронта от 22 февраля 1915 года (ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Л. 17). Евреи выслались как «задержанные вблизи наших позиций...», как «шатающиеся без дела» (ЦАИЕН. НМ2/ 7916.7; оригинал: РГВИА. Ф. 2050. Оп. 1. Д. 174).

⁷⁴ ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Л. 28.

реями-иностранцами⁷⁵. Результатом стала резкая телеграмма начальника штаба Верховного Главнокомандующего Н.Н. Янушкевича, получившего «от Министерства Внутренних Дел сведения о предпринятом выселении *жидов* <курсив мой— С.Г.> из Галиции внутрь России. Это недопустимо, их и без того у нас слишком много. Было повелено гнать их вперед за австрийцами...»⁷⁶.

Таким образом, депортация 10 тысяч галицийских евреев в Полтавскую губернию была отменена и, похоже, так и не состоялась⁷⁷. Место высылки вглубь России должны были, по мысли Ставки, занять выселения в сторону неприятеля. Эти выселения упоминаются впервые в январских (1915) директивах Верховного Главнокомандования, затем упоминание о них многократно встречается в приказах по войскам Юго-Западного фронта в течение февраля-мая⁷⁸.

⁷⁵ ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Л. 17, 29–30. Распоряжение Ставки, согласованное с МВД, определяло как раз Полтавскую губернию местом высылки евреев — иностранных подданных (*Там же*. Л. 5). Очевидно, МВД не предполагало, что выселять будут десятки тысяч евреев. Независимое поведение губернатора Багговута могло определяться его сильными связями при дворе (см.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 492). При этом Багговут не стеснялся высказывать публично откровенно антисемитские замечания (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 95. Л. 420б). Департамент полиции, в свою очередь, чтобы не расселять галицийских евреев в России, предлагал содержать всех их в тюрьмах (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 617. Л. 5).

⁷⁶ ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Л. 41. Напуганный гневом Ставки, генерал Маврин потребовал у графа Бобринского сообщить, кто именно приказал выселять евреев в массовом порядке и из каких районов (*Там же*. Л. 37). Изумленный, видимо, Бобринский не замедлил ответить, что все высылки производились по непосредственному указанию самого Маврина (*Там же*. Л. 43–44).

⁷⁷ Трудно судить, какое число евреев успели выслать между 6 марта 1915 года, когда граф Бобринский известил полтавского губернатора о предстоящей депортации, и 14 марта, когда Бобринский получил из штаба фронта телеграмму, запрещающую высылки вглубь России.

⁷⁸ См., напр. приказ по штабу 3-й Армии от 25 февраля 1915 года: «...с прибытием войск в новые районы, тотчас же все еврейское население должно быть выселяемо в сторону противника» (Архив русской революции. Т. XIX. С. 249). Ср. с приказом по 18-му армейскому корпусу (входил в состав 8-й Армии под командованием Брусилова) от 14 мая 1915 года: «Евреев гнать в сторону неприятеля, не оставляя ни одного в районе войск» (*Там же*. С. 258). Как полагал Д. Граф, инициатива таких выселе-

Единственная известная попытка осуществить на практике депортацию евреев через позиции неприятеля была проведена в марте 1915-го в Галиции, в районе Надворны (на участке русской 9-й Армии). Русское командование выслало парламентаря с объявлением, что «за русские линии в сторону австро-венгерских войск» будут «переправлены» 1500 еврейских семей. Австро-венгерское командование отказалось пропустить к себе евреев «по военным причинам, несмотря на глубочайшее сочувствие бедным жертвам варварства»⁷⁹. Нежелание противника пропустить евреев через свои позиции и опасения, что от депортируемых австрийцы смогут с легкостью получить агентурные сведения⁸⁰ привели к тому, что и от такого способа избавиться от нежелательного присутствия евреев в прифронтовой полосе русское командование отказалось. Получалось, что выселяемые евреи не могли быть отправлены ни в Россию, ни в Австро-Венгрию. Военной администрации оставался лишь один выход — размещать их в более удаленных от фронта районах Галиции⁸¹.

Ощущаемый русскими военными определенный тупик в решении «еврейской проблемы» подвигал их на поиски нетрадиционных вариантов. Такое, например, предложение

ний принадлежала командованию Юго-западным фронтом (*Graf D.W. Military Rule*. P. 399), по нашему мнению она все же исходила из Ставки. Штаб фронта ссылается на генерала Янушкевича, приказывая «гнать евреев вперед за австрийцами... До Верховного Главнокомандующего дошли слухи, что с движением наших войск вперед жители евреи не выселяются. Прошу строжайше подтвердить это требование» (ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Л. 41).

⁷⁹ Czas. 1915. № 137 (10 марта). P. 1. Напомним, что эти события происходят в дни, когда сорвалась попытка выслать 10 тысяч евреев в Полтавскую губернию.

⁸⁰ ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Л. 770б.

⁸¹ Что и предлагал в феврале 1915-го граф Бобринский. В Самбор было направлено несколько тысяч выселенцев из Добромильского уезда (выселены 16 февраля 1915 года, разрешено вернуться домой 29 марта 1915 года по просьбе начальника Самборского уезда — *Там же*. Лл. 11–12, 48); выселенные 7 мая 1915 года из Буковины 4 тысячи евреев («преобладают женщины и дети») были размещены в Черткове (*Там же*. Л. 64); евреи, выселенные 28 апреля 1915 года из Перемышля (Przemyśl) — в Ярославле (*Там же*. Лл. 62–63). Ничего не известно лишь о деньгах, которые граф Бобринский просил для размещения выселенных.

выдвинул командующий 11-й Армией Д.Г. Щербачев. В письме графу Бобринскому генерал Щербачев отмечал: «в последнее время особенно усилилась враждебность евреев к русской армии, что проявляется в порче ими проводов, подстрекательстве поляков и украинцев против русских, повышении цен, понижении курса рубля и прямой агентурной деятельности»⁸².

«Средства борьбы с евреями, — по мнению генерала Щербачева, — крайне ограничены». Предание полевому суду требует несомненных улик, что в свою очередь недостижимо в большинстве случаев. Высылка евреев в сторону неприятеля нежелательна, поскольку «помимо трудности осуществления... она дает возможность противнику получить агентурные сведения от своих шпионов... и от всех евреев...» Высылка же в тыловые районы армии дает неприятелю сеть агентов в тылу русских войск, а при отступлении русской армии ей приходится действовать среди неблагонадежного населения. Наконец, выселения евреев вглубь России ведут к большим расходам казны, транспортным трудностям и к возможности занесения в Россию «заразы политической и инфекционной», неизбежной «при давно уже установленной физической и нравственной нечистоплотности еврейского населения».

В качестве решения генерал Щербачев предложил «принятие особой меры» — поголовное выселение всех галицийских евреев в полосу местности в Галиции на границе с Румынией. Образование такой резервации даст возможность решить «большой... и громадной военной и административной важности вопрос... избавиться не только Россию, но и вновь занятые ею области от нежелательного и крайне вредоносного элемента»⁸³.

⁸² *Там же*. Л. 77.

⁸³ *Там же*. Лл. 77–78об. Письмо датировано 8 мая 1915 года, в это время австро-германские войска перешли в Галиции в решительное наступление, а на Северо-Западном фронте были осуществлены массовые депортации из Ковенской и Курляндской губерний. Щербачев считал, что выселенные в предлагаемую им резервацию евреи через территорию Румынии переселятся в Австрию, «которая им столь дорога» (*Там же*).

Галицийский генерал-губернатор согласился с Щербачевым в том, что «указания на существование крайней враждебности населения Галиции к войскам нашей армии, конечно, не могут вызывать каких-либо сомнений», а выселения не достигают цели. Вместе с тем граф Бобринский считал предложенный проект резервации нереальным:

Не касаясь этого вопроса со стороны моральной, равно как с точки зрения международного права... ясно, что надо будет выселить около одного миллиона евреев, а это потребует значительной территории для их размещения и переселения оттуда всего нееврейского населения⁸⁴.

Технические трудности, имущественные вопросы и бытовые условия делаали, по мнению графа Бобринского, идею резервации «неудовлетворительной»⁸⁵.

Своеобразный итог политике выселений евреев из Галиции Бобринский подвел 1 июня 1915 года в обширном донесении главному начальнику снабжения Юго-Западного фронта. Отметив, что «мера высылки евреев в сторону неприятеля, по видимому, вовсе не выполняется», и что вглубь России можно высылать «отдельные лица», а не массы (как было разъяснено после попытки выслать в Полтавскую губернию 10 тысяч евреев), галицийский генерал-губернатор рапортует начальству о своем затруднении: «куда же направлять высланных евреев?»

«Вопрос этот острый», поскольку войсковые начальники выселяют из района военных действий «целые группы семейств с детьми, скарбом и животными». «Я направлял таких евреев в восточные районы Галиции, — отмечает Бобринский, — но это возможно до известного предела». В дополнение к продовольственным трудностям и невозможно-

⁸⁴ Там же. Лл. 79–80об.

⁸⁵ Там же. Ответ Бобринского датирован 27 мая 1915 года, когда русские войска терпели в Галиции тяжелое поражение, стремительно отходя на восток (Львов был сдан русскими 9 июня). Бобринский добавил в письме, что галицийские евреи, имеющие большое влияние и широкие права, не откажутся от них без упорной борьбы, а недружелюбная к евреям Румыния не позволит им пройти через свою территорию (Там же).

сти контроля за высланными (были случаи, когда евреи беспрепятственно возвращались домой), в связи с отступлением русских войск восточные районы Галиции вновь превратились в арену боевых действий. В качестве выхода граф Бобринский предложил резко сократить масштабы выселений:

Я ходатайствую, не будет ли признано возможным в приказе по войскам армий Юго-Западного фронта предписать войсковым начальникам к вопросу о выселении жителей относиться с большой осторожностью и подвергать выселению не огульно целые семьи, а лишь *лиц* <курсив мой— С.Г.>, действительно подозрительных в том или ином отношении⁸⁶.

Командование Юго-Западным фронтом предложило, однако, иное решение. Бобринскому было предписано размещать высланных евреев в районах восточной Галиции, «в особых лагерях... из шалашей, землянок, легких навесов», охраняемых полицией и ополченцами. Размещенные в таких лагерях евреи должны были получать «1 фунт сухарей в месяц на человека». Администрация генерал-губернаторства выступила против создания таких лагерей, справедливо отмечая, что они «грозят на почве недоедания эпидемиями, которые легко могут передаться войскам»⁸⁷.

Поспешное отступление русских войск из Галиции в июне 1915-го сделало актуальным вопрос о дальнейшей судьбе высланных евреев. Военные власти однозначно старались не допустить их переселения вглубь России вслед за русской армией. В директиве штаба Юго-Западного фронта войскам предписывалось галицийских евреев «не пускать в наши пределы, успевших же проникнуть в Россию... по возможности вернуть в Галицию»⁸⁸:

⁸⁶ Там же. Лл. 95–98.

⁸⁷ Там же. Лл. 84, 101. Вновь, как и в случае с резервацией, подчиненные военным гражданские чиновники обосновывают невозможность осуществления проекта техническими трудностями, не приводя моральных или гуманитарных доводов.

⁸⁸ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1728. Л. 26 (телеграмма генерала Маврина от 24 июня 1915 года).

В настоящее время, вдоль австрийской границы находятся становища евреев, выселенных из Галиции и не пропущенных в Россию... При переходе границы надо тщательно... обходить эти становища во избежание заразы и принять энергичные меры, вплоть до применения оружия, чтобы протолкнуть этих евреев к стороне противника⁸⁹.

Какое количество высланных из Галиции евреев все же оказалось в Российской империи? Согласно запросу киевского губернатора, в июле 1915-го в Киеве находились 1164 галицийских еврея⁹⁰, тогда как по данным «Особой комиссии по пересмотру дел заложников и административно высланных из Галиции», в ноябре 1915-го в 16-ти губерниях насчитывалось 4680 человек всех национальностей, высланных из Галиции⁹¹. В то же время в литературе встречаются и гораздо большие цифры — до 30 и даже 50 тысяч галицийских евреев, высланных вглубь России⁹². На наш взгляд, эти цифры сильно завышены, — как мы видели, русские власти не слишком стремились «наводнять» Россию галицийскими евреями.

Таким образом, выселения евреев из Галиции русскими оккупационными властями не приобрело значительных масштабов, сопоставимых с тем, что происходило в это же время на Северо-Западном фронте. Политика депортаций зашла в

⁸⁹ Там же. Ср. с указанием выселенных в июне 1915-го из Подольской губернии с линии реки Збруч евреев «собрать в некоторые пункты <те же лагеря, о которых речь шла выше — С.Г.> под надзором, а в случае отхода наших войск — оставить их всех противнику». Евреев, пожелавших в любом случае переселиться в Россию, следовало направлять в заволжские губернии (ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Л. 100).

⁹⁰ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1728. Л. 64. Губернатор запрашивал у штаба Киевского военного округа, как поступить с высланными, поскольку ввиду отступления невозможно вернуть их в Галицию, «как было бы желательно». Видимо, евреи были направлены в Пензенскую губернию.

⁹¹ ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 839. Л. 26. Большинство высланных составляли, видимо, евреи, хотя встречаются также поляки и украинцы. Так, у 20 из 25 высланных, содержащихся в Острогской тюрьме, — еврейские имена и фамилии (Там же. Л. 129).

⁹² Prusin A.V. The Russian Military and the Jews in Galicia, 1914–1915 // The Military and Society in Russia, 1450–1917 / Ed. by Eric Lohr and Marshall Poe. Leiden-Boston-Köln, 2002. P. 540.

тупик в связи с нежеланием русских властей отправлять евреев — иностранных подданных вглубь России и ограниченными возможностями иных направлений выселений (в сторону неприятеля, внутри самой Галиции и т.д.). Военные власти почувствовали необходимость выработать правила и инструкции, регулирующие и ограничивающие возможность военачальников выселять еврейское население прифронтовой полосы.

*После массовых депортаций
(лето-осень 1915-го)*

Как мы видели, командование Северо-Западным фронтом (при поддержке Ставки) пыталось после массовых выселений разработать ясные правила, не допускающие их повторения. В качестве альтернативной депортационной меры было предложено брать у еврейского населения заложников, а уже выселенным евреям предлагалось вернуться при условии, если они предоставят заложников⁹³. Евреи от этого предложения отказались.

Между тем командиры разных уровней продолжали смотреть на депортации как на обычную меру по отношению к евреям. Так, комендант Ковенской крепости В.Н. Григорьев уже 24 мая 1915 года просил выселить поголовно всех евреев из четырех волостей Виленской губернии, входивших в крепостной район, откуда они еще не были выселены ранее распоряжением командующего 10-й Армией⁹⁴.

⁹³ Возвращение выселенных евреев при условии дачи ими заложников и круговой поруки предлагалось не только в Ковенской и Курляндской губерниях; соответствующее распоряжение было дано и командованием 2-й Армии, действовавшей вблизи Варшавы (АРВ. Kancelaria Gubernatora Warszawskiego. Referat I Tajny. 672. P. 44).

⁹⁴ Телеграмма Григорьева главному начальнику Двинского военного округа князю Туманову: «На посланное мной в штаб армии ходатайство выселить евреев... получен ответ, что надлежит обратиться к Вашему Сиятельству. Ввиду прохождения железной дороги через эти волости... признаю необходимым очистить этот район от нежелательного элемента, поэтому, руководствуясь указанием штаба армии, ходатайствую о выселении поголовно всех евреев из этих волостей» (РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 216). Туманов, ссылаясь на распоряжения главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, отказался производить выселения (Там же. Лл. 217–219).

Подробные инструкции Алексева о порядке выселений выполнялись далеко не автоматически. Об этом свидетельствует, например, история выселения евреев из местечек Кузница и Новый Двор (Гродненская губерния). В конце мая 1915-го штаб Северо-Западного фронта узнал из умоляющих телеграмм местных раввинов (!) о предстоящем выселении нескольких тысяч евреев по распоряжению командующего 10-й Армией (все того же Е.А. Радкевича, проигнорировавшего приказание М.В. Алексева о приостановке выселений). На прямой запрос штаба фронта, «чем вызвано ваше распоряжение о поголовном выселении евреев из Кузниц и Нового Двора», штаб 10-й Армии ответил, что «распоряжение о выселении евреев из Кузниц и Нового Двора было сделано еще 14 марта... Ныне командующий считает необходимым выселить из этих пунктов поголовно...»⁹⁵. Из объявления гродненского губернатора В.Н. Шебеко от 1 июля 1915 года видно, насколько обыденной реальностью были выселения в глазах властей (в данном случае гражданских):

...При выселении жителей-евреев из того или иного района возбуждаются бесчисленные ходатайства об отсрочке, главным образом для устройства торговых и имущественных дел... Предупреждая еврейское население о возможном выселении, предлагаю ныне же урегулировать все имущественные вопросы и быть всем настолько подготовленными, чтобы выселение могло произойти в кратчайший, от 2 до 5 дней, срок⁹⁶.

Летом-осенью 1915 года германские войска неоднократно прорывали русский фронт. Ожесточенные бои и отступление

⁹⁵ Евреи все же были выселены 4 июня 1915 года (ЦАИЕН. НМ2/ 7916.11; оригиналы: РГВИА. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 128); ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 93. Л. 690б).

⁹⁶ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 247. Отметим кошмарность такой ситуации для евреев, которых «...пока еще ни в чем не обвиняют, ничего они не совершили... а уже должны готовиться к выселению, смотреть на себя как на выселенцев» (*Там же*). Ср. с тем, что писал из Гродно весной 1915-го корреспондент еврейской газеты: «Все словно охвачены каким-то психозом. Мы буквально задыхаемся в этой атмосфере лжи, клеветы и заподозрений...» (Рассвет. 1915. № 15. С. 29–30).

русской армии сопровождалась многочисленными выселениями евреев и настоящими погромами, особенно с участием казаков⁹⁷. Выселение из Сморгони 11 сентября 1915 года описали в поданном на имя Николая II прошении братья Файвиш и Лейба Соболев, в дом которых

...явился... неизвестный нам казачий офицер и спросил, почему мы, несмотря на отданное военными властями распоряжение об оставлении селения Сморгонь, продолжаем там оставаться. Находившийся в это время дома Лейба ответил, что не знает, что делать, так как наш отец... тяжело больной лежит в постели и он не может оставить на произвол судьбы больного старого отца. Неизвестный нам офицер пожелал видеть больного, и Лейба повел его в комнату, где лежал наш отец. Зайдя туда, офицер выстрелил из револьвера, убил нашего отца, сказав при этом, «ну, теперь ты свободен и можешь идти», заставил Лейбу уйти и не дал ему возможности предать земле тело отца⁹⁸.

Русское командование стремилось эвакуировать все трудоспособное население и уничтожить любые материальные ценности, способные послужить неприятелю. Выселяющихся с русской армией евреев планировалось поначалу «направлять к востоку от Волги, не предупреждая, однако, их о том...»⁹⁹. В свою очередь, Н.Н. Янушкевич требовал «население возраста военнообязанных удалять в тыл, кроме жидов»¹⁰⁰. В итоге

⁹⁷ О боевых действиях лета-осени 1915-го см.: *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. С. 266–273; о погромах, производимых русскими войсками, см.: *Litai A.* *Perek mi"magilat ha-hurban // Reshumat. Vol. 2.* Tel Aviv, harpa"d. P. 230–233. Особенно brutальными были выселения, производившиеся отступающими войсками без участия гражданских властей. В местечке Телеханы (Пинского уезда) 1 сентября 1915 года «на сборы было дано десять минут. Кавалеристы нагайками гнали евреев... По дороге было шесть смертных случаев и одни роды» (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 249).

⁹⁸ АНБ. V254.

⁹⁹ Распоряжение главнокомандующего Северо-Западным фронтом Н.И. Иванова от 6 июня 1915 года (РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 10).

¹⁰⁰ Телеграмма от 10 июня 1915 года (*Там же*. Лл. 11–110б). Отметим слово «жид», вновь употребленное Янушкевичем в официальной переписке.

было решено «еврейское население принудительно не выселять и в рабочие дружины не принимать»¹⁰¹.

Особое Совещание о мерах при оставлении войсками местностей окончательно решило 23 июня 1915 года: «При очищении неприятельских местностей еврейское население сосредотачивается в особых пунктах, в прочих местностях — оставляется на месте. Евреи иностранного подданства <то есть галицийские — С.Г.> вглубь России ни в коем случае не допускаются...»¹⁰².

30 июля 1915 года М.В. Алексеев утвердил «Правила выселения евреев из войсковых районов Северо-Западного фронта по требованию командующих армиями на основании пункта 4 ст. 415 Положения о полевом управлении войск в военное время». Этот документ фактически отменял возможность поголовного выселения евреев распоряжением командующих армиями, при условии поручительства за евреев «представителей общины, выбранных для этой цели губернаторами»¹⁰³.

Последним, по-видимому, выселением евреев из целого региона была депортация из Псковской губернии, по настоянию штаба Северного фронта. В конце августа 1915-го главнокомандующий фронтом генерал Н.В. Рузский и его начальник штаба генерал М.Д. Бонч-Бруевич потребовали от Ставки и от Совета Министров запретить проживание евреев в Псковской губернии «ввиду ее важности в настоящее время». Ставка отказывалась вмешиваться, отнеся этот вопрос к компетенции гражданских властей, в то время как Совет Мини-

¹⁰¹ Телеграмма штаба 4-й Армии от 25 июня 1915 года (*Там же*. Ф. 2118. Оп. 3. Д. 9. Л. 69). Ср. с указанием о поголовном выселении всех в возрасте от 17 до 45 лет, «кроме калек и евреев». (*Там же*. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 327).

¹⁰² *Там же*. Лл. 13–15.

¹⁰³ *Там же*. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Лл. 302–302об. Далее в документе «представители общины» прямо именуется заложниками: «Лица эти (заложники) избираются губернаторами в каждом городе или местечке, в зависимости от местных условий, из богатых, пользующихся уважением евреев, духовных раввинов и цадииков в количестве 5 человек». При этом евреи, «не достигшие 14-летнего возраста или имеющие более 60 лет, выселению не подлежат, кроме случаев установленной неблагонадежности» (*Там же*).

стров считал, что «если это воспреещение вызвано военными соображениями, то мера эта подлежит осуществлению военной властью». В итоге Бонч-Бруевич сам приказал местному губернатору «...приступить к выселению проживающих в Псковской губернии евреев»¹⁰⁴.

К зиме 1915-го число депортаций евреев армией резко сокращается. Вероятно, сыграли свою роль как стабилизация линии фронта (сравнительно мало теперь менявшейся вплоть до 1917-го), так и прекращение передвижений больших масс войск через местности, населенные евреями.

Замена Н.Н. Янушкевича на посту начальника штаба Верховного Главнокомандования М.В. Алексеевым (вступил в должность 24 августа 1915 года), более уравновешенным и прагматичным в еврейском вопросе, также повлияла на резкое уменьшение числа выселений. Как уже отмечалось, Алексеев выступал против широкомасштабных депортаций евреев, видя какой ущерб они причиняют интересам самой русской армии¹⁰⁵. В телеграмме, направленной главнокомандующим фронтами 4 декабря 1915 года, Алексеев настоятельно просил «воздержаться войсковых начальников от подъема населения с места», поскольку «выселение мирного насе-

¹⁰⁴ *Там же*. Ф. 2031. Оп. 4с. Д. 109. Лл. 4–7, 10, 13. Переписка о выселениях из Пскова продолжалась до декабря 1915-го. До войны Псковская губерния не входила в Черту и не имела значительного еврейского населения; евреи появились здесь в результате выселений, и особенно после циркуляра от 15 августа 1915 года.

¹⁰⁵ При этом и сама Ставка, и другие вышестоящие штабы отнюдь не обнаруживали рекомендованной ими войскам осмотрительности относительно поголовных выселений евреев. Так, с переездом Ставки в Могилев (в августе 1915-го) 1200 беженцев-евреев, осевших в городе, получили распоряжение покинуть его в течение суток. Приказ о выселении касался всех поселившихся в Могилеве беженцев, выполнен же был только относительно евреев, причем из-за отсутствия поезда они «две ночи провели под открытым небом в ожидании выселения» (ЦГИАК. Ф. 992. Оп. 1. Д. 15. Лл. 48–49). В связи с планировавшимся размещением штаба Юго-Западного фронта в Тернополе (август 1916-го) генерал-губернатор Галиции должен был «переместить в другие пункты» 5 тысяч евреев, находившихся в городе (ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 1629. Л. 22). В итоге штаб фронта отменил и свое размещение в Тернополе, и планируемое выселение евреев (*Там же*. Л. 26). К тому времени генерал-губернатор Галиции, разгружая город от евреев, разрешил вернуться домой 420 евреям, выселенным из Подволочиска летом 1915-го (*Там же*. Лл. 9–10).

ния и последовавшая за тем перевозка его в глубь империи совершенно расстроила железнодорожный транспорт»¹⁰⁶.

Схожими по духу были и рекомендации, выработанные в преддверии вторичного вступления русских войск в Галицию летом 1916-го Министерством иностранных дел. МИД предлагал отказаться от практики принудительного выселения евреев, поскольку это «оказывалось неосуществимым и только производило беспорядок, затруднявший войска». Вместо выселений рекомендовалось ограничиться запретом на возвращение беженцев-евреев с австрийской территории¹⁰⁷.

Точное число выселенных в 1914–1915 годах евреев определить затруднительно. По данным Л.М. Брамсона, к июлю 1915-го было выселено около половины евреев Ковенской и Курляндской губерний (соответственно 160 и 30 тысяч человек), из Гродненской и Сувалкской губерний — еще 40 тысяч человек. Из польских губерний, по данным Брамсона, выселено около 120 тысяч евреев, и около 180 тысяч бежало оттуда, спасаясь от превратностей войны. Общее число выселенцев и беженцев достигает, таким образом, 530 тысяч человек¹⁰⁸. Однако следует учесть, что в некоторых случаях объявленные выселения не были осуществлены в полном объеме (например, в Плоцкой губернии в январе 1915-го), либо вообще были отменены. Нередко выселенным евреям по прошествии какого-то времени разрешалось вернуться домой. Были и неоднократные примеры повторных выселений. В некоторых случаях приводятся разноречивые данные о числе выселенных. Все это затрудняет точный подсчет. Как представляется, общее число выселенных евреев (без беженцев) можно оце-

¹⁰⁶ Нелипович С.Г. Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич. С. 50.

¹⁰⁷ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны. С. 162.

¹⁰⁸ ЦАИЕН. НМ2/ 7954.1 (оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 11). Эта цифра примерно совпадает с обычно приводимой в литературе, очевидно включая как собственно выселенцев, так и евреев-беженцев (см.: *Altshuler M. Russia and her Jews — The Impact of the 1914 War*. P. 14; *Rogger H. Jewish Policies and Right Wing Politics*. P. 100). Ср. с данными курляндского губернатора, согласно которым к июню 1915-го из губернии было выселено 26338 евреев (*Lohr E. The Russian Army and the Jews*. P. 410).

нить в 200–250 тысяч человек, что совпадает с «осторожной» оценкой современников¹⁰⁹.

После того, как военному руководству России стали очевидны отрицательные последствия депортаций еврейского населения для тыла самой русской армии, практика поголовных выселений была существенно ограничена. Теперь лояльность евреев обеспечивалась взятием заложников.

Взятие заложников:

от единичных случаев к политике

Взятие заложников неоднократно использовалось русской армией в ходе боевых действий как в доимперский период, так и в ходе кавказских войн XIX века¹¹⁰. Оккупировав Галицию, русская армия объявила в сентябре 1914-го взятие заложников мерой безопасности, направленной на предотвращение измены и шпионажа, в частности, со стороны еврейского населения¹¹¹. Вместе с тем практику взятия заложников — поданных собственной страны с целью обеспечения их лояльности приходится признать уникальной и возможной только при условии абсолютного недоверия к этим людям¹¹².

¹⁰⁹ Помощь. 1916. № 4. С. 6. Отменены были, например, выселения из района крепости Осовец в начале мая 1915-го (Речь. 1915. 10 мая. С. 5). Евреи дважды выселялись, а затем возвращались, например, в Ивангородском крепостном районе в августе-сентябре 1915-го (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 232–233). В январе 1915-го в Варшавской губернии было выселено, по одним данным, 100 тысяч евреев (*Там же*. С. 234), по другим — 30 тысяч (проверенные данные из архива еврейского депутата в Думе Нафтали М. Фридмана, см.: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 92. Л. 56). По данным занимавшегося помощью беженцам Татъянинского комитета, 6,4 процента беженцев, получавших на конец 1916-го помощь (в их число, естественно, входили и депортированные), составляли евреи. Общее количество получавших помощь составляло 3,2 миллиона человек, следовательно, около 200 тысяч из них было евреями (*Курцев А.Н. Беженство*. С. 141).

¹¹⁰ *Lohr E. The Russian Army and the Jews*. P. 413.

¹¹¹ Объявление военного генерал-губернатора Галиции графа Бобринского (*Lohr E. The Russian Army and the Jews*. P. 413). Практика взятия заложников была усилена в Галиции с октября 1914-го как «дающая хорошие результаты» (*Prusin A.V. Nationalizing a Borderland*. P. 49.)

¹¹² Когда при обсуждении массовых депортаций еврейского населения на заседании Совета Министров 8 мая 1915 года прозвучало предложение

Подобная мера не предусматривалась и законодательными актами, регулировавшими военное управление в прифронтовой полосе.

С самого начала войны были отдельные случаи взятия русской армией заложников. 12 августа 1914 года в поселке Избица Люблинской губернии были задержаны пятеро евреев, 21 августа в Мышинце Ломжинской губернии — раввин. 27 сентября в Цеханове Плоцкой губернии в заложники были взяты раввин и два обывателя-еврея, а в конце сентября в Райгороде Ломжинской губернии были задержаны раввин и 9 обывателей-евреев¹¹³.

Ситуация с заложниками изменилась с опубликованием 27 ноября 1914 года приказа главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, согласно которому

...в немецких газетах попадаются статьи, в коих говорится, что в лице русских евреев немцы встретили надежных союзников, которые помимо снабжения продовольствием являются лучшими, зачастую бескорыстными, готовыми на все услуги, если это клонится в ущерб русским интересам... Аналогичные сведения

брать евреев-заложников, министр финансов П.Л. Барк возразил: «Заложников неудобно, только от неприятельских подданных» (Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 163). Но, как мы видели, в изданном за несколько лет до войны «Военно-статистическом описании Семиреченской области» уже прямо рекомендовалось взятие заложников, которое «позволит отделить более умеренные “элементы” от непримиримых врагов» (*Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения. С. 87).

¹¹³ Во всех этих случаях заложники заключались под стражу в своем городе и через некоторое время освобождались. См. записку депутата Думы Н.М. Фридмана министру внутренних дел Н.А. Маклакову от 19 марта 1915-го (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 92. Лл. 28–30). В октябре 1914-го в Журомине (Плоцкой губернии) в качестве заложников были арестованы раввин и 10 евреев, через несколько дней все они были освобождены. В ноябре 1914-го в Брезинах (Петроковской губернии) взяты 7 заложников из числа евреев и 30 (по другим данным, двое) из немцев-колонистов. Каждые сутки заложников меняли. 9 ноября 1914 года еврей Вольф был взят заложником в Рава-Русском уезде после порчи телеграфного провода. Еврейское население начало охрану провода, Вольф был выпущен с предупреждением, что к нему будут применены самые строгие меры в случае повторения порчи (ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 221. Лл. 99–101).

продолжают поступать и от войск. В целях обеспечения войск от вредной деятельности еврейского населения, Главнокомандующий приказал при занятии населенных пунктов брать от еврейского населения заложников <выделено в тексте — С.Г.>, предупреждая жителей, что в случае изменнической деятельности... заложники будут казнены, что в случае надобности и приводить в исполнение¹¹⁴.

Таким образом, взятие заложников — российских подданных становилось обязательной для войск, официально одобренной практикой, при этом ее введение прямо увязывалось с необходимостью предотвратить порчу военных телефонных и телеграфных линий связи.

Еще до этого приказа в Сохачеве (Варшавской губернии) местный раввин Гершель Перкаль и два видных обывателя, Ноех Дайхес и Иосиф Волкович, были вызваны 6 ноября 1914 года в штаб генерала Ренненкампа (командующий 1-й Армией), расположившийся в городе. Там евреям было объявлено, что по предписанию Ренненкампа на них возлагается ответственность за весь город; в случае порчи телефонных или телеграфных проводов, случаев стрельбы в войска и т.п. они будут казнены. Заложники пробыли в заключении 15 суток, пока штаб Ренненкампа не покинул город¹¹⁵. В начале декабря в Сохачеве были взяты 12 евреев-заложников, а в ночь выселения всех евреев из города 24 декабря 1914 года трое заложников (Хаим-Иуда Земель, Арье-Лейб Шмельц и Иосиф Якубович) были повешены, будто бы за то, что уходя из города, евреи «подожгли свой дома». Остальные заложники были отправлены в Варшаву¹¹⁶.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2002. Л. 1; Еврейская старина. 1918. № 10. С. 251.

¹¹⁵ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 256. Раввин Перкаль заметил, что если брать заложников, то их следует взять и из польского населения — замечание осталось без ответа. Евреи Сохачева предложили взять на себя охрану проводов в пределах города, а военные власти потребовали, чтобы евреи охраняли телефон и 16 верст за городом (*Там же*).

¹¹⁶ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 257; ЦАИЕН. НМФ/584.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 161).

Объявление Верховного Главнокомандующего, опубликованное в январе 1915-го, окончательно закрепляло практику взятия заложников как официальное, наряду с поголовными выселениями, средство предупреждения враждебных действий со стороны еврейского населения. Согласно объявлению,

Верховный Главнокомандующий... в видах предупреждения случаев оклеветания мирного населения, в равно в видах обнаружения шпионов-евреев, приказал брать заложников, к которым будет, равным образом, применяться наказание смертная казнь через повешение. За каждого мирного жителя, на которого будет сделан донос неприятельским властям, а также за каждого пойманного еврея-шпиона будут ответственны два заложника¹¹⁷.

Приказ по штабу 3-й Армии от 25 февраля 1915 года, подробно регламентирующий выселение евреев, предписывал брать заложников

...во всех городах, местечках и крупных селах... среди лиц, пользующихся влиянием или более зажиточных... Все население должно быть предупреждено, что в случае оставления нами какого-либо пункта и вступления туда противника за каждого жителя, подвергнутого австрийцами смертной казни по подозрению сочувствия к нам, будут казнены два заложника из взятых нами¹¹⁸.

Как эти требования претворялись в жизнь? 9 февраля 1915 года президент городского магистрата Ломжи объявил, что им получен приказ военных властей взять евреев-заложников и организовать особую еврейскую милицию для охраны телеграфной и телефонной сети в городе. На требование показать этот приказ президент магистрата предъявил исписанный карандашом листок за подписью начальника службы

¹¹⁷ Архив русской революции. Т. XIX. С. 250–251. О содержащемся в этом объявлении требовании выселять евреев, в том числе и в сторону неприятеля, см. выше.

¹¹⁸ Архив русской революции. Т. XIX. С. 250. Указывалось, что заложниками следует брать «преимущественно евреев» (*Там же*).

связи Гвардейского корпуса штабс-капитана Иванова: «Для обеспечения сохранности телефонной и телеграфной сети предписываю представить трех заложников. Кроме того, предписываю организовать для охраны телефонной и телеграфной сети в черте города милицию из местного населения». Президент магистрата заверил своим честным словом, что хотя в приказе евреи не упоминаются вообще, на словах ему было сказано, что как заложниками, так и охранниками могут быть только евреи¹¹⁹. Кроме этих евреев, объявленных заложниками Гвардейского корпуса, 17 февраля генерал Безладнов (генерал для поручений командующего 12-й Армией) объявил своими заложниками еще десять евреев¹²⁰.

Как мы видели, и поголовные выселения, и взятие заложников из еврейского населения были в январе 1915-го объявлены Верховным командованием русской армии равно легитимными способами борьбы с «враждебностью» евреев в прифронтовой полосе. Однако, когда потерпела провал предпринятая командованием Северо-западного фронта попытка «выселить всех евреев... из района боевых действий»¹²¹, а выселения в сторону неприятеля оказались нереальными, военные власти, видимо, предпочли взятие заложников как более легкий способ обеспечения лояльности евреев.

¹¹⁹ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 257. Заложниками были взяты банкир Шерканский, содержатель гостиницы Натансон, и домовладелец Альперин (*Там же*. С. 258). Согласно другому источнику, раввин и член божничего дозора Эпштейн были вызваны в Ратушу и им предложили назвать трех заложников. Раввин предложил себя, военные не согласились. Евреи составили список в 50 имен и сами по жребию выбрали из них троих (ЦАИЕН. НМФ/585.G; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160).

¹²⁰ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 258. 10 почтенных евреев вызвали к полицмейстеру. Там их ожидал генерал. Он объявил всех этих евреев «своими» заложниками и напутствовал их: «Жид сидит в каждой яме, сидит в земле, сигнализирует неприятелю... Если хотите, чтобы ваши головы уцелели, смотрите, у меня нет шпионов». Раввин не преминул заметить: «Вы, господин генерал, хороший человек, только сердитесь очень искусно». Безладнов был этим замечанием «польщен и растроган» (ЦАИЕН. НМФ/585.G; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160).

¹²¹ ЦАИЕН. НМ2/ 7913.5 (оригинал: РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 455). Подробнее о первой попытке массовых депортаций см. выше.

С этим изменением политики военных властей была явно связана масштабная операция по взятию заложников в Келецкой и Радомской губерниях в феврале-марте 1915-го. В феврале циркулировали «усиленные слухи» о выселении всех евреев из Келец и Радома, а 28-го февраля 1915 года в Радомской губернии было взято 65 заложников в 8 пунктах, в Келецкой 50 заложников, причем «заложничество явилось как бы заменой поголовного выселения»¹²².

Как и в случае с выселениями, массовое взятие заложников было возложено на гражданскую администрацию. В Радоме заложники были выбраны полицмейстером и начальником губернского жандармского управления (ГЖУ) из представленного магистратом губернатору списка 20 «влиятельных среди евреев лиц». Полицейские являлись в дома, объявляли евреям, что те арестованы в качестве заложников «ввиду развития шпионажа среди евреев и недружелюбного отношения их к христианскому населению и препровождали в тюрьму»¹²³.

В Радоме 28 февраля сначала были арестованы сын владельца кожевенного завода И. Адлер, владелец фарфорового завода Ш. Брамс и подрядчик Грин¹²⁴. Арестованный владелец

¹²² Еврейская старина. 1918. № 10. С. 258; ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 138. Л. 3; ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 92. Лл. 28–30. Повторим, что взятие заложников не являлось местной инициативой, пусть и в масштабе фронта. В те же дни (1 марта 1915 года) комендант этапа в Санюке взял заложниками 6 евреев «не занимающих общественных должностей, но пользующихся влиянием» и запросил начальство, «всех ли отправить в Киев». 6 марта 1915 года командующий генерал Брусилов приказал всех отправить в Киев (РГВИА. Ф. 2134. Ф. 7с. Д. 33. Лл. 55–56).

¹²³ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 259. «Люди зажиточные или пользующиеся моральным весом среди еврейского населения были заключены под стражу» (*Там же*. С. 260). Раввину Н.А. Тверскому из местечка Коспршевица при взятии заложником 2 марта 1915-го было объявлено, что он будет «расстрелян в Иркутске» (ЦАИЕН. НМФ/585.С; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 162).

¹²⁴ Варшавский генерал-губернатор освободил этих лиц, так как из-за их ареста остановились заводы, требовавшие большого количества рабочих рук, и страдали интересы казны (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 258; ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 138. Л. 3). Взятые взамен трое других заложников были людьми преклонного возраста, прикованными к постели, — к каждой постели власти и приставили стражников (Еврей-

чугунно-литейного завода в Конске (Радомской губернии) И.Х. Гохберг держался с редким достоинством и на предложение льгот в тюрьме ответил: «Обращайтесь со мной, как с последним арестантом. Бог видит, я также невиновен, как и весь мой народ. Но если мне суждено за него умереть, я хочу испить чашу до дна. Никаких льгот я не прошу и не приму»¹²⁵.

В начале марта 1915-го заложники из Радомской и Келецкой губерний были высланы в глубь черты оседлости (в Чернигов, Полтаву, Екатеринослав и Могилев) и заключены по распоряжению военных властей в тюрьмы¹²⁶. В Чернигове 23 заложника из Келец содержались в тюрьме и только после поездки еврейской делегации в Киев их разрешено было разместить под стражей в еврейских общественных организаци-

ская старина. 1918. № 10. С. 259). Согласно другому сообщению, Брамс заявил, что он — русский еврей, Грин — что он поставщик казны, а все трое — что не пользуются влиянием среди евреев. «Говорят, что замена была произведена за взятку в 10 тысяч рублей и что губернатор сделал выговор полицмейстеру» (ЦАИЕН. НМФ/584.С; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 161). Согласно тому же источнику, замены заложников за взятку были и в других местах. В Иваниске первоначально взятые заложники были освобождены за выкуп, в конце власти оставили Юдка Ротенберга. В Островце Мендель Минцберг уплатил за себя тысячу рублей, а доставленный из Варшавы Иосиф Пфефер за выкуп заменил себя своим холостым сыном Хилем. В Опатове Либер Гинсбург, самый богатый еврей, откупился у начальника уезда суммой в 3 тысячи рублей («до этого тот взятки не брал»), другие кандидаты в заложники убежали из города, «так и нет до сих пор заложников» (*Там же*).

¹²⁵ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 138. Л. 5. В тот же день местный ксендз просил с амвона паству воздержаться от провокаций, сдать оружие и т.д. (*Там же*; Еврейская старина. 1918. № 10. С. 260). См. фотографию Гохберга в Приложении 4, с. 438. Не все заложники вели себя с таким достоинством. В Вержбицах (Радомской губернии) 2 марта 1915 года был взят заложником Штарк, тот пробовал скрыться, власти арестовывали его жену и дочь. Штарк явился с повинной, его выслали в Чернигов (ЦАИЕН. НМФ/588.С; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165). 19 марта 1915 года в Варшаве на улице специально приехавшими из Магнушева (Радомской губернии) полицейскими был задержан Зыся Корнгольд, уехавший сюда, чтобы уклониться от взятия в заложники (АНБ. V 359 (на ткани)).

¹²⁶ «Заложников отождествляли со “шпионами” и к ним были применены строжайшие меры» (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 260). Министр внутренних дел Н.А. Маклаков заявил еврейской делегации, просившей смягчения участи заложников: «Это не от меня зависит... Я был в Ставке и мне были даны инструкции. Я должен их содержать в тюрьме» (ЦАИЕН. НМ2/ 7954.3; оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 914).

ях¹²⁷. В Полтавской тюрьме, где свирепствовали тиф и оспа, в тяжелых условиях, в сырых темных камерах содержалось 57 заложников. Местный губернатор поначалу не разрешал полтавским евреям взять заложников на поруки под свою ответственность. Лишь в апреле заложники были переведены на частные квартиры и содержались там под стражей на основании специальных «Правил», утвержденных губернатором¹²⁸.

Подсчеты киевского историка Владимира Любченко позволяют пролить свет на соотношение заложников евреев и не евреев, взятых русскими властями на территории 10 уездов Львовской губернии и города Львова в марте-июне 1915-го. В целом за этот период было взято 353 заложника, в том числе 174 еврея. Например, в Золочевском уезде из 66 заложников было 16 евреев, в Стрыйском из 48 заложников евреев было 28. Однако в Жидачевском уезде все 47 заложников были евреями¹²⁹.

¹²⁷ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 138. Л. 5; Еврейская старина. 1918. № 10. С. 261. Даниель Ферстер (сын келецкого домовладельца) обратился к председателю Совета Министров И.А. Горемыкину и председателю Думы М.В. Родзянко с жалобой по поводу его отца, арестованного с 27 на 28 февраля 1915-го как заложник. Отметив, что «институт заложников является незаконным в Российской империи», Ферстер пишет, что его отец «не может отвечать за многотысячное еврейское население Кельц» (ЦАИЕН. НМФ/584В; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 161).

¹²⁸ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 261. Согласно этим «Правилам», помещение для содержания заложников было нанято за их счет, должно было содержаться заложниками в «безусловной чистоте и опрятности», заложники должны были соблюдать «полную тишину и благочиние», им разрешались прогулки в палисаднике, прием посетителей, чтение газет. Если кто-либо из них «позволит себе совершить побег или самовольную отлучку, все заложники, без исключения, будут переведены для содержания в тюрьму» (Там же. С. 265). См. также обращение 11 заложников из Козениц (Радомской губернии), содержащихся в Могилеве. 20 апреля 1915-го они просили освободить их и взять вместо них других — «пусть будет по очереди... мы уже на 2 месяца отлучились из дома» (ЦАИЕН. НМФ/590В; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 167).

¹²⁹ Данные обобщены Владимиром Любченко по данным фонда временно-го генерал-губернатора Галиции (ЦГИАК. Ф. 361). В пяти уездах Львовской губернии к июлю 1915-го заложников не брали вовсе, поскольку «ко времени эвакуации этих уездов все мужское население бежало» (ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 780. Л. 169; сообщено Владимиром Любченко).

После массовых депортаций из Ковенской и Курляндской губерний, произведенных по приказу командования 10-й Армии в мае 1915-го, замена выселений взятием заложников была официально одобрена и многократно озвучена сначала командованием Северо-Западного фронта, а затем и Верховным главнокомандованием. Евреи из районов боевых действий, ранее подлежащие выселению, теперь могли его избежать при условии выдачи заложников, которые должны были подписать специальное обязательство¹³⁰. В случае подписания такого обязательства заложники теперь даже не арестовывались. Так, в городе Сухополя Гродненской губернии заложники («духовный раввин и обыватели») «вполне усвоили ответственность по предупреждению и недопущению каких бы то ни было проявлений среди членов нашего общества и жителей-евреев по отношению войск действий изменнического характера и на почве шпионажа в пользу неприятеля, и усвоили все ожидающие от сего нас последствия»¹³¹.

Заложники обязались не покидать город без разрешения властей, сообщать обо всем и всех подозрительных, а также «всеми мерами обеспечить спокойствие и благополучие

¹³⁰ Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. P. 143. Так, 27 мая 1915 года в местечко Жосли (Виленской губернии) прибыл трокский исправник и объявил, что по приказанию коменданта Ковенской крепости все евреи выселяются из крепостного района, но главный начальник Двинского военного округа хочет несколько облегчить участь евреев и оставить их на местах, под ответственность заложников и круговую поруку. Исправник предложил евреям дать подписку и выбрать 11 заложников. Все евреи должны были подписать обязательство не шпионить, не помогать немцам, помогать русской армии и т.д., а также отвечать за поступки всего еврейского населения «головной и имуществом». Исправник зачитал составленный им список из 11 заложников. Заложники решили не соглашаться и не подписывать обязательство. Их отвезли в Вильно к губернатору. Губернатор заявил евреям: «Я ничего не могу сделать. Я заявляю, что независимо от того, подписали вы или нет, вы все считаетесь заложниками». По распоряжению губернатора 30 заложников из крепостного района Ковенской крепости (6 местечек, в том числе и Жосли) были помещены под стражу в Троках, большинство из них заявили, что «самый факт подозрения и опасение ложных доносов из корыстных целей» не дают им возможности подписать обязательство заложника (ЦАИЕН. НМФ/581.А; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 158; Еврейская старина. 1918. № 10. С. 261–262).

¹³¹ РГВИА. Ф. 1932, Оп. 12. Д. 67. Л. 553.

расположенных в г. Суховоля частей войск и ограждать их от всяких покушений и внушать всем самое благожелательное к ним отношение»¹³².

Требовавшие брать заложников в каждом населенном пункте прифронтовой полосы инструкции военных властей сделали заложничество массовым явлением. Только 1-я и 10-я Армии в мае 1915-го сообщали о взятых ими 4749 заложниках, в то время как в Галиции за все время русского владычества было взято около 400 заложников-евреев¹³³.

24–25 июня 1915 года заложники из Виленской и Ковенской губерний были освобождены под надзор полиции. Их заставили подписать расписку следующего содержания:

Заложники обязуются не отлучаться от места без особого на то разрешения губернатора. Они обязуются наблюдать за единоверцами и о всяком проявлении недоброжелательства и о всяких поступках, клонящихся во вред русской армии, обязаны немедленно доносить полиции. В случае нашествия неприятеля они обязаны следовать вслед за полицией¹³⁴.

30 июля 1915 года генерал М.В. Алексеев утвердил «Правила выселения евреев из войсковых районов Северо-Западного фронта по требованию командующих армиями на основании пункта 4 ст. 415 Положения о полевом управлении

¹³² Там же. Полностью идентичную расписку из Кнышина той же Гродненской губернии см.: Еврейская старина. 1918. № 10. С. 266–267.

¹³³ Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. P. 143–144. Однако отсюда еще не следует, будто в течении 1914–1916 годов русской армией были взяты десятки тысяч заложников-евреев, как полагает Э. Лор (*Ibid.* P. 144). По данным самого галицийского генерал-губернатора, среди взятых в Галиции 523 заложников было 310 евреев (Отчет канцелярии военного генерал-губернатора Галиции с 28 августа 1914 г. по 1 июля 1915 г. Киев, 1916. С. 107). Среди 114 галицийских заложников, содержащихся в Киеве, было всего три еврея (в том числе Адольф Бек — декан медицинского факультета Львовского университета). См. список: ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 839. Лл. 32–89. Согласно другим данным, специальной комиссией, назначенной графом Бобринским для проверки положения заложников и высланных, был обнаружен в 16 губерниях 851 заложник (*Там же.* Л. 26).

¹³⁴ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 263.

войск в военное время». Согласно этим «Правилам» заложники должны были оставаться в местах своего жительства «под негласным бдительным надзором местной полиции», не отлучаясь никуда без разрешения губернатора. При приближении неприятеля полиция брала заложников под гласный надзор «в целях воспрепятствования им скрыться и тем избежать ответственности», а при отступлении русской армии заложники эвакуировались с правительственными учреждениями¹³⁵.

Взятые русской армией заложники-евреи были освобождены в преддверии смены высшего военного руководства в августе 1915-го, хотя нет оснований считать, что два этих факта взаимосвязаны. Распоряжением командования Юго-Западным фронтом от 12 августа 1915 года были освобождены евреи — заложники из занятых неприятелем местностей; 18 августа было приказано по-прежнему содержать в тюрьме заложников из незанятых неприятелем областей, а через два дня, 20 августа, — освободить и их¹³⁶.

Министр финансов П.Л. Барк, побуждаемый лоббированием российских и международных еврейских финансовых кругов, поднимал летом 1915-го вопрос освобождения заложников у самого Николая II, а также в Ставке — у Янушкевича и великого князя Николая Николаевича; возможно, именно вмешательство последнего стало решающим¹³⁷. Рассказывая об этом эпизоде в неопубликованной версии своих мемуаров, П.Л. Барк прямо называет Н.Н. Янушкевича «инициатором» преследований евреев¹³⁸.

Как и в случае выселений, другая изначально нелояльная с точки зрения военных властей группа населения — российские немцы, также стала объектом практики заложничества. В июне 1915-го генерал Н.И. Иванов предписал брать заложников («большой частью учителей и пасторов») из числа нем-

¹³⁵ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Лл. 302–302об.

¹³⁶ Там же. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1422. Лл. 77, 82, 94.

¹³⁷ Барк П.Л. Воспоминания. С. 92–95. Великий князь обещал Барку (видимо, в июле 1915-го) «освободить всех заложников из заключения и не прибегать более к этим мерам в будущем» (*Там же.* С. 95).

¹³⁸ Bakhmiettief Archive. P.L. Bark. Memoirs (typescript). Ch. XV. P. 44, 55.

цев-колонистов на территории Киевского военного округа и содержать их в тюрьме до конца войны. Норма заложников для колонистов была определена как один заложник на тысячу жителей¹³⁹.

* * *

С началом войны русское командование получило полномочия высылать из зоны военных действий подозрительных или нежелательных лиц. В течение 1914–1915 годов на положении таких лиц оказались большие группы населения, фактически целые народы — прежде всего еврейское и немецкое население прифронтовой зоны (массовые выселения затронули также этнических турок, болгар, армян)¹⁴⁰. Существовавшее в русской армии (особенно среди высшего командования) предубеждение против евреев и отношение к ним как к «естественным» союзникам врага послужили основой обвинений всего еврейского народа в «измене», «шпионстве», «пособничестве неприятелю». Вокруг евреев сложилось вязкое поле ненависти, вражды, страха. На поголовные выселения еврейского населения военное командование смотрело как на простой и эффективный способ избавиться от присутствия в расположении войск потенциальных «шпионов» и «изменников», не задумываясь о последствиях такого шага¹⁴¹. Не только гуманитарные соображения (ведь трудно

¹³⁹ *Нелипович С.Г.* Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич. 48. Такое отношение касалось даже не всех подданных вражеских государств. 17 июня 1915 года генерал Маврин уведомлял Янушкевича, что в Луцкой тюрьме содержатся доставленные из Галиции в качестве заложников «австрийские ксендзы, судьи, адвокаты». В ответ Янушкевич просил «подробно сообщить причину заключения в тюрьму ксендзов. Принятие к ним таких мер, как к евреям, едва ли правильно» (РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Лл. 3–4).

¹⁴⁰ См.: *Нелипович С.Г.* Репрессии против подданных «Центральных держав». Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1996. № 4. С. 37, 40–41. По мнению Э. Лора, выселения евреев отличались от выселений представителей других народов более активной ролью армии, а также высоким уровнем насилия и грабежей (*Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire. P. 138).

¹⁴¹ Противоположную точку зрения высказывает П. Холквист, не считая выселения ни результатом традиционной ксенофобии или антисеми-

заподозрить отдававших приказы о депортациях командиров в сочувствии к евреям), но и ущерб, наносимый этой мерой самой русской армии, генералов не останавливали.

Прямым следствием депортаций стало расстройство экономики (в том числе торговли и поставок для войск) и вообще нормальной жизни в тылу армии. Забитые толпами изгнанных из своих домов, запуганных и ограбленных людей дороги, мародерствующие и торгующие награбленным у евреев имуществом солдаты, — все это никак не могло помочь в войне с сильным противником.

Даже назначенные военными властями администраторы (например, генералы Курлов в Риге и Бобринский в Львове) пытались, как было показано выше, протестовать против масштабного применения депортаций. Однако военачальники, получившие с началом войны широчайшие, фактически неограниченные полномочия, обращали мало внимания на возражения более искушенных администраторов.

Столь легкомысленный стиль действий военных властей можно объяснить их некомпетентностью в сфере гражданского управления, неумением предвидеть результаты собственных решений, даже некоторой наивностью во всем, что не касалось непосредственно руководства войсками¹⁴².

тизма, ни последствием особого характера войны (*Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения. С. 88–89); на его взгляд, «меры, принятые против населения, нельзя объяснить одной лишь военной необходимостью. Их смысл станет понятным, только если мы серьезно отнесемся к концепции о возможной трансформации структуры населения либо путем введения в нее определенных элементов, либо путем удаления их из нее» (*Там же.* С. 89–90). «Подобная политика, — продолжает П. Холквист, — не была аномальным явлением, характерным только для какой-либо одной страны; с другой стороны, она не была продиктована военной необходимостью. Депортация целых этнических групп, признаваемых ненадежными, явилась практическим применением политики населения, которая была разработана еще до войны...» (*Там же.* С. 91). Однако подобный подход, вводящий депортации в широкий исторический контекст, отнюдь не нивелирует важности изучения конкретных (и сложных) обстоятельств 1914–1915 годов.

¹⁴² *Graf D.W.* Military Rule Behind the Russian Front. P. 408–409. Примеры такого «легкого» подхода к судьбам тысяч людей приводились выше — например, советы генерала Маврина на Юго-Западном фронте размещать выселенных евреев в шалашах, держа их на голодном пайке.

Однако важно отметить два ведущих мотива в отношении военных властей к депортациям евреев. В начале войны, когда русская армия достаточно успешно противостояла германским и австро-венгерским войскам, ее командиры действовали по принципу «победителей не судят». На фоне удачных боевых операций с ожиданием скорого победоносного завершения войны выселение евреев (или немцев) вообще не казалось существенной проблемой. Тогда как во время большого отступления и поражений лета 1915-го евреи становятся «козлом отпущения», которого удобно было объявить виновником неудач. Плохую организацию, слабое руководство войсками, нехватку боеприпасов и вооружения, — любые реальные причины поражений было удобнее свести к «измене», — еврейской либо немецкой¹⁴³.

Вместе с тем депортации еврейского населения не были на наш взгляд результатом единой, продуманной и планомерно осуществляемой военными властями политики. Производимые с начала войны военными инстанциями разного уровня (имевшими и не имевшими на то права) выселения выглядят спорадическими и хаотическими; нередко отданные приказы о выселениях вскоре отменялись¹⁴⁴.

Ситуация изменилась в январе 1915-го с публикацией объявления Верховного Главнокомандующего, официально провозгласившего еврейство врагом русской армии (выселения же евреев стали легитимной, одобренной секретным циркуляром мерой). В январе-мае 1915-го как количество, так и прежде всего объем предпринятых военными властями депортаций евреев резко увеличиваются как на Северо-Западном, так и на Юго-Западном фронте. Однако и в этот период выселения в значительной мере были плодом инициативы отдельных военачальников.

Особенно хорошо это видно на примере массовых депортаций. Так, генерал Н.В. Рузский настойчиво стремился в январе-феврале 1915-го выселить евреев из Варшавской и Плоц-

¹⁴³ См.: Нелипович С.Г. Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич. С. 47. О развернувшейся летом 1915-го в русском обществе настоящей анти-немецкой фобии и шпиономании см. выше.

¹⁴⁴ Lohr E. The Russian Army and the Jews. P. 409.

кой губерний. Осенью того же года он не жалел усилий, чтобы выселить евреев из Псковской губернии. В свою очередь, массовые выселения из Ковенской и Курляндской губерний следует во многом отнести на счет амбиций и упрямства генерала Е.А. Радкевича, не считавшегося со своим прямым начальником М.В. Алексеевым в стремлении выселить массы мешавших ему воевать евреев.

Гражданские власти, как местные, так и центральные, почти всегда отрицательно относились к масштабным выселениям. Однако их влияние (за некоторыми исключениями, — например, отказ полтавского губернатора разместить выселенных из Галиции евреев) на решения военных властей было весьма небольшим.

Все же, вероятно, и недовольство гражданской ветви власти сыграло свою роль в почти полном отказе от депортаций евреев с зимы 1915-го. Главной же причиной прекращения депортаций было то, что русское командование на практике убедилось и в их неэффективности как средства борьбы со шпионажем, и в их вреде для военной экономики.

Такое новое отношение к выселениям продемонстрировал, например, командующий 1-й Армией А.И. Литвинов. Получив из штаба Двинского военного округа распоряжение о выселении евреев из района позиций, он сообщил 19 октября 1915 года в штаб фронта, что это распоряжение «неисполнимо и едва ли полезно». По мнению Литвинова, выехать евреям не на чем, подвод они не достанут, железная дорога их не примет. «По неопределенности слов “район позиций” придется выселять целые местности и города, при этом «шпионы укроются, и число их увеличится». Оставленные евреями местечки будут разграблены, прекратится торговля, которая нужна армии, как нужны и сами евреи, работающие на устройстве позиций. «Поголовное выселение считаю вредным», — резюмировал Литвинов¹⁴⁵.

В течение 1914–1915 годов взятие заложников прошло подобную же эволюцию. Как и выселения, взятие заложников с

¹⁴⁵ (ЦАИЕН. НМ2/ 7913.5; оригинал: РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 455). Штаб Северо-Западного фронта оставил вопрос о выселении «на усмотрение командующего» армией (Там же).

начала войны использовалось на локальном уровне как приемлемая мера обеспечения лояльности евреев. Заложников брали и освобождали в рамках частной инициативы отдельных командиров, особенно в районах ожесточенных боев. В январе 1915-го взятие заложников, как и поголовные выселения, было объявлено мерой, касающейся всего еврейского населения прифронтовой полосы. Затем выселения стали заменять взятием заложников, как более легко исполнимой мерой обеспечения лояльности евреев.

Как и поголовные выселения, взятие заложников стало символом репрессивной политики военных властей по отношению к евреям. В течение 1915-го принимаемые по отношению к евреям меры перестали быть «внутренним делом» военных властей в прифронтовых районах, оказавшись предметом острой политической борьбы как внутри России, так и на международной арене.

Гойзикъ Соломонъ Лейбовъ, ложное имя **Айзикъ**. Дактилоскоп. № 76. | 1/1
 енецъ-Подольск. мѣщан., род. въ м. Радзивиловъ, Кременецк. у. Подольск. г., около 28 л., иуде
 ъ 1 м. 60 с., волосы черн., недост. 6 верхн. и 6 нижн. зубовъ,—челюсть искусств.; оконч. 4
 мерч. учил. въ г. Згержѣ Петроковск. г., х... въ живыхъ отца Лейбу Шмулева, мать П
 сееву ур. Зексъ, бр. Павла 30 л.; невѣ... Хирге; прожив. въ мѣст. Радзивил
 рж. 21 Марта 915 г. по подозр. ... 915 г. въ Ровно, жанд. вл. (д. М

ГЛАВА 5

ОРГАНЫ ВОЕННОЙ ВЛАСТИ И ЕВРЕИ

Насколько и каким образом евреями занимался «силовой блок» военных властей: армейская контрразведка, система военного судопроизводства и индивидуальных высылки административного характера? Как относился к евреям такой важный инструмент управления и политического влияния военных властей — органы военной цензуры? Как вырабатывались инструкции и положения, которыми военные власти стремились ограничить доступ евреев в прифронтовую полосу и не допустить их контакта с войсками, хотя бы и в роли поставщиков товаров и услуг для армии, а также работников помогавших фронту общественных организаций?

Армейская контрразведка

Естественно, что проверка всевозможных обвинений против евреев должна была ложиться на армейскую контрразведку, призванную бороться с шпионажем, саботажем и пособничеством врагу во фронтовой и прифронтовой полосе. Поскольку военные власти видели в евреях «враждебный элемент», еврейское население должно было быть одним из основных объектов работы армейских контрразведчиков и их агентуры¹.

Русско-японская война наглядно показала слабость русской военной контрразведки, на укрепление которой в 1905–1914 годах были направлены значительные усилия². *Контрразведывательные Отделения (КРО)* были созданы при

¹ См. подробнее: *Goldin S.* «Я сразу опознал в нем жида»: евреи в документах русской военной контрразведки и военных судов в годы Первой мировой войны // *Jews and Slavs*. Vol. 19 / Ed. by V. Moskovich, L. Finberg. Jerusalem—Kyiv, 2008. S. 132–145.

² *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire. P. 18.

штабах округов в 1911 году, их задачами были борьба со шпионажем и присмотр за благонадежностью войск, а кадры комплектовались из офицеров Отдельного корпуса жандармов³. Структура военной контрразведки возглавлялась известным жандармским подполковником С. Мясоедовым, непосредственно подчиненным военному министру В.А. Сухомлинову. Нелюбовь армейских офицеров к жандармам, руководившим КРО, была общеизвестна⁴. При этом эффективность деятельности военных контрразведчиков вызывала сомнения у их коллег в системе МВД. Командовавший Отдельным корпусом жандармов В.Ф. Джунковский вспоминал:

У меня сложилось впечатление, что дело контрразведки в Главном управлении Генерального штаба поставлено было слабо, я не помню, чтобы в течение 1913–1915 годов хоть одно какое-либо дело по шпионажу было раскрыто, вся деятельность... сводилась к пустякам⁵.

С началом военных действий при штабах армий, фронтов, военных округов, а также при Главном управлении Генерального штаба были созданы контрразведывательные отделения (КРО), призванные заниматься обнаружением и ликвидацией «всякого рода шпионских организаций и агентов, тайно собирающих сведения о наших вооруженных силах и вообще всякого рода сведения военного характера...»⁶. При этом

³ Алексеев М.Н. Военная разведка России. Кн. III, ч. 2. М., 2001. С. 172; Галвазин С. Охранные структуры Российской империи. М., 2001. С. 39.

⁴ Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. С. 61. Директор Департамента полиции в 1915 году Р.Г. Моллов отмечал: «К жандармским чинам военная среда вообще относится недружелюбно... их терпят только по необходимости» (Зданович А.А. Отечественная контрразведка, 1914–1920: Организационное строительство. М., 2004. С. 41). К тому же направленные из Корпуса жандармов офицеры-контрразведчики считались лишь временно прикомандированными к войскам, продолжая числиться в штатах Корпуса жандармов (Там же. С. 23).

⁵ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 271.

⁶ Наставление по контрразведке в военное время, утвержденное Верховным Главнокомандующим 6 июня 1915-го, цит. по: Алексеев М.Н. Военная разведка России. Кн. III, ч. 2. С. 167. Сам факт принятия инструк-

«общие указания по контрразведке... и руководство контрразведкой в военное время на театре военных действий исходили из штаба Верховного Главнокомандующего (Управление генерал-квартирмейстера)»⁷.

Просмотренные нами архивные фонды свидетельствуют, что процент евреев, проходивших по делам военной контрразведки, был хотя и значительным, но не преобладающим. Начнем наш обзор со 2-й Армии, которой командовал исключительно враждебно настроенный по отношению к евреям генерал В.В. Смирнов. В сводке КРО штаба 2-й Армии «о пособничестве неприятелю» во время пребывания немецких войск в Ловиче от 24 октября 1914 года фигурируют 19 человек, из них пятеро — евреи⁸. Согласно докладу от 27 октября 1914 года о пребывании немцев в Лодзи, им содействовал 21 человек, из них 8 — еврей⁹. В то же время в некоторых местах ситуация была иной — в городе Нове Место за содействие немцам контрразведкой были заведены дела на 11 человек, все они были евреями¹⁰, а в Гройце на 11 человек, из них 8 евреев¹¹.

тивного документа по деятельности контрразведки спустя почти год после начала войны свидетельствует о несколько пренебрежительном отношении к ней самого военного командования (Там же).

⁷ Там же. С. 168. КРО Главного управления Генштаба занималось лишь учетом и регистрацией.

⁸ Все данные получены по указаниям местных жителей. Например, некий Франц Фротецкий указал шестерых 6 «пособников», в том числе трех евреев. Один из этих евреев, Лесар, говорил перед войной, что «она будет», поэтому Фротецкий и обвинил его в шпионаже (РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6с. Д. 49. Лл. 78–79).

⁹ На четырех евреев указал некий Петр Вротецкий. Шестеро евреев заготавливали для немцев хлеб или фураж. Все обвиненные в «пособничестве» евреи выражали при пребывании немцев «радость», «восторг», а иногда просто «разговаривали с немцами» (РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6с. Д. 49. Лл. 89–91). Подобные пропорции сохранялись в КРО 2-й Армии и в более поздний период войны: за июнь 1916-го это КРО завело 147 дел, из них 22 дела (на 30 человек) на евреев (РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 68. Лл. 815–829).

¹⁰ Людвик Иденевич указал на четверых, Рафал Егальский на троих (РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6с. Д. 49. Лл. 169–170, доклад от 1 декабря 1914 года).

¹¹ Донесли Юлиан Буднарский и Зигмунт Дубровский. Доказательством «пособничества» стали разговоры с немцами и указание им дорог

КРО штаба 10-й Армии, выселявшей из Прибалтики евреев в апреле-мае 1915 го, завело за 1914 год дела о подозрении в шпионстве «всего» на 58 человек, из них — 23 еврея¹². В 1915-м темп работы резко увеличился, такие дела были заведены уже на 304 человека, в том числе на 119 евреев (кроме того, на двоих крещеных евреев и двоих караимов — владельцев папиросной фабрики в Вильно Шишмана и Дурунчу — за резкие разговоры о России). Пятьдесят человек, проходящих по этим делам, были переданы военным властям (в том числе двое для суда в штаб 10-й Армии, трое — в КРО Генерального штаба, 25 человек — в штабы фронтов), остальные — в местные губернские жандармские управления (ГЖУ)¹³. За 1916 год дела о подозрении в шпионстве были заведены на 95 человек, из них 20 евреев¹⁴.

В Варшавской губернии среди заподозренных за 1914–1915 годы в военном шпионстве 358 лиц было 98 евреев¹⁵. За май 1915-го по Варшавской губернии было заведено 101 дело по обвинению в шпионстве и государственной измене, из них в 14 делах (по ним проходило 24 человека) обвиняемыми были евреи, в остальных делах — поляки и немцы¹⁶.

В составленном КРО штаба 8-й Армии списке заподозренных в шпионстве на 23 декабря 1915 года находилось 40 евре-

(РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6с. Д. 49. Лл. 172–173, доклад от 29 ноября 1914 года).

¹² Почти все переданы в Сувалкское ГЖУ, два дела — переданы в штаб 10-й Армии для суда. Все дела были заведены по агентурным данным, одно из встречающихся обвинений — «часто общался с немецким населением» (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 7. Д. 36. Лл. 96–100).

¹³ Как и во 2-й Армии, почти все данные получены от агентуры. Обвинения против евреев: «возмущался победами наших войск», «до войны торговал в Германии раками», «проживание с лицами, осужденными за шпионство» (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 7. Д. 36. Лл. 71–95).

¹⁴ Многие дела были заведены по показаниям бежавших пленных и переданы в штаб фронта для разработки (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 7. Д. 36. Лл. 101–109).

¹⁵ APW. Warszawski wydział ochrony porządku. Akt 384. P. 1–11.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 68. Лл. 801–812. Формулировки обвинений: Сруль Розенберг, имея лавку у железной дороги, интересовался проходящими военными. Идель Фукс и Люблинер задержаны в районе заграждения на станции Блоне.

ев из 294 человек¹⁷. С 1 января по 1 мая 1916 года в 8-й Армии было зарегистрировано по подозрению в шпионстве 44 человека, в том числе 9 евреев (двое из них были казнены)¹⁸. С 1 мая по 1 сентября 1916-го КРО штаба этой армии заподозрило в шпионстве 76 человек, в том числе 22 еврея¹⁹. Как пример раскрытых русской контрразведкой шпионов-неевреев в Галиции можно привести «шпионскую организацию ксендзов Тарнопольского монастыря»²⁰.

Основывавшиеся на агентурных данных сведения, поступавшие в контрразведывательные отделения армий и в местные жандармские управления для оперативной разработки, зачастую были весьма туманными и расплывчатыми. Вместе с тем, евреи постоянно выступают в этих ориентировках как подозрительный и прямо враждебный элемент, как в первые дни войны, так и в последующие месяцы. 23 августа 1914 года начальник КРО штаба Северо-Западного фронта ротмистр Муев писал начальнику Ломжинского ГЖУ: «По полученным сведениям в Ломже, в кофейне Подгурского, где часто бывают офицеры, дежурят евреи шпионы, которые подслушивают

¹⁷ Типичные примеры обвинений: «шатался вблизи позиций», «до войны состоял сыщиком в австрийской полиции», «уличен в сношениях с пленными германцами», «хлопотал об освобождении арестованных по обвинению в шпионстве и был с ними в близких отношениях» (РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7с. Д. 16. Лл. 350–367). Так, уличенный в сношениях с пленными германцами Аврам Калт выслан в Пермскую губернию (*Там же*. Д. 39. Л. 480). Ср. с евреями Эйхенбаумами, задержанными за то, что «пробирались в сторону позиций неприятеля» — по их словам, шли в свой фруктовый сад (APW. Warszawski wydział ochrony porządku. Akt. 342. P. 83).

¹⁸ Среди других подозреваемых были гадалка, расспрашивавшая солдат, и ее сожитель без определенных занятий (РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7с. Д. 16. Лл. 598–601).

¹⁹ В доме Иоса Мильштейна (70 лет) на чердаке найден австрийский телефон. Большинство евреев, на которых были заведены дела, обвинялись в содействии австрийцам в Луцке и выбыли из города при оставлении его австрийцами. В частности, согласно материалам контрразведки, при австрийцах евреи содержали в Луцке типографию, часовую мастерскую и публичный дом «Унтер-офицерский» (РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7с. Д. 16. Лл. 865–870).

²⁰ Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 409.

разговоры, узнают благодаря этому места расположения наших войск и передают германским войскам»²¹. 9 апреля 1915 года тот же Муев сообщал в КРО 2-й Армии: «По имеющимся агентурным данным, среди еврейской части населения города Гура Кальвария имеется много немецких шпионов...»²².

КРО штаба Северного фронта отмечало в ноябре 1915-го, что «в город Псков часто прибывают евреи и проживают без установленной явки в полицию», пользуясь гостеприимством псковских евреев (400 семейств), и поскольку «появление евреев в городе Пскове можно рассматривать с весьма подозрительной стороны» (!), последовало распоряжение установить за ними контроль, проводить внезапные проверки полицией еврейских квартир и помещений на вокзале²³.

«Глазами и ушами» КРО были агенты, вербовавшиеся из местного населения с помощью жандармских и полицейских органов²⁴. Практически все дела о «заподозрении в шпионстве» и о «пособничестве неприятелю» заводились на основании их показаний. Какими бы сумасбродными и бредовыми

²¹ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 3. Л. 542. Эти сведения, по оценке ГЖУ, не подтвердились (*Там же*. С. 546). Ср. с обращением того же Муева в Варшавское ГЖУ по поводу еврея в солдатской форме, живущего в Варшаве на Радыминской ул., это сообщение также не подтвердилось (APW. Warszawski wydział ochrony porządku. Akt. 457. P. 12).

²² РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 63. Л. 693.

²³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 431. Лл. 4–5.

²⁴ *Алексеев М.Н.* Военная разведка России. Кн. III, ч. 1. М., 2001. С. 358. «Недобросовестность, предательство и трусость имели место среди лиц, сотрудничавших с фронтовой разведкой, и в результате процент агентов, успешно выполнявших задания, стал минимальным... С начала боевых действий и по апрель 1915-го штабом 1-й Армии было направлено в тыл противника 115 агентов, из которых 32 были арестованы немцами, 3 — ранены, 1 — убит, 16 — арестованы русскими за шантаж и 39 — «уволены за ненадобностью». Таким образом, разведка штаба 1-й Армии лишилась 91 агента, сохранив в своих рядах лишь 24, то есть около одной пятой от общего количества» (*Там же*. С. 360). Ср. с данными по 5-й Армии — с 1 сентября 1915-го по 1 сентября 1916-го штабом армии в тыл противника было командировано 138 человек, из них лишь 23 вернулось со сведениями (*Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Книга первая. Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 187).

ни казались агентурные данные, они всерьез проверялись органами контрразведки.

15 сентября 1914 года КРО штаба 8-й Армии просил принять для проверки полученные от агента сведения, что в только что занятый русскими войсками Львов «прислан из Германии миллион марок для организации восстания», в котором должны принять участие «местные евреи и другие лица, наиболее преданные Австрии»²⁵. КРО 2-й Армии всерьез проверил сообщение, что немецкие агенты («прежде всего евреи») роют 15-верстный подкоп под Варшавой, а также собираются забросать бомбами штаб Северо-Западного фронта²⁶. Столь же ценной можно считать и информацию, что приметам немецких шпионов (в основном евреев), засылаемых зимой 1915-го из Петрокова, служат новые сапоги и остроконечные барашковые шапки²⁷.

При этом среди агентов самой армейской контрразведки практически не встречались евреи, хотя они наверняка могли принести немало пользы. Сознательное нежелание контрраз-

²⁵ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 14. Л. 6. Ср. с поступившим 7 июня 1915 года в штаб 8-й Армии донесением 22-го армейского Корпуса: «по агентурным сведениям еврейка Гаусман готовит отравленную водку с целью распространения ее среди русских солдат при их уходе из Львова» (РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 14. Л. 59).

²⁶ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 63. В том же сообщении говорится, что «есть и китайцы-шпионы» (*Там же*). О качестве подобных агентурных данных свидетельствует дело агента КРО 2-й Армии Юлиана Кротохвила, получившего 200 рублей на разведывательную поездку в Познань. Эти деньги он присвоил, а в Познань будто бы послал другого агента, уволенного ранее из КРО Армии за предоставление ложных сведений. Оба агента были высланы с театра военных действий (APW. Warszawski wydział ochrony porządku. Akt 472. P. 227).

²⁷ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 63. Л. 205. Один из контрразведчиков был все-раз убежден, будто немцы ставят своим агентам на заднюю часть тела «особые клейма», которые он отыскивал у всех переходящих через линию фронта в его районе (*Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Кн. вторая. С. 78). Современник описывает полученные войсками инструкции по опознанию евреев — австрийских шпионов: «Еврейские девушки, занимающиеся шпионажем в пользу противника, снабжены шифрованными документами австрийского штаба, по большей части зашитыми в подвязку, и носят шелковые чулки со стрелками» (*Войтоволский А.Н.* Выходил кровавый Марс. С. 194).

ведки использовать агентов-евреев приходится отнести на счет «традиционного юдофобства»²⁸.

Основанные на показаниях агентов, обвинения могли быть очень шаткими и приблизительными, что не мешало заведению дел в контрразведке. С объявлением войны огромное число ложных доносов и клеветнических наветов начало поступать и в местные ГЖУ, в связи с чем был издан специальный приказ по Корпусу жандармов о внимательном отношении к подобной информации²⁹. Поскольку считалось, что вражеская агентура заинтересована в сборе слухов и подслушивании разговоров русских военных³⁰, простое нахождение в публичном месте могло закончиться серьезными неприятностями.

Рассмотрим несколько дел, заведенных контрразведкой на евреев и закончившихся освобождением подозреваемых. В начале войны, 8 августа 1914 года, агентом КРО 2-й армии на станции Белосток был задержан Шломо Ратнер, 17 лет, который «расхаживал по платформе, разговаривал с солдатами и считал вагоны». На следствии Ратнер показал, что пошел на станцию опустить письмо, причем «в силу иудейской склонности и любопытства ходил, как и большинство посторонних любопытных евреев, по платформе... и вагонов не считал». В этом случае, заподозренный отделался относительно благополучно — был освобожден под негласное наблюдение полиции³¹.

17 августа 1914 года в Белостоке были задержаны по подозрению в шпионстве (будто бы старались завязать контакты с писарями 6-го Армейского корпуса) Герш Питковский и Шмуль Рынковский. Питковский не был опознан агентом КРО и 28 августа 1914 года освобожден. Рынковский же показал, что

²⁸ Алексеев М.Н. Военная разведка России. Кн. III, ч. 1. С. 367. Русская контрразведка отказалась от использования агентов-евреев после провала сети некоего Герца (Каца), перебежавшего к немцам (*Звонарев К.К. Агентурная разведка. Кн. первая. С. 228, 256.*)

²⁹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 400–402.

³⁰ Звонарев К.К. Агентурная разведка. Кн. вторая. С. 22.

³¹ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 3. Лл. 532, 534. Ср. с арестом 29 августа 1915 года в Ровно Рувина Штаркмана, остановившего солдата-артиллериста и расспрашивавшего его, много ли у русских пушек и снарядов и почему оставлен Тарнополь (РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7с. Д. 16. Л. 161).

с писарем штаба незнаком, хотя тот посещал сестер его жены «ради флирта». 27 октября 1914 года КРО штаба Северо-Западного фронта разрешило освободить Рынковского³².

12 декабря 1914 года по указанию агента КРО штаба 2-й Армии «Ванька 786» был арестован Сруль Линович, так как рассматривал войска из окна вагона. Линович объяснил на следствии, что интересовался войсками, поскольку подлежит призыву в армию. Жандармское управление попросило у КРО разрешения допросить агента, поскольку «виновность Линовича остается совершенно невыясненной»³³.

27 апреля 1915 года в городе Самбор при выходе из кофейни был задержан Давид Битнер, 26 лет. «Изложение сведений, указанных агентами, обращает на себя внимание своей явной бессвязностью», писал проводивший следствие штаб-офицер капитан Кузуб (КРО 8-й Армии). Агенты заявили, что Битнер знал, кто они, но «часто останавливал солдат и расспрашивал, в каком месте Карпат они были...» Один из агентов, как показали свидетели, сказал, что в Стрые он арестовал 10 евреев и крайне сожалеет, что за отъездом из Самбора не может того же сделать здесь. Ввиду изложенного, Кузуб просил свое начальство освободить Битнера и наложить денежный штраф на агентов Олеарского и Кордюка за дачу ложных сведений³⁴.

Доносы продолжали быть частой причиной арестов. 13 апреля 1915 года солдат Соломон Гробер донес во Львове на пекаря Арона Штейнберга, что тот оскорбляет императора.

³² РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 3. Лл. 266–268.

³³ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6с. Д. 68. Лл. 108–108об. Агенту приказано явиться для дачи показаний (*Там же. Л. 110*). Не будем слишком строго судить за произвол агентов контрразведки, они просто следовали инструкции. «Всякое лицо, наблюдающее за воинскими частями и вступающее в разговоры с чинами этих частей... должно быть строго обследовано» — предписывала «Инструкция наблюдательному агенту по контрразведке» (*Алексеев М.Н. Военная разведка России. Кн. III, ч. 2. С. 170*).

³⁴ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 39. Лл. 316–317. Рапорт агентов написан польски (*Там же. Л. 318*). Распоряжение освободить Битнера из-под ареста поступило 13 мая 1915 года (*Там же. Л. 315*), однако освободить его не удалось, поскольку Битнер решил, видимо, не дожидаться справедливости у русских контрразведчиков и бежал из-под стражи (*Там же. Л. 408*).

Выяснилось, что они поссорились из-за свояченицы Штейнберга, что и послужило реальной причиной доноса. 6 апреля 1915 года Штейнберг был освобожден из-под ареста³⁵.

Служебная переписка не всегда дает сведения о том, чем кончилось расследование. О 73-летнем Мовше Рубинштейне, который «собирал сведения о движении русских войск» и «имел мышьяк для отравления воды и мяса», нам известно лишь, что он был передан контрразведкой Сувалкскому ГЖУ 29 марта 1915 года³⁶. 29 июля 1914 года агентами КРО 2-й Армии задержан Лейба Мулар, навлекший на себя подозрение частыми разъездами по железной дороге, «шатаясь без всякого дела». При нем были обнаружены 500 рублей и чужой паспорт. Бумаги Мулара были потеряны и, через полгода после ареста, он в феврале 1915-го был направлен в Лидский уезд для удостоверения личности³⁷. КРО 2-й Армии были задержаны в январе 1915-го на станции Гродзиск евреи Аба Гольдберг и Мошек Рынкевич, которые «наблюдали за проходившими частями войск и прислушивались к разговорам солдат». У Рынкевича было найдено 2000 рублей и три пропуска — «он, несомненно, собирал сведения о наших войсках для передачи немцам...»³⁸. 10 января 1915 года в Гродзиске был задержан Авидгор Гольдгор, у которого обнаружены препараты для подкожного впрыскивания — для дальнейшего следствия направлен в Варшавское ГЖУ³⁹. 18 марта 1915 года в Варшаве арестован Айзик Минский, без определенных занятий, основанием для подозрений в шпионстве было то, что Минский «все время был чем-то занят и куда-то спешил», а также «стремился знакомиться с офицерами»⁴⁰.

³⁵ ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 41. Л. 68. 12 марта 1915 года Иосиф Марфельд был арестован там же по и тому же обвинению, 6 апреля выпущен, поскольку ни один свидетель для дачи показаний не явился (*Там же*. Лл. 48–56).

³⁶ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 7. Д. 36. Л. 74об.

³⁷ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 3. Лл. 400–406.

³⁸ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 68. Л. 122.

³⁹ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 68. Лл. 74, 77.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 68. Л. 282. Показания агента: «Он назвался Витольдом Минским, я сразу опознал в нем жида» (*Там же*. С. 285).

Причиной ареста и следствия в контрразведке могла быть и «бдительность» самих войск. Так, Гершко Фишбейн (55 лет) был задержан в Тарноруде 25 июля 1914 года корнетом 12-го драгунского полка Хачатуровым по подозрению в шпионстве. Уличающих доказательств следствие не обнаружило. 4 августа 1914 года волынское ГЖУ обратилось к губернатору с просьбой выслать Фишбейна в одну из волжских губерний «ввиду необнаружения фактических данных в занятии Фишбейна военным шпионством»⁴¹.

19 ноября 1915 года в зале 1 класса вокзала города Ровно Арон Коган пил чай. Офицер заподозрил его в подслушивании разговоров и приказал жандарму Когана задержать. «Фамилия офицера, заподозрившего еврея Когана в подслушивании разговора, к несчастью, ввиду быстрого его отъезда, не была выяснена»⁴². Коган 28 ноября 1915 года был препровожден для дальнейшего расследования в КРО 8-й Армии⁴³.

Экель Зелингер (80 лет) и Абрам Пекельницкий (16 лет), были арестованы казаками 16 сентября 1914 года в Поневежском уезде. Казаки приехали к ним в дом и спросили сыру, сыра в доме не оказалось, и их арестовали. Причины ареста гражданским властям сообщены не были, и лишь после трех с половиной месяцев, проведенных в тюрьме, Зелингер и Пекельницкий были выпущены на свободу⁴⁴.

Иногда люди «исчезали» в контрразведке, и семьи не знали, что с ними произошло. Маер Бекерман (осень 1914-го, Люблинская губерния) пошел в город купить корову. По дороге его окликнули казаки и приказали остановиться. Он «имел несчастье не послушаться этого окрика и бросился бежать. Причинами этого поступка... были только природная его робость, а также боязнь ограбления со стороны казаков». Бе-

⁴¹ КРО 8-й Армии вело по этому поводу переписку с жандармами (РГВИА. Ф. 2143. Оп. 7с. Д. 15. Лл. 10–18).

⁴² РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 42. Л. 457.

⁴³ *Там же*. Л. 466.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 140, ч. 1. Лл. 96, 100.

керман был арестован казаками, его брат 11 ноября 1914 года просил власти сообщить о его судьбе⁴⁵.

В сентябре 1914-го Шоель Цукер из Варшавы был отправлен на «подводную повинность» и исчез; в марте 1915-го оказалось, что он содержится в тюрьме в Саратовской губернии. Прощение жены Цукера поясняет, что он не говорит ни на каком языке, кроме еврейского, «и не мог бы объясниться с арестовавшими его властями»⁴⁶.

Длительное содержание в тюрьме без следствия и предъявления обвинения не было в контрразведке редкостью. Арестованный 9 сентября 1914 года Абрам Людвинович был выслан лишь 23 сентября 1915-го, проведя в тюрьме год без предъявления обвинения⁴⁷. Арестованные 15 марта 1915 года комендантом Шавлей (Шауляй) Языковым еврейки Шейна, Реввека и Эсфирь Рабинович, находились в тюрьме до июня 1915-го, запросы начальника Двинского военного округа в разные адреса и попытки выяснить, за что же они арестованы, ничего не прояснили⁴⁸.

Полученные от агентуры сведения контрразведчики отправляли для расследования своим гражданским коллегам. Вот образец обращения такого рода, поступившего из КРО 8-й Армии изяславскому приставнику 22 декабря 1915 года:

По полученным сведениям, проживающий в местечке Шепетовка еврей Неух Фикс, торговец платьем и мануфактурой, в период отступления нашей армии собирал медную, серебряную и золотую монету, с каковой целью разъезжал по окрестным селениям. По слухам, звонкая монета собиралась для австро-германцев и была куда-то отослана. Во время сбора монеты Фикс угрожал

⁴⁵ Из прошения брата Бекермана (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 138. Л. 10).

⁴⁶ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 138. Л. 16.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 322. Лл. 419, 425. Доставлен от коменданта Белостокского этапа с пометкой «шпион» (Л. 419).

⁴⁸ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 322. Лл. 292–297, 300–301. Ср. с делом Мартина Гейера (не еврей; видимо, местный немец), который был арестован 25 сентября 1914 года тем же Языковым и содержался в тюрьме до июня 1915-го. Службная переписка с целью выяснить, чем же был вызван его арест, продолжалась до января 1916-го (РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 322. Лл. 519–560).

жителям, говоря: придут германцы, они всех вас перевешают, а нам будет хорошо, германцы евреев любят... Сообщается для проверки...⁴⁹

В октябре 1914-го КРО Северо-Западного фронта просило Плоцкое ГЖУ проверить сведения о еврее Нельсине, подававшем фонариком сигналы немцам⁵⁰, и о еврее Либсоне, приходившем на берег Вислы встречаться с германским солдатом⁵¹. На запрос, направленный КРО Северо-Западного фронта в Варшавское ГЖУ по поводу Мотека Гольдберга, перерезавшего 11 октября 1914 года, «по словам старика Оржеховского», проволоку в деревне Старая Почта Скерневицкого уезда, добросовестные варшавские жандармы ответили 24 апреля 1915 года. Оказалось, что Гольдберг проходил мимо за четыре часа до того, как была обнаружена проволока, к тому же от дома Оржеховского до места прорыва 300 шагов, и тот не мог ничего видеть. «Других данных по этому делу, ввиду занятия района неприятелем, добыть не представляется возможным»⁵².

Оценка деятельности русских военных контрразведчиков современниками не была высока. Как считал В.Ф. Джунковский, во время войны они работали бессистемно, предъявляя требования на высылку лиц, о которых не было известно даже, кто они такие и где находятся⁵³. Проводивший в феврале 1916-го проверку деятельности одного из КРО Юго-Западного фронта Н.Н. Духонин отмечал: «контрразведывательное отделение не дало за время войны сколько-нибудь останавливающего внимание материала. Возникавшие дела оказывались... не шпионскими и были ликвидированы...»⁵⁴.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 14. Л. 366.

⁵⁰ Ответ из Плоцкого ГЖУ — «сведения не представляется возможным проверить» (РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6с. Д. 49. Лл. 54–55).

⁵¹ Ответ Плоцкого ГЖУ: «Не представилось возможным установить, чтобы Либсон... действительно приходил на берег Вислы» (РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6с. Д. 49. Лл. 87–88).

⁵² РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6с. Д. 49. Лл. 36–37.

⁵³ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 399.

⁵⁴ Цит. по: Алексеев М.Н. Военная разведка России. Кн. III, ч. 2. С. 171. Ср.: «в армии наша контрразведка была очень плохо поставлена» (Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. С. 494).

Итак, армейская контрразведка, базируясь на слабо достоверных донесениях своих агентов, заводила, в том числе и на евреев, огромное количество дел. Распространяемые контрразведкой ориентировки показывают, что евреи считались, в духе общей политики военных властей, «ненадежным элементом». Вместе с тем процент заводимых против подозреваемых — евреев дел вполне сопоставим с долей евреев в общем и в городском населении прифронтовых районов⁵⁵.

Дела, заведенные контрразведкой, расследовались согласно установленной процедуре, для чего военным контрразведчикам зачастую требовалась помощь гражданских коллег. Начатые дела могли завершаться освобождением подозреваемых, как в описанных выше случаях. Подавляющее же большинство начатых дел передавалось военными в территориальные ГЖУ и рассматривалось в административном порядке; лишь очень небольшое число дел передавалось в военные суды. Это было связано с особенностями военного судопроизводства.

Военное судопроизводство

Казалось бы логичным, что после проведенного расследования контрразведчики должны были передавать обвиняемых в руки военной юстиции. Однако лишь очень небольшая часть заведенных контрразведкой дел доводилась на практике до суда⁵⁶.

Так, КРО штаба 10-й Армии в 1914 году передало судебным властям четырех человек, один из них — еврей (Лильсон из

⁵⁵ См. также: *Пивоварчик С.А.* Трагедии Первой мировой войны: «еврей-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно // *Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства.* С. 71–83.

⁵⁶ Пример одного из таких дел: 23 августа 1915 года в Ровенском уезде четверо евреев были задержаны за перевозку 9 мешков соли. Крестьяне, с которыми у евреев была тяжба из-за земли (причем крестьяне ее проиграла) донесли, что соль предназначена неприятелю. Показания евреев «точно сходятся, а потому доверия не заслуживают» (РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7с. Д. 15. Лл. 493–494). 24 сентября 1915-го командующий 8-й Армией Брусилов приказал передать дело в военный суд (*Там же.* Л. 500).

города Августов)⁵⁷. В 1915-м это же КРО передало судебным властям 18 гражданских и 13 военных лиц (из гражданских было 9 евреев и 2 крещеных еврея). Четверо евреев — Аарон и Шлиома Зальцманы и Давид и Борис Фрейдберги (двое последних по делу Мясоедова), были переданы 10 мая 1915 года для суда в штаб Северо-Западного фронта и позднее казнены⁵⁸. За 1916-й передано для суда 8 человек, неясно, были ли среди них евреи⁵⁹.

Столь небольшое число дел, передававшихся контрразведкой в военные суды, скорее всего было связано с особенностями системы военного судопроизводства России. Даже во фронтовых условиях военные суды старались тщательно рассматривать дела, подсудимым предоставлялась возможность нанять гражданского защитника, показания свидетелей сличались между собой и проверялись. Так, по сообщению газеты «Речь», 9–10 марта 1915 года корпусной военный суд слушал дело семи обывателей местечек Гройцы и Нове Място (из них пять евреев и два немца), обвиняемых в пособничестве и преданности врагу. Выяснились два источника обвинения: непонимание следствием свидетелей, говоривших по-польски, и оговор двух заведомых негодяев. Армейский прокурор, по сообщению газеты, отказался от обвинения⁶⁰. 31 марта 1915 года корпусной суд 12-го и 14-го армейских корпусов оправдал за недоказанностью предъявленных обвинений шестерых евреев из Студзян, преданных суду за устройство телефона и снабжение немцев продуктами⁶¹. Евреи были арестованы по доносу поляка католика Бранденбургского, будто бы видевшего провод длиной в семь (!) верст, прикрытый землей и мхом, а также баржу с приго-

⁵⁷ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 7. Д. 36. Л. 490б. Как мы уже видели, в суд самой 10-й Армии КРО той же армии передало по два дела в 1914 и в 1915 годах, и это из 362 заведенных дел (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 7. Д. 36. Лл. 71–100).

⁵⁸ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 7. Д. 36. Лл. 49–55.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 7. Д. 36. Лл. 58–59.

⁶⁰ Речь. 1915. № 94. 7 апреля. С. 5.

⁶¹ РГВИА. Ф. 2111. Оп. 2. Д. 7. Л. 57. Распоряжение Эверта (командующий 4-й Армией) о предании суду от 17 марта 1915 года см.: *Там же.* Л. 5.

товленными для немцев товарами⁶². Сам доносчик просил у обвиненных евреев прощения, признав, что подговорили его поляки — конкуренты евреев⁶³.

Широкую известность получило дело Янкеля Гершановича, жителя гор. Мариамполь Сувалкской губернии, осужденного в октябре 1914-го военным судом 3-го армейского корпуса на 8 лет каторги по обвинению в содействии неприятелю. Гершанович будто бы был назначен немцами бургомистром Мариамполя, при этом в обвинительном заключении во враждебности русским войскам и в пособничестве неприятелю обвинялось все еврейское население города⁶⁴.

русские солдаты решительно ничего не могли купить у евреев, так как они просто запирали перед ними двери. Им отказывали даже в куске хлеба, который солдаты просили не даром, а за деньги. Между тем, входящих в город немецких солдат даже угощали обедом. Евреи, бывшие в русских войсках, при приближении немцев ломали свои винтовки и прятались у своих соотечественников. Образовались целые притоны таких солдат...⁶⁵

На повторном процессе в Главном военном суде в июле 1916-го, где подсудимого защищал сам О.О. Грузенберг, выяснилась полная невиновность Гершановича, оклеветанного доносчиком. Предыдущий приговор был отменен, а сам факт, что население Мариамполя снабжало немцев лошадьми и продуктами, был опровергнут судом 5-й Армии⁶⁶.

В другом громком деле корпусным судом было установлено, что агенты контрразведки («члены контрразведыватель-

⁶² Там же. Л. 70.

⁶³ Там же. Л. 76.

⁶⁴ Дело Гершановича, с защитительной речью О.О. Грузенберга. М., 1916. С. 9–10.

⁶⁵ Там же. С. 7. Подобные обвинения дословно повторяют приведенные русскими военачальниками (в вопроснике об отношении евреев к русской армии) утверждения о враждебности евреев.

⁶⁶ Там же. С. 18–20. В частности, выяснилось, что евреи прятали от немцев агента русской разведки жандармского унтер-офицера Гордея, подтвердившего патриотизм и преданность России мариампольских евреев (Там же. С. 15).

ного отряда») во главе с неким Чупрынуком, подбросив евреею Айзенбигелю телефон, арестовали его за сношения с неприятелем и потребовали за освобождение 5000 рублей. На суде обнаружилось, что по исходившим от Чупрынука и его товарищей аналогичным обвинениям ранее были повешены 18 евреев⁶⁷.

Конечно, военные суды не всегда были столь милосердны к обвиняемым-евреям (и не всегда евреев защищали адвокаты уровня Грузенберга). Например, 4 мая 1915 года военно-полевым судом в городе Кельцы были приговорены к расстрелу за шпионаж в пользу австро-венгерских войск жители Бендина Роман Петроковский и Фишель Бляйхер и житель города Мехов Абрам Гинцберг. Приговор был приведен в исполнение 5 апреля 1915 года в 5 часов вечера⁶⁸.

В сентябре 1914-го духовный раввин Красника (Люблинской губернии) Мордко Мендельсон, казенный раввин Эйзек-Фишель Цесля, а также Шмуэль и Герш Гольденберги были судимы военными властями в Яновской тюрьме за радужный прием австрийцев, приговорены к казни и повешены. Тела их похоронили в тюремном дворе. В январе 1915-го их жены просили Верховного Главнокомандующего посмертно реабилитировать «оклеветанных» мужей и разрешить перезахоронить их останки на еврейском кладбище⁶⁹.

Как показал процесс полковника Мясоедова (дело которого, по всей видимости, было сфабриковано), при желании и военный суд поддавался давлению начальства и судил вполне пристрастно⁷⁰. Однако организовывать такое давление по бесчисленным и непринципиальным делам гершано-

⁶⁷ Фрумкин Я.Г. Из истории русского еврейства. С. 93–94.

⁶⁸ Келецкие губернские ведомости. 1915. № 15. 11 апреля. С. 3.

⁶⁹ Жены казненных приложили к просьбе, как доказательство невиновности мужей, записку осужденных евреев из тюрьмы: «Мы вовсе невиновные, на встречу австрийцам не ходили» (ЦАИЕН. НМФ/584; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 161).

⁷⁰ См.: Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. С. 163–170.

вичей и айзенбиглей было бы для властей слишком хлопотно и сложно⁷¹.

В целом, из-за необходимости соблюдения правил судопроизводства система военных судов не могла быть эффективной для рассмотрения сотен и сотен заводимых контрразведкой дел о «заподозренных в шпионстве» евреях⁷². Дела, очень часто базировавшиеся на туманных и недостоверных показаниях агентов и доносчиков, рассыпались в суде, как карточный домик.

Органы контрразведки сами это хорошо понимали. 5 сентября 1915 года на позициях русских войск был задержан Мордехай Фингерут, 17-ти лет, при нем был обнаружен список милиционеров города Ковель (сам Фингерут тоже был там милиционером) и текст песни на еврейском языке. КРО 8-й Армии ходатайствовало о высылке Фингерута в Иркутскую губернию, так как «нет оснований для предания военному суду за шпионство»⁷³. Командующий 8-й Армией Брусиллов решил иначе и 15 сентября 1915 года приказал предать его военному суду⁷⁴. После того, как Фингерут был признан судом невиновным в шпионаже, распоряжением командую-

⁷¹ Как говорил князю П.Д. Долгорукому военный судья, ему не пришлось подписывать смертных приговоров о еврейском шпионстве, так как каждый ротный и батальонный командир вешают без суда тех, кто кажется им шпионами (цит. по: *Будницкий О.В.* Происхождение еврейских погромов периода Гражданской войны в России // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. С. 150).

⁷² В Ставке обсуждался проект организации специальных судов по шпионским делам и государственной измене, поскольку военные судьи «не справлялись» с материалами дел, основанных на косвенных уликах, и оправдывали обвиняемых (*Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Кн. вторая. С. 83).

⁷³ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7с. Д. 15. Лл. 549–550.

⁷⁴ Там же. Л. 551. Песня, отобранная у Фингерута (перевод «с еврейского»):

Рейзеле — дочь резника ни о чем не думает,
Она поет и довольна жизнью
Она как жаворонок на заре
Ее украшают локоны
Глаза ее горят

и т.д. (Там же. Лл. 552–552об).

щего армией он все же был выслан в Иркутскую губернию на время войны⁷⁵.

Именно высылки, производившиеся военной администрацией, стали удобным выходом, уготованным для сотен евреев подозреваемых — не попавших в руки военной юстиции, но и не освобожденных.

Административные высылки

Как мы уже видели, полномочия русских военных властей депортировать людей во время войны были определены двумя правовыми актами — «Положением о полевом управлении войск в военное время» и «Правилами о местностях, объявляемых на военном положении». Согласно ним, право выселять людей с территории театра военных действий предоставлялось командующим армиями⁷⁶, корпусами⁷⁷, генерал-губернаторам⁷⁸ (полномочия которых во время войны перешли к командующим военными округами)⁷⁹, а также комендантам крепостей⁸⁰.

Таким образом, прерогатива выселять людей с театра военных действий принадлежала исключительно военному командованию на высоком уровне (причем только штаб фронта мог вмешаться и приостановить распоряжения о выселениях). Военные лишь информировали о принятых ими мерах

⁷⁵ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 138. Л. 220б.

⁷⁶ *Лемке М.Н.* 250 дней в царской Ставке. С. 48. «О лицах, высланных во внутренние области командующий армией сообщает в штаб фронта и в Министерство Внутренних Дел. В случае несогласия с указаниями о высылке Главного Начальника Снабжения фронта командующий армией приостанавливает выполнение этих указаний, донося об этом в штаб фронта...» (Там же).

⁷⁷ Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914. С. 66.

⁷⁸ Свод Законов Российской империи. Т. II. М., 1910. С. 188. В данном случае о выселениях извещался министр внутренних дел.

⁷⁹ См.: *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне, С. 103; *Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. С. 42. Главные начальники военных округов, как и генерал-губернаторы, были напрямую подчинены главным начальникам снабжения армий соответствующего фронта — Северо-Западного либо Юго-Западного (см.: *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 10).

⁸⁰ Свод Законов Российской империи. Т. II. С. 184.

гражданские власти, хотя именно местная администрация во главе с губернаторами отвечала за их выполнение⁸¹.

Военные власти были прекрасно осведомлены о своем праве выселять людей и широко им пользовались, очищая театр военных действий от всех подозрительных и ненадежных с их точки зрения элементов. Уже в самом начале войны, 27 июля 1914 года, генерал-квартирмейстер 2-й Армии приказал начальнику Гродненского ГЖУ выслать за Волгу без права возвращения на время войны 21 человека, из них 12 евреев⁸².

Высылки, как средство зачистки театра военных действий от всех нежелательных элементов, могли производиться фактически без повода, пусть и самого формального. Так, еврей Фридман, «бежавший при наступлении немцев», был задержан полицией и после полутора месяцев в тюрьме выслан главным начальником Двинского военного округа в Нарымский край «за праздношатание»⁸³.

А.Л. Лейберн и Хаим Френклах были задержаны в Двинске 22 октября 1915 года, так как их поведение («двое неизвестных лиц, по виду евреи»⁸⁴) показалось подозрительным.

⁸¹ Так, главнокомандующий Северо-Западным фронтом Н.В. Рузский дал 18 сентября 1914 года указание варшавскому генерал-губернатору: «...Губернаторам края немедленно выслать из района армий фронта всех арестованных по подозрению в шпионстве. Предписываю впредь высылать всех лиц, присутствие коих командующими армиями в их районах будет признано нежелательным» (РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 340. Ч. 1. Л. 23). У гражданской администрации не было возможности вмешиваться в распоряжения военных властей — см. дело братьев Исаака и Янкеля Овсовичей (последнему было 13 лет), высланных по представлению штаба Северного фронта в сентябре 1915-го из Островца Псковской губернии. Ни губернатор, ни Департамент полиции вмешаться не смогли, поскольку дело находилось в компетенции штаба фронта (ЦАИЕН. НМФ/585.Г; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160).

⁸² Основанием для высылки было то, что трое из высылаемых «подозреваются в шпионстве», девять «агитировали против войны», преступление еще четверых состояло в том, что они — «наборщики по профессии» (РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6с. Д. 3. Лл. 163–1640б).

⁸³ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 138. Л. 18. Ср. с высылкой витебских сапожников «за плохую работу» (ЦАИЕН. НМ2/7911.3; оригинал: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 81).

⁸⁴ Определение начальника Витебского ГЖУ (РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 322. Л. 76).

Ничего предосудительного следствием обнаружено не было, но в январе 1916-го оба были высланы главным начальником Двинского военного округа, поскольку «нахождение таких лиц... в районе ТВД нежелательно», так как «они представляют собой подходящий материал для использования нашими противниками в шпионских целях...»⁸⁵.

В том же Двинске 31 октября 1915 года были задержаны Мордух Замегалер и Мордух Фруммин. Замегалер проходил по жандармской картотеке как бывший когда-то анархистом-коммунистом, Фруммин оказался его приятелем. Витебский губернатор просил главного начальника Двинского военного округа выслать их, «как вредных для общего спокойствия и порядка и способных не только на революционную пропаганду, но и на оказание услуг неприятелю...»⁸⁶.

Стандартный приказ о высылке «как заподозренных в шпионстве» не должен был включать в себя никаких мотивировок и объяснений⁸⁷. В известной мере именно отсутствие доказательств вины арестованных служило для военных контрразведчиков основанием рекомендовать их к высылке, а не преданию военному суду.

Приведем несколько примеров. 18 августа 1915 года КРО 8-й армии задержало по подозрению в шпионстве еврея Солломона Карпа и поляка 16-ти лет Людвика Гааса. «Не найдя достаточных оснований для придания их военному суду за шпионство», начальник КРО 8-й Армии просил командующего армией выслать их в Пермскую губернию под надзор полиции «как австрийских подданных». Генерал Брусилов 30 августа 1915 года удовлетворил просьбу и выслал обоих⁸⁸.

Отец и сын Зуссеры были высланы из Острова Псковской губернии в Иркутскую губернию (январь 1916-го), чтобы «парализовать вредные для хода военных действий последствия

⁸⁵ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 322. Л. 76.

⁸⁶ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 322. Л. 470 (высланы 6 февраля 1916 года).

⁸⁷ См., например, такой приказ командующего 8-й Армией Брусилова от 26 мая 1915 года о высылке в зауральскую часть Пермской губернии пятерых «евреев австрийских подданных» (РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 39. Л. 476).

⁸⁸ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7с. Д. 15. Лл. 391–392.

той осведомленности, которую они могли иметь, ведя торговлю льном...» (Зуссеры были до войны представителями германской торговой фирмы)⁸⁹.

Фельдшер Мендель Виндовский был выслан главным начальником Двинского военного округа 18 января 1916 года по подозрению в членовредительстве, причем обвинение доказано не было и никаких свидетелей найти не удалось. Доказательства заменили общими рассуждениями окружного КРО о порочной практике помощи членовредителям, распространенной среди евреев, и этого вполне хватило для высылки Виндовского⁹⁰.

Иовель Рабин был арестован контрразведкой «за распространение ложных слухов». Дело было прекращено за недоказанностью, Рабин же по распоряжению главного начальника Киевского военного округа был выслан в административном порядке в Иркутск⁹¹.

Гирш Гарфинкель был арестован 8 ноября 1915 года за расспросы солдата в туалете города Режицы. Штаб Двинского Военного округа приказал привлечь Гарфинкеля к отбыванию воинской повинности, «в случае же признания его негодным к воинской службе выслать в одну из отдаленных губерний под надзор полиции»⁹².

В заканчивающихся высылкой делах, по мнению военных властей, вполне хватало доказательств, хотя они и опирались на туманные, иногда основанные на недоразумениях, пока-

⁸⁹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 322. Л. 337.

⁹⁰ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 322. Лл. 121–123.

⁹¹ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 138. Л. 210б. Ср. с делом Иоселя Мовлязина, за расспросы солдат в Витебской губернии высланного в феврале 1915-го, — расспрашивал солдат, откуда они и что нового на войне (РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 68. Лл. 254, 262, 265, 393–395).

⁹² РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 322. Лл. 701, 707. Принят 17 февраля 1916 года на службу в 144 запасной пехотный батальон (*Там же*. Л. 710). В том же деле еще два подобных случая (Лл. 571, 573, 575, 878). Ср. с историей бердичевского еврея, привлеченного по доносу об уклонении от воинской повинности. Главный начальник Киевского военного округа наложил резолюцию: «если будет доказано, что уклонялся — отправить на фронт, в противном случае выслать в Иркутскую губернию»; поскольку доказано ничего не было — выслан в Сибирь (ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 140. Л. 66).

зания доносчиков и агентов контрразведки⁹³. Так, в октябре 1914-го 8 евреев были высланы в Томскую губернию комендантом Новогеоргиевской крепости Бобырем по подозрению в сигнализации немцам (у одного из них был найден электрический фонарик) и связи с неприятелем, доказательством чему служила тропинка в болоте⁹⁴. Еврей Кутыжнер из Ковенской губернии, ехавший ночью, был задержан по заявлению крестьянина Лютинского, полагавшего, что евреям по ночам ездить запрещено. 2 августа 1915 года Кутыжнер был выслан по представлению ковенского губернатора как заподозренный в военном шпионстве⁹⁵. По КРО штаба 10-й Армии проходил заподозренный в шпионстве Клемборт Юдель Юделевич, житель местечка Сидра Гродненской губернии, который «поддерживал всегда торговые отношения с Германией» и «старался заводить знакомства с военными». 21 января 1915 года Клемборт был выслан командующим 10-й армией в Томскую губернию⁹⁶.

Евреи — русские подданные, вернувшиеся из вражеской страны, автоматически считались подлежащими высылке. КРО Двинского военного округа сообщило 11 марта 1915 года, что из Германии массово возвращаются русские подданные евреи, «как застигнутые в Германии войной, так и жившие там». Евреи объясняют свое освобождение болезненным состоянием, «хотя на вид они совершенно здоровы». «Не подлежит сомнению, что доступ евреев в Россию имеет ввиду

⁹³ Абсурдность доноса роли часто не играла — в Галиции 9 человек (в том числе три еврея) были признаны враждебными русским войскам и высланы в октябре 1914-го в завожские губернии по доносу о том, будто бы в относительно глубоком тылу русских войск они возили в подводах австрийских солдат и оружие (ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 221. Лл. 175–176).

⁹⁴ ЦАИЕН. НМ2/7916.4 (оригинал: РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 21). Ср. высылку Лейзера Бзуровского из Ломжи (видимо, в начале 1915-го) за сигнализацию неприятелю. Уверения Бзуровского, что за сигнализацию приняли бенгальский огонь на свадьбе его дочери, не помогли (ЦАИЕН. НМФ/585.G; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160).

⁹⁵ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 322. Лл. 3, 70б.

⁹⁶ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 7. Д. 36. Л. 710б. Ср. с делом Карла Шпивака, германского подданного 80-ти лет, который «стоял возле телеграфных проводов» и был выслан 14 февраля 1915 года (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 7. Д. 36. Л. 72).

получение шпионских сведений, о чем немцы и обязали всех отъезжающих»⁹⁷.

Главкомандующий Северо-Западным Фронтом приказал 2 апреля 1915 года всех без исключения евреев, «а также подозрительных лиц иного происхождения», возвратившихся из Германии — высылать в Томскую губернию⁹⁸. В июле 1915-го из Гродненской губернии высланы все 185 вернувшихся евреев⁹⁹.

Только 3 августа 1915 года начальник канцелярии главного начальника снабжений фронта определил, что «высылке из мест постоянного жительства подлежат лишь возвращающиеся подозрительные евреи, а ни в коем случае не все поголовно»¹⁰⁰. 26 августа штаб фронта разрешил вернуться (но не в местности, объявленные на военном положении) 26 высланным из Курляндской губернии (из них 13 евреям)¹⁰¹.

Достаточным основанием для высылки было отсутствие пропуска на передвижение в прифронтовой зоне. Хаим Давид Евселевич из Луцка без пропуска поехал 28 июля 1915 года в Ровно за мукой (чтобы испечь хлеб для солдат). После трехмесячного заключения был выслан в Иркутскую губернию¹⁰². Туда же выслан Шабсен Мирмильштейн, поехавший без пропуска за веревкой по приказанию военных¹⁰³. Шмуль Зонешан (Бессарабская губерния) был извозчиком, имел про-

⁹⁷ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 68. Л. 854. В одну только Варшаву с 20 июля 1914-го по 15 мая 1915-го прибыло 1370 христиан и 1732 еврея (*Там же*. Л. 885), в Виленской губернии вернулось из-за границы 332 человека, из них 271 еврей (*Там же*. Лл. 943–958).

⁹⁸ *Там же*. Л. 856.

⁹⁹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 68. Л. 879.

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 68. Л. 896. Как в другом документе — «высылка неблагонадежных нежелательна, ввиду отсутствия вреда от них и высоких расходов на их содержание» (*Там же*. Л. 930).

¹⁰¹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 68. Лл. 934–935.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 140. Лл. 62–63. Не всегда все же такое задержание заканчивалось высылкой. Еврей Фитербаум из Сохачева был задержан в ноябре 1914-го в Варшаве без пропуска и после двух месяцев тюрьмы выпущен (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 138. Л. 12).

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 140. Л. 63.

пуск на товар, но не на свое имя, и был выслан¹⁰⁴. Тайба Бебчук, неграмотная 64-х лет, поехала 6 сентября 1915 года без пропуска в Ровно, провожать сына в армию, была арестована на три месяца за нарушение обязательного распоряжения начальника Киевского военного округа и сослана в Иркутск¹⁰⁵.

Распространенное обвинение против евреев — отказ разменивать мелкую монету, — также служило основанием для высылки. Адольф Леви за отказ разменять 3 рубля был выслан из Курляндской губернии. Обыски подтвердили отсутствие у Леви мелкой монеты, и П.Г. Курлов 11 мая 1915 года заменил ему высылку проживанием вне пределов театра военных действий¹⁰⁶. Находившийся в Пскове штаб Северного фронта считал одной из своих задач борьбу с невыдачей евреями разменной монеты¹⁰⁷. 20 августа 1915 года штабом фронта был арестован купец Иосиф Борхов, у него обнаружено на 900 рублей серебряной и на 465 рублей золотой монеты. Борхов был выслан в Иркутск, затем ссылка была заменена ему высылкой за пределы театра военных действий¹⁰⁸.

Причиной высылки могло быть прямое недоразумение, трагически ломавшее человеческую судьбу. В дом Симхи Шапиро (Минская губерния) во время его отсутствия двое часовых привели конвоируемого солдата. Затем часовые заснули, и солдат убежал. Шапиро был сослан распоряжением главно-

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 140. Л. 64.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 140. Л. 91. Позднее освобождена, уже из Иркутска.

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 184. Лл. 2, 8, 10.

¹⁰⁷ В приказе по штабу от 19 августа 1915 года отмечается: «гг. офицерами штаба замечено в городе Псков присутствие большого числа евреев. Некоторые из офицеров штаба были свидетелями отказа торговцев выдать сдачу разменной монетой» (РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4с. Д. 80. Л. 5).

¹⁰⁸ Борхов утверждал, что не нарушал запрета на хранение монет, поскольку соответствующий указ вышел только 22 августа (РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4с. Д. 80. Лл. 1, 6, 12, 41). Штаб Двинского военного округа сообщал псковскому губернатору, что обнаруженные деньги Борхов собирает умышленно и «весьма возможно, с целью отправки во враждующие с нами государства» (*Там же*. Л. 61).

го начальника Двинского военного округа в Иркутскую губернию¹⁰⁹.

Хаим Шабан держал в аренду в Поневежском уезде волостную почту. В апреле 1915-го он не дал лошадей двум незнакомцам. 4 мая 1915 года, во время выселения евреев, на базаре в Вилькомире его заметил один из тех двоих (крестьянин Хмелевский) и обвинил в сношениях с немцами. Шабан был арестован и направлен в Гродно в штаб 10-й Армии. Там его допросили и хотели было отпустить, но решили на всякий случай отправить в Ковенское ГЖУ для проверки благонадежности. Жандармы же решили (по имевшимся в деле показаниям крестьянина), что Шабан разыскивался военными властями, а потому имеется основание заподозрить его в шпионстве¹¹⁰. Шабан содержался полгода в тюрьме (до февраля 1916-го), затем был выслан этапом в Иркутск¹¹¹.

В не менее трагичную ситуацию попал в августе 1915-го Песах Гайер из Владимиро-Волынского уезда, который вез домой бакалейные товары. По дороге Гайер был задержан казаками, решившими, что это товары для немцев. Гайер был отправлен в Киев, через три дня освобожден, а поскольку не имел денег, отослан домой этапным порядком. За это время его село было уже занято немцами, и Гейера сначала посадили в участок на 7 недель, затем выслали в Сибирь. В Иркутске по очередному недоразумению он провел 5 месяцев в каторжной тюрьме¹¹².

Арестованные по обвинению в содействии немецкому разъезду в Ковенской губернии шестеро евреев были эвакуированы вместе с тюрьмой при отступлении русской армии. Только в конце ноября 1915-го следствие по их делу было возобновлено (до этого не было известно, в какой тюрьме содержатся арестованные). В январе 1916-го евреи были освобождены, так как расследование не дало результатов¹¹³.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 140. Л. 64.

¹¹⁰ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 322. Лл. 470–471.

¹¹¹ «И совершенно разорен при этом» (ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 140. Л. 62).

¹¹² ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 140. Л. 64.

¹¹³ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 322. Лл. 179, 182, 183.

Высылки быстро превратились в средство сведения счетов и шантажа для вымогания взятки. Например, Мовша Лосовский из Гродно отказался дать взятку полицейскому надзирателю. Тот составил протокол о антисанитарном состоянии дома Лосовского, последний был арестован приказом коменданта крепости на две недели и выслан в административном порядке в Полтаву, а оттуда, с другими евреями, в Иркутск¹¹⁴.

Шая Тарнопольский, назначенный служить в нестроевую часть, следил за перевозкой продуктов на военном складе. Генерал Толмачев, проводивший там проверку злоупотреблений, потребовал выдать злоумышленников, угрожая арестом и высылкой в Сибирь. Тарнопольский отказался отправлять людей на скамью подсудимых и был выслан распоряжением главного начальника Киевского военного округа без указания причины¹¹⁵.

Меир Мошков из Подольской губернии был в сентябре 1915-го арестован двумя крестьянами («хулиганами») во время молитвы, когда «оплакивал разрушение храма». Крестьяне обвинили его в том, что он молится о завоевании их деревни немцами. Без всякого обвинения Мошков был сослан в Иркутскую губернию¹¹⁶.

Появились и мошенники, вымогавшие деньги с помощью поддельных приказов о высылках. Так, высланные в июле 1916-го из Винницы трое евреев были возвращены, так как предписание о высылке оказалось подложным — оно было прислано из штаба округа по почте подольскому губернатору и не соответствовало форме¹¹⁷.

¹¹⁴ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 138. Л. 240б.

¹¹⁵ Там же. Лл. 250б-26.

¹¹⁶ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 138. Л. 18. Ср. с похожим случаем в Сувальской губернии: старообрядцы деревни Николаевской отправились в сентябре 1914-го в Сейны грабить мельницу евреев Пласковских; когда те попытались сопротивляться, крестьяне вызвали казаков «ловить шпионов». Хотя никаких доказательств связей Пласковских с немцами добыто не было, командующий 10-й армией приказал 29 сентября 1914 года выслать их с театра военных действий (РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 140, ч. 1. Лл. 47, 49; там же прошение жен высланных вместе с Пласковскими Карповича и Краснопольского).

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 140. Л. 67.

В Ровно (в июле 1915-го) Иос и Вольце Юкензоны организовали шайку, занимавшуюся подложными высылками с целью шантажа. Так были арестованы братья Горенберги, одному из которых Вольце Юкензон заявил в тюрьме, что за 6500 рублей штаб 5-й Армии отменит свое распоряжение о высылке. В связи с этим делом был уволен ровенский исправник (одно из подложных распоряжений было отпечатано на его машинке)¹¹⁸. Вымогали деньги шантажом под угрозой обвинения в шпионстве и ареста также в Белостоке — и у жителей города, и у беженцев (не исключено, что, как и в Ровно, это делали сами евреи).¹¹⁹

Даже явное психическое заболевание не избавляло от угрозы высылки. Ицик Ривкин, известный в Двинске как ненормальный, следующим образом расспрашивал солдат: «я знаю, вы из 19-го полка, а есть еще 20-й». Главный начальник Двинского военного округа постановил 3 мая 1916 года отдать Ривкина на попечение родственникам либо сдать в психическую лечебницу, если же это не удастся — выслать по п. 16 ст. 19. «Правил о местностях, объявляемых на военном положении»¹²⁰. Перец Маркус в ноябре 1915-го был задержан солдатами, поскольку подсматривал в окна и бросился бежать. Врачи отказались дать однозначное заключения без длительного наблюдения, и Маркус был выслан 26 февраля 1916 года согласно п. 17 ст. 19 «Правил»¹²¹.

Следует отметить, что военные власти не всегда прибегали к высылкам, когда их просили об этом представители гражданской администрации. 7 марта 1916 года евреи Юда Матевецкий и Зельман-Юда Цадоков были арестованы в Пскове за «оскорбительные выражения» (в разговоре между собой

¹¹⁸ ЦАИЕН. НМФ/588 (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

¹¹⁹ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3, е.хр. 71. Л. 2.

¹²⁰ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 68. Лл. 418, 421. Ср. с историей Зелика Шевцовского, задержанного 10 сентября 1914 года вблизи позиций в Ломжинской губернии. Ввиду указаний на слабоумие он был передан на освидетельствование и только полтора года спустя, в феврале 1916-го, признан в Москве слабоумным и отпущен (РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 322. Лл. 812–813).

¹²¹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 322. Лл. 817–818.

с иронией отзывались о «необразованности» и «неинтеллигентности» прапорщиков русской армии, «отчего у нас все плохо»). Псковский вице-губернатор Арсеньев наложил на них 30 марта 1916 года штраф в 1000 рублей (с возможностью замены на 90 дней тюрьмы). Находя наложенное наказание недостаточным, вице-губернатор просил главного начальника Двинского военного округа выслать обоих «для примера другим». Генерал Зуев нашел «наложенные на сих двух евреев штраф и арест уже достаточным наказанием»¹²².

2 апреля 1916 года тот же Арсеньев просил Зуева выслать торопецкого купца Неуха Бравого, продававшего сахар на 3 копейки за фунт выше установленной цены (28 вместо 25 копеек), хотя задним числом Бравый получил в торговой управе разрешение на поднятие цены. Арсеньев, по его словам, не может «согласиться, чтобы поступок Бравого, игнорирующего утвержденную справочную цену с целью наживы, остался безнаказанным, так как допущенная властью уступка нарушит важность утвержденного документа... и подорвет у населения доверие представителям власти». На эту просьбу Зуев наложил лаконичную резолюцию: «Не вижу законных оснований для высылки»¹²³.

Объемы административных выслоек из Галиции поддаются относительно точному подсчету. 21 сентября 1915 года военный генерал-губернатор Галиции Бобринский образовал Особую комиссию для выяснения числа заложников и высланных из Галиции и проверки оснований для их дальнейшего содержания под стражей¹²⁴. Комиссия обнаружила, что в 16 губерниях находятся 851 заложник и 4680 административно высланных из Галиции¹²⁵. 25 высланных (из них 20 евреев) находятся в тюрьме и просят освободить их оттуда, причем причин высылки пятерых из них обнаружить

¹²² РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 78. Лл. 39–40. О разговоре евреев сообщила сестра милосердия Стефания Иваницкая — «как уроженка польского края, она понимает еврейский жаргон» и возмутилась услышанным (*Там же*. Л. 42).

¹²³ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 78. Лл. 60–60об.

¹²⁴ ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 839. Л. 6.

¹²⁵ *Там же*. Л. 26.

не удалось¹²⁶. Среди высланных, естественно, значительный процент составляли евреи. Так, из находившихся в ноябре 1915-го в Пермской губернии 1436 административно высланных из Галиции было 396 евреев¹²⁷. Согласно же отчету канцелярии военного генерал-губернатора Галиции за 9 месяцев русской власти из Галиции было выслано 365 христиан и 213 иудеев — «вредных для русской власти лиц»¹²⁸. Мотивировки высылки и здесь были вполне неопределенными: высылается «как шатающийся вблизи наших позиций», «как шатающийся без дела», «высылается для дальнейшего выселения в глубь России»¹²⁹. В Томскую губернию выслан 91 еврей (из 127 высланных туда из Галиции)¹³⁰.

После февраля 1917-го военные власти начали разрешать возвращение из ссылки. Так, 12 августа главный начальник Киевского военного округа разрешил вернуться сосланному 9 сентября 1916 года в Енисейскую губернию жителю Тульчина (Подольской губернии) Абраму Рапопорту¹³¹. Тогда же смог вернуться высланный 19 февраля 1916 года из Киева в Иркутскую губернию за укрывание краденого Моисей Саяновской¹³². 12 августа 1917 года вернулись высланные 9 декабря 1916 года в Енисейскую губернию за укрывательство дезертира Ш. Шахновская¹³³, высланный 14 августа 1916 года

¹²⁶ Там же. Л. 129–129об. Так, поляк Иосиф Войде, 58 лет, был выслан за отказ закрыть форточку в квартире (неподалеку находился телефон штаба 34-й дивизии, расположившегося в поместье, которым управлял Войде (Там же. Л. 97об).

¹²⁷ Данные на 14 июня 1916 года, любезно предоставлены киевским исследователем Владимиром Любченко.

¹²⁸ Отчет канцелярии военного генерал-губернатора Галиции с 28 августа 1914 г. по 1 июля 1915 г. С. 31.

¹²⁹ Там же. С. 32.

¹³⁰ Там же. С. 82–86.

¹³¹ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1816. Л. 68.

¹³² Там же. Л. 72.

¹³³ Там же. Л. 78.

за кражи Давид Гуревич¹³⁴ и высланный в сентябре 1915-го за покупку коровы у немецких колонистов Гринберг¹³⁵.

Как уже отмечалось, в руках военных властей высылки не служили орудием, направленным исключительно против евреев. Так, на 19 января 1915 года из Варшавского уезда было выслано 17 человек, из них 4 еврея¹³⁶. Из 45 человек, высланных из Нового Двора комендантом Новогеоргиевской крепости, было 22 еврея¹³⁷. Из сотен лиц, которым в 1914–1915 годах на основании пункта 16 «Правил о местностях, объявляемых на военном положении» варшавским генерал-губернатором и главным начальником Двинского военного округа воспрещалось проживание в Привислинском крае, евреев было меньше половины¹³⁸.

Так или иначе, именно административные высылки, нередко по недоразумению и без малейших доказательств, стали для военных властей основным и самым удобным способом решения проблемы «неблагонадежных». Практика высылки всех подозрительных лиц из прифронтовых районов объективно затрудняла работу разведки противника¹³⁹. В отличие от массовых выселений и взятия заложников, административные высылки были направлены против конкретных индивидов, а не против евреев как категории населения, и в этом смысле представляли собой вынужденный отход от более репрессивных практик, имевших коллективную направленность.

Военная цензура

Военная цензура затрагивала евреев и как индивидов (поскольку досматривалась вся почтово-телеграфная корреспонденция), и как группу населения, поскольку цензуре под-

¹³⁴ Там же. Л. 82. Прошение Гуревича весьма патетично: «Я ведь не выслан за политические преступления или за шпионство. Я невинная случайная жертва войны» (Там же. Лл. 78–79).

¹³⁵ Там же. Л. 100.

¹³⁶ APW. Kancelaria Gubernatora Warszawskiego. Referat I tajny. P. 8.

¹³⁷ Ibid. P. 9–10.

¹³⁸ Ibid. Akt. 602

¹³⁹ Звонарев К.К. Агентурная разведка. Кн. вторая. С. 68.

верглась еврейская пресса на всех языках. 20 июля 1914 года царским указом было введено в действие «Временное положение о военной цензуре», которая охватывала печатную продукцию, почтово-телеграфные отправления, а также тексты и конспекты произносимых публично речей и докладов¹⁴⁰. Военная цензура устанавливалась в полном (на театре военных действий) или частичном объеме (в тыловых районах)¹⁴¹, при этом на театре военных действий военно-цензурные отделения образовывались при штабах фронтов, армий и военных округов, вводился институт военных цензоров¹⁴².

В политическом отношении военная цензура была более либеральной, чем гражданская. Согласно телеграмме Н.Н. Янушкевича от 31 июля 1915 года за номером 2883, военным цензорам предписывалось ограничиваться лишь заботой о сохранении непосредственно военной тайны и избегать использования своих полномочий по политическому надзору. Это указание Ставки вызвало острое недовольство Совета Министров и было отменено царем 9 сентября 1915 года по представлению И.А. Горемыкина¹⁴³.

После объявления войны еврейская печать, по словам депутата Думы трудовика А.С. Суханова, заняла «ультрапатриотическую позицию», призывая российских евреев «исполнить свой долг перед отечеством, временно забыв о том гражданском бесправии, которое тяготит над ними в этом отечестве»¹⁴⁴. Примечательным для русско-еврейской печати военной поры стало появление издававшихся в Москве Д.Ш. Кумановым газет «Война и евреи» и «Евреи на войне»¹⁴⁵, стремившихся показывать героизм евреев — солдат и мирных жителей.

¹⁴⁰ «Временное положение о военной цензуре» см. Приложения к положению о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914. С. 144.

¹⁴¹ Там же. С. 145.

¹⁴² Там же. С. 146–147.

¹⁴³ Яхонтов, Арк. Первый год войны. С. 309–310.

¹⁴⁴ Цит. по: Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России. С. 489.

¹⁴⁵ Там же. В ответ Одесский союз русских людей получил разрешение на издание еженедельника «Иудеи и война» (Там же. С. 490).

В архиве М.Х. Бомаша сохранилась записка о подходе военной цензуры к сообщениям о евреях в прессе. Согласно ей, с началом войны газетам были даны инструкции не пропускать статей, натравливающих на евреев и другие национальности (турок, итальянцев), а с другой стороны — не допускать одностороннего освещения подвигов евреев.

Однако «Новое время» публиковало антиеврейские выпады без помех, тогда как «Речи» цензура не позволяла давать статьи о шпионии, обращенной против евреев; из еврейской прессы вычеркивались сообщения о несправедливых обвинениях против евреев, о хорошем отношении русской армии к евреям, об антисемитизме польской и латышской прессы и населения, а также описания бедствий выселенцев и призывы организовать им помощь¹⁴⁶.

Военная цензура пропускала откровенно антисемитские пассажи черносотенной прессы. Газета «Русское знамя» утверждала, что в полевых госпиталях евреи-врачи прививают сифилис, что «измена в крови у жидов и нельзя поручиться ни за одного жида», что евреи в действующей армии — лишь «жиденята, не успевшие уклониться от воинской повинности»¹⁴⁷. В то же время цензоры старательно зачеркивали еврейские фамилии в опубликованных списках награжденных. В мае 1915-го военно-цензурное отделение штаба Киевского военного округа запретило распространение на территории округа журналов «Война и евреи» и «Евреи на войне», при этом «Русское знамя» и «Земщина» распространялись в войсках беспрепятственно¹⁴⁸.

В первый период войны, до весны 1915-го, еврейская печать не испытывала особых, то есть направленных именно против нее, притеснений со стороны военных властей и во-

¹⁴⁶ ЦАИЕН. НМФ/583.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160).

¹⁴⁷ Цит. по: Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России. С. 491–493.

¹⁴⁸ Там же. С. 493. Ср. с требованием (июль 1915-го) штаба Минского военного округа в редакцию «Минской газеты-копейки» сообщить, «откуда было получено сведение о геройском поступке еврея Аппель, изложенном в заметке под названием “Герой-еврей”, каковая заметка была исключена военным цензором» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2011. Л. 15)

енной цензуры¹⁴⁹. Для сравнения, украинская газета «Рада» была запрещена военными властями немедленно после начала войны¹⁵⁰. Ситуация еврейской печати изменилась, когда 24 марта 1915 года главный начальник Киевского военного округа, ссылаясь на распоряжение главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, без всяких объяснений запретил «на все время военного положения в округе печатать и выпускать в свет произведения тиснения на еврейском языке»¹⁵¹. Незадолго до этого, в феврале 1915-го, военные власти решили, что любая «корреспонденция на еврейском языке, как не подлежащая пересылке, будет уничтожаться при цензуре»¹⁵². Корреспонденцию и периодические издания на еврейском и венгерском языках было приказано конфисковывать и отправлять в КРО при штабах военных округов¹⁵³.

Инструкция военным цензорам почтовых отправок в районе Двинского военного округа гласила, что «полной конфискации подлежат... почтовые оправления... на еврейском, немецком и венгерском языках или написанные русскими буквами на этих же языках... с сообщениями о беженцах и эвакуации из Галиции». Отдельные слова или фразы на немецком, еврейском и венгерском в письме должны были замазываться или заклеиваться¹⁵⁴. Эти меры

¹⁴⁹ Там же. С. 497.

¹⁵⁰ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 44. Ед. хр. 13. Л. 1. Сотрудники редакции жаловались в штаб Киевского ВО, утверждая, что в газете «нет признаков несочувствия или вражды к России...» (Там же).

¹⁵¹ Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России. С. 498.

¹⁵² Объявление ковенского губернатора Грязева: «Вследствие распоряжения Главного Начальника Двинского военного округа доводится до всеобщего сведения...», и т.д. (Ковенские губернские ведомости. 1915. № 14. 18 февраля. С. 1). Ср. с объявлением варшавского губернатора от 12 февраля 1915 года о запрете пересылки всей почтово-телеграфной корреспонденции на еврейском языке ввиду затруднения при цензурировании (ЦАИЕН. НМФ/590.В; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 167). Такое же объявление со ссылкой на распоряжение штаба Двинского военного округа ломжинский губернатор опубликовал 11 февраля 1915 года (Там же).

¹⁵³ РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 975. Л. 39.

¹⁵⁴ РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 975. Лл. 13–14. Позднее, в сентябре 1915-го, аналогичные правила были утверждены на вновь образованном Северном

означали для миллионов живущих в России евреев запрет на использование родного языка даже при личной переписке. Для самой же военной цензуры это сокращало объем работы, поскольку письма, написанные еврейскими буквами, уже считались подозрительными и досматривались особо внимательно¹⁵⁵.

Следующим шагом стало распоряжение главнокомандующих армиями Юго-Западного (от 26 июня) и Северо-Западного (от 5 июля) фронтов о закрытии еврейских газет¹⁵⁶. На основании этого распоряжения военно-цензурная комиссия Двинского военного округа 6 и 7 июля 1915 года распорядилась не разрешать выпуск и распространение газет и журналов на еврейском и немецком языках. В одном из цензурных пунктов округа был случай отправления еврейской газеты из Петрограда, за что цензор получил строгое предупреждение¹⁵⁷. В тот же день были запрещены еврейские издания в Одессе.

Всего было запрещено 7 ежедневных изданий, 1 еженедельное, 1 двухнедельное (журнал для детей) и 2 ежемесяч-

фронте его главнокомандующим Н.В. Рузским (в начале 1915-го утвердившим и запрет почтово-телеграфных отправок на еврейских языках на Северо-Западном фронте), см.: Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России. С. 504–505.

¹⁵⁵ См. оказавшиеся в фондах контрразведки 8-й Армии переводы с идиш двух писем некоего Янкеля, отправленных в Одессу из Жмеринки 1 августа 1914 года. По всей видимости сутенер, Янкель приглашал друзей привозить на фронт проституток: «...возьмите 2-х — 3-х девиц, но красивых и сейчас приезжайте... <здесь> платят по 10 и 15 и не нужно, чтобы они могли петь. Заложите последнее, чтобы получить билет...» (РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 39. Л. 77). Автор писем трогательно заботился о своей репутации: «Хотел бы поехать сам, но неудобно (из-за детей). Скрой это письмо от Анны, скажи, что писем нет» (Там же). Янкель просил также «захватить» полпуда сахара и 1 тысячу штук папирос (Там же. Л. 78). Вряд ли письма Янкеля и его друзей привлекли бы внимание цензуры и контрразведки, будь они написаны по-русски.

¹⁵⁶ Приказ по Юго-Западному фронту: «Ввиду получения не подлежащих сомнению сведений, что еврейская печать и корреспонденция на еврейском языке в значительной мере способствуют шпионству... воспретить выход и распространение газет, издающихся на еврейском языке, а всю корреспонденцию на еврейском языке конфисковать» (Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России. С. 499).

¹⁵⁷ РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 975. Л. 34.

ника. При этом две варшавские газеты на идиш имели тираж свыше 100 тысяч. 9 июля 1915 года редакторы еврейских газет Варшавы («Хацефира» — Н. Соколов, «Дер Момент» — Х. Прилуцкий, «Хайнт» — Ш. Яцкан) в своем обращении к сенатору Любимову (помощник варшавского генерал-губернатора по гражданской части), предназначенном для передачи в штаб 2-й Армии, просили об отмене запрета еврейских газет, но безрезультатно¹⁵⁸. Одновременно с запретом еврейской печати в Вильно армейское командование запретило и театральные представления профессиональной еврейской группы¹⁵⁹.

Военные власти, видимо, искренне считали еврейскую прессу источником шпионской информации для неприятеля. Как причину ее запрета современники называли страх перед «особыми непонятными знаками, близкими к еврейской азбуке», которые еврейские газеты помещали в «малозаметных мелких углах»¹⁶⁰.

Подозрительность военных властей по отношению к еврейской печати хорошо характеризует предписание Курлова военным цензорам и чинам полиции обращать особое внимание на объявления в еврейских газетах, поскольку «...наши разъезды захватили переписку немецких шпионов и офицеров германских войск, очень часто находили среди других бумаг еврейские газеты с отмеченными на них цветным карандашом различными местами в тексте и особенно в объявлениях»¹⁶¹.

После эвакуации Варшавы и Вильно меры запрета местной еврейской печати потеряли смысл. Еврейская пресса стала создаваться в Петрограде, но уже 4 ноября 1915 года

¹⁵⁸ ЦАИЕН. НМФ/581.D (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 158). В письме, поданном в тот же день министру внутренних дел, редакторы еврейских газет отмечают, что «запрет еврейской печати явился для всего еврейского общества незаслуженным тяжелым моральным ударом...» (Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России. С. 502).

¹⁵⁹ Там же. С. 500.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ ЦАИЕН. НМФ/581.D (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 158). То же: Архив русской революции. Т. XIX. С. 283.

петроградский градоначальник князь А.Н. Оболенский, руководствуясь указаниями штаба Северного фронта и Петроградского военного округа, приостановил на время военного положения выход в свет всех еврейских повременных изданий в Петрограде¹⁶².

Официально еврейские языки были приравнены к вражеским в подписанном М.В. Алексеевым 10 февраля 1916 года распоряжении о повсеместном запрещении приема, пересылки и доставки почтовых отправок на еврейском, а внутри России и на немецком языке¹⁶³.

Еврейская печать была не единственной национальной прессой, преследуемой военными властями, гонениям подвергались и издания на кавказских и прибалтийских языках, а также на украинском¹⁶⁴.

Ограничения и запреты, наложенные военной цензурой в 1915 году, сильно изменили жизнь еврейского населения России. Невозможность отправить письмо или прочитать газету на родном языке была серьезным стеснением.

Запрет передвижений

Ограничения на свободу передвижения евреев в прифронтной полосе начались с первых дней войны. С объявлением мобилизации «допуск евреев и всех подозрительных» лиц в крепости был «безусловно воспрещен». Допускались туда лишь подрядчики-евреи, а с января 1915-го пускать в крепост-

¹⁶² В проекте обращения еврейских депутатов Думы министру внутренних дел, еврейские депутаты писали, что «распоряжение это по сути незаконно и ссыла на приказание Главнокомандующего Северным фронтом не устраняет его не закономерности» (ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 157). Немецкоязычные газеты и журналы были закрыты через два месяца после еврейских, в декабре 1915-го (Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России. С. 506)

¹⁶³ Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России. С. 505.

¹⁶⁴ Там же. С. 503. Борьба за отмену жесточайших ограничений на еврейскую и украинскую печать координировалась депутатами Думы (Там же. С. 504)

ные районы перестали и их. Теперь они должны были вести свои дела через надежных русских доверенных¹⁶⁵.

Согласно уже неоднократно упомянутому объявлению русского командования, опубликованному в январе 1915-го, чтобы оградить «...наши войска от шпионажа, которым евреи занимаются на всем нашем фронте, Верховный Главнокомандующий воспретил евреям пребывание в районе Армии...»¹⁶⁶. Вскоре последовали и практические шаги по его реализации. Постановлением военного генерал-губернатора Галиции графа Бобринского от 13 февраля 1915 года полностью воспрещались въезд евреев, в том числе поставщиков, в Галицию, а также переезд евреев из одного района Галиции в другой¹⁶⁷.

Ограничивали право евреев на свободу передвижения и отдельные армии. Так, приказ по 3-й Армии от 20 сентября 1915 года объявлял еврейскому населению, «что ему воспрещается свободное передвижение между населенными пунктами», особенно строго воспрещалось передвижение с востока на запад. Евреев предупреждали также, что

всякий населенный пункт, где будут обнаружены евреи, сносящиеся с противником и способствующие его действиям, будут немедленно очищены от евреев... и, таким образом, еврейское население, в собственных интересах, должно бороться с неблагонадежным и пришлым элементом...¹⁶⁸

Военные власти видели в контроле за передвижениями в прифронтовой полосе важную часть своих полномочий и внимательно рассматривали поступающие просьбы о разре-

¹⁶⁵ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 63 (комендант Усть-Двинской крепости — штаб Двинского военного округа, 2 февраля 1915 года).

¹⁶⁶ Архив русской революции. Т. XIX. С. 250.

¹⁶⁷ Архив русской революции. Т. XIX. С. 251. Виновные в нарушении этого постановления должны были подвергаться высшим административным наказаниям, имевшимся в арсенале военных властей — штрафу до 3 тысяч рублей или заключению в тюрьму до трех месяцев. Ср. объявление главного начальника снабжения армий Юго-Западного фронта «о допуске в район действующей армии только с разрешения штаба фронта» (Ковенские губернские ведомости. 1915. № 12 (4 февраля). С. 1).

¹⁶⁸ Архив русской революции. Т. XIX. С. 266.

шении на передвижения. Собиравшиеся в поездку жители, в том числе евреи, должны были подробно обосновывать свои просьбы. Так, к начальнику Двинского военного округа обратился «со смиренным ходатайством» Абрам–Юдель Эйдельс. Доказывая, что он «воспитан в духе патриотизма» и является «верноподданным моего Государя и верным сыном дорогого мне Отечества», Эйдельс просил всего лишь позволения провести каникулы в имении дяди в Сувалкской губернии. Главный начальник округа не взял на себя смелость решить этот вопрос и сообщил Эйдельсу, что «с ходатайством провести каникулы в имении Будвицы... ему следует обратиться к командующему 10-й Армией»¹⁶⁹.

Просьба группы варшавских евреев разрешить им выезд для сбора урожая в арендованные ими же фруктовые сады стала предметом оживленной переписки между штабом 2-й Армии и Варшавским жандармским управлением, включающей запросы штаба армии о благонадежности евреев¹⁷⁰. Разрешения на въезд в «уязвимые» с точки зрения военных властей районы рассматривались особенно внимательно. Например, в декабре 1915-го сама Ставка посчитала нежелательным въезд учащих евреев в город Могилев и окрестности¹⁷¹.

В случае просьб о получении заграничного паспорта полиция также запрашивала согласия военных властей. Так, 30 декабря 1914 года варшавский полицмейстер запросил КРО при штабе 2-й Армии, можно ли выдать заграничный паспорт жителю Варшавы Беньямину Берлинеру, желающему уехать в Англию. Штаб Армии ответил, что «компрометирующих сведений на Берлинера в делах контрразведывательного отделения не имеется, но ... ходатайство Берлинера желательно отклонить»¹⁷². В другом случае штаб 2-й Армии согласился на выдачу паспорта Хане–Ривке Собальской¹⁷³.

¹⁶⁹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 69. Лл. 24–25.

¹⁷⁰ Там же. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 69. Лл. 954–963. Из дела не видно, было ли разрешение дано.

¹⁷¹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 49. Л. 216.

¹⁷² Там же. Лл. 22–23 (ответ от 4 января 1915 года).

¹⁷³ Там же. Лл. 156–165 (разрешение от 7 июня 1915 года).

Средством контроля за передвижениями евреев были выдаваемые военными властями пропуска/разрешения на передвижения. Представление о характере таких документов дает пропуск этапного коменданта жителю города Несвиж Абраму Шимшелевичу Минцу: Минцу разрешалось отправиться до станции Старые Дороги и обратно для проводов дочери Любы, среди прочего указывались приметы Минца¹⁷⁴.

Как мы уже видели, отсутствие пропуска само по себе служило достаточным основанием для высылки в отдаленные районы Империи. Пропуска на право передвижения выдавали и гражданские власти, правда, военные не считали себя ими связанными. Так, 13 июля 1915 года купец 2-й гильдии Б.М. Сурдутович, получив от ковенского губернатора Грязева разрешение с печатью поехать на два дня по делам в район поголовного выселения евреев, отправился в Вилькомир. В городе ему сказали, что здесь «рыскают казаки, ищут жиденка, чтобы повесить». Сурдутович отправился к коменданту, тот при его виде закричал: «Откуда тут появились жидашпионы». Затем комендант порвал пропуск губернатора и заорал: «Грязев — мерзавец. Как он смел давать пропуск жидам-шпионам в военное время». «Я тебя обвиняю в шпионстве», — сказал комендант и обратился к стоявшим тут казакам: «Что, братцы, уличите его в шпионстве». В конце концов, после удостоверения личности Сурдутовича местным жителем, комендант сказал: «Ты свободен. Но чтобы в течение двух секунд тебя не было в моем районе». На просьбу дать взамен порванного пропуска другой, комендант ответил: «Я тебя не звал. А если что и случится, буду рад — одним жидом-шпионом будет меньше»¹⁷⁵.

В целом, прокламируемые военными властями ограничения и запреты на доступ евреев в районы непосредственного расположения войск и серьезный контроль за передвижениями в прифронтовой полосе служили одной цели — обеспечить «пассивную», через минимизацию непосредственных

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Сурдутович дал полицейскому два рубля, и тот вывел его из города. Весь эпизод: ЦАИЕН. НМФ/588.В (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

контактов, «защиту» русской армии от евреев. Эта возводимая вокруг армии стена была призвана оградить ее от евреев — поставщиков и подрядчиков, а также от евреев в рядах помогавших армии волонтерских организаций.

*Евреи — поставщики и подрядчики,
евреи в волонтерских организациях*

Согласно правилам, утвержденным Военным Советом еще до войны, в 1913-м, евреи не могли быть доверенными от других лиц по подрядам и поставкам всюду, где им самим не разрешалось быть подрядчиками. Правилами было предложено тщательно рассматривать права евреев на участие в поставках, то есть стараться такое участие ограничить¹⁷⁶. При этом было установлено, что евреи, живущие в черте оседлости, поставщиками во внутренних губерниях быть не могут¹⁷⁷.

Однако с началом войны для военных властей стало очевидным, что евреи играют видную роль в поставках для действующей армии. Главный начальник снабжения армий Юго-Западного фронта Маврин был этим озабочен и писал 18 декабря 1914 года:

До моего сведения дошло, что некоторые официальные потребительские общества, находящиеся в подведомственном мне районе театра военных действий, содержат на службе агентов из евреев и даже переуступают свои полномочия евреям... Находя совершенно непристойным присутствие евреев во главе официальных экономических и потребительских обществ... воспрещаю передавать свои полномочия евреям и держать агентов-евреев¹⁷⁸.

¹⁷⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 431. Л. 100б.

¹⁷⁷ Там же. Л. 28. В конце 1915-го, когда штаб Северного фронта проводил выселение евреев из Пскова, два подрядчика, Зерф и Гордон, обратились с просьбой оставить их в городе. Сенат и Военный Совет постановили, что отмена ограничений на жительство евреев вне Черты не отменяет довоенных правил и Зерф и Гордон не имеют права заниматься подрядами за пределами Черты (Там же).

¹⁷⁸ Архив русской революции. Т. XIX. С. 248.

По всей видимости, на уровне фронтов проблема решена не была, поскольку одним из способов снабжения частей были их собственные закупки. И тогда появилось приказание самого Верховного Главнокомандующего «О злоупотреблениях, при посредстве коих евреи получают возможность участвовать в поставках для нужд действующей армии» (приказание № 63 от 23 августа 1915 года):

Некоторые войсковые части и учреждения выдают евреям удостоверения на закупку, но без указания количества закупаемого и района, где закупать. Евреи затем снимают с этих удостоверений большое количество копий и раздают своим единомышленникам, которые получают возможность производить закупку хлеба, лошадей и перевязочных средств по всей империи. Для прекращения столь вредной деятельности евреев: 1. Запретить выдавать частным лицам удостоверения на закупки... 2. Все уже выданные удостоверения безотлагательно отобрать и уничтожить¹⁷⁹

На местах распоряжение не покупать товары у евреев сводилось к конкретным именам и фирмам. Приказ по Витебской пешей дружине от 25 августа 1915 года требовал покупать леденцы для нижних чинов (вместо отсутствующего в продаже сахара) не у местных еврейских фирм, «так как в конфетах еврейских фабрикаций много вредного для здоровья»¹⁸⁰.

Приказ по Двинскому военному округу от 28 сентября 1916 года запрещал войскам производить закупки у еврея Наймана, владельца складов телефонных аппаратов и т.п. «ввиду подозрительной деятельности последнего»¹⁸¹.

¹⁷⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 431. Л. 30. Командование и ранее старалось не допустить участия евреев в закупках. Приказ по 4-й Армии от 30 января 1915-года гласил, что «Главномандующим армиями Ю-З. Фронта был встречен в г. Холме в кругу единоплеменников нижний чин еврей, командированный... за покупкой фуража в г. Владимир-Волынский», так что было приказано «впредь таких поручений нижним чинам евреям не давать и от частей команд nowhere не отпускать» (Архив русской революции. Т. XIX. С. 249).

¹⁸⁰ Архив русской революции. Т. XIX. С. 262.

¹⁸¹ ЦАИЕН. НМФ/589 (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 166). Этот приказ

Еще одной «заботой» военных властей самого высокого уровня было стремление не допустить эксплуатации евреями-перекупщиками местного христианского населения. Когда в январе 1915-го крестьяне из Цириной волости Новогрудского уезда Минской губернии обратились с жалобой к Верховному Главнокомандующему на местные власти, почитающие евреев, реакция Ставки была очень жесткой. Крестьяне насушили 607 пудов сухарей, забракованных интендантством как непросушенные. Сухари были затем перепроданы волостным старостой евреям Файну и Иоселевичу по 1 рублю 20 копеек за пуд. Евреи же пересушили сухари и продали в казну. Крестьяне возмущались таким надувательством. Н.Н. Янушкевич, как и в других случаях, касающихся евреев, требовал решительных мер: «...в случае подтверждения — виновных предать суду, евреев-перепродавцов выслать»¹⁸².

Другой пример «заботы» о местном населении продемонстрировал штаб Юго-Западного фронта в условиях хаоса повальной эвакуации при «большом отступлении» 1915-го. 3 июля 1915 года главный начальник снабжения армий фронта генерал Маврин сообщал на места губернаторам, что евреям запрещается покупать у беженцев и колонистов скот, лошадей, сельхозорудия, живность и движимое имущество. За нарушение приказа следовало отбирать у евреев купленное и подвергать их тюремному заключению до трех месяцев¹⁸³.

Насколько предпринятая военными властями попытка избавиться от подрядчиков-евреев была успешной? Как мы видели, в феврале 1915-го военными властями был полностью воспрещен въезд евреев в Галицию. Доклад графа Бобринского в штаб Юго-Западного фронта от 1 мая 1915 года описывает ситуацию с поставками для войск после этого запрета. Генерал-губернатор отмечает, что с момента запрета постоянно возникает вопрос о подрядчиках-евреях. Сначала главнокомандующий Юго-Западным фронтом указал, что поставщики-евреи, работавшие до 1 марта, могут оставаться и

был дублирован приказом по 1-й Армии.

¹⁸² РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 68. Лл. 377–380.

¹⁸³ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1728. Л. 39.

до 1 мая. После обращения штаба 9-й Армии, сетовавшего на проблемы с поставками для войск, штаб фронта разъяснил, что и после 1 мая 1915 года евреи могут быть поставщиками — однако без права въезда в Галицию, а действуя через других лиц. По мнению генерал-губернатора Галиции, осуществить эти правила оказалось почти невозможно, поскольку евреи контролируют всю торгово-промышленную жизнь в Галиции и в Юго-Западном крае и 75 процентов всех поставок армии, а реальная конкуренция с ними невозможна. «Явление это, конечно, печальное, но с ним приходится считаться», — отмечал Бобринский и добавлял, что сами войска просят оставить евреев поставщиками, ведущими дела непосредственно или через доверенных лиц-евреев. Поэтому приходится «в отдельных случаях» все же давать им разрешение на въезд в Галицию¹⁸⁴.

Более однозначной виделась ситуация командованию Северного фронта. 11 декабря 1915 года исполняющий должность начальника штаба фронта М.Д. Бонч-Бруевич сообщил главному начальнику снабжения фронта об обнаружении евреев-подрядчиков:

Мною получены сведения, что на станции Псков производятся срочные работы, причем подрядчиками состоят евреи Шлема Гутковский и Хевель Кремер. При указанных лицах проживают и их семьи. Т.к. (они) лишь подрядчики, то я полагаю, личное их проживание в Пскове, а тем более их семей, совершенно не является необходимым условием успешности... работ. Вместе с

¹⁸⁴ ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Лл. 940б-950б. В ответ из штаба фронта поступила телеграмма генерала Эльснера от 3 мая 1915 года, разрешившая евреям вести дела через посредников. Эльснер также запрашивал Бобринского, достаточно ли этого, или следует просить Главнокомандующего фронтом о разрешении на въезд евреев в Галицию (*Там же*. Л. 99). Анекдотичный факт — сам начальник жандармского управления Галиции полковник Мезенцов пользовался услугами еврейских поставщиков, которым официально был запрещен въезд в генерал-губернаторство. 19 мая 1915 года купец Гохфельд, задержанный на станции Волочиск, телеграфировал Мезенцову во Львов и просил дать распоряжение жандармскому ротмистру в Волочиск пропустить его («везу Вам вещи от супруги съестные»). Естественно, Мезенцов просил ротмистра Мартенса пропустить Гохфельда (*Там же*. Ф. 365. Оп. 1. Д. 31. Лл. 57–58).

тем... с точки зрения военных интересов является нежелательным, чтобы к производству работ на Северо-Западной железной дороге... привлекались лица еврейской национальности¹⁸⁵.

Северо-Западная железная дорога не только пригласила евреев выполнять работы в Пскове, но и обратилась в штаб фронта с просьбой разрешить въезд в Ригу 14 поставщикам, из которых 13 были евреями. КРО штаба Северного фронта выступило резко против: «...с точки зрения военных интересов является крайне нежелательным допуск евреев к производству работ для нужд обороны страны», евреи были проводниками германских войск, они выступают «предателями» и «жестокими притеснителями» на занятых неприятелем территориях и в плену.

Предлагая отклонить ходатайство железной дороги, контрразведка фронта сослалась и на наложенную М.В. Алексеевым резолюцию на донесении о том, что евреи ведут усиленную революционную работу: «Принять исключительно крутые меры... иного способа борьбы не будет»¹⁸⁶. Решение М.Д. Бонч-Бруевича ввиду столь умело подобранной аргументации было вполне ожидаемым. Он не только не дал положительный ответ на запрос железной дороги, но и просил «поднять общий вопрос изгнания евреев-подрядчиков, ибо это верные шпионы»¹⁸⁷. 14 января 1916 года последовало приказание главнокомандующего армиями Северного фронта П.А. Плева о том, чтобы евреи «подрядчиками по разного рода поставкам для нужд армии в районе ТВД не назначались, ввиду заподозренности большинства евреев в причастности к военному шпионству»¹⁸⁸.

Частью борьбы военных властей за минимизацию контактов войск с евреями были и попытки очистить от них поможавшие фронту так называемые «общественные организа-

¹⁸⁵ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 431. Л. 14. В качестве справки Бонч-Бруевич приложил цитированное выше приказание Верховного Главнокомандующего от 23 августа 1915 года.

¹⁸⁶ *Там же*. Лл. 19–20.

¹⁸⁷ *Там же*.

¹⁸⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 431. Л. 22.

ции» (Земский и Городской союзы). К концу 1915-го между военными властями и полицейскими структурами развернулась активная переписка с целью выяснить масштабы революционной пропаганды, будто бы ведущейся евреями¹⁸⁹. Одним из мест, где были обнаружены подозрительные евреи, оказались органы Земгора (например, на Юго-Западном фронте среди персонала Земгора было 9,3 процента евреев (6,1 процента среди мужчин, 17,5 — среди женщин)¹⁹⁰. Масла в огонь подлило попавшее в Ставку обращение оршанского предводителя дворянства от 4 ноября 1915-го, согласно которому на некоторых питательных пунктах Всероссийского Земского союза для окопных рабочих персонал состоял исключительно из евреев. «Именно в тех местах, где роют окопы, не место лицам неизвестного и сомнительного происхождения, могущих легко снять планы местности... Такие питательные организации могут легко обратиться в места, где питается и раздувается брожение и недовольство правительственной властью». К тому же рабочие питаются так скверно и скудно, что среди них начались эпидемические заболевания¹⁹¹.

27 декабря 1915 года начальник штаба Верховного и реальный руководитель русской армии М.В. Алексеев сообщил главноуполномоченному Всероссийского Земского союза князю Г.Е. Львову: «...в учреждения Всероссийского Земского союза принимаются на службу лица еврейского происхождения, среди которых есть уклоняющиеся от воинской повинности или стремящиеся проникнуть в действующую

¹⁸⁹ См. выше переписку КРО штаба Северного фронта с Департаментом полиции о ЕКОПО, письмо П.А. Плева М.В. Алексееву и совпадающий с ним текстуально циркуляр К.Д. Кафафова.

¹⁹⁰ Löwe H.-D. The Tsars and the Jews. P. 327.

¹⁹¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4с. Д. 109. Л. 70. См. справку, составленную КРО штаба Северного фронта: «Ко всем сведениям в донесениях из армий о враждебном отношении к нашим войскам евреев, шпионаже, порче средств сообщения и даже... стрельбы в войска во время минувшего отступления, <были> получены данные... о евреях в питательном пункте на окопных работах. К тому времени имелись сведения, что в Союзе Городов и других организациях служит масса евреев» (РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 864. Л. 10).

армию со специальной целью партийной агитации» и потребовал устранить еврейский «элемент» из службы в Союзе¹⁹².

8 января 1916 года последовало предписание о увольнении всех евреев из земских организаций Северного фронта, дополненное затем отказом оставить хотя бы евреев-медиков¹⁹³. Еще через несколько дней (19 января) М.В. Алексеев лично обратился к начальнику Земгора Западного фронта В.В. Вырубову: «Прошу о незамедлительном увольнении из инженерно-строительных дружин всех евреев без исключения; если же без евреев нельзя обойтись, то лучше совершенно отказаться от помощи таких дружин <курсив мой — С.Г.>»; Вырубов «принял к исполнению» распоряжение Алексеева¹⁹⁴. К марту 1916-го М.В. Алексеев все же согласился не увольнять немедленно всех евреев, потребовав лишь сократить «постепенно число евреев в указанных организациях до 5%» и полностью удалить их из санитарных поездов¹⁹⁵.

В июле 1916-го Ставка вновь запросила командование Северного фронта, верны ли сведения МВД о переполнении общественных организаций евреями, об их «пренебрежительном и даже враждебном» отношении к нижним чинам, о «собираании сведений о наших войсках и передаче их противнику», а также о «крутящихся» при общественных организациях проститутках¹⁹⁶.

Ответы армий фронта свидетельствовали, что избавиться от евреев пока не получалось: в 12-й Армии в общественных организациях было 8 процентов евреев, «упомянутых случаев» враждебности и шпионажа не наблюдалось. В 1-й Армии действовал отряд ОЗЕ, «случаи появления женщин с удостоверениями общественных организаций были». В 5-й Армии в общественных организациях служило три процента евреев, «упомянутых случаев» не было. Официальный ответ главно-

¹⁹² Архив русской революции. Т. XIX. С. 272.

¹⁹³ Там же. С. 267; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 864. Л. 10.

¹⁹⁴ Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. С. 472; Архив русской революции. Т. XIX. С. 272.

¹⁹⁵ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 864. Л. 1.

¹⁹⁶ Там же. Л. 17.

командующего Северным фронтом Н.В. Рузского сводился к тому, что «сведения... не вполне <?! — С.Г.> подтвердились»¹⁹⁷.

На Западном фронте темой активной переписки командования стал вопрос об оставлении на службе евреев-медиков. Вначале, 29 февраля 1916 года главнокомандующий А.Е. Эверт разрешил работу медицинского персонала из евреев на позициях, но не в дружинах Земгора. Затем было повторное требование от 12 марта 1916 года удалить всех евреев, кроме врачей. Наконец, через две недели было разрешено оставить сестер милосердия и фельдшеров — евреев, хотя это и «нежелательно»; а «вовсе недопустимо» было иметь евреев-санитаров и хозяйственных чинов¹⁹⁸. В июне 1916-го вновь было запрещено нахождение евреев и евреек в учреждениях Земского союза, за исключением врачей, зубных врачей и лиц, обслуживающих беженцев-евреев¹⁹⁹.

В основе попыток избавиться от квалифицированной помощи евреев, стремившихся помочь фронту в рядах волонтерских общественных организаций, лежали прежде всего убежденность в их неблагонадежности (политической в том числе) и страх перед их разлагающим присутствием в тылу. В приказе по частям Юго-Западного фронта в январе 1916-го этот страх был выражен вполне откровенно:

Ввиду начавшейся противоправительственной военной пропаганды евреями-врачами и санитарями в санитарных поездах является крайняя необходимость принять такие меры, каковые бы не только способствовали бы прекращению революционной пропаганды, но и в корне пресекали бы всякую возможность

¹⁹⁷ Там же. Лл. 389, 43, 69. Ответ Рузского от 30 декабря 1916. Еще в январе 1917-го Ставка сообщала принцу А.П. Ольденбургскому, руководившему санитарной частью армии, что приказ о полном удалении евреев общественными организациями не выполняется (*Там же*. Л. 68).

¹⁹⁸ Архив русской революции. Т. XIX. С. 276–277. Тогда же был вновь подтвержден запрет допускать подрядчиков-евреев — на этот раз к обслуживанию эвакуационных пунктов (*Там же*. С. 278).

¹⁹⁹ Там же. С. 279. Например, вплоть до «замены медицинского персонала иудейского вероисповедания» была закрыта военная больница в Дуниловичах, где содержалось немало тифозных больных (Архив русской революции. Т. XIX. С. 283).

появления в будущем пропаганды со стороны евреев (врачей и санитаров). Ввиду этого главный начальник снабжения армий Юго-Западного фронта приказал для прекращения преступной пропаганды в санитарных поездах воспретить зачисление в санитарные поезда и другие подобные учреждения евреев, врачей и санитаров, отправляя названных лиц в такие места, где условия мало благоприятствуют развитию пропаганды, как например, на передовые позиции, для работы на перевязочных пунктах, уборки раненых с полей сражений... (и т.д.)²⁰⁰

Таким образом, военным руководством России в 1915–1916 годах было потрачено немало сил на то, чтобы ограничить, а в идеале и полностью исключить возможность использования армией услуг евреев — поставщиков и профессионалов-медиков²⁰¹. Все подобные ограничительные меры носили со стороны властей пассивный, «оборонительный» характер и свидетельствовали о тупике, в котором оказалась вся еврейская политика командования русской армии.

Еврейская политика военных властей: итоги

Мы подробно описали причины и практические проявления характерного образа мыслей русских военных, видевшего в евреях «проблемную», изначально нелояльную и склонную к предательству группу населения. С точки зрения русского командования, на театре военных действий существовала «еврейская проблема», которую оно пыталось решить, пользуясь широкими полномочиями, предоставленными воен-

²⁰⁰ Архив русской революции. Т. XIX. С. 248–249. Ср. с двумя приказами по 5-й Армии, входившей в состав Северного фронта — от 20 января 1916 года со ссылкой на главнокомандующего армиями фронта приказ не назначать в команды связи и войсковые санитарные команды нижних чинов немцев или евреев, а 2 февраля 1916 года запрет «иметь нижних чинов-евреев в качестве телеграфистов, телефонистов... санитарями и особенно писарями»; за неисполнение последнего приказа предусматривалось предание военному суду (*Там же*. С. 273).

²⁰¹ Возможно, стремление «очистить» от евреев общественные организации диктовалось осознанием того, что последние фактически превращались в параллельные государству структуры управления (*Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели. С. 228).

ным властям актами военного времени. В январском (1915) объявлении Ставки в сконцентрированной форме излагаются обвинения против евреев и намечается ряд практических мер для исправления ситуации: выселения, в том числе в сторону неприятеля, взятие заложников, ограничения на передвижения в прифронтовой полосе. Практические меры, предпринимаемые по адресу евреев, носили более или менее выраженный репрессивный характер и должны были либо обеспечить лояльность евреев с помощью страха перед выселениями и казнями заложников, либо хотя бы ограничением контактов с ними минимизировать приносимый евреями возможный «вред».

Чтобы оценить масштабы достижения командованием этих целей, вернемся к уже цитировавшемуся документу — письму командующего 11-й Армией Д.Г. Щербачева генерал-губернатору Галиции графу Бобринскому (май 1915-го). Щербачев фактически расписывается в бессилии всемогущего, казалось бы, режима военного управления реально решить еврейскую «проблему»: «Средства борьбы с евреями крайне ограничены» — предание полевому суду требует несомненных улик, что в большинстве случаев недостижимо; высылка евреев в сторону неприятеля нежелательна, поскольку «помимо трудности осуществления... она дает возможность противнику получить агентурные сведения от своих шпионов... и от всех евреев...»; высылка же в тыловые районы дает неприятелю сеть агентов в тылу русских войск, а при отступлении русской армии ей приходится действовать среди неблагонадежного населения. Наконец, выселения евреев вглубь России ведут к большим расходам казны, транспортным трудностям и к возможности занесения в Россию «заразы политической и инфекционной», неизбежной «при давно уже установленной физической и нравственной нечистоплотности еврейского населения»²⁰².

²⁰² ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Лл. 77–78об. В качестве решения Щербачев предложил совершенно фантастическую «особую меру» — поголовное выселение всех галицийских евреев в резервацию на границе с Румынией (*Там же*).

Описанные причины неэффективности, с точки зрения командования, наиболее вызывающей меры борьбы с евреями — выселений, обходят молчанием еще один аспект проблемы, очевидный, например, для М.В. Алексева.

Речь идет о резко отрицательном политико-пропагандистском эффекте как внутри страны, так и за рубежом, вызванном массовыми репрессиями против еврейского населения, а также ударом по экономике прифронтовых районов, то есть в конечном счете по обороноспособности страны. Волна протестов против антиеврейской политики военных властей докатилась до Совета Министров, обратившегося в Ставку с требованием смягчить принимаемые огульно против еврейского населения меры²⁰³.

В ответ Н.Н. Янушкевич сообщил, что «все принятые в отношении евреев... репрессивные меры» считает «весьма слабыми» и готов усилить их «в еще более значительной степени». Генерал Янушкевич пояснил свою позицию:

Не соображения тягостного экономического положения еврейской бедноты со всеми его последствиями для населения местностей, служащих пунктами водворения, — не отношение общественного мнения союзных нам держав к постановке данного вопроса, — ни даже настроение биржевых кругов, состоящих под подавляющим влиянием евреев, — а те практические затруднения, которые неминуемо должны возникнуть у гражданских властей по приведению в исполнение массовой высылки евреев из постоянных мест их жительства, являются существенным препятствием к усилению репрессий²⁰⁴.

Смена высшего командования русской армии летом 1915-го изменила тональность еврейской политики военных властей. Столкнувшись с невозможностью очистить от евреев прифронтовую полосу и не допуская мысли о поголовном физическом истреблении евреев, командование переходит к «оборонительной» тактике, стремясь лишь «избавиться» от

²⁰³ *Яхонтов, Арк.* Первый год войны. С. 292–293.

²⁰⁴ *Там же.* С. 294.

них там, где они особенно заметны — в печати на иврите и на идиш, в поставках для армии, в участии в органах Земгора.

Если до середины 1915-го самыми частыми обвинениями против евреев были поголовный шпионаж в пользу неприятеля и стремление уклониться от службы на передовой²⁰⁵, то к концу этого года начинает превалировать обвинение в революционной пропаганде и подрывной политической деятельности²⁰⁶.

Возможным объяснением такой смены главного мотива обвинений может служить, в частности, развернувшаяся в ноябре 1915-го — марте 1916-го борьба между Ставкой и МВД по вопросу контроля над карательными и полицейскими полномочиями системы военных властей.

МВД (в частности, товарищ министра С.П. Белецкий) утверждало, что органы военной контрразведки на театре военных действий не обращают внимания на антиправительственную подрывную деятельность, сосредоточившись на борьбе с «чистым» шпионажем. Соответственно, специалисты политического сыска из МВД стремились получить под свой контроль и армейскую контрразведку, и механизмы высылки с театра военных действий²⁰⁷.

²⁰⁵ Отсюда, например, приказ от 31 марта 1915 года — «всех евреев нижних чинов, годных к строевой службе и находящихся ныне в тыловых учреждениях, немедленно перевести в запасные батальоны, в коих выдержать их для обучения шесть недель, после чего отправить в полки, где иметь под особым наблюдением» (Архив русской революции. Т. XIX. С. 252–253).

²⁰⁶ Это не значит, что евреи превратились, с точки зрения командования, в более хороших солдат. Напротив, М.В. Алексеев (уже начальник штаба Верховного Главнокомандования) сообщал 8 декабря 1915 года военному министру, что по данным штаба Юго-Западного фронта к противнику «часто перебегают солдаты-евреи и выдают наше расположение». Главнокомандующий армиями фронта приказал точно регистрировать в частях без вести пропавших евреев. «Для предотвращения возмутительного явления» Алексеев собирался применять «репрессивные меры по отношению к имуществу и родным без вести пропавшего еврея» и сообщал о таких планах председателю Совета Министров и министру внутренних дел (ЦАИЕН. НМФ/590.Е; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 167).

²⁰⁷ *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка. С. 43–47. Ставка резко возражала против предложений МВД, и проект был «похоронен» (*Там же*).

Возможно, старавшееся застраховаться от обвинений в излишней мягкости к политической крамоле, командование по мере возможности и стремилось «оградить» войска и население прифронтовых районов от «разлагающего» влияния евреев.

Симптоматично, что такой действительно крупный военный и государственный деятель, как М.В. Алексеев, относившийся к евреям вполне прагматично и без личной враждебности, став с августа 1915-го начальником штаба Верховного Главнокомандования, неустанно продвигал принятие «самых решительных» мер против евреев, «очищал» от евреев общественные организации, советовал применять репрессии против семей евреев, сдавшихся в плен, и т.д.²⁰⁸

Предпринятые русскими военными властями «оградительные» меры против евреев, как и массовые выселения, продемонстрировали свою ограниченную эффективность. Евреи по-прежнему оставались в составе медицинских и других волонтерских отрядов в прифронтовой зоне. Несмотря на все запреты и ограничения, евреи во многих местах продолжали выполнять заказы Земгора и чувствовали себя неплохо даже чисто экономически²⁰⁹.

Безотказным инструментом для военных властей оставались активно применявшиеся индивидуальные административные высылки, но вряд ли их можно считать решающим аргументом в амбициозной борьбе за обеспечение лояльности

²⁰⁸ Неудивительно, что описывавший события в Ставке с позиции «стороннего наблюдателя» М.К. Лемке, весьма уважавший Алексеева, замечает по поводу его антиеврейских шагов: «что-то я начинаю сомневаться в уме Алексеева» (*Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. С. 276).

²⁰⁹ По мнению Л. Штернберга, в городе Д. (видимо, Двинск) в начале 1917-го «заработки большие и в общем населению живется лучше, чем до войны. Повышенное благосостояние чувствуется во всем, его читаешь на лицах прохожих, в тоне бесед, в оживлении, царящем в лавках, на базаре... сказала здесь всю еврейскую предприимчивость» (*Штернберг Л.* На фронт с подарками // Еврейская неделя. 1917. № 19–20. С. 25). Похожая ситуация сложилась в Речице (Могилевской губернии), город во время войны очень разбогател и «продолжает хорошо зарабатывать», а также в соседнем с Речицей Мозыре (Дело помощи. 1917. № 4. С. 33, 37).

евреев, провозглашенной русским командованием по крайней мере с января 1915-го.

Даже в большей мере, чем евреи, испытали на себе предубеждение и враждебность военных властей этнические немцы, подданные как Германии, так и России. Репрессивные меры против них, предпринимаемые с начала войны, включали выселение в отдаленные районы военнообязанных — иностранных подданных, и поголовное выселение немцев-колонистов, в том числе и российских подданных (даже проживавших в городах)²¹⁰.

В отличие от евреев, большинство проживающих в России немцев русского подданства не имело и сразу стало объектом репрессий²¹¹. За годы войны (прежде всего в 1915-м) было выслано около 256 тысяч иностранных подданных, прежде всего немцев²¹². Что касается немцев — российских подданных, то только с Волыни их было выселено около 116 тысяч из 211 тысяч, проживавших там до войны (в одном июле 1915-го с Волыни было выселено более 67 тысяч немцев)²¹³. Как и по отношению к евреям, репрессии против немцев основывались лишь на подозрении, на предположении, что они будут враждебны русской армии. Так, командующий 8-й Армией Брусилов просил 4 мая 1915 года генерал-губернатора Галиции немедленно удалить из полосы действия армии немецких колонистов «как могущих действовать нам во вред»²¹⁴. Н.Н. Янушкевич в своем отношении главному начальнику

²¹⁰ Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. P. 122–137. См. также: РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1729. Л. 44.

²¹¹ До войны в Царстве Польском жило 423 тысячи протестантов (немцев), лишь 64 тысячи из них имели русское подданство. Варшавская заря. 1915. № 9. 9 января. С. 4).

²¹² Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. P. 127.

²¹³ *Ibid.* P. 135, 136.

²¹⁴ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 39. Л. 220. На основании подозрения высылались немцы и литовцы из Сувалкской губернии (*Там же*. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 140, ч. 1. Лл. 14, 28, 85, 92, 117, 128). О высылках представителей прибалтийского немецкого дворянства см.: Андреева Н.С. Прибалтийские немцы и Первая Мировая война // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков. СПб., 1999. С. 467–472.

Киевского военного округа от 12 июня 1915 года высказывал удивление, что еще не выселены окончательно колонисты из Волынской и других пограничных губерний, «являющиеся готовою базой для германского нашествия»²¹⁵. Армейская контрразведка и полиция активно следили за этническими немцами в прифронтовой полосе, при малейшем подозрении арестовывая их²¹⁶.

В отличие от того, что происходило с евреями, репрессии против этнических немцев и т.н. «немецкого засилья» вышли во время войны из сферы деятельности военных властей и националистически настроенной прессы, став важной областью государственной политики. Для борьбы с «засильем» была образована комиссия сенатора А.С. Стишинского, готовившая, в частности, царские указы от 2 февраля 1915 года, расширенные затем указами декабря 1915-го. Согласно этим указам, подданные воюющих с Россией государств на практике лишались прав собственности на принадлежащие им в России земельные и иные угодья, которые фактически переходили в собственность государства²¹⁷. Начался процесс реальной экспроприации, которая должна была охватить около 500 тысяч колонистов и более 6 миллионов десятин земли. Этот процесс прервала Февральская революция²¹⁸.

Была также проведена кампания против германского и австрийского капитала, приведшая к национализации или поглощению русским капиталом ряда крупных фирм²¹⁹. Пронзительно звучит жалоба выселяемой с Волыни Леонидии Мертке на дискриминацию немцев по сравнению с другими (включая евреев) народами империи, хотя колонисты также считают Россию своей родиной, как и «русский, поляк и еврей»²²⁰.

²¹⁵ *Там же*. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1421. Л. 33. Янушкевич напоминал, что Верховный Главнокомандующий приказал выселить всех в кратчайший срок.

²¹⁶ *Там же*. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 93. Лл. 28, 41, 52–55, 38–40, 59–60, 131–132.

²¹⁷ Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. P. 100–106.

²¹⁸ *Ibid.* P. 113, 119–120.

²¹⁹ *Ibid.* P. 73–77, 82. См. также: Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004.

²²⁰ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1816. Л. 64.

ГЛАВА 6

СОЛДАТЫ, ОФИЦЕРЫ И ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЫ

Рассмотрев истоки и направления политики военных властей по отношению к евреям, перейдем теперь к отношению русских солдат и офицеров к еврейскому населению; от разрабатываемых в кабинетах и штабах приказов и инструкций — к реальной практике общения солдат и офицеров с евреями прифронтовой полосы.

*Отношение солдат и офицеров
к еврейскому населению*

В течение первого года войны враждебное отношение к евреям как к шпионам и изменникам стало официально заявленной позицией всей иерархии военных властей. Это создавало в действующей армии негативный взгляд на евреев, подкрепленный широко распространенным в армии и вокруг нее бытовым антисемитизмом и накладывающийся на обстановку ожесточенной маневренной войны¹.

Хорошо осведомленный мемуарист — протопресвитер русской армии (руководитель всего военного духовенства) Г. Шавельский ясно указывает на взаимосвязь обвинений против евреев, настроений среди высшего командования армии и поведения ее нижних чинов:

С первых же дней войны на фронте стали усиленно говорить о евреях, что еврей-солдаты — трусы и дезертиры, еврей-жите-

¹ Клиер Дж. Казаки и погромы. Чем отличались «военные» погромы? // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. С. 57; Lohr E. 1915 and the War Pogrom Paradigm in the Russian Empire // Anti-Jewish Violence Rethinking the Pogrom in East European History. P. 43.

ли — шпионы и предатели. Рассказывалось множество примеров, как евреи-солдаты перебежали к неприятелю, или удирали с фронта; как мирные жители-евреи сигнализировали неприятелю, при наступлениях противника выдавали задержавшихся солдат, офицеров и пр., и пр. Чем дальше шло время и чем более ухудшались наши дела, тем более усиливались ненависть и озлобление против евреев... с евреями особенно не церемонились. С виновными расправлялись сами войска, быстро, но, несомненно, далеко не всегда справедливо.

Вместе с тем, с фронта слухи шли в тыл... создавая настроение, уже опасное для всего русского еврейства. В армии некоторые очень крупные военачальники начали поговаривать, что, ввиду массовых предательств со стороны евреев, следовало бы всех евреев лишить права русского гражданства. А внутри страны, особенно в прифронтовой полосе запахло погромами².

Отношение солдат русской армии к евреям невозможно понять вне их общего поведенческого контекста. Русская армия Первой мировой войны состояла преимущественно из мобилизованных крестьян (из 15,8 миллионов мобилизованных к осени 1917-го 12,8 миллиона были призваны из деревни)³. Эта солдатская масса сочетала черты крестьянина, оторванного от своего дома и хозяйства, с «разнузданностью вынужденного маргинала», то есть беспрекословно выполняющего приказы, лишённого значительной части гражданских прав человека, находящегося на низших ступенях социальной иерархии⁴. Нравственные качества, необходимые и поощряемые в гражданской жизни, на фронте менялись, иногда на

² Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 2. N.Y., 1954. С. 271.

³ Поршнева О.С. Социальное поведение солдат русской армии в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) // Социальная история. Ежегодник 2001/2002. М., 2004. С. 358. При этом более половины русских солдат были неграмотны, значительная их часть была физически слабой и низкорослой: 75 процентов ниже 1,69 метра (Асташов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война: психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник 2001/2002. М., 2004. С. 400–401).

⁴ Поршнева О.С. Социальное поведение солдат русской армии. С. 355, 359.

прямо противоположные⁵. Греховное и порочное, по стандартам мирного времени, поведение становилось нормой; мародерство и насилие над мирным населением воспринималось как заслуженная награда и компенсация за ратные труды⁶. Глубокий дискомфорт, переживаемый солдатом-крестьянином на фронте, находил выход в ненависти, направленной против «врагов»: внешних (немцев) и внутренних (в том числе «жидов», ответственных за дороговизну и спекуляции и помогающих врагам внешним)⁷. Письмо с фронта солдата Максима Чепурного (посланное 12.08.1914) хорошо передает это настроение солдат: «наши проклятые евреи все передают, как наши войска, где стоят и куда двужутся... и сейчас всех евреев грабим разбиваем и следует за то что они везде хотят обмануть»⁸. Даже если вид еврея не пробуждал в солдатах ненависти, культурная чуждость евреев в глазах русских солдат не оставляла места сочувствию к ним⁹. Идеально подходившие на роль «виновника всех бед», евреи были также абсолютно беззащитны — насилие по отношению к ним рас-

⁵ См. отчаянное письмо солдата с фронта: «Все наново переучиваю. Сказал Господь, сын Божий: “Не убий”; значит бей — не жалею... Люби, мол, ближнего своего как самого себя; значит — тяни у него корку последнюю. А не даст добром — руби топором...» (Там же. С. 366).

⁶ Там же. С. 368. Ср.: «Важной составной частью “патриотизма” солдат-крестьян являлся в их глазах и “вещный” характер войны, что и проявилось... в практике мародерства по отношению к местному населению» (Асташов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война. С. 406). См. в воспоминаниях А. Войтоловского: «На войне вообще нет воровства, а есть добыча; нет злобы и ненависти, а есть патриотизм. Грабитель, разбойник, мародер — это слюнявая терминология мирных времен. Теперь другие слова: не жестокосердие, а храбрость; не разбойник, а победитель» (Войтоловский А.Н. Выходил кровавый Марс. С. 191).

⁷ Асташов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война. С. 418.

⁸ Цит. по сборнику документов: Сергийчук В. Погромы в Україні: 1914–1920. Київ, 1998. С. 62–63.

⁹ Мемуарист описывает бытовую сцену: мимо солдат проходят евреи — «пугливые, безмолвные, нищие. — И жалко, — глядя на них, говорит громко солдат, — и душа не знай чего злобится. Только у них и дела, что плачут. — Со страху больше, — вставляет другой. — Дух у них хлипкий. Ты к ему с лаской, а у него поджилки трясутся, и врезжит по-песью» (Войтоловский А.Н. Выходил кровавый Марс. С. 155).

смаatrивалось командирами как «терпимое» или даже поощрялось¹⁰.

В повседневной жизни это отношение зачастую выливалось в откровенные издевательства над еврейским населением. В Новоалександрии (Люблинской губернии) в 1914-м евреям было запрещено появляться на вокзале, явившихся жестоко избивали¹¹. В Злочеве (Галиция) евреям в сентябре 1914-го было запрещено выходить из своих домов кроме двух утренних часов (с 8 до 10 утра), за нарушение их публично избивали кнутом¹². В местечке Бужиль 5 сентября 1914 года офицер в сопровождении нескольких солдат и членов польской милиции явился во время утренней молитвы в синагогу. Всем молящимся отрезали бороды и пейсы, а Мейлаху Якубовичу и часть уха¹³. В местечке Коспршевица (Радомской губернии) на еврейский Новый год (сентябрь 1914-го) евреям запрещали трубить в ритуальную трубу (шофар), поскольку этим они могли подать сигнал врагу; и только начальник уезда в Сандомире взял на себя ответственность и разрешил трубить¹⁴.

Принудительные работы, на которые отправлялось именно еврейское население, тоже становились способом изоциренного издевательства. Выше уже упоминались принудительные работы в сентябре 1914-го в Сувалкской губернии (города Кальвария и Мариамполь), где в наказание за «благожелательное отношение» к немцам все еврейское мужское население (старше 12 лет) было отправлено на работы по «исправлению» размытых дождями шоссе¹⁵, а также принудительные работы в Брест-Литовске летом 1915-го¹⁶. Во многих

¹⁰ Будницкий О.В. Происхождение еврейских погромов. С. 148–149.

¹¹ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 257.

¹² ЦАИЕН. НМФ/583.С (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160).

¹³ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 246. Ср. со случаем во взятом русской армией Перемышле, где старика-раввина привязали к седлу лошади за бороду и пустили лошадь вскачь (*Jablonska H. Dziennik z obęzonego Przemyśla*, 1914–1915. Przemyśl, 1994. P. 150).

¹⁴ ЦАИЕН. НМФ/585.С (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 162).

¹⁵ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Лл. 253–254, 256.

¹⁶ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 59.

польских губерниях, также в качестве наказания, на евреев возлагалась обязанность убирать улицы. В феврале 1915-го на евреев была возложена обязанность поддерживать чистоту в Ломже¹⁷. В Островце Радомской губернии евреев заставляли катить бочки с известью до Опатова (17 верст) и черпать мисками нечистоты¹⁸. В местечке Буск Келецкой губернии с ноября 1914-го евреев также забирали на принудительные работы (причем хватали на улицах и в домах именно «длиннополых», не трогая европейски одетых)¹⁹. В Мщенове (Варшавская губерния) на евреев зимой 1914-го была возложена уборка улиц и даже дворов²⁰.

Телесные наказания, давно исчезнувшие из жизни пореформенной России, использовались военными без колебаний²¹. Если розги применялись по приказу офицера или начальника, то плеть и нагайка всегда были в распоряжении кавалеристов, легко пускавших их в ход. В сентябре 1914-го в Стопнице (Келецкой губернии) комендант приказал высечь «за вздувание цен» пятерых торговцев-евреев (по 20 розог) и раввина (25 розог за то, что это допустил). Раввина попросил заменить собой «самоотверженный» еврей, который «изнемог под розгами и через 2 дня умер»²².

В Вонхоцке Радомской губернии раввин получил в октябре 1914-го 40 розог по приказанию казачьего офицера за то, что в городе были закрыты лавки²³. В Островце Радомской губернии 10 евреев «пропущены через строй» и избиты до

¹⁷ ЦАИЕН. НМФ/585.С (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160).

¹⁸ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Лл. 258–259. В Перемышле евреев также заставляли заниматься уборкой улиц и вывозом нечистот, а затем и ремонтом дорог (*Jablonska H. Dziennik z obęzonego Przemyśla*. P. 159, 163).

¹⁹ ЦАИЕН. НМФ/588.В (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

²⁰ ЦАИЕН. НМФ/583.С (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160).

²¹ Как мы видели, Ставка в лице генерала Янушкевича также призывала подвергать «мошенников-евреев» телесным наказаниям (ЦАИЕН. НМ2/ 7913. 5; оригинал: РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 55).

²² ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 261.

²³ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 96. Л. 1; то же: АНБ. V358 (на ткани). После экзекуции лавки были разграблены казаками (*Там же*).

полусмерти²⁴. Скорее всего, под «пропуском через строй» имеется в виду то же, что произошло в деревне Маленец Радомской губернии в январе 1915-го, когда отряд казаков в субботу в 8 утра вывел всех евреев-мужчин, не исключая мальчишек, на площадь, где их провели, избивая прикладами и саблями, между двумя рядами казаков²⁵.

Повальные избиения евреев, обычно сопровождаемые не менее повальными грабежами, нередко происходили в боевых условиях, в местностях, переходящих из рук в руки. Так, в апреле 1915-го район будущих поголовных выселений (Ковенская губерния) стал ареной жесточенных боев.

В Эйраголе евреев пороли (по 50 розог) по указаниям местных крестьян (по обвинению в помощи немцам), местечко подверглось повальному грабежу²⁶. В Бобтах (Ковенского уезда) избиения и грабежи также были повсеместными. В лавку Гирши Виленчика верхом на лошадях въехали казаки, сам он смог убежать, но его лавку полностью разорили, раздав товары крестьянам. Еврею Мазинтеру нагайками отсекали ухо, повредили глаз, пробили до кости руку²⁷. В Тиркшле 9 мая 1915 года (после ухода немцев) драгуны собрали у коменданта 25 самых уважаемых евреев. Каждого из них, велел снять брюки, били шестеро солдат арапниками и палками. Били по 15 минут, затем заперли в клеть²⁸.

Даже на этом фоне потрясают события в Бельвержишках (Сувалкской губернии). 30 апреля 1915 года офицер стоявшей в городе гвардейской кавалерийской части потребовал у евреев привести ему проститутку. Те сказали, что городок

²⁴ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Лл. 258–259.

²⁵ Там же. Лл. 259–260. Избивали, конечно, не только евреев. Так, 28 февраля 1915 года в селе Стрельцы Самборского уезда казаки избили до полусмерти женщин-украинок (Там же. Д. 30. Лл. 192–1920б).

²⁶ ЦАИЕН. НМФ/583.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160).

²⁷ Евреи говорили, что «рады были бы убежать» (ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 60. Лл. 2–4). В таких местечках выселение воспринималось как избавление.

²⁸ ЦАИЕН. НМФ/581.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 158). В Таурогене (также Ковенской губернии) арестованных «за помощь неприятелю» евреев за отсутствием улик не предавали суду, а просто пороли, дав одному 25, другому — 35 розог (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 264).

слишком мал и проституток нет. Тогда офицер начал гоняться за девушками, зверски избил отца убежавшей от него девушки. Затем евреям приказали носить поросенка, заходя в каждый еврейский дом. На следующий день все мужчины-евреи были собраны на базарной площади и вымели ее метлами. Затем их заставили петь еврейские песни — евреи начали петь «Коль-Нидрей» и плакать. Им закричали: «не смейте пищать, петь веселое», старики-евреи должны были при этом танцевать. На следующий день евреев заставили принести ивовых прутьев и плести плети. Евреев стали сечь, их заставляли мочиться на розги и прогоняли сквозь строй. Но вдруг полк получил приказ выступать, и издевательства прекратились²⁹.

Крайне негативное отношение к евреям в поведении многих солдат и офицеров русской армии вовсе не было секретом для современников и стало для них предметом рефлексии. Еврейские общественные деятели видели основную причину враждебности русской армии к евреям не в самой армии, а в местном нееврейском населении, которое «наговаривало» русским войскам на евреев. Так, в Галиции поляки — «клеветующие, науськивающие», «эти отвратительные иезуиты», будто бы занимались закулисными интригами против евреев, как и в Царстве Польском, а русины-москвофилы «как грубая, менее культурная сила» являлись «погромщиками-исполнителями...»³⁰.

И только следующей причиной антиеврейских эксцессов русско-еврейская элита считала позицию русского офицерства, охваченного юдофобией. Автор цитировавшегося доклада многократно слышал от офицеров различных рангов

²⁹ Записка местного раввина Б. Бодгроса (ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 152. Лл. 115–116, 337–339). Несколько еврейских девушек было доставлено офицерам — их фамилии евреи категорически отказались назвать, говоря, что «хватит с нас позора» (Там же. Л. 339). Так себя вела гвардейская кавалерия.

³⁰ Доклад еврейским депутатам Государственной думы (возможно, его автором был С. Ан-ский), см.: ЦАИЕН. НМФ/582.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 159). «Подонков населения» и «профессиональных юдофобов» упоминает и Г.М. Эрлих, подготовивший подборку материалов о погромах (Из черной книги русского еврейства: Материалы для истории войны 1914–1915 годов // Еврейская старина. 1918. № 10. С. 269).

рассказы о том, как казаки грабят и уничтожают «жидовское добро», «пугают жидов» расстрелами, и всегда такие истории встречались «на ура» обществом офицеров.

Наконец, бытовым антисемитизмом были заражены и русские солдаты, в представлении которых «австрияки» — это евреи, следовательно, еврей и является виновником всех бед солдата³¹.

Распространявшиеся из прифронтовой зоны сведения о бесчинствах и насилии, творимых русской армией по отношению к еврейскому населению, беспокоили русские власти. Официальное «Петроградское телеграфное агентство» распространило 17 марта 1915 года успокаивающее сообщение:

³¹ С увлечением, как будто речь шла о военной победе, юнец подпоручик объяснял автору доклада, как следует «громить жидов»: сначала выпустить перья из подушек, затем разбить зеркала и т.д. «С каким презрением русские офицеры говорят о еврейском равноправии в Австрии, о еврейских офицерах и помещиках...» (ЦАИЕН. НМФ/582.А; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 159). Ср. с описанием фронтового быта в мемуарах Ф.А. Степуна: «Война объединила общую скорбью и общей судьбою русских, поляков и евреев» — это из газет, а вот что у нас. Галиция, весна, прекрасная погода. По каменистой горной дорожке несутся вскачь паршивенькие санки. В санках, вытрепав наглый чуб из-под папахи, сидит молодой казак. Верхом на запряженной в сани тощей кляче... трясется в седых пейзах рваный, древний «жид» с окаменевшим от ужаса лицом. Казак длинным кнутом хлещет «жида» по спине, а «жид» передает удар лошади. При гомерическом хохоте группы солдат и большинства офицеров этот погромный призрак скрывается за поворотом дороги. Это я видел сам. А вот рассказ очевидца. На шоссе встречаются казак и солдат. Остановившись, солдат жалуется казаку, что сапог нет и взят где-то... Но вот на шоссе показывается обутый «жид». У казака мгновенно появляется великодушная мысль подарить солдату «жидовские» сапоги. Сказано — сделано. «Жид» пытается протестовать. Казак возмущен и «народный юмор» подсказывает ему следующую шутку: «скидавай штаны», обращается он к солдату... «Целуй ему задницу, благодари, что жив остался», кричит казак «жиду», заноса над ним свой кулачище. Совершенно оторопелый «жид» беспрекословно исполняет требование... Страшно, что все это могло произойти. Страшнее, что всему этому мог быть свидетелем офицер, но самое страшное то, что благодушно рассказывая этот номер за коньяком, рассказчик определенно имел у своих слушателей огромный успех (Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 75–76 (письмо от 10 апреля 1915 года)).

Армия и Народ русский заявляют, что не зарегистрировано ни одного погрома ни в Империи, ни на театре войны, ибо военные власти, стремящиеся поддержать спокойствие в среде гражданского населения, столь необходимое в военное время, не потерпели бы беспорядков. Несомненно... что имущество евреев в областях, где происходит война, страдает от разрушений... но на долю евреев здесь выпадает не больше испытаний, чем на долю иных жителей. Что же касается единичных случаев разбоя, то они всегда жесточайше карались³².

На местах представители военной и гражданской администрации также пытались успокоить страсти. Так, в марте 1915-го гродненская еврейская община обратилась к коменданту Гродненской крепости, жалуясь на «клеветнические измышления» и прося защиты от будто бы приближающегося погрома³³. Выслушав от еврейской делегации доводы о невиновности евреев в измене, комендант заметил: «Все это, конечно, верно... Но всегда есть изменник, который изменяет своим, есть и еврей-шпионы, но было бы глупо обвинять за это евреев, как и русских за измену православных...». Опасения насчет беспорядков комендант считал преувеличенными, вызванными нервным возбуждением: «Мало ли что какой солдат сбреднул. Беспорядков не допущу... Я вижу много воинских чинов и никто мне не говорил, что евреям плохо в армии...». В ответ на пояснение, что речь идет об умышленной клевете на евреев, генерал заметил: «вы думаете на поляков, но кто теперь этим будет заниматься, все заняты своими семьями...». Комендант обещал поговорить с губернатором и выпустить воззвание к населению. Через несколько дней такое воззвание действительно появилось³⁴.

Летом 1915-го киевский губернатор также опубликовал с согласия штаба округа объявление о том, что не допустит никаких беспорядков «на почве национальной вражды»³⁵.

³² Цит. по: Война и евреи. 1915. № 7. С. 16.

³³ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 93. Лл. 69–69об.

³⁴ Там же. Л. 70.

³⁵ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1673. Л. 546.

Со своей стороны, лидеры еврейских общин стремились предотвратить опасности, грозящие евреям, с помощью демонстрации лояльности русским властям. В Щучине Ломжинской губернии раввин в сентябре 1914-го в присутствии солдат и офицера призвал всех евреев, находящихся в синагоге, быть лояльными русским властям и предал анафеме тех, кто этого не делает³⁶.

В местечке Буск Келецкой губернии, где остро стояла проблема подпольной торговли спиртным, раввин наложил «хейрем» на торговцев (объявления на идиш и иврите были расклеены на улицах). Хотя очевидец событий меланхолически заметил: «Эта мера никого не испугала»³⁷.

Отношение чинов русской армии к еврейскому населению прифронтовой полосы складывалось на фоне обвинений евреев в измене и зачастую было подчеркнуто грубым и враждебным. Попытки местных военных и гражданских властей «успокоить умы» не могли серьезно повлиять на общую атмосферу враждебности по отношению к евреям. Эта враждебность выливалась в многочисленные эксцессы, наиболее распространенными из которых были грабежи и мародерство.

Мародерство. Поведение казачьих частей

Сама обстановка зоны боевых действий и прифронтовой полосы негативно влияла на атмосферу общественной и личной безопасности, на уверенность населения в неприкосновенности собственности и имущества. В прифронтовой полосе военные действия выливались в разгул преступности, с множеством случаев грабежа и мародерства со стороны солдат и офицеров русской армии, прежде всего казачьих частей.

Свидетельства самих офицеров русской армии полны описаний тех бесчинств и разгрома, которые сопровождали ее вступление в населенные пункты прифронтовой полосы. Как

³⁶ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 265.

³⁷ ЦАИЕН. НМФ/588.В (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165). В том же Буске в марте 1915-го было похищено 32 тысячи рублей из кассы стоявшего там полка, и евреев обязали возратить деньги, если окажется, что вор — еврей.

вспоминал очевидец, в Восточной Пруссии «от германского достатка остались одни стены. Все разрушено, все разбито, мебель поломана, деревья срублены. Вот оно, настоящее лицо войны. Картина грабежа поразила меня чрезвычайно»³⁸ Другой мемуарист отмечал:

Как ни тяжело это для меня, русского, я должен засвидетельствовать, что германцы и австрийцы вели себя несравненно более дисциплинированно, нежели наши войска. Я не разу нигде не слышал обид на неприятеля и жалоб на грабежи с их стороны. С нашими войсками все было иначе ... Оказалось, что германцы, занимавшие Козеницы, нигде ничего не тронули. Но когда на их место пришли русские войска, имущество многих жителей подверглось разграблению и уничтожению³⁹.

Местные газеты (например, «Варшавская заря») конца 1914 — начала 1915 годов полны сообщений о грабежах, разбоях и дерзких ограблениях. Пестрят ими и жандармские сводки по Варшавскому генерал-губернаторству⁴⁰. Главкомандующий Юго-Западным фронтом Н.И. Иванов даже направил 19 февраля 1915 года люблинскому губернатору требование навести порядок с общественной безопасностью в губернии: только за январь — середину февраля 1915-го в относительно тихой Люблинской губернии было совершено девять разбойных нападений (с тремя убитыми)⁴¹.

Одной из проблем ближайшего тыла были вооруженные дезертиры, жившие грабежом. Так, в Галиции казаками была

³⁸ Верховский А.И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.). Пг., 1918. С. 18

³⁹ Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. С. 199–200.

⁴⁰ Например, 21 декабря 1914 года в деревне Воля Варшавского уезда около 2 часов дня (!) на проходивших по улице евреев Менделя и Шмуля Симеон напали трое вооруженных револьвером злоумышленников. Обыскав евреев и забрав 6 рублей денег, часы и паспорт, преступники скрылись, см.: AGAD. Pomocnik Warszawskiego General-Gubernatora. Jednostka 1474. S. 211 (Донесения помощника генерал-губернатора в Отдельный корпус жандармов).

⁴¹ AGAD. Pomocnik Warszawskiego General-Gubernatora. Jednostka 460. S. 64.

схвачена шайка дезертиров из шести человек (в том числе один еврей — Мойша Полонский), которые дезертировали с оружием и жили грабежом местного населения⁴². В Галиции же был казнен Павел Самарский, рядовой 52-го Волынского полка, который дезертировал в августе 1914-го, скрывался в лесах, грабил крестьян⁴³.

Повсеместным явлением были и солдаты, использующие свое оружие для грабежей, причем страдало отнюдь не только еврейское население. Солдаты говорили, что «на войне все чужое да легкое, какой тут грех воровать». Массовое уничтожение материальных ценностей в ходе боевых действий и казнокрадство интендантов также создавали у солдат ощущение, что грабеж на войне дозволен и даже необходим⁴⁴.

Одни случаи мародерства были относительно безобидными⁴⁵, в других дело доходило до убийств. 10 января 1915 года в деревне Станиславов (Варшавского уезда) были убиты солдатами, требовавшими денег, крестьянин Франц Хотковский и его жена Бронислава⁴⁶. В ночь с 16 на 17 января 1915 года в имении Киселево Плоцкой губернии был убит солдатами владелец Тадеуш Новца. Когда 8 солдат, ворвавшихся в дом, потребовали денег и бросились искать его жену, Новца преградил им дорогу. Жена нашла его с перерезанным горлом, разрубленным подбородком и выбитыми зубами⁴⁷.

Евреи — торговцы и предприниматели, обладавшие материальными ценностями и путешествовавшие с деньгами и

⁴² ЦГИАК. Ф. 363. Оп. 1. Д. 30. Л. 79.

⁴³ ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 30. Лл. 1–4. Проблема дезертиров, промышленных грабежом, сохраняла свое значение и после отступления русской армии в 1915-м. Небольшие группы русских солдат, отставших или дезертировавших при отступлении, образовывали на оккупированной немцами территории шайки, грабившие и терроризировавшие местное население (*Liulevicius V.G. War Land on the Eastern Front. P. 78–79*).

⁴⁴ *Поршнева О.С. Социальное поведение солдат русской армии. С. 368.*

⁴⁵ По сообщению львовских жандармов, 14 сентября 1914 года трое солдат ограбили во Львове ресторатора (ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 30. Л. 162).

⁴⁶ AGAD. Pomocnik Warszawskiego General-Gubernatora. Jednostka 460. S. 10 (донесение начальника Варшавского ГЖУ)

⁴⁷ Солдаты забрали находившиеся в доме 200 рублей, расследование ведут военные власти (донесение начальника Плоцкого ГЖУ).

товарами, становились «естественными» жертвами легкого отношения солдат к чужому имуществу и к чужой жизни.

Опишем несколько типичных случаев из встречающихся в полицейских рапортах. 26 октября 1914 года в лавку Давида Лайферта в деревне Качий Двор (Варшавского уезда) зашли трое солдат и потребовали квасу. Когда квас был выпит, солдаты закрыли дверь и потребовали денег. Устроив обыск, у Лайферта забрали 7 рублей, у бывших в это время в лавке Иосиф Пружняна 9 рублей и у Арензона 5 рублей⁴⁸. В ночь на 12 декабря 1914 года к Срулю Виллеру, торговцу молоком в Воле Боглевской (Варшавская губерния) постучались два казака, прося указать им дорогу. Ворвавшись в дом, они потребовали денег и получили 28 рублей. Один из казаков пробовал изнасиловать жену Виллера Шандю (30 лет), а когда она стала сопротивляться, выстрелом смертельно ранил ее в грудь (женщина умерла через несколько часов). Тотчас после выстрела оба казака скрылись⁴⁹. 1 января 1915 года на шоссе возле Радимины на проезжавших Шлему Кляничевикса и Иосля Вайнгарда напали два «нижних чина» (солдата). Угрожая шашками, они похитили у евреев 155 рублей и отправились в сторону фольварка Александрово, где стояла пулеметная команда Волынского уланского полка. 6 февраля 1915 года на шоссе Маркушево — Люблин на проезжавших евреев напали «злоумышленники, одетые в солдатские шинели и папахи. Произведя выстрел из револьвера, они забрали у Абрама Либхабера 400 рублей»⁵⁰.

Ограбленные солдатами евреи жаловались властям, пытаясь получить возмещение убытков. Содержащиеся в таких жалобах сведения дополняют картину поведения солдат в прифронтовой полосе. Например, Мария Брандт, хозяйка бакалейной лавки в Лешно (возле Варшавы) описывает, как в

⁴⁸ AGAD. Pomocnik Warszawskiego General-Gubernatora. Jednostka 1474. S. 191.

⁴⁹ AGAD. Pomocnik Warszawskiego General-Gubernatora. Jednostka 1474. S. 211 (Донесения помощника генерал-губернатора в Отдельный корпус жандармов).

⁵⁰ AGAD. Pomocnik Warszawskiego General-Gubernatora. Jednostka 460. S. 5.

сентябре 1914-го была трижды ограблена солдатами, затем 9 дней скрывалась с детьми в лесу. Убытков в лавке она насчитала на 3 тысячи рублей. Раввин деревни Езиорна (Варшавского уезда) оценил в ноябре 1914-го свои убытки после грабежа в тысячу рублей — «полное разорение»⁵¹. Хозяин лавки в Праге Торговой (Варшава) Айзик Алембик красноречиво описывает ситуацию 1914 года:

... ко мне все приходят солдаты и казаки, хватают и уносят товары, которые потом продают за бесценок в ближайших польских лавках. Когда я требую денег, меня бьют. Я, ввиду этого, стал держать лавку закрытой... но это мне мало помогает. Солдаты требуют открыть ее и бьют меня, если отказываюсь, бьют нагайками, чем попало⁵².

Какова была судьба подававших такие жалобы ограбленных евреев? Прощение владельцев леса Рахмиля Бляса и Мошека Рапопорта люблинскому губернатору с просьбой возместить убытки в 1683 рублей 50 копеек за дрова, забранные войсками, показывает, что надеяться на возмещение убытков не приходилось. Губернатор в просьбе отказал, поскольку «не указано, какими именно частями причинены убытки»⁵³. В другом случае, интендант штаба Хармейского корпуса отказался возместить евреям стоимость сожженного имущества в местечке Заложнице в Галиции, так как местечко было

⁵¹ ЦАИЕН. НМФ/580.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 157).

⁵² ЦАИЕН. НМФ/580.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 157). Мы выбрали лишь несколько наиболее характерных жалоб из десятков сохранившихся в архиве депутата Думы М.Х. Бомаша. Ср. сходные жалобы торговцев из Праги (Варшава) Ш. Раффенберга и Симхи Вихтеля, также пострадавших от солдат-мародеров. Польские подростки говорили солдатам: «здесь лавка жидовская, товар можно брать даром» (*Там же*) или заявление Лейбуша Горовица, ограбленного 30 сентября 1914 года казаками, начальнику Гарволинского уезда: «вошли в мою квартиру и грабили, что желали...», взяли лошадь и 100 рублей (ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 152. Л. 35).

⁵³ ЦАИЕН. НМФ/589.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 166).

подождено «самими же евреями в надежде в последствии составить на его развалинах свое благополучие»⁵⁴.

Поведение солдат отнюдь не было секретом для командования. С августа 1914-го неоднократно издавались приказы по армиям о недопущении грабежей и мародерства. Командованию 8-й армии было хорошо известно, что войска производили грабежи в селе Кругулец и в местечке Гржимайлово; Брусиллов 11 августа 1914 года приказывал мародеров «беспощадно пороть». Главнокомандующий Северо-Западным фронтом Рузский в приказе от 16 ноября 1914 года обращался к «добрым чувствам русского солдата», призывая войска не грабить⁵⁵. К командиру артиллерийской бригады обратились польские крестьяне с жалобой на мародерство русских солдат («Все ломают, грабят, по ночам врываются в дома — требуют денег, угоняют скот, лошадей, воруют подушки, вещи, ни одной бабе проходу не дают»). Командир подал рапорт в дивизию с просьбой прислать для несения в окрестностях караульной службы полуроту солдат, заметив при этом: «Вот теперь-то и взвоят жители... Эта полурота всю ночь грабить будет»⁵⁶.

Какие именно части отличались в грабежах, также не составляло для командования секрета. В одном из приказов отмечалось, что «в обозах много лишних людей и повозок. При них... возится незаконно приобретенное имущество... часто краденное...», а далее подчеркивалось, что «наибольшее число жалоб имеется на казаков корпусной конницы»⁵⁷.

И на фронте, и в тылу было хорошо известно, что казаки видят в грабеже и мародерстве законный способ ведения

⁵⁴ *Сергейчук В.* Погроми в Україні. С. 92.

⁵⁵ *Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. С. 203. Ср. с корреспонденцией с фронта, опубликованной М. Доманским: «Не раз спрашивал я... крестьян: “Не обижают ли вас русские солдаты”. И всегда один ответ: “Славные люди! Добрые, честные! Дай им Бог здоровья!” Даром не берется ни крошки хлеба, ни щепотки овса. За все платится по ценам очень высоким» (Военная летопись. 1915. № 149. 4 августа. С. 4).

⁵⁶ *Войтоловский А.Н.* Выходил кровавый Марс. С. 131.

⁵⁷ ЦАИЕН. НМФ/588.Д (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

войны⁵⁸. Казаки крайне негативно влияли на солдат, прививая им привычку к разбою, к пониманию мародерства как доблести, к погромам беззащитного еврейского населения⁵⁹. Боевые же качества казачьей конницы подвергались сомнению. Польский мемуарист отмечал, что русские «офицеры с брезгливостью говорят о казаках... Между казаками и регулярной армией господствует большой антагонизм... Главная роль “казака” — грабеж в тылу армии. Небывалые рассказы о отваге, подвигах, победах казаков считаются байками у свидетелей событий»⁶⁰.

Ф. Степун, описывая казаков, использующих вместо седел диванные подушки, замечает: «Какие они вояки, щадят или не щадят они себя в бою, об этом мнения расходятся... но о том, что они профессиональные мародеры и никого и ни за что не пощадят — об этом двух мнений быть не может»⁶¹. М.Д. Бонч-Бруевич выражает сходное мнение: «Как ни мало я был в Галиции, до меня дошли уже слухи о бесчинствах казаков в еврейских местечках и городишках. Под предлогом борьбы с вездесущими якобы шпионами казаки занялись самым беззастенчивым мародерством...»⁶².

Отношение казаков к евреям также было хорошо известно. По сообщению краковской газеты, переправившиеся через Дунаец первые казачьи разъезды объявили в ноябре 1914-го польским крестьянам: «Мы пришли освободить вас от немцев и евреев. Теперь евреи не смогут владеть землей, мы отберем у них дома, а все их имущество разделим между вами»⁶³.

⁵⁸ С.П. Мельгунов описывает в дневнике следующий анекдот: «В “Киевскую Мысль” прислана была корреспонденция о безобразиях казаков в Галиции. Корреспонденция напечатана и повсюду вместо “казаки” поставлено “немцы”. Когда редактора спросили по этому поводу, он ответил совершенно изумительно: “живем мы в России, и все знают, что под немцами надо подразумевать казаков”» (*Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники*. Вып. I С. 188).

⁵⁹ *Булдаков В.П.* Красная смута. С. 29.

⁶⁰ *Miklaszewski W.* Memorabilia. P. 92–93.

⁶¹ *Степун Ф.А.* Из писем прапорщика-артиллериста. С. 20 (письмо от 20 ноября 1914 года).

⁶² *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. М., 1964. С. 25.

⁶³ *Gazeta Krakowska*. 1915. № 229. 16/III. S. 3.

Грабежи и разбой вообще были для казаков частью нормативного поведения в зоне боевых действий, а евреи в частности — вполне «законным» объектом подобного поведения. Когда в 1915-м в Глубоком солдаты арестовали буйствовавшего казака и повели его к коменданту, тот с недоумением воскликнул: «что, разве нельзя жидов бить?» и решил, что солдаты — «сами жида»⁶⁴.

На арестованных 4 октября 1914 года (видимо, по доносу) в деревне Цепишев Варшавского уезда евреев из находящегося поблизости фольварка вылетел внезапно отряд «черкесов» (15–20 человек), начавших избивать евреев нагайками и шашками. «Черкесы» (маловероятно, что речь идет об этнических черкесах, скорее это были казаки одного из северокавказских полков, носившие черкески с газырями) ограбили и буквально раздели евреев (забрали у них одежду). Ночь евреи провели на голой земле, истекая кровью, наутро их отпустили по домам⁶⁵.

Поведение казачьих войск хорошо иллюстрируются материалами следствия о происшествии в местечке Глиняны 3 ноября 1914 года. Через Глиняны (Перемышленского уезда) проходили команда связи (донские казаки) и 5-я Оренбургская казачья сотня. Офицеры ехали позади войск и прибыли через 15 минут после того, как казаки уже оставили местечко. В результате прохождения казаков было разграблено 10 еврейских лавок и 4 лотка, похищено товаров и денег на 450 рублей. В грабеже принимало участие около 70 казаков, причем бывшим на месте уряднику и троим стражникам не удалось прекратить бесчинства, поскольку казаки угрожали им шашками⁶⁶. Дело

⁶⁴ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 272. Ср. с письмом домой казака Алексея Верина, жаловавшегося на условия фронтовой жизни: «Убить жида — у него тоже ничего нет, а бьют их как собак, да толку нет сами голодные они здесь» (*Там же*).

⁶⁵ Евреи, собравшиеся на празднование обрезания, были арестованы (видимо, по доносу) как шпионы (ЦАИЕН. НМФ/580.А; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 157). За освобождение евреи дали 1200 рублей начальнику земской стражи (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 269).

⁶⁶ По мнению полиции, найти виновных в грабеже будет трудно, доказать вину невозможно, оставалось прекратить дело (ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 30. Лл. 11–110б). По словам урядника, казаки разбивали пиками и шашками окна и двери домов и лавок, выбрасывали товар на улицу. Уряднику кричали: «Ты заступаешься за жидов», «а грабежа не броса-

о грабеже в Глинянах дошло до военно-окружного суда, но было прекращено «за нерозыском виновных»⁶⁷.

«Простой» грабеж, когда походя отбирались деньги и товары, легко переходил в настоящие погромы, чинимые казаками в прифронтовой полосе. Раввин Н.Л. Тверской из Коспршевицы (Радомской губернии) описывает, как вступившие в местечко в сентябре 1914-го казаки насильовали и грабили евреев. Артиллерийский офицер говорил раввину, что артиллеристы ничего плохого евреям не сделают, казаки же «люди дикие, степные». Евреи радушно встречали русскую пехоту и просили у нее помощи от ночного грабежа казаков — впрочем, безуспешно. Казачий офицер ответил на просьбу остановить грабеж: «поверьте, господин раввин, что мы сами боимся их...». Именно этот офицер с казаками и ограбил дом самого раввина (забрано 36 тысяч рублей, ценности и т.д.)⁶⁸.

В Бодзентине (Келецкой губернии) в сентябре-октябре 1914-го казаки также грабили, насильовали и убивали. Казачий офицер потребовал у лавочника Зильберберга 500 рублей, ждал денег 20 минут (у него имелся список богатых евреев местечка), а не получив, разрешил казакам «погулять». «Тогда начался расстрел, было изнасиловано много женщин». В дящихся три дня грабежах участвовали многие местные жители — неевреи. Когда потребовалось объяснение относительно трупов на улицах, казаки заявили, что евреи стреляли в офицера, но промахнулись. Жену Шлямы Сафера изнасиловали, самому ему отрубили шашкой руку и застрелили. После расследования у местных жителей-поля-

ли» (Там же. Д. 86. Лл. 23–26). Военный следователь 11-го Армейского корпуса с возмущением писал о поведении казаков, избивавших жителей нагайками и «открыто на глазах владельцев похищавших их имущество» (Там же. Л. 31).

⁶⁷ Сергийчук В. Погромы в Україні. С. 98–100.

⁶⁸ Н.Л. Тверской отмечает ходивший в войсках слух: «отступление из-за предательства евреев» (ЦАИЕН. НМФ/585.С; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 162). Ср. с замечанием русского военачальника: «Всякий, кто сталкивался с нашими казаками, признает их добродушие и сердечность» (Гурко В. Война и революция в России. М., 2007. С. 156).

ков было отобрано и возвращено владельцам много вещей, но арестован никто не был⁶⁹.

По свидетельству современников, евреи часто называли «казаками» «всех, кто верхом» — всю русскую кавалерию, в том числе драгун, пограничников и т.д.⁷⁰

Иную модель поведения продемонстрировал командир 3-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. 29 августа 1914 года он сдал на хранение начальнику Тарнопольского уезда серебряные вещи, обнаруженные в разбитом молитвенном доме в городе Тарнополь (вещи хранились в деревянном ящике, видимо, спрятанные евреями)⁷¹.

По данным, собранным еврейскими общественными деятелями, к январю 1915-го в русской Польше было зафиксировано более 150 погромов — цифра, названная О.О. Грузенбергом председателю Совета Министров И.Л. Горемыкину⁷². Скорее всего, Грузенберг имел в виду именно случаи мародерства и массовых грабежей, а не погромы с применением оружия, какие происходили, например, в Галиции.

Погромы в зоне боевых действий

Если грабежи и мародерство были перманентным явлением во всей зоне боевых действий 1914–1915 годов, то погромы характерны прежде всего для районов непосредственных боев.

⁶⁹ ЦАИЕН. НМФ/583.Ф (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160). О тех же событиях имеется еще одно свидетельство — жителя посада Л.Х. По его словам, казаки-погромщики скрывались в лесах после отступления русских и вернулись в город после вступления в него Семеновского полка (семеновцы в этих бесчинствах не участвовали). Казаки убили пятерых евреев. Один (Борнштейн) был убит за то, что вышел на улицу и стал звать на помощь. Товары из еврейских лавок казаки раздавали полякам. На глазах у всех уводили женщин и насильовали их. По словам фельдшера, «одну из девушек так изнасиловали, что у нее вспухли половые органы». (ЦАИЕН. НМФ/586.Д; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 163).

⁷⁰ Свидетельство А.Ф. Керенского, побывавшего в зоне боевых действий (ЦАИЕН. НМ2/7954.1; оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 11).

⁷¹ ЦГИАК. Ф. 361. Оп. 1, 1210. Л. 1. Описание сданных вещей — «серебряная вещичка (кисть руки на палочке с цепочкой), 4 больших и 2 малых с серебряными наконечниками палки» (Л. 2).

⁷² ЦАИЕН. НМ2/7954.2 (оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 13).

При этом можно выделить две больших погромных волны⁷³. Одна прокатилась по Галиции и Буковине в 1914–1915 годах при занятии этих областей русской армией, другая сопровождала отступление русских войск в 1915-м, прежде всего из Литвы и Белоруссии, а также с Волыни.

Составленный, видимо, осенью 1914-го доклад С. Ан-ского дает представление о положении евреев в зоне военных действий в Галиции. Ан-ский отмечает массовые случаи грабежей, чинимых войсками, а также случаи убийства евреев. В целом, по его заключению, «офицеры не властны над солдатами на поле военных действий»⁷⁴. По всей Галиции войска «грабили, жгли, уничтожали еврейское добро... насильовали и убивали евреев. Я слышал это от многих солдат — бесхитростных свидетелей происходящего»⁷⁵. Везде погром происходил «по одному шаблону: провокационный выстрел или что-либо в этом роде, а затем уже стрельба, пожары, грабежи...». Среди бела дня в еврейской части Львова раздался выстрел, и словно в ответ на это в различных улицах, населенных евреями, начались стрельба и грабеж, продолжавшиеся около двух часов. Жертвами погрома стали 19 человек (из них 17 евреев).

В занятых русской армией Бродах Ан-ский видел следы пожара и разрушения в центре города, выбитые стекла, испещренный выстрелами потолок синагоги — и все это было результатом погрома, а не боевых действий. В городе были убиты 6 евреев и 12 евреек, а также одна христианка. Поводом для стрельбы и погрома стало то, что еврейская девушка убила казачьего офицера, и русские войска принялись мстить. К моменту приезда Ан-ского в окнах христианских домов в городе еще были выставлены кресты и иконы —

⁷³ Как справедливо отмечает О.В. Будницкий, сам термин «погром» не вполне подходит к производившемуся регулярными воинскими частями организованному насилию (*Будницкий О. В. Происхождение еврейских погромов. С. 145*).

⁷⁴ ЦАИЕН. НМФ/582.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 159).

⁷⁵ «Все сообщения русской прессы о жестокостях немцев верны, только вместо “немцев” надо вставить слово “русские”. При этом никаких протестов со стороны московских литераторов» (*Там же*).

как в России во время погромов⁷⁶. Отметим расхожее обвинение о выстрелах в спину, будто бы сделанных евреями, а чаще еврейками — как справедливо отметил О.В. Будницкий, в этом «бродячем» сюжете имеет место «материализация» ожидаемого предательства, за которым следует жестокая месть⁷⁷.

После занятия городов казаки под предлогом поиска спрятавшегося неприятеля обыскивали дома, забирали понравившиеся им вещи. Тыловые части, вступая в город, подбирали уцелевшее во время погрома. Пожары в городах вспыхивали не во время боев, а во время погромов⁷⁸.

Данные Ан-ского подтверждаются сведениями о погромах из других источников. Так, в Хотинском уезде Бессарабской губернии в апреле 1915-го при изгнании австрийцев кавалеристами графа Келера (10-я кавалерийская дивизия) было разграблено 600 домов, 11 синагог, разорено около восьми с половиной тысяч евреев, изнасиловано 50 женщин⁷⁹.

В ноябре 1914-го при повторном занятии города Ярослав (Западная Галиция) русскими войсками в городе произошел страшный погром⁸⁰. С 9 вечера до 5 утра следующего дня казаки и солдаты грабили, насильовали, убивали. Женщин вытаскивали из домов и насильовали на улицах. Жена адвоката Зальценберга была изнасилована и убита (поскольку отказалась перекреститься). Пятилетней девочкой (дочь Шваркопа) казак размахивал в воздухе, а затем ударил о панель⁸¹. К утру

⁷⁶ *Там же*. Свидетельство Ан-ского подкрепляется воспоминаниями В.Ф. Джунковского, отмечавшего «в оккупированном Львове порядок образцовый, в окнах квартир иконы (жители боятся погрома и выставили их, в том числе еврей)» (*Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 449*). О погромах в Бродах и Стрые см. также: *Holquist P. The Role of Personality. P. 55–56*.

⁷⁷ *Будницкий О.В. Происхождение еврейских погромов. С. 154*.

⁷⁸ ЦАИЕН. НМФ/582.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 159).

⁷⁹ ЦАИЕН. НМФ/586.С (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 163).

⁸⁰ Подробное описание сохранилось в архиве М.Х. Бомаша (ЦАИЕН. НМФ/588.А; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

⁸¹ Ср. описание поведения русских солдат в Персии: «Стоит казак. Перед ним лежит голый брошенный младенец-курденек. Казак хочет его убить, ударит раз и задумается, ударит второй и задумается. Ему гово-

в городе было 250 убитых и 189 тяжело раненых (70 процентов из них евреи, остальные — местные поляки), во всех домах были вывешены портреты царя. Поразительно, что в это самое время в городе располагался штаб 3-й Армии вместе с командующим генералом Р.Д. Радко-Дмитриевым (штаб размещался в ратуше в центре города и не мог не знать о грандиозном погроме, происшедшем в небольшом — около 20 тысяч жителей — городе)⁸².

При погроме в Новом Самборе (Галиция) ворвавшиеся в синагогу казаки удовлетворяли там «естественные надобности — как по команде, в разных углах... крича, что шелк мягкий...». На перевязочном пункте санитарного поезда было в результате погрома зафиксировано 17 проломов черепа, 18 переломов конечностей, 4 отрубленных языка, 1 случай отрезанных ушей и 7 изуродованных тел. Положил конец погрому взрыв на спиртном заводе Фрайнделя (от брошенной перепившимися солдатами спички), в результате которого погибло свыше ста человек. После этого офицеры, до этого спокойно смотревшие на погром, начали наводить порядок⁸³.

Поражение и отступление по всему фронту русских войск весной-летом 1915-го сопровождалось попытками русского командования эвакуировать все трудоспособное население и уничтожить любые материальные ценности, способные послужить неприятелю.

Хотя решение о поголовном выселении евреев отступавшей русской армией принято не было, зона боевых действий стала ареной многочисленных локальных выселений, а также депортации евреев из Ковенской и Курляндской губерний. Приказы о полном уничтожении материальных ценностей в зоне отступления продолжали действовать, и отступающие войска чувствовали себя вправе совершать «полнейшее ограбление... мирного населения»⁸⁴. По словам очевидца, «наши

рят: “Убей сразу”, — а он: “Не могу — жалко”» (*Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. С. 113).

⁸² ЦАИЕН. НМФ/588.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

⁸³ Там же.

⁸⁴ Воейков В.Н., С Царем и без Царя. М., 1995. С. 159.

грабили везде, что и как только могли, особенно казаки, которые вообще... превратились просто в “вольницу”»⁸⁵. Министр внутренних дел князь Н.Б. Щербатов с жаром описывал ситуацию на заседании Совета Министров:

В сумбуре отступающих обозов и воинских частей, вольных и невольных беженцев, гонимых нагайками евреев, среди этой усталой, замученной, голодной толпы происходит какая-то дикая вакханалия. Процвечают пьянство, грабежи, разврат. В поступающих ко мне донесениях прямо говорится, что казаки и солдаты нарочно тянут за собой семьи беженцев, чтобы иметь в походе женщин, которых они одаривают награбленными вещами...⁸⁶

Документы позволяют воссоздать историю волны еврейских погромов, прокатившихся при отступлении русской армии в июле-октябре 1915-го по Ковенской, Виленской, Минской, части Гродненской и Волынской губерний. Повсеместно отмечались достаточно корректное поведение русской

⁸⁵ В.П. Денисенко, дивизионный контролер 7 кавалерийской дивизии (*Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. С. 88). Мнение Денисенко не расходилось, видимо, с действительностью. См., напр.: дело об убийстве казаком Искандеровым пехотинца в июне 1915-го, разбиравшееся корпусным судом 31-го Армейского Корпуса. Казаки 7-го Оренбургского казачьего полка были посланы уничтожить спиртовой завод в Устилуге. «Когда выпускали спирт с завода, он <Искандеров — С.Г.>... набрал 12 флаг и поехал в местечко к дому одного еврея. Там, в комнате, в которую они ввели и лошадей, распивали спирт. Еще когда наливали спирт, выпили порядочно». Далее, поспорив с вошедшим пехотинцем, Искандеров застрелил его. Приговор был очень мягок — полтора года арестного отделения, для отбытия наказания казак был отправлен в свою часть (РГВИА. Ф. 2188. Оп. 1. Д. 4. Лл. 6–60б). Ср. с мнением М.К. Лемке: «Какой ужас совершается в районе мирной полосы России — ужас ограбления Родины, ужас захвата всего, что плохо лежит, ужас спекуляции на нуждах Родины, ужас набивания кармана» (*Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. С. 279).

⁸⁶ *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 74 (заседание 16 августа 1915 года). Ср. с резолюцией Щербатова (август 1915-го) при препровождении в Ставку письма 11 членов Думы, просивших прекратить принудительную эвакуацию; «Считаю возможно меньшее принудительное выселение населения вопросом государственной важности» (РГВИА. Ф. 2118. Оп. 3. Д. 9. Л. 2060б).

пехоты и артиллерии — грабежи и погромы были на совести казаков и других кавалеристов⁸⁷. В Ковенской губернии пострадало в июле 1915-го 15 местечек (восточнее линии выселения весны 1915 года). В Вобольниках, стремясь предотвратить погром, евреи в субботу открыли лавки, многие угощали солдат бесплатно.

Но затем в город вошли казаки, и начался погром. В поисках денег и драгоценностей казаки врываются в дома, ломали мебель, посуду, рвали старикам бороды. Грабежи происходили в присутствии офицеров, были случаи насилия над женщинами⁸⁸. Местечко Трашкуны (Troškunai) разгромили драгуны:

Отовсюду неслись крики, слышался звон разбиваемых стекол и посуды, треск мебели, летал пух их распоротых подушек, сыпалась мука их мешков. Громили брали нужное и ненужное, многое бесцельно портили и уничтожали, сзывали крестьян и отдавали им вещи за гроши или задаром⁸⁹.

Местечко Вешинты не только разгромили, но и сожгли, планомерно поджигая дома⁹⁰. В Оникштах (Анукščiai) 14 июля в тотальном погроме наряду с казаками и драгунами участвовали и пехотинцы. Солдаты были голодны, искали хлеб, взламывали лавки, отдавали товары окрестным крестьянам

⁸⁷ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 274.

⁸⁸ Там же. С. 275; ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 105. Л. 2.

⁸⁹ Евреи просили офицера унять солдат, но он ответил, что его все равно не послушают, и погром продолжался при нем (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 275). Согласно другому сообщению, офицер спокойно пил чай, пока солдаты шарили по комодам (ЦАИЕН. НМФ/588.В; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165). Не везде солдаты настолько не боялись офицеров. В Субочи (также Ковенская губерния) избиваемым евреям говорили, что если они пожалуются коменданту, то всех убьют (Там же). В Добейках громившие еврейскую лавку немедленно удалились, как только офицер сделал им замечание (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 276).

⁹⁰ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 276. Такая же участь постигла местечко Крево (Виленской губернии) в сентябре 1915-го (Там же. С. 281). Видимо, так выполнялось предписание оставлять врагу «выжженную землю».

(«принимавшим в погроме живое участие»), до полусмерти избивали евреев⁹¹.

В ходе тяжелых боев августа-сентября 1914-го в Виленской губернии русскими войсками были разгромлены 19 еврейских местечек⁹². В Дуниловичах казаки грабили еврейские лавки и квартиры, а также отдавали их толпе на разграбление. В местечко для участия в грабеже собралась толпа крестьян с подводами из ближних и дальних деревень (местный ксендз пробовал усостыжить толпу, но безуспешно). Евреи пожаловались коменданту, тот направил солдат, водворивших порядок. Еврейские вещи были отобраны у 30 крестьян⁹³. После короткого пребывания немцев в городок вновь вступили русские войска. Новые толпы крестьян нахлынули в город с подводами, «целые магазины продавались им за 3–5 рублей». Были отмечены и случаи насилия над женщинами⁹⁴.

В Жослях в августе 1915-го грабивший казак объяснял евреям: «Из-за вас, пархатые жида, страдал я 38 дней на передовых позициях, вы, сукины дети, радуетесь нашему отступлению»⁹⁵. В Поставах в августе-сентябре 1915-го казаки трижды вступали в местечко, каждое их пребывание сопровождалось грабежами и избиениями евреев⁹⁶. В Козянах казаки грабили сами и предложили крестьянам брать из еврейских домов и лавок все, что им захочется, все сплошь еврейское имущество было расхищено и уничтожено⁹⁷.

⁹¹ «Одного еврея казаки секли розгами до потери сознания, потому что заметили над дверью его дома зонтик и приняли это за сигнализацию врагу» (Там же. С. 276), см. также: ЦАИЕН. НМФ/588.В (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

⁹² Еврейская старина. 1918. № 10. С. 278.

⁹³ ЦАИЕН. НМФ/588.Д (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

⁹⁴ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 284–285.

⁹⁵ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 220. Л. 1.

⁹⁶ В первый раз евреи собрали около воза махорки и папирос и раздали их вступившим в августе 1915-го казакам; те, однако, «неутомимо грабили». Вступившие затем в город немцы «за припасы платили и держали себя корректно. 8 сентября город снова перешел в наши руки. Заслышав пение и гиканье казаков, многие евреи спрятались в погребах» (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 279–280).

⁹⁷ Еврейку Ихельчик, пожаловавшуюся казачьему «старшему» на разграбление лавки и опознавшую грабителей, казаки решили повесить, ее

Погром, а затем выселение в Сморгони превратило этот городок (центр кожевенной промышленности с девяти тысячным населением, из них 7 тысяч евреев) «в груды развалин»⁹⁸. Грабежи, в которых, как и в других местах, участвовало не-еврейское население, сопровождались избиениями евреев и насилием над женщинами. Некоторые офицеры помогали погромщикам, другие пытались разогнать их (один офицер даже выстрелил в громящую толпу). В Сморгони произошел один из двух известных нам случаев, когда солдаты-евреи пытались защитить местное еврейское население от погрома. Группа солдат-евреев (около 40 человек) ворвалась в Старую Синагогу, где казаки насиловали спрятавшихся там евреев. «Между казаками и солдатами-евреями произошла свалка, продолжавшаяся на улице; в результате ее оказалось двое убитых и много раненых <евреев— С.Г.>; сильно пострадали и казаки»⁹⁹.

В Глубоком Витебской губернии события развивались похожим образом. Еврейское население, при помощи представителей еврейских общественных организаций, стремясь не допустить бесчинств, бесплатно кормило солдат и казаков (было роздано около 70 пудов муки).

Несмотря на это, казаки грабили и мародерствовали. Казачий сотник ответил на жалобу евреев: «обязанность каждого казака — уничтожить все, что попадетсЯ ему на пути, чтобы оно не досталось неприятелю». Большой, тотальный погром начался при повторном вступлении казаков в город 8 сентября 1915 года. Казаки вместе с местными хулиганами врываются в еврейские дома, переворачивали и обшаривали всю обстановку, мужчин избивали, ранили, раздевали донага и отнимали все представлявшее малейшую ценность. Еврейские женщины были изнасилованы¹⁰⁰.

привязали к лошади и потащили по базару. Все же «вид плачущих детей тронул казаков и женщину освободили» (*Там же*. С. 280).

⁹⁸ *Там же*. С. 281.

⁹⁹ *Там же*. С. 282. Другой известный случай помощи евреям со стороны солдат-одновременцев произошел осенью 1914-го в Буске Келецкой губернии (ЦАИЕН. НМФ/588.В; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

¹⁰⁰ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 285–286.

В сентябре 1915-го в Докшицах Минской губернии сибирским казаком, первыми вступившим в город, евреи выдали по фунту мяса, табак, спички и т.д., и те евреев не тронули. Затем в город прибыли донские казаки и начался погром. 15–17 сентября в город прибыли толпы крестьян, получавших товары от солдат и грабивших сами. От погрома пострадало 132 хозяйства, убыток составил 30 тысяч рублей. Офицеры требовали с евреев «за спокойную ночь по 100 рублей». Погром прекратился лишь после прихода в город пехотных частей¹⁰¹.

В Волынской губернии при отступлении русской армии было зафиксировано семь погромов еврейских местечек¹⁰². В грабежах и погроме в местечке Локачи (Владимир-Волынский уезд, июль 1915-го) на равных участвовали казаки и драгуны, более того, руководили происходящим офицеры. Драгунский офицер, которому пожаловались евреи, ответил, что прикажет выпороть всех евреев города «за клевету на солдат». Солдатам же он разрешил «попользоваться насчет жидовского добра». На следующий день по приказанию офицера была сожжена мельница. 24 июля 1915 года христианам велели выставить иконы, после чего начался всеобщий погром. Хозяин табачной лавки за ответ, что у него нет дорогого табака, получил в живот удар пикой, от которого умер. Евреи бежали от бесчинств за город, где устроили «табор». Драгуны и казаки приехали туда, обыскивали евреев (при обыске евреев клали на землю и ощупывали), отбирали спрятанные деньги. Все имущество евреев в это время расхищалось и распродавалось крестьянам окрестных сел¹⁰³.

¹⁰¹ *Там же*. Ед.хр. 62. Лл. 1–5. Крестьяне во время погрома разбились на группы в 30–40 человек во главе с казаками. Гражданские власти, ссылаясь на свое бессилие, ничего не предпринимали. Дивизионный командир (видимо, генерал Петерс, позднее привлеченный к ответственности за допущение погрома) потребовал от евреев держать лавки открытыми, угрожая в противном случае «повесить раввина и уничтожить все местечко. Как только лавки были открыты, крестьяне и казаки принялись громить их в присутствии генерала, равнодушно созерцавшего эту картину» (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 288).

¹⁰² Еврейская старина. 1918. № 10. С. 291.

¹⁰³ ЦАИЕН. НМФ/588.В (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165). В июне в Локаче также свирепствовала холера и был устроен погром беженцами-галичанами (ЦАИЕН. НМФ/588.С; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1.

Как видно, во всех описанных погромах 1914–1915 годов ключевой была позиция офицеров и местных военных властей, которые в теории должны были контролировать солдат. Именно их отказ или неспособность помочь беззащитному еврейскому населению, а иногда и прямое участие в погромах, приводили к совершенно бесконтрольному разгулу насилия. Отметим еще раз роль казачьих частей (которые по общему признанию труднее было контролировать) в насилиях и зверствах, чинимых над еврейским населением¹⁰⁴.

Но там, где локальные военные власти энергично вмешивались в ситуацию, удавалось обуздать солдат и не допустить погромов. В частности, так повели себя этапные коменданты в Вилейке и Молодечно¹⁰⁵. В Вильно, где перед отступлением русской армии также возникла угроза погрома, 28 августа 1915 года генерал Е.А. Радкевич издал объявление, в котором предупреждал войска, что беспорядки и насилия будут сурово караться¹⁰⁶. Телеграмма генерала А.И. Литвинова (командующий 1-й Армией) от 17 октября 1915 года предупреждала войска: «Государю Императору угодно было повелеть применить самые суровые меры, невзирая на ранги как непосредственных виновников, так и допустивших беспорядки начальников... Наибольшее число жалоб имеется на казаков корпусной конницы»¹⁰⁷. Генерал-майор Петерс, командир 14-й

Д. 165, письмо Акимовича). Бежавших из Порицка от казаков евреи обратно не пустили, лишь позволив им забрать свитки Торы, причем два свитка из семи оказались разорванными (июнь 1915-го).

¹⁰⁴ Клиер Дж. Казаки и погромы. С. 62; Lohr E. 1915 and the War Pogrom Paradigm. P. 42.

¹⁰⁵ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 126. Лл. 2–3. На просьбу евреев обуздать грабящих еврейские лавки в местечке Туробин (Люблинская губерния) казаков командир артиллерийской бригады отвечает отказом: «Мы ничего сделать не можем. Видите — мы уходим». Затем командир уныло добавил: «этих прогоним, через час другие начнут» (*Войтоволковский А.Н.* Выходил кровавый Марс. С. 23–24).

¹⁰⁶ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 272, 278. Радкевич, ответственный за поголовное выселение евреев в мае 1915-го, предостерегал, с другой стороны, от того, чтобы «единичным случаям грубого обращения казаков с населением придавалась окраска чуть ли не поголовного грабежа и насилий над мирным населением» (*Там же.* С. 278).

¹⁰⁷ ЦАИЕН. НМФ/588.D (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

кавалерийской дивизии, за допущение погрома в Докшицах был привлечен к ответственности¹⁰⁸.

При отступлении русской армии из Польши и Галиции не было зафиксировано такого разгрома еврейских местечек, как в Литве и Белоруссии. Возможно, сохранившиеся в архивах данные не полны, однако не исключено, что отступление не всюду сопровождалось столь тотальной утерей контроля над войсками, как при прорыве русской обороны в Прибалтике¹⁰⁹.

Казни в прифронтовой полосе

Крайним проявлением царившей на фронте атмосферы насилия и беззакония были казни мирных жителей-евреев в зоне военных действий. Эти казни совершались либо вовсе без суда (по инициативе солдат или приказу офицера), либо по приговору т.н. «военно-полевого суда», не имевшего никакого отношения к упорядоченной процедуре военного судопроизводства. В зоне боевых действий и переходящих из рук в руки населенных пунктов человеческая жизнь обесценивалась и стоила недорого. При малейшем подозрении шло в ход оружие¹¹⁰.

Часто казни совершались прямо в горячке боя или сразу после него. Так, уже 12 августа 1914 года во время ожесточенных боев в Замостье по приказанию командира 184-го Варшавского пехотного полка полковника Жулябина были расстреляны из пулемета десять евреев (от 16 до 52 лет, в том числе одна женщина) и пятеро христиан (в том числе старики 78 и 84 лет). Произошло следующее: на случайный выстрел одного солдата по своим ответили другие. Между русскими частями началась перестрелка и был пущен слух, что по рус-

¹⁰⁸ В погроме, как было выяснено, участвовали 20-й и 54-й казачьи полки (*Там же*). Петерс при этом не был отрешен от командования дивизией и командовал ей до февраля 1916-го (*Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. С. 874).

¹⁰⁹ Ср.: при отходе русской армии из Персии в 1917-м многие города были ограблены по два-три раза. Город Дильман гарнизон разделил на участки, «каждая команда громила свой квартал. Для освещения город зажгли» (*Шкловский В.* Сентиментальное путешествие С. 109).

¹¹⁰ Жертвами самосудов становились не только евреи, см. случай расстрела целого вагона пленных (40 человек) за убийство конвоира (*Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. Вып. I. С. 185).

ским солдатам стреляли из близлежащих домов. Солдаты схватили всех, кто прятался в погребе дома Альтберга и неподалеку от него, и объяснили командиру полка, что именно эти люди стреляли по ним. Командир приказал всех расстрелять¹¹¹. Похожий случай произошел в Избице Люблинской губернии, где шестеро евреев укрывалось во время боя в подвале кладбищенского дома. Они были обнаружены солдатами и расстреляны (кроме убежавшего 11-летнего мальчика и одного раненного в руку, позднее ампутированную)¹¹².

7 ноября 1914 года русские ворвались в город Кернозя Варшавской губернии. В одной из пекарен были застрелены прятавшиеся там две женщины, семь человек исколоты штыками, двое из них умерли. Застрелен был стекольщик Мойша Литвак, Мойша Френкель и его жена схвачены на улице, поставлены на колени и расстреляны. Мейлах Бронштейн, 80 лет, заколот в своей квартире, Злата Гольдфарб привязана к дереву и расстреляна, убит был также Мордко Глобач¹¹³.

Один из самых тяжелых случаев произошел в местечке Бжезины (Брезины) Петроковской губернии. 9 ноября 1914 года во время ожесточенного боя в Бжезинах пошел слух, что евреи стреляют в спины штурмующим местечко солдатам 6-й Сибирской дивизии. Солдаты при обыске в домах арестовали 39 евреев, вывели их в поле и объявили, что сейчас расстреляют. Подошедший полковник велел евреев отпустить. Евреи побежали по полю, солдаты открыли по ним огонь (неясно, было ли это сделано по приказу). 12 человек были убиты на месте, многие ранены, только 8 евреев остались невредимы. Подошедший офицер велел им идти по домам, но евреи побоялись и присоединились к партии немецких пленных, которых гнали в Варшаву. Встречным солдаты-конвоиры объясняли, что это «шпионы», не давали избивать евреев, объясняя, что «приказано доставить живыми». В Варшаве

¹¹¹ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Лл. 312–313; то же: ЦАИЕН. НМФ/587.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 164).

¹¹² ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 314.

¹¹³ Там же. Лл. 316–317. По сообщению 14-й Сибирской пехотной дивизии евреи были застигнуты за сигнализацией врагу и заколоты на месте (РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 177. Л. 140б).

конвойные объявили, что привели «шпионов», но никаких бумаг у них нет. Только когда конвойным объяснили, что евреев повесят и грех ляжет на их душу, они признались, что ничего о прибывших к ним в пути евреях не знают. 8 евреев отпустили домой, о расстреле они ничего не рассказывали, боясь осложнений¹¹⁴.

Евреи становились объектом самосуда отдельных солдат или войсковых частей, даже когда вокруг не свистели пули. В Радоме 21 августа 1914 года были повешены владелец кожевенного завода Герш Мордка Санкевич, его шурин и двоюродный брат. Трупы повешенных оказались почти без платья, с вырванными бородами и множеством кровоподтеков¹¹⁵. Обыденное действие — перевозка товаров — становилось для евреев в прифронтовой полосе смертельно опасным. В ночь с 18 на 19 сентября 1914 года в деревне Завихост (Радомской губернии) солдаты остановили пятерых евреев, ехавших с товаром. После недолгого разбирательства крестьян-перевозчиков отпустили, а евреи были расстреляны солдатами¹¹⁶.

Достаточно было подать солдатам или казакам малейший повод для недовольства, и жизнь еврея оказывалась в опасности. В Хмельнике (Келецкой губернии) еврей-пекарь и его сосед не давали казаку «забрать кой-какие вещи». Оба еврея были схвачены и немедленно повешены, поскольку будто бы хотели убить казака¹¹⁷.

13 сентября 1914 года в Калишской губернии евреи Щецинский и Раевский были повешены на балконе дома за отказ

¹¹⁴ ЦАИЕН. НМФ/582.С (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 159). Аналогичный случай описан в прошении жены одного из попавших в конце в Варшавскую тюрьму евреев (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 138. Л. 17). По версии русских войск, евреи в Бжезинах провели им в тыл целую бригаду немцев вместе с артиллерией и стреляли по русским из пулеметов (РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 177. Л. 140б).

¹¹⁵ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 326.

¹¹⁶ Там же. Д. 9. Л. 324.

¹¹⁷ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 9. Л. 324. Аналогичный случай произошел в Симове Петроковской губернии. Там четыре еврея и поляк-работник везли товар. Казаки велели работнику отойти и расстреляли евреев (Там же. Д. 3. Л. 330). А возле деревни Неджвяды семеро евреев были расстреляны по приказанию офицера — они также ехали с товаром. И здесь ехавших с евреями крестьян отпустили (Там же. Л. 327).

дать сдачу мелкой монетой (при этом, согласно показаниям свидетелей, евреи выдать сдачу вовсе не отказывались)¹¹⁸. 30 января 1915 года в Вышеграде солдатами был задержан с бритвой и молотком Симха Брокман, который заколачивал в местечке ставни досками. Объяснения не помогли, и на следующие утро Брокман был повешен¹¹⁹. В Хотинском уезде Шлема Райсман был расстрелян за то, что австрийский солдат пил у него молоко¹²⁰.

Донос или наговор становились достаточной, с точки зрения солдат, причиной для казни. Так, в Ловиче казаками были повешены на площади два еврея — проезжих с постоянного двора (поляки указали казакам, что там будто бы скрываются шпионы)¹²¹. На Йом Кипур 1914 года в Щегове (Радомской губернии) были арестованы по доносу крестьянина молившиеся в одном из домов евреи (крестьянин показал, что один из них поджег его дом). Все 11 евреев были расстреляны на месте¹²². 10 марта 1915 года в местечке Черные Броды Августовского уезда драгуны полковника Бискупского (1-й лейб-драгунский Московский полк) повесили без суда четырех евреев по доносу соседей-поляков¹²³.

Организуемый на месте военно-полевой суд также не сулил евреям ничего хорошего. В деревне Сухарец по доносу поляка были повешены три еврея, причем согласно приговору суда штаба 84-й дивизии тела должны были висеть три дня¹²⁴. В Бучанах (Трокского уезда) 27 июля 1915 года солдаты спросили Нафтали Носа, не видел ли он немцев. Тот ответил:

¹¹⁸ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 325. К животу одного из повешенных была приколоты записка: «Жид Щецинский. Повешен за отказ размена на мелких» (*Там же*).

¹¹⁹ *Там же*. Д. 9. Л. 318.

¹²⁰ ЦАИЕН. НМФ/586.С (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 163).

¹²¹ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 327.

¹²² ЦАИЕН. НМФ/585.С (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 162). Ср. со случившимся в феврале 1915-го в деревне Немново (Сувальской губернии), где по доносу местного крестьянина были арестованы и немедленно расстреляны пятеро евреев, будто бы содействовавших неприятелю (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 9. Л. 324).

¹²³ ЦАИЕН. НМФ/586.Д (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 163).

¹²⁴ *Там же*.

«Вот глупости вы спрашиваете... Немцев нашли». Военно-полевой суд (два офицера и врач) тут же приговорил Носа к смерти, и тот был повешен утром следующего дня¹²⁵.

Зона поголовного выселения евреев весной 1915-го (Ковенская губерния) также стала ареной фактических самосудов. В апреле в Средниках после доноса местного крестьянина были расстреляны по приказу офицера три еврея¹²⁶. В местечке Векшна евреи Клаф и Маркус шли за мясом. Солдаты остановили их и хотели расстрелять без всякой причины. Маркуса узнал знакомый крестьянин, поручившийся за него, и его отпустили, Клафа же расстреляли на месте¹²⁷. В Эйраголе 21 апреля 1915 года по доносу был арестован местный мясник Шлема. При допросе его секли, а вечером повесили (при повешении веревка не выдержала и оборвалась, солдаты пристрелили несчастного). Рафаэль Корабельник посмел остаться в местечке после выселения, был обвинен в шпионаже и расстрелян¹²⁸.

Боевые действия Первой мировой отличались невиданной прежде жесточенностью и самым отрицательным образом влияли на психологическое состояние их участников. «Громадные потери живой силы, когда каждый снаряд выводит из строя 70–100 человек, поле, испещренное огромными воронками, тысячи трупов, вид раненых и убитых товарищей, шумовые эффекты, тепловые удары»¹²⁹, — все это влияло на русских солдат. Мирное население, особенно еврейское, изначально подозревавшееся во враждебности, легко становилось жертвами такого стресса, что проявлялось, в частности, в бессудных казнях на поле боя. Как говорил князю П.Д. Долгорукому военный судья, ему не пришлось подписывать смертных приговоров о еврейском шпионстве, «так как каждый ротный и батальонный командир вешают без суда тех, кто кажется им шпионами»¹³⁰.

¹²⁵ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 54. Л. 1.

¹²⁶ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 9. Л. 324.

¹²⁷ *Там же*.

¹²⁸ *Там же*. Д. 3. Л. 329.

¹²⁹ Асташов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война. С. 407.

¹³⁰ Цит. по: Будницкий О. В. Происхождение еврейских погромов. С. 150.

Военнослужащие и женщины

Война сделала сексуальные контакты более доступными (о чем, в частности, свидетельствовало широкое распространение в армии венерических болезней). Основным объектом сексуальных действий для солдат были женщины-окопницы, беженки, профессиональные проститутки¹³¹.

Однако в общей атмосфере насилия и вседозволенности, охватившей фронт и прифронтовую полосу, было достаточно широко распространено и сексуальное насилие. Изнасилования во время войны принято объяснять не только сексуальными нуждами искусственно оторванных от женского общества солдат, но и склонностью видеть в женщинах трофеи, а в их завоевании — триумф победителей.

Почти нет свидетельств о случаях изнасилования в горячке боя, когда солдаты практически переставали себя контролировать¹³². Описания поголовных выселений евреев из различных местностей также практически не включают упоминаний о насилиях над женщинами.

Изнасилования происходили обычно либо в близком тылу, либо в зоне боевых действий, но не в момент самого боя, а при производимом войсками погроме. Безраздельная власть над беззащитными жертвами, выливалась, видимо, у солдат и казаков и в сексуальную агрессию. В громимых местечках разыгрывались страшные сцены.

В Цитовянах (Ковенской губернии) в начале мая 1915-го гусары (не казаки!) грабили евреев и искали женщин. Евреи спрятали женщин в погребах, кавалеристы нашли их и нача-

¹³¹ Там же. С. 421.

¹³² Практически единственный известный случай изнасилования непосредственно во время боев произошел в местечке Каменка Влосна недалеко от Львова (видимо, в сентябре 1914-го). Мойзес Шнейль с дочерью и женой прятался от боев в погребе. Шестеро солдат 75-го Севастопольского полка вызвались добровольцами спуститься в погреб (был получен донос, что там скрываются австрийцы). Вернувшись, солдаты рассказали, что «женщины встретили их огнем», и им пришлось отвечать: в итоге из погреба извлекли два трупа молодых женщин с разбитыми прикладами головами и в разорванной («особенно разорванной и грязной там... где прилегает к половым органам») одежде (ЦАИЕН. НМФ/588.А; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

лось насилие. Изнасилованная дочь Лейзеровича вырвалась и бежала по местечку совершенно голая, дочь Хаима Блюма на глазах у отца изнасиловали пятеро солдат¹³³.

Сопровождавшиеся погромами наступление русских войск в 1914-м и их отступление в 1915-м также сопровождались многочисленными эпизодами изнасилования еврейских женщин¹³⁴. В Новом Самборе после погрома было зафиксировано 46 изнасилованных женщин (не все из них еврейки)¹³⁵. В Хотинском уезде Бессарабской губернии только в селе Калинауце кавалеристами 10-й дивизии было изнасиловано 15 женщин (всего в уезде — около 50)¹³⁶. В Глубоме в сентябре 1915-го было изнасиловано до сотни евреек:

Много девушек собралось в синагоге Краута. Туда подошла группа казаков; часть их с саблями наголо оцепила синагогу, а другая часть ворвалась внутрь. Стоны и вопли насилуемых раздавались по всему местечку, но помочь им никто не был в состоянии¹³⁷.

¹³³ ЦАИЕН. НМФ/583.В (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160). Подробности из другого источника: Блюм умолял отпустить дочь, рыдал, целовал солдатам ноги. С него взяли 3 рубля, избили его нагайками и поочередно изнасиловали дочь. Геккера и его сына вытащили из дома, а оставшиеся казаки насильовали дочь Этель (ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 152. Лл. 154–156). В Малиницах Волынской губернии казаки изнасиловали мать и дочь (13 лет) — мать предлагала им себя вместо дочери. Рассказчик отмечает поведение изнасилованной женщины, она «молчит», «не поднимает глаз» на собеседника, «вся горит от стыда» — все вокруг знают о ее позоре (ЦАИЕН. НМФ/586.С; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 163).

¹³⁴ В. Грабарь, прикомандированный к Ставке юрист, отмечал в своем дневнике, что изнасилования, в том числе малолетних, солдатами превратились в обыденность (*Holquist P. The Role of Personality*. P. 54)

¹³⁵ Данные львовского раввина (ЦАИЕН. НМФ/588.А; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

¹³⁶ ЦАИЕН. НМФ/586.С (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 163).

¹³⁷ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 293–294. По другим данным, в Глубоме было свыше 15 изнасилованных девушек (ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 161. Лл. 1–2). В частности, казаки изнасиловали жену Мойшка Мирмана, а его самого ударили шашкой по голове и он умер в больнице. Один из казаков был опознан и предан суду. (ЦАИЕН. НМФ/588.С; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

В Сморгони солдаты ворвались в подвалы завода Пергамента, где пряталось до 400 евреев, молодых девушек отделили и увели. Одна из изнасилованных тогда женщин онемела, другая позднее умерла¹³⁸. При уже упоминавшейся схватке в Сморгони между солдатами-евреями и казаками евреи обнаружили в Старой синагоге тела «замученных, изнасилованных женщин»¹³⁹. При погроме в Видзах (Ковенской губернии) были изнасилованы все еврейки, спрятавшиеся в синагоге (среди них много старух)¹⁴⁰.

В ситуациях утраты командирами контроля над войсками нередки были, видимо, и случаи насилия над христианскими девушками и женщинами. В архиве Ан-ского сохранилось сообщение, что при отступлении русской армии их насиловали «гораздо чаще», чем евреек¹⁴¹.

Офицеры, которые должны были останавливать солдат, сами иногда подавали им пример, садистски используя беззащитность вверенного им власти населения. В посаде Жарнов (Радомской губернии) некий поручик-комендант поочередно насиловал в марте-апреле 1915-го еврейских девушек. 10 апреля он приказал явиться к нему Паве Вальцимович. Ее отец ворвался в дом и нашел девушку раздетой. Отца избили. С Генией Слурницкой к коменданту сразу пришел отец. Его поручик также избил, а дочь изнасиловал¹⁴².

¹³⁸ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 294.

¹³⁹ Там же. С. 282.

¹⁴⁰ Там же. С. 293; ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 138. Л. 1. Изнасилования зафиксированы также в Оникштах, Трашкунах, Вешинтах (все — в Виленской губернии) (Там же. НМФ/586.2; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

¹⁴¹ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 70. Л. 2. Там же перечисление случаев изнасилований, в том числе сопровождавшихся убийствами. См. также описание изнасилований, совершенных солдатами в польских деревнях в районе Тарнова: Войтоловский А.Н. Выходил кровавый Марс. С. 124.

¹⁴² АНБ. V254 (на ткани); то же: ЦАИЕН. НМФ/583.F (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160). Тот же комендант закрыл все еврейские лавки, пока «кагал» не выдаст «напавших» на солдата евреев Вержховских. «Оборонявшийся» от нападения солдат избил до беспомощности старуху еврейку (Там же).

В другом местечке Радомской губернии — Бялобжеги (май-июнь 1915 го) казачий офицер послал денщика за тремя дочерьми лавочника Вайсблюда. Спасаясь от притязаний офицера, мать отправила девушек в Гроец (отец семьи был взят заложником и с 5 мая находился в Полтаве). Офицер повел правильную «осаду» лавки — запрещал солдатам покупать там, составил бумагу, что девочки — предосудительного поведения. Матери (Хае-Перле Вайсблюд) он заявил: «Ты мне не нужна, ты старая. Мне нужны были твои дочки. А за то, что они не исполнили моих приказаний, я их повешу». 5 июня казаки окружили лавку, искали девушек, арестовали мать¹⁴³.

Что могло помочь еврейским женщинам и девушкам? Известны случаи отважных вмешательств местных раввинов. Осенью 1914-го 80 еврейских девушек и женщин из Коспршевицы (Радомской губернии) прячутся в доме раввина Н.А. Тверского, который успокаивает их: «Не волнуйтесь, Б-г даст, все пройдет, я защищу Вас, если это даже будет стоить мне жизни»¹⁴⁴. В Добейках Ковенской губернии в июле 1915-го на улице казаки стали рвать одежду на Церне Кантор. Рав Нафтали Соловейчик увидел это из окна, бросился ей на помощь, его самого избили нагайками, изорвали в доме священные книги¹⁴⁵.

Можно было просто умолять насильников, иногда и это помогало¹⁴⁶. Но более надежным средством был откуп от насильников. Во Владимиро-Волынском уезде женщины откупались у казаков, цена доходила до 200 рублей¹⁴⁷. В сентябре 1915-го в местечке Илия Виленской губернии дочь меламеда

¹⁴³ «Офицер носит немецкую фамилию, казаки его не любят <! — С.Г.> (ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 51. Лл. 1–2).

¹⁴⁴ Насилия, действительно, удалось избежать (ЦАИЕН. НМФ/585.C; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 162).

¹⁴⁵ Непонятно, спас ли Соловейчик своим вмешательством девушку (ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 190. Л. 1).

¹⁴⁶ Солдатку Хаву Шмидт (лето 1915-го, Ковенская губерния) солдаты «повели в дивизию», собираясь изнасиловать по дороге. Она умоляла отпустить ее, маленькая дочь целовала солдатам руки, те сжалились и отпустили еврейку (ЦАИЕН. НМФ/588.A; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

¹⁴⁷ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 107. Л. 1.

Конторовича откупились от изнасилования за 25 рублей¹⁴⁸. В Сморгони евреи выкупали женщин — саму рассказчицу Риву М. выкупили за 20 рублей; шестнадцатилетнюю девушку, уже схваченную солдатами, отец выкупил за 75 рублей (солдаты хотели 100)¹⁴⁹.

Можно было, наконец, как следует спрятаться. В местечке Жилувцы казаки потребовали у Герша Якиря выкуп за дочь. Тот дал 200 рублей, затем залез с дочерью в бочку и просидел там два дня¹⁵⁰. В местечке Лотово Вилькомирского уезда в июле 1915-го мельник спрятал дочерей под колесами водяной мельницы (спустив воду)¹⁵¹.

Массовое изнасилование в селе Лемешевичи (Пинского уезда) в сентябре 1915-го получило огласку, было возбуждено полицейское следствие, его подробности описаны и частично опубликованы¹⁵². В истории длившихся несколько дней надругательств над незащищенными еврейскими женщинами отразилась вся ситуация бесконтрольного, разнузданного, покрываемого командирами и начальниками поведения войск во время «большого отступления». Молодая (19 лет) и, видимо, хорошо образованная еврейская девушка — Мария Иосифовна Лифшиц обратилась в военно-судебные органы с официальным прошением, требуя наказать насильников и грабителей. Согласно показаниям М.И. Лившиц, ее отец, богатый пинский купец, купил (подобно другим евреям) за 500 рублей барку, нагрузил ее товаром и собирался эвакуироваться на ней, как и еще несколько еврейских семей. 5 сентября

¹⁴⁸ Источник меланхолически замечает: «Ходят разные слухи об исходе этого торга» (ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 12. Л. 1).

¹⁴⁹ Многих девушек раздевали и говорили, что было «несколько изнасилованных, хотя имен рассказчица не знает» (ЦАИЕН. НМФ/586.Е; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 163).

¹⁵⁰ ЦАИЕН. НМФ/586.С (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 163).

¹⁵¹ ЦАИЕН. НМФ/588.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165). Ср. с описанием В. Шкловского (Персия, 1917): «когда наши ворвались в деревню, то женщины, спасаясь от насилия, мазали себе калом лицо, грудь и тело, от пояса до колен. Их вытирали тряпками и насиловали» (*Шкловский В. Сентиментальное путешествие*. С. 115).

¹⁵² ЦАИЕН. НМФ/588.С-Д (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165), Еврейская старина. 1918. № 10. С. 294–295.

барки с евреями остановились на богослужение по случаю Йом Кипура. Утром казаки арестовали и увели 28 мужчин¹⁵³, казачий офицер «реквизировал» без расписки товаров на 325 рублей. Ночью того же дня крестьяне деревни Курашево загнали барку Лифшицев на мель под деревню. Казаки и крестьяне начали грабить товары с барок, казаки искали еврейских девушек «попользоваться». Еврейки спрятались и в темноте сумели избежать насилия. Следующим вечером, когда барка была уже совершенно разграблена, 40 казаков выстроили всех женщин и «сортировали» их при свете свечей и спичек на подростков, взрослых женщин и «старух». Две еврейки были тогда же изнасилованы, остальные разбежались и вновь спрятались в темноте, в приречных камышах. Крестьяне из соседней деревни не дали еврейским женщинам и девушкам приюта, объясняя: «Казаки... постановили вас изнасиловать». На следующий день на барках были изнасилованы 15 евреек, у М.И. Лифшиц казаки отобрали деньги (28 тысяч рублей). 8 сентября были изнасилованы уже сама М.И. Лифшиц, ее двенадцатилетняя сестра и мать. В десятых числах сентября один из насильников в деталях описывал произошедшее с Лифшиц еврею Матецкому (игравшему с казаками в карты!). Крестьяне окрестных деревень ходили в награбленной на барже одежде — в муфтах вместо шапок и в женских плюшевых пальто. В официальном прошении М.И. Лифшиц в военно-судную часть штаба 3-й Армии сообщалось, что у деревни Лемешевичи изнасилованы 24 женщины, включая малолетних. «Самое большое число участников грабежа и изнасилования я видела в среде тех казаков, кото-

¹⁵³ Подробное описание этого ареста содержится в другом документе. Евреи молились в синагоге в деревне Островичи. Казачий офицер с тремя казаками явился в 9 утра в женское отделение синагоги и начал приставать к женщинам. Евреи возмутились, и офицер ушел. В 11 утра отряд казаков арестовал 28 мужчин из Лемешевичей и 10 евреев из Островичей. Все были отправлены в Слуцк, оттуда пешком вместе с колонной пленных — в Рославль Смоленской губернии, отстающих по дороге избивали (среди арестованных было 18 стариков). В Слуцке евреи заявили коменданту, что ни в чем не виноваты, тот равнодушно ответил: «Чего вы ревете, если были бы виноваты, вас бы давно повесили» (ЦАИЕН. НМФ/586.А; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 163).

рые были в имении Бишеревици, когда я с матерью впервые пришли 22 сентября к генералу Хелмицкому передать жалобу о расследовании дела», говорится далее в документе. После ареста крестьянина Вереча его жена сказала, что у нее запрятано 16 тысяч рублей, она даст по несколько тысяч исправнику и следователю, и мужа освободят¹⁵⁴. Список изнасилованных включал 23 имени, в том числе одну девочку 11 лет, троих 12 лет; самой старшей из изнасилованных было 42 года¹⁵⁵.

Свидетельства женщин оставляют тяжелое впечатление: Стышу Флакман насиловали, по ее показаниям, «не менее 15 человек», она была на четвертом месяце беременности, в результате изнасилования страдала от продолжительного кровотечения. Бася Аронович (21 год) была изнасилована дважды (каждый раз тремя казаками). Она опознала впоследствии казака, отнявшего у нее 80 рублей. После долгих уговоров полкового священника («из-за 80 рублей расстреляют человека, а многие худшее совершили, если его расстреляют, всем евреям будет плохо») Аронович отказалась от опознания, получила назад 80 рублей и пропук в Казань.

Сару Икубовец пытались от казаков спрятать, а когда это не удалось, ее мать и старики бросились на казаков и пытались отбить Сару, «так как я была единственная не изнасилованная и все считали священным долгом своим защитить хоть меня единственную...». Вмешательство женщин и стариков не помогло, и Сару изнасиловали: «Следователю я сказала, что казаков <насилльников> было трое, так как вокруг стояли и я стеснялась, а на самом деле их было пятеро... Я проболела 2 месяца и спаслась от позора благодаря содействию одного врача-еврея»¹⁵⁶.

6 октября 1915 года некая М.И.Л. (видимо, та же Лифшиц) вновь прибыла в сопровождении полиции и пристава в штаб

¹⁵⁴ ЦАИЕН. НМФ/588.С-D (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165). Тот же Семен Веречь предложил евреям за 50 рублей купить обрывки Торы, продал за 20 рублей (ЦАИЕН. НМФ/590.Е; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 167).

¹⁵⁵ В том числе Мария Иосифовна (19 лет) и Хая Иосифовна (12 лет) Лифшиц (ЦАИЕН. НМФ/589.А; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 166).

¹⁵⁶ ЦАИЕН. НМФ/590.Е (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 167).

дивизии генерала Хелмицкого для обыска и опознания казаков. Хелмицкий возмущался полицией, которая «возится с жидами». Он разъяренно кричал: «Вот вы чем занимаетесь. Нужно вас всех перевешать вместе с вашими губернаторами». Приставу генерал говорил «ты», М.И.Л. называл «эта жидовка».

Опознаны были четыре казака, у которых найдены принадлежащие евреям вещи и одежда. Для обыска в деревне Куражево военные дали для оцепления всего 10 казаков, и многие крестьяне убежали сквозь этот кордон. В деревне было найдено более тысячи награбленных предметов (фактически в каждом доме). Арестованы 30 крестьян (40 женщин только переписаны, поскольку им не на кого было оставить детей). Стыша Флакман и Рива Глейberman, с криками и плачем умолявшие М.И.Л. не возбуждать дела и прекратить обыск, увидев свои вещи, начали их забирать («растаскивать вещественные доказательства»)¹⁵⁷. Чем закончилось следствие, нам неизвестно.

Поведение казачьего генерала Хелмицкого, искренне не понимавшего, зачем полиция занимается такой мелочью, как изнасилованные и ограбленные казаками еврейки, позволяет заглянуть в психологию немалой части командиров русской армии.

Случаи сексуального насилия со стороны солдат русской армии во время Первой мировой войны все же не носили массового характера¹⁵⁸. Почти всегда они локализируются собственно зоной боев, где власть командиров и воинская дисциплина были естественным образом более слабы, а состояние психологической травмы, в которой находились солдаты и казаки, усиливалось. Вместе с тем в надругательствах над еврейскими женщинами можно видеть и проявление открытого вызова и мести за «предательство» евреям как группе населения.

¹⁵⁷ ИР ЦНБНАУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 66. Лл. 1–3). Кроме жителей Куражево, в ограблении участвовали 40 семей из деревни Тунчицы, 10 семей из Черново и др. (ЦАИЕН. НМФ/588.Д; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

¹⁵⁸ Эрик Лор, проанализировавший описание 54 погромов 1915 года, обнаружил случаи сексуального насилия лишь в каждом третьем из них (*Lohr E. 1915 and the War Pogrom Paradigm. P. 42*).

Другой обращаящий на себя внимание аспект лемешевичского дела — активная помощь местных крестьян насильникам и грабителям в погонах — заставляет внимательнее взглянуть на роль соседей евреев.

*Евреи и нееврейское население
прифронтовой полосы*

Практически во всех описаниях погромов, совершенных русской армией при отступлении 1915 года, подчеркивается активное («живое») участие местного нееврейского населения, получившего награбленное даром или за бесценок. Увидевшие возможность поживиться крестьяне прибывали в громимое местечко с подводами, организовывались в группы с казаками и солдатами во главе, врывавшимися в еврейские дома и лавки¹⁵⁹. Расследование грабежа еврейского имущества крестьянами, если и предпринималось, ничем серьезным для грабителей не заканчивалось. В одном из случаев офицер из штаба, присланный вести расследование, говорил крестьянам: «не бойтесь евреев, они все изменники»; естественно, это расследование ничем не кончилось¹⁶⁰.

Можно было бы предположить, что приказы оставлять врагу «выжженную землю» также влияли на отношение к грабежам не только войск, но и местного населения. Однако схожая картина наблюдалась и в 1914-м, при вступлении русских войск в Галицию. Австрийский прокурор Пиотровский, участвовавший в расследовании нарушений законности в Галиции во время русской оккупации, отмечает как раз активную роль крестьян в грабежах:

¹⁵⁹ См., напр., описания погромов в Оникштах, Вешинтах, Дуниловичах, Трашкунах. В Дуниловичах посланные комендантом патрули отобрали еврейские вещи у 30 крестьян (ЦАИЕН. НМФ/588.D; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

¹⁶⁰ ЦАИЕН. НМФ/585.D-F (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 162). Практически все отчеты о участии в погромах местного нееврейского населения отмечают вполне корректные отношения, существовавшие между двумя частями населения до войны (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 269).

...Солдаты выбрасывали из дверей и окон квартир постели белье, одежду и разную домашнюю утварь, из магазинов — товары на улицу, а собравшиеся толпы — расхватывали их и уносили с собой... В одном местечке львовского округа один из потерпевших спросил крестьянина, грабившего его имущество, почему тот так поступает. Крестьянин ответил: «Пришел наш Тато (то есть москаль), теперь наше право...» Грабили также имущество убежавших христиан, например австрийских чиновников... В таких грабежах принимали участие целые сельские общины без различия пола и возраста, даже дети до 14 лет в сопровождении старших членов семьи. Крестьяне бросались грабить сами, русские солдаты присоединялись к ним по дороге. Чтобы солдаты принимали участие в грабежах, им говорили «то еврейске» и показывали на польские дома и фольварки. Грабили подчистую... а остальное уничтожалось... Грабили также имущество своих уехавших односельчан, а также жандармские участки и небольшие железнодорожные станции... Большую часть награбленного имущества грабители продавали в городах, в основном евреям <! — С.Г.>, занимавшимся скупкой разнообразных вещей, не глядя на их происхождение... Жители малых городков и деревень, не участвовавшие в грабежах сами, очень широко покупали, выменивали и получали награбленное. <С октября 1915-го австрийцы начали следствие по делу грабежей>, на следствии крестьяне говорили: «Другие делали то же, москали погоняли нагайками и велели брать»...¹⁶¹

Таким образом, волна насилия, грабежей и погромов, прокатившаяся в 1914–1915 годах по прифронтовой полосе, «смыла» и устоявшиеся в предвоенные годы взаимоотношения евреев с неевреями¹⁶².

¹⁶¹ *Piotrowski. Wpływ wojny na moralność ludności. Wspomnienia z wojny 1914 r.* (ЦАИЕН. НМ2/8110.18; оригинал: Национальная библиотека имени В. Стефаника Академии наук Украины (Львов). Отдел рукописей. Ф. 9. Д. 38). Как видно, грабежи носили повальный характер, грабили как еврейское, так и нееврейское имущество.

¹⁶² См. также: *Prusin A.V. Nationalizing a Borderland.* P. 65–71; *Zieliński K. The Shtetl in Poland, 1914–1918 // The Shtetl: New Evaluations / Ed. by Steven T. Katz. N.Y. and London, 2007.* P. 102–120; *Zieliński K. Stosunki polsko-żydowskie na ziemiach Królestwa Polskiego w czasie pierwszej wojny światowej.* Lublin, 2005.

Ситуация в местах, не затронутых погромами, зависела как от сложившихся до войны взаимоотношений евреев с нееврейским населением, так и от быстро ухудшавшейся экономической ситуации и широко распространившегося представления о «враждебности» евреев. Евреи — торговое и ремесленное население городов и местечек — были «удобным» объектом для выплеска отрицательных эмоций.

Уже во время мобилизации произошел, например, погром в местечке Игумен Минской губернии. 21 июля 1914 года толпа призывников и провожающих практически полностью разгромила рынок в местечке (убытков более чем на 20 тысяч рублей). Лавки и магазины в городке «были сплошь еврейские», соответственно, евреи и пострадали¹⁶³. События в Игумене не были единичным случаем. В Илауксте Ковенской губернии отношения евреев с местным населением испортились с началом войны. В городке говорили, что евреи — шпионы, что они посылают немцам деньги, часто обзывали евреев. Крестьяне, не стесняясь, заявляли: «вас, евреев, выгонят и мы займем ваши дома, полно вам пить нашу кровь, кровопийцы». В августе 1914-го толпу крестьян, собравшуюся на площади и грозящую погромом, с трудом удалось успокоить¹⁶⁴.

Росла напряженность в отношениях между еврейским и нееврейским населением. Отчет варшавского обер-полицейстера в Департамент полиции о настроениях населения в ноябре 1914-го констатирует:

В торговой среде враждебность к евреям усиливается слухами... что все поставки в армию взяты еврейскими подрядчиками... Вообще, судя по настроению местного польского населения и раненых солдат, после войны возможно ожидать большого обострения отношения христиан к евреям не только в Варшаве, но и в других местах России, куда возвращающиеся с войны солдаты разнесут ходящие среди них толки, что каждый еврей — шпион и предатель. Случаев насилия над евреями, за исключением

¹⁶³ Речь. 1914. № 179. 15 августа. С. 4.

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 140. Л. 60.

единичных базарных столкновений... в Варшаве до настоящего времени не было¹⁶⁵.

Как следует из документа, ситуация была напряженной, но из-под контроля властей не выходила. Но уже в июне 1915-го по пустячному поводу чуть не начался грандиозный погром. 5 июня около 5 часов утра в Цеханове Плоцкой губернии стражники конфисковали на базаре у евреев гнилую рыбу. Через рынок в это время шли рабочие, прибывшие из Варшавы на устройство позиций (около 2 тысяч человек). Рабочие с криком «бейлисы — бей их» начали бросать в евреев камни и вступать с ними в драку. Стражники бросились в толпу и «приняли энергичные меры к подавлению беспорядков в зародыше». Начальник Плоцкого ГЖУ сообщал:

недовольство евреями в польских массах растет, причем евреям приписываются самые фантастические деяния в области шпионажа. Малейшие поводы могут послужить началом к погрому евреев, причем резкое недовольство евреями замечается и со стороны нижних чинов¹⁶⁶.

Поголовные депортации евреев в мае 1915-го из Ковенской и Курляндской губерний также привели к обострению отношений евреев и нееврейского населения. Прежде всего, естественно, возник вопрос об оставленном евреями имуществе. Во многих местах выселявшиеся евреи видели, как на глазах полиции крестьяне растаскивают товары из лавок и забираются в опустевшие дома¹⁶⁷. В Ковенской губернии оставленное полицией в крупных городах имущество охранялось, в других местах расхищалось без помех. Даже в Поневеже

¹⁶⁵ AGAD. Pomocnik Warszawskiego General-Gubernatora. Jednostka 491. S. 5–6.

¹⁶⁶ AGAD. Pomocnik Warszawskiego General-Gubernatora. Jednostka 460. S. 192.

¹⁶⁷ Так было в Кроках, Ясвоне, Вильках, Румкашках (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 240). В Эйраголе после выселения была разграблена синагога (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 16. Л. 11).

имущество иногда разграблялось¹⁶⁸. После выселения евреев в Ливенгофе (Курляндская губерния) лавочники отпускали товар, завернутый в листы Талмуда, в синагогах местечка валялись разорванные куски свитков Торы, изгаженные человеческими испражнениями¹⁶⁹.

Отношение к евреям в незатронутых выселениями местах также быстро менялось к худшему. В Трауне (также Ковенской губернии) крестьяне смотрели на евреев как на стоящих вне закона, забирали у них товары, уверяли, что «начальство приказало избивать жидов-шпионов». Пошел слух, что за каждого избитого «жида» начальство платит по 10 рублей. Евреев избивали, во время молитвы вылили в синагоге на пол бочку воды, местный урядник согласился за 3 рубля составить протокол и записал всех обвиняемых в хулиганстве крестьян новобранцами (чтобы не завели дела)¹⁷⁰.

Уловив готовность властей поверить любой негативной информации о евреях, местные жители начали этим пользоваться. Так, в преддверии вступления немцев в город «христиане — жители Вильно» направили главному начальнику Двинского военного округа анонимный донос на виленских евреев (июль 1915-го):

Еврейское население prepares им <немцам> все нужное, а именно продовольственные припасы: мясо, консервы, муку и т.п., равно и материалы для изготовления снарядов: медные, бронзовые котлы, кастрюли и прочее. Все накопленное они скрывают в подземельях... густо заселенных кварталов города...¹⁷¹

¹⁶⁸ Меморандум Н.М. Фридмана (ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 16. Л. 6). К жителю Шавлей (Шауляя) Эпштейну ворвалось пять человек «русских из Шавель», которые сказали, что комендант велел забирать еврейское имущество, забрали все, что им понравилось (*Там же*).

¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 140. Лл. 73, 73об.

¹⁷⁰ «Веселый» урядник, разговаривая, передразнивал акцент и жестикуляцию евреев (ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 152. Лл. 105–105а).

¹⁷¹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 69. Л. 462. Авторы просят «принять надлежащие распоряжения о предотвращении печальных последствий» поведения виленских евреев, не подписав своего обращения, «во избежание мщения со стороны еврейского населения». Главный начальник округа в своей резолюции приказывал полиции срочно принять «са-

Собранная в архиве Н.М. Фридмана подборка статей рижской печати о выселениях фиксирует различное отношение к евреям.

Газета «Ригас авизе», 21 июня 1915 года:

Положение выселенных евреев сравнительно вовсе не такое уж плохое, можно даже сказать, что благодаря выселению... они попали в гораздо лучшие условия, чем оставшиеся на месте жители. Разумеется, выселяемые евреи могли спокойно увезти с собой свои вещи, для чего они получили даровые железнодорожные вагоны... Невыселенные жители бегут теперь от неприятеля и теряют свое имущество. Выселенным евреям их комитеты оказывают щедрую помощь¹⁷².

«Дзументес вестнесис», напротив, призывала к сочувствию:

Нам сообщают, что многие из публики относятся недружелюбно к бежавшим или выселенным... из Курляндии евреям... Выселенные семьи находятся в чрезвычайно неблагоприятных условиях, как это видно по одетым в лохмотья детям... многие неприлично толкают их или оскорбляют словами. Таким людям надо посоветовать поставить себя в положение евреев...¹⁷³

«Рижская мысль» призывала

желающих войти в положение тысяч несчастных, обездоленных и выселенцев, просят послать белье, платье и обувь в склад еврейского... комитета... Сельское население и рабочие на фабриках относились сочувственно и даже оказывали помощь высе-

мые решительные меры к предотвращению подобного преступления». Ср. телеграмму крестьян из Гольшан в штаб Двинского военного округа (от 3 марта 1915 года): «Евреи задерживают звонкую монету, кредитные билеты называют тряпьем... Полиция содействует евреям. Просим распоряжений» (РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 69. Л. 441).

¹⁷² Машинописная копия: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 204.

¹⁷³ Дзументес Вестнесис. 1915. № 118. 2 мая (цит. по: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 204. Л. 15).

ленным... Поток пожертвований продолжается, причем... приносят многие христиане¹⁷⁴.

Военные власти, увидев, что произошло с еврейским имуществом после выселений мая 1915-го, пытались обеспечить порядок во время летней эвакуации.

Помимо прочего, тотальное разграбление оставленного евреями имущества свидетельствовало о слабости власти. Главный начальник Двинского военного округа князь Туманов издал 21 июля 1915 года распоряжение об охране имущества выехавших и эвакуированных местных жителей. Уличенные в воровстве должны были предаваться военно-полевому суду с наказанием до смертной казни включительно¹⁷⁵.

О стремлении навести порядок свидетельствует и следующий эпизод. В июле 1915-го депутат Думы Н.М. Фридман направил в МВД и в Военное министерство запрос о еврейском кладбище в Поневеже, занятом войсками для своих нужд. В результате на кладбище пасутся коровы интендантского ведомства, памятники опрокинуты и могилы осквернены. Военные власти в этом случае действовали быстро и решительно. Главный начальник Двинского военного округа потребовал от ковенского губернатора Грязева принять энергичные меры «к прекращению сего» и «срочно донести, известно ли об этом Вам, почему это было допущено и кто является виновником происшедшего»¹⁷⁶.

Отношения евреев с нееврейским населением прифронтовой полосы за время войны почти повсеместно ухудшились. Активное участие соседей евреев в грабежах и погромах и крепнущая в них не без помощи властей уверенность, что евреи — виновники всех бед и трудностей военного времени,

¹⁷⁴ Цит. по: Речь. 1915. № 127. 10 мая. С. 5.

¹⁷⁵ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1673. Л. 565 (Л. 568 — аналогичное объявление от 26 августа 1915 года по Киевскому военному округу).

¹⁷⁶ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 50. Лл. 410–411. Ответ Грязева — «Факт пастыбы... имел место быть. Меры к прекращению сего приняты», исправник осмотрел кладбище, никакого осквернения могил и разрушения памятников не обнаружил (*Там же*. Лл. 412, 414об). От тыловых частей, чьи коровы паслись на кладбище, потребовали объяснений, виновных арестовали на трое суток (*Там же*. Лл. 415–416, 418).

предвещали евреям немало бед и в последовавшие за войной годы революционных потрясений.

* * *

Грубое и жестокое отношение к мирному населению не было в Первую мировую войну проблемой только русской армии. Германские войска брутально относились к местному населению, избиения и оскорбления мирных жителей были нормой, на оккупированных территориях проводились жестокие и систематические реквизиции¹⁷⁷.

Вместе с тем психологическая ситуация для русских солдат была совершенно особой. Солдат русской армии подвергался на фронте еще и мощному культурному шоку, вызывавшему тяжелые депрессии и неврозы (данные обработанных цензурой писем с фронта дают основания считать, что различными формами психопатологических отклонений были охвачены до 20–30 процентов солдат и офицеров русской армии; фактически, видимо, — ее большая часть)¹⁷⁸. Противостоять этой психологической ситуации легче всего было с помощью поиска «врагов», «виновных», на роль которых евреи подходили очень хорошо.

Если поведение рядовых солдат по отношению к евреям можно попытаться объяснить тяжелым культурным шоком, а поведение казаков — их вековыми обычаями ведения войны, то поддержка, находимая грабителями и насильниками у офицеров и командования русской армии, не может быть объяснена вне общего контекста отношения военных властей к евреям.

Несмотря на официальное осуждение мародерства и погромов военным командованием и на робкие и неэффективные попытки борьбы с этими явлениями, источники содержат многочисленные примеры равнодушного попустительства и младших офицеров, и командиров более высокого уровня

¹⁷⁷ О ситуации на Восточном фронте см.: *Liulevicius V.G. War Land on the Eastern Front*. P. 63, 66; о ситуации в оккупированной Бельгии см.: *Hull IV. Absolute Destruction: Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany*. Ithaca and London, 2005. P. 230–242.

¹⁷⁸ *Астаилов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война*. С. 410, 414, 425.

грабёжам и насилию над еврейским населением прифронтовой полосы (не говоря уже о случаях прямого соучастия)¹⁷⁹.

Враждебное отношение к евреям как к нелояльной России группе населения, переведенное с языка предвоенных учебников военной статистики и штабных инструкций военного времени на почву реальной обстановки прифронтовой полосы, трансформировалось в brutальное, полное агрессии поведение русской армии¹⁸⁰. И такое поведение, и официально заявленная, враждебная к еврейскому населению, позиция военных властей превратились в течение 1914–1915 годов в политическую проблему, остро переживаемую и обсуждаемую как в России, так и за рубежом¹⁸¹.

ГЛАВА 7

«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

¹⁷⁹ См. в воспоминаниях, где офицер добродушно заявляет: «Не предавать же суду солдата за каждого уворованного курчонка» (*Войтоловский Л.Н.* Выходил кровавый Марс. С. 159).

¹⁸⁰ *Lohr E.* 1915 and the War Pogrom Paradigm. P. 42–43. Отношение самого Николая II и к евреям, и к насилию над ними подавало вполне однозначный пример. Царь перечитывал «Протоколы сионских мудрецов», взяв эту книгу даже в Екатеринбурге (см.: *Пайнс Р.* Россия при большевиках. С. 311); услышав в 1906-м от волынского губернатора Штакельберга, что погромы в губернии утихли, Николай заметил: «Что ж, это только еврейский погром», — «чувствовалось, что царь ни за что не считает такой погром, даже сочувствует ему» (*Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо». С. 84). См. также: *Podbolotov S.* «...And the Entire Mass of Loyal People Leapt Up»: The attitude of Nicholas II towards the pogroms // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 45. 2004. P. 193–208.

¹⁸¹ Напомним, что враждебное отношение властей во время Первой мировой войны испытывали на себе не только евреи, но в еще большей степени этнические немцы. Тогда как с поляками велась более сложная игра, учитывавшая внутриполитические и внешнеполитические интересы России, а также противоречия между гражданскими и военными властями империи (см. подробнее: *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны. С. 52–77).

Отношение русской армии к еврейскому населению прифронтовой полосы к началу 1915-го стало серьезной политической проблемой, вставшей и перед русско-еврейской элитой, и перед политическими партиями и блоками в Думе, а затем и перед русским правительством. Более того, усилия политически активных кругов западного еврейства сделали ситуацию с евреями в зоне военных действий проблемой международно-финансовых отношений между Россией, странами Антанты и США.

В этой главе мы сосредоточимся на попытках русско-еврейской элиты бороться с антиеврейской политикой военных властей через обращение как к властям и политическим силам внутри страны, так и к влиятельным зарубежным еврейским кругам. Борьбы, развернувшейся в годы войны на Западе вокруг еврейского вопроса в России, мы коснемся лишь постольку, поскольку она влияла на позиции русского истеблишмента.

*Надежды русско-еврейской элиты
в первые месяцы войны*

Под русско-еврейской политической элитой мы понимаем сложившуюся в Петербурге группу еврейских политических активистов и общественных деятелей, принадлежавших к разным политическим лагерям и включившимся в политическую борьбу вокруг «еврейского вопроса»¹.

Естественно, в эпицентре этих событий находились еврейские депутаты Государственной думы. В 4-ю Думу были из-

¹ См.: *Gassenschmidt Ch. Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia, 1900–1914. The Modernization of Russian Jewry. N.Y., 1995. P. 110–135.*

браны (в 1912-м) три депутата-еврея — Н.М. Фридман от Ковенской губернии, Э.Б. Гуревич от Курляндской и М.Х. Бомаш от Петроковской губерний. Все трое были членами кадетской партии².

Евреи-депутаты взаимодействовали с еврейскими политическими объединениями через неформальный консультативный орган — «*Политическое бюро при еврейских депутатах*» <курсив в источнике — С.Г.>, состоявшее из представителей всех четырех имевшихся в Петербурге еврейских, несоциалистических партийных образований — Народной группы, сионистов, Фолькспартей и Демократической группы. Бунд и другие социалистические партии в Политическом Бюро участия не принимали³. Современники иногда именовали Политическое Бюро при еврейских депутатах Объединенным еврейским комитетом или Еврейским общественным комитетом⁴.

Волна патриотического энтузиазма захлестнула в первые дни войны все воюющие страны, в том числе Россию. Патриотическим декларациям отдали дань и единственные официальные представители еврейского народа в политическом истеблишменте империи — еврейские депутаты Думы. В своей речи 26 июля 1914 года Н.М. Фридман провозгласил:

² Фрумкин Я.Г. Из истории русского еврейства (Воспоминания, материалы, документы) // Книга о русском еврействе (от 1860-х годов до революции 1917 г.). М.—Иерусалим—Минск, 2002. С. 85–86. Тесный союз между еврейской политической элитой и партией кадетов вызывал критику слева, в частности, из рядов Бунда: «...записали евреев за кадетами точно так же как в старину записывали крестьян за помещиками, — без ведома и без согласия записываемых. Еврейские либеральные политики группируются вокруг кадетской партии. Видные еврейские общественные деятели это кадеты» (*Заславский Д., Иванович Ст. Евреи и кадеты*, Пг., 1916. С. 39).

³ Каждое политическое объединение было представлено в Бюро тремя делегатами (Фрумкин Я.Г. Из истории русского еврейства. С. 85).

⁴ Бланк Р. Сеятель добра // Александр Иванович Браудо (1864–1924). Очерки и воспоминания, Paris, 1937. С. 62; Мовишович Д. А.И. Браудо и последние этапы борьбы за эмансипацию евреев в России // Александр Иванович Браудо. С. 103. Довоенная деятельность Политического Бюро при еврейских депутатах была нерегулярной и зачастую парализовалась разногласиями между представленными в Бюро политическими силами (сообщено В. Левиным).

В исключительно тяжелых правовых условиях жили и живем мы, евреи, и тем не менее, мы всегда чувствовали себя гражданами России и всегда были верными сынами своего отечества... Никакие силы не отторгнут евреев от их родины — России, от земли, с которой они связаны вековыми узами. В защиту своей родины евреи выступают не только по долгу совести, но и по чувству глубокой к ней привязанности⁵.

Вероятно, в первые месяцы войны русско-еврейская элита искренне надеялась, что происходящие события благотворно отразятся на положении евреев России. Изданные в начале военных действий Верховным Главнокомандующим обращения к полякам и к населению Червонной Руси породили слухи о готовящемся подобном же обращении самого царя к российским евреям, с обещанием им равноправия как платы за их лояльность во время войны⁶; и будто бы лишь появившиеся в августе 1914-го воззвания германского и австро-венгерского командования к евреям России сделали обнародование такого обращения невозможным⁷. Но и это не поколебало подчеркнутого патриотизма русско-еврейской элиты. В архиве Н.М. Фридмана сохранился выдержанный во вполне верноподданнических тонах проект ответа от имени русского еврейства на воззвание австро-венгерского командования:

Преследуемые и стесненные в правах, мы тем не менее всегда почтили себя гражданами России... и никакие обиды не в со-

⁵ Цит. по: Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество 1914–1918. Т. 1: Эволюция взглядов. М., 2014. С. 94–95. См. также: Фрумкин Я.Г. Из истории русского еврейства. С. 88–89. Однозначно патриотический тон приняла с началом военных действий и выходившая в России (на русском и на идиш) еврейская печать (*Там же*. С. 89). См. также: Greenberg L. The Jews in Russia. Vol. II. P. 95.

⁶ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 339. Ед.хр. 25. Лл. 1–2. Приведен даже заголовок такого обращения: «К моим излюбленным евреям».

⁷ *Там же*. Правые круги отмечали, что евреи хотели бы «выторговать» себе равноправие в обмен на патриотизм (Greenberg L. The Jews in Russia. Vol. II. P. 95).

стоянии вытравить из нас это чувство. Сражаясь за Отечество, мы боремся за свое право и свободу...⁸

Тогда же, в августе 1914-го, барон А.Г. Гинцбург обратился к премьеру И.Л. Горемыкину с запиской, в которой просил «для облегчения положения евреев в районе боев» разрешить им селиться в сельской местности черты оседлости⁹. По мнению С. Ан-ского, искренняя вера в расположение царя, будто бы изменившего свое отношение к евреям под влиянием патриотических демонстраций первых дней войны, охватила круги петроградской еврейской интеллигенции¹⁰. Даже холодный прием, оказанный А.Г. Гинцбургу И.Л. Горемыкиным, не остудил ожиданий еврейской элиты Петрограда — так появилась неосуществленная инициатива опубликовать от имени российского еврейства специальную декларацию, призванную вызвать ответные жесты властей¹¹.

В первые месяцы после начала войны еврейскими общественными деятелями были выработаны проекты записок и обращений в правительственные сферы, говорящих о жертвах и самоотверженности преданных России евреев и подводящих к идее ослабления ограничений, накладываемых на евреев русским законодательством¹². В частности, чтобы привлечь на сторону русских властей влиятельных евреев Галиции, ос-

⁸ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 92. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ *An-sky Sh. Hurban ha-yehudim be Polin, Galiciya ve Bukovina, helek rishon.* Berlin, 1929. P. 37.

¹¹ *Ibid.* P. 37–38. Председатель Совета Министров Горемыкин, по словам Ан-ского, искренне не понял, отчего барон Гинцбург надеется на послабления в правилах о черте оседлости. «Но император сказал в своей речи в Москве...», — пояснил А.Г. Гинцбург. — «Что пойдет рука об руку с народом», — закончил И.Л. Горемыкин, — «а народ, мне кажется, отнюдь не готов отменить Черту» (*Ibid.* P. 37). Министр народного просвещения Л.А. Кассо еще жестче одернул Гинцбурга, когда тот заговорил о частичной отмене процентной нормы для евреев при приеме в университеты (*Ibid.* P. 37–38).

¹² Проекты сохранились, в частности, в фонде С. Ан-ского (ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 339. Ед.хр. 3. Лл. 4–8, 9–10).

ведомленных о низком статусе своих одноверцев в России, предлагалось дать послабления русским евреям¹³.

К первым месяцам войны относится и начало более регулярной деятельности Политического бюро при еврейских депутатах. Видимо, ключевую роль здесь сыграл видный еврейский общественный деятель А.И. Браудо, взявший на себя роль посредника в объединении неохотно сотрудничавших друг с другом еврейских политических движений¹⁴. С осени 1914-го ежемесячно собирались пленарные заседания Политического бюро с участием делегатов еврейских политических объединений, еженедельно заседало более узкое бюро, «в которое входили также ex officio депутаты Государственной думы»¹⁵. При организации было создано «информационное бюро, имевшее целью собирать сведения о положении евреев в сфере военных действий»¹⁶. Информбюро также работало под руководством А.И. Браудо. Сюда поступала корреспонденция из прифронтовой полосы, отсюда отправлялись эмиссары для собирания материалов, готовились докладные записки «в инстанции», запросы в Думу, сборники материалов для редакций отечественных и зарубежных газет¹⁷.

Одним из источников поступавших в Информбюро материалов были деятели работавших в прифронтовой полосе еврейских организаций — ОЗЕ и ЕКОПО (Еврейский комитет помощи жертвам войны)¹⁸: «Информационное бюро самым тщательным образом проверяло поступающие данные, имея

¹³ Там же. Лл. 11–110б.

¹⁴ *Познер С.* Страницы прошлого (из воспоминаний о А.И. Браудо) // Александр Иванович Браудо. С. 88–89.

¹⁵ Там же. С. 89. Это более узкое рабочее еженедельное совещание называли также Исполнительным бюро (*Дубнов С.М.* Встречи с А.И. Браудо // Там же. С. 47), куда, видимо, входили М.С. Алейников, Л.М. Брамсон, А.И. Браудо, М.М. Винавер, О.О. Грузенберг, Я.Г. Фрумкин и др. (Документы о преследованиях евреев // Архив русской революции. Т. XIX. С. 246).

¹⁶ *Познер С.* Страницы прошлого (из воспоминаний о А.И. Браудо). С. 90.

¹⁷ Там же. «Секретари и переписчики» работали прямо при квартире Н.М. Фрийдмана (*Дубнов С.М.* Встречи с А.И. Браудо. С. 47).

¹⁸ *Фрумкин Я.Г.* Из истории русского еврейства. С. 88.

в виду, что апокрифичность одного из документов бросала бы тень на все остальные»¹⁹.

Сбор информации о происходящем в прифронтовой полосе привел к заметному изменению тона документов, готовившихся в кругу еврейских политических активистов. С осени 1914-го начали составляться записки о нарастании враждебности к евреям в армии. Причину этого явления авторы записок видели в «наговорах», предлагая издать «секретный приказ» о суровых наказаниях «за возбуждение неприязни к евреям». Как уже отмечалось, авторами этих «наговоров», с точки зрения еврейской элиты, были «банды агитаторов» польской антисемитской печати, которые принялись «систематически сеять в простом народе, а в особенности в армии, ядовитую клевету против евреев, будто они сочувствуют и помогают немцам, посылают им деньги, служат у них шпионами... и как только возможно вредят русской армии»²⁰.

Примером реакции петроградского еврейства на события в прифронтовой полосе служит сохранившийся в рукописном фонде С. Ан-ского недатированный проект воззвания к еврейскому населению прифронтовой зоны, содержащий подробные инструкции поведения для евреев²¹. Определив, что «страшный навет о еврейской измене распространился гангреной по всему театру военных действий», автор (возможно, С. Ан-ский?) или авторы этого воззвания предлагают евреям

... при прибытии в город или местечко отрядов русских войск встречать их хлебом-солью, оказывать радушное внимание... Магазины и лавки должны быть открыты, даже в субботний и

¹⁹ Архив русской революции. Т. XIX. С. 246. Сводки документов распечатаны на гектографе в количестве 200–300 экземпляров и рассылались министрам, политикам, редакциям газет и т.д.

²⁰ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 339. Ед.хр. 3. Лл. 1–2,12. Предлагалось издать также особый приказ о равном отношении ко всем национальностям (*Там же*. Лл. 13–16).

²¹ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 339. Ед.хр. 3. Лл. 1–4. Воззвание могло готовиться как ответ на объявление Верховного Главнокомандования (январь 1915-го), обвинявшее евреев в открытой враждебности русской армии. О публикации воззвания нам ничего не известно.

праздничный день. При первом требовании со стороны военного начальства продукты... следует доставать из имеющихся запасов, не считаясь ни с какими соображениями. В случае отсутствия запасов прилагать все старания с тем, чтобы раздобыть продукты продовольствия в окрестностях. Принимать к себе на дом, не ожидая приказа, раненых и больных воинов...²²

Далее от евреев требовалось «учредить самый строгий надзор за подозрительными лицами или подонками населения, к какой бы нации они не принадлежали», сообщать обо всем подозрительном военным властям и помнить, что «преступный акт одного хулигана может повлечь за собой самые ужасные последствия для всего населения города»²³.

Амбивалентная позиция еврейской политической элиты, демонстрирующей патриотическое единство с другими народами империи, несмотря на поступавшие из прифронтовой полосы известия о бесчинствах армии в отношении еврейского населения, отразилась и в декларации еврейских депутатов Думы, прочитанной на заседании 27 января 1915 года:

За протекшие шесть месяцев евреи пережили многое и страшное. Но в этот час, когда борьба с внешним врагом в полном разгаре, мы не будем перечислять причиненных и чинимых нам обид. Как 6 месяцев тому назад, депутаты-евреи заявляют, что в борьбе с врагом евреи будут свято исполнять свой долг перед родиной, не щадя никаких жертв²⁴.

В течение первых месяцев войны политические ожидания еврейской элиты в России были связаны с казавшимися очевидно назревшими послаблениями, которые царизм «должен

²² *Там же*. Лл. 2–3.

²³ *Там же*. Л. 3. Как мы видим, в документе содержится косвенное признание, что и среди евреев могут быть «хулиганы», ответственные за помощь неприятелю. Соответственно, при вступлении в город или местечко неприятеля рекомендовалось никоим образом ему не помогать, не давать любых сведений, «даже самых невинных» и т.д. (*Там же*. Л. 4).

²⁴ Из недавнего прошлого: Речи еврейских депутатов в Государственной думе за годы войны. С. 4.

был» сделать для неравноправного еврейского населения империи. Эти ожидания не просто не сбылись, но были грубо перечеркнуты начавшими поступать с первых же дней войны сообщениями о брутальном отношении русской армии к еврейскому населению прифронтовой полосы. На информацию о происходящем там еврейская элита отреагировала созданием неформального, но важного органа, Политического бюро при еврейских депутатах, взявшего на себя систематический сбор информации о творящемся в зоне боев. Собранная информация использовалась, в частности, евреями — депутатами Думы, видными представителями петроградской еврейской общины и общин прифронтовых городов, при встречах с представителями правительства в первом полугодии 1915 года. От ожидания милостей со стороны правительства русско-еврейская элита перешла к попыткам воздействовать на гражданские власти с целью обуздать антиеврейскую политику военных.

*Обращения русско-еврейской элиты к властям
(первая половина в первой половине 1915-20)*

Начиная с зимы 1915-го еврейские общественные деятели пытались получить поддержку правительства, прибегнув к традиционному способу общения с властями — «штадлануту», то есть к обращениям к власти с просьбой о помощи²⁵. В феврале-мае 1915-го еврейские делегации одна за другой посещали министров, жалуясь на происходящее в прифронтовой полосе и прося воздействовать на военных с целью смягчения репрессий против евреев.

В связи с январскими (1915) выселениями в районе Варшавы, делегация в составе Н.М. Фридмана, О.О. Грузенберга, Л. Давидсона (член правления Варшавской еврейской общины) посетила 12 февраля 1915 года председателя Совета Министров И.А. Горемыкина²⁶. Как объявил в начале встречи

²⁵ О традиционной для еврейского общества функция «штадлана» см.: Scott U. The Shtadlan of the Polish-Lithuanian Commonwealth: Noble Advocate or Unbridled Opportunist? // Polin. 2002. № 15. P. 267–299.

²⁶ Запись происходившего на встрече: ЦАИЕН. НМ2/7954.2 (оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 13); см. также: Кельнер В.Е. Война. Россия. Ев-

Фридман, «цель нашего посещения — ознакомить правительство с положением еврейского населения в Польше». Горемыкин ответил сразу, что не в его силах что-либо изменить: «Знаю, знаю... печальное положение... Происходят погромы, расхищают имущество, выселяют, но что же я могу с ними поделать». Обескураженный Фридман заметил: «Все же я полагаю, что Вы как глава правительства...». Горемыкин продолжил: «Глава правительства, глава правительства... но что же я могу...». О.О. Грузенберг, вернувшийся незадолго до этого с поездки на фронт, рассказал премьеру, что не заметил на фронте враждебности солдат и офицеров к евреям и что виновны в происходящем «злонамеренные элементы местного населения, его отбросы». Горемыкин, прервав рассказчика, уточнил: «это — поляки...». Грузенберг продолжал:

эти отбросы и создают погромы... Я располагаю некоторыми точными сведениями. Таких погромов в различных местах Польши было свыше 150... Немцы, заняв какой-нибудь город или местечко, забирали у местного населения все, что можно. Русскому солдату — голодному и утомленному — местные отбросы нашептывают на евреев: для немцев, небось, у них все было, а для вас ничего нет. Голодный, раздраженный солдат не производит расследования и начинаются эксцессы... Но надо отметить и другую причину печальных явлений... выселения.

И.А. Горемыкин отреагировал прежним, сочувственно-беспомощным тоном:

Как же... А теперь, я слышал, из Плоцкой губернии всех выселяют... что же делать. Центральное правительство тут ни при чем... Я имею в виду написать Верховному Главнокомандующему. Я даже думаю, что некоторые исполнители не так исполняют.

Председатель Совета Министров попросил членов делегации представить записку с изложенными ими фактами

реи: Стенограммы встреч министров русского правительства с представителями еврейской общественности в 1915 году // Вестник Еврейского университета. Вып. 5(23). Москва — Иерусалим, 2001. С. 267–269.

(«Только осторожнее, избегайте, главным образом, личных намеков», — добавил он)²⁷. На просьбу облегчить свободу передвижения для десятков тысяч беженцев и изгоняемых Горемыкин ответил ясным отказом: «Если вы имеете в виду расселение вне черты оседлости, я не могу... закон».

Через несколько дней после встречи с Горемыкиным (23 февраля 1915 года) депутаты Думы Н.М. Фридман и М.Х. Бомаш были приняты министром иностранных дел С.Д. Сазоновым²⁸. Депутаты обратились к Сазонову как «к самому гуманному и беспристрастному из членов Совета Министров» (выражение М.Х. Бомаша). Вновь была повторены высказанные на встрече с Горемыкиным доводы (враждебное отношение войск вызвано наговорами поляков и усугубляется нехваткой товаров и продуктов в полосе боев). Сазонов ответил, что у него иные данные: «все в один голос говорят, что галицийские евреи относятся к нам очень враждебно, хуже даже галицийских поляков». Развернулась дискуссия. Н.М. Фридман парировал утверждение министра: «Галицийские евреи — это австрийцы, и они естественно относятся к русским солдатам, как австрийцы. Вы же не удивляетесь, когда австрийский немец относится к русским враждебно...».

Сазонов на это заметил: «да, но евреи ведь космополиты и я удивляюсь, как они не переменили <отношения>... Ведь в Галиции русская армия — это сила и неразумно, непрактично не считаться с этой силой». Еврейские депутаты Думы рассказали министру об опубликованном в январе 1915-го объявлении Верховного Главнокомандующего, обвинившего евреев не только Галиции, но и русской Польши во враждебности к русской армии, и предусматривавшем взятие заложников. Они просили заступничества Сазонова у Верховного Главнокомандующего. Министр весьма обтекаемо обещал «пого-

²⁷ Возможно, под «личными намеками» подразумевается известная неприязнь Н.Н. Янушкевича к евреям.

²⁸ Запись происходившего на встрече: ЦАИЕН. НМ2/7954.2 (оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 13); см. также: *Кельнер В.Е.* Война. Россия. Евреи. С. 269–272.

ворить с военными» и снестись со своим представителем в Ставке князем Кудашевым²⁹.

Следующие две встречи еврейских делегаций с министрами были связаны с массовым взятием военными властями заложников в Радомской и Келецкой губерниях. М.Х. Бомаш и Н.М. Фридман посетили 14 марта 1915 года министра финансов П.Л. Барка³⁰. Фридман объяснял, как именно воспроизводится враждебное отношение армии и местного населения к евреям:

В самом начале войны последовал приказ Верховного Главнокомандующего о том, чтобы щадить жизнь и имущество поляков. Эти слова были поняты очень многими — солдатами и местным населением в том смысле, что жизнь и имущество евреев можно и не щадить... так это было понято... Почти во всех местах, где проходили русские войска, происходили погромы, грабежи, насилия и убийства. Я под этими убийствами разумею и те казни, которые совершаются без суда и по распоряжению отдельных офицеров, а иногда и самими солдатами... И те люди, которые совершали эти злодеяния, естественно должны были искать оправданий и объяснений своим деяниям. Это есть источник навета... Если против одной группы населения принимается исключительные меры, то, должно быть, она этого заслуживает. Если власти относятся к евреям, как к врагам, то, стало быть, с ними можно и поступать, как с врагами.

Барк на все просьбы евреев отвечал «Непременно, непременно», и в частности обещал поднять в правительстве вопрос о снятии ограничений на право жительства для беженцев и выселенцев из прифронтовой полосы.

²⁹ Ср. с более поздней беседой Сазонова с послом США в России Д.Р. Френсисом (перехват шифротелеграммы госсекретарю Р. Лансину от 30 мая 1916 года) — «Г-н Сазонов сказал, что 90% шпионов — евреи, и что, тем не менее, евреи видят в России свою страну и он сам не одобряет никаких предрассудков относительно <их> расы» (АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 126. Лл. 10–100б).

³⁰ Цит. по: *Кельнер В.Е.* Война. Россия. Евреи. С. 273–275.

Пять дней спустя (19 марта 1915 года) делегация в составе Бомаша, Фридмана, а также представителей общин Радома и Келец (И.И. Бекермана и Ф.М. Марберга) посетила министра внутренних дел Н.А. Маклакова. Еврейские представители заявили, что хотят осведомить министра о возбуждении и тревоге еврейского населения в районе всей Черты, не только в районе театра военных действий. Маклаков отреагировал так: «...мне это все известно, но сделать я ничего не могу...», и перешел к обвинению еврейских депутатов: «Очень нехорошо, что вы сообщаете в газетах о своих посещениях... Этим вы только копаете себе яму.. Все, что пишется в газетах... читается в Ставке. И если там прочтут, что министры давали обещания еврейским депутациям, то в Ставке скажут: “значит, вы хотите меня переломить, так вот же вам!” и усилят все строгости... Если вы напечатаете в газетах, о чем мы тут говорили, то я опровергну, а газету оштрафую в высшем размере».

Фридман обескураженно заметил: «мы, ничего, собственно, не сообщали, кроме того, что министры относились сочувственно, но если Вы находите, что и этого много...». Маклаков ответил: «Нет, наоборот, во-первых, надо, чтобы единоверцы ваши знали, что вы действуете, а во-вторых даже неудобно, что вы, побывав у всех министров, меня не посетили... Линия отношений между военными и гражданским обществом такая острая, что требуется большая осторожность, не знаешь, как удержаться, чтобы не перейти за черту».

Фридман пожаловался министру на ужасные условия содержания заложников в полтавской тюрьме, по 40 человек в камере. Маклаков ответил: «Это не от меня исходит... я был в Ставке и мне были даны инструкции... Я должен их содержать в тюрьме...».

Далее министр посоветовал: «заложники должны сами <подчеркнуто в тексте — С.Г.> обратиться к Верховному с просьбой о смягчении. У него доброе сердце и ради Светлого праздника он простит их... О заложниках в Ставке сказали, что мы поступаем как немцы».

Н.М. Фридман возразил: «Немцы берут заложников у врагов, а мы у своих». По вопросу открытия Черты для беженцев,

Маклаков занял осторожную позицию: «...Если прикажут, я сделаю, но инициативы брать не могу. После войны пришлось бы возвращать все обратно». Бекерман заявил далее, что евреи являются союзниками русских властей в Польше, «без евреев русские не удержались бы там и 24 часа. Спросите мнение о евреях местной администрации, оно беспристрастно и положительно».

Маклаков отреагировал: «Вы думаете, я всего этого не знаю, я все это знаю до мелочей. Меня считают юдофобом, но это неверно». На замечание, что заложников переведут в тюрьму города Зеньков (в той же Полтавской губернии), министр внутренних дел отреагировал философски: «Я эти места знаю. В Зенькове хорошая тюрьма»³¹.

Следующие несколько визитов еврейских deputаций к членам правительства относятся к дням массовых выселений из Ковенской и Курляндской губерний. Курляндская делегация (депутат Думы Э.Б. Гуревич, митавский раввин М. Нурок и рижский адвокат М.А. Грон) посетила 4 мая 1915 года И.Л. Горемыкина. Премьер начал беседу первым: «Я знаю, зачем вы пришли... О выселениях... Но что я могу сделать. Это от гражданских властей не зависит». Э.Б. Гуревич подчеркнул: «Жители Курляндской губернии были ошеломлены таким приказом. Они... всегда были лояльны... Наши войска встретили сопротивление галицийских евреев... Это не имеет отношения к русским евреям». Выселения «вредят не только евреям, но и государству, и военным»... Горемыкин сразу согласился: «Да... я сознаю, что это вредно... но мы бессильны»³².

На следующий день (5 мая) Э.Б. Гуревич, М. Нурок, М.А. Грон и фактический председатель петроградской еврейской общины М.А. Варшавский посетили Н.А. Маклакова. Грон описывал министру внутренних дел ужасы выселения — «даже жандармы прослезились, а ведь они видали виды». Маклаков растрогался при этих описаниях. Грон продолжал: «...Евреи потрясены обвинением в измене... вызванном латышами, которые уже справились с немцами и их исключительно».

³¹ ЦАИЕН. НМ2/7954.3 (оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 14).

³² ЦАИЕН. НМ2/7954.3 (оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 14).

ному господству мешают только евреи. Местные начальники завалены доносами латышей на немцев и евреев... «Русский инвалид» <официальный орган Военного министерства — С.Г.> объявил, что выселение вызвано наведением немцев на Шавли. Между Шавлями и Митавой 120 верст». Маклаков заметил только: «да что “Русский инвалид”, там такие статьи появляются, что руками разведешь. Министр иностранных дел сказал военному министру — мне ваш “Инвалид” всю музыку испортил». Евреи в один голос воскликнули: «но ведь это официальное издание». Маклаков добродушно заметил: «Да, но это для народа... Я бессилен. Я против массовых выселений. Вы не поверите, но это факт»³³.

9 мая 1915 года другая депутация в составе Н.М. Фридмана, М. Нурка, Я.Х. Френкеля и С.И. Хоронжицкого из Шавель, а также Г.А. Блоха из Тельш посетила заместителя министра внутренних дел И.М. Золотарева. Н.М. Фридман представил членов делегации — своих земляков, «крупных заводчиков, миллионеров, теперь выселенцев». И.М. Золотарев начал с того, что признался в полной неосведомленности гражданских властей о происходящем и попросил членов еврейской делегации сообщить ему подробности: «У нас нет никаких сведений, от кого исходит распоряжение о выселении, не знаете ли, от кого?»

Затем он предположил, что евреи могли и сами дать повод к выселениям: «...Все же существует масса нареканий со стороны властей, откуда они исходят?» Н.М. Фридман ответил, что «нарекания» основаны на ошибках и предубеждениях, это

одни только сплошные недоразумения. Все построено на предположении, что в России евреям плохо, значит у них должна быть склонность изменять. Что евреям живется плохо в России — это верно, но отсюда не вытекает, что они изменяют... Евреи привязаны к России, это их родина, они надеются на улучшение их положения... Обвинения вызваны доносами местного населения и предвзятым отношением конкретных начальствующих лиц.

³³ ЦАИЕН. НМ2/7954.3 (оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 14).

Золотарев остался таким объяснением доволен:

да, это часто зависит от личности начальника, я это хорошо понимаю. Я сам верю в лояльность евреев и не в интересах государства обвинять целую массу евреев в нелояльности...»³⁴

Как уже упоминалось, наряду с посещением министров, еврейской элитой подавались многочисленные записки «в сферы». К лету 1915-го на фоне массовых депортаций и ощущения того, что отношение военных властей к евреям ухудшает положение еврейского народа всей России, тон этих обращений начинает меняться — от просительного к требовательному.

Два проекта обращения Петроградского ЕКОПО к Верховному Главнокомандующему, сохранившиеся в архиве Л.М. Брамсона, дают возможность проследить это изменение тона к лету 1915-го. Обращения готовились, видимо, в мае-июне 1915-го в связи с требованием военных властей предоставить заложников от выселенных из Ковенской и Курляндской губерний евреев как условия для разрешения им вернуться домой. ЕКОПО собиралось просить отмены взятия заложников от выселенцев и разрешения свободно селиться в черте оседлости.

Один из сохранившихся проектов написан льстивым верноподданническим стилем — «Всевышний благословит на славу Родине ратные труды Вашего Высочества... мы повергаем на Ваше благоволение... Требование дать заложников невыразимой болью отозвалось в сердцах страдальцев...»³⁵. Второй проект — гораздо более твердый и жесткий по тону, скорее требовал, чем просил свободного расселения выселенцев и беженцев, поскольку черта оседлости переполнена «обреченными на голод и позор, ни в чем ни повинными людьми»³⁶.

³⁴ ЦАИЕН. НМ2/7954.3 (оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 14).

³⁵ ЦГИАК. Ф. 992, оп.1. Д. 14. Л. 65.

³⁶ Там же. Л. 64.

Вероятно, ни одно из этих обращений так и не было направлено в Ставку (во всяком случае, об этом ничего не известно), возможно, как раз в связи с разногласиями, какой из проектов — более просительный или более требовательный, — следует туда направить.

Очень резко было составлено и написанное С.М. Дубновым в мае 1915-го обращение к И.А. Горемыкину, которое должны были подписать представители еврейских общин Петрограда, Москвы, Киева и Одессы³⁷. Описывая ужасы происходящего в прифронтовой полосе, обращение констатировало: «Долгими преследованиями, достигшими своего апогея в наши черные дни, мы отброшены назад к самым мрачным векам нашей истории», и требовало от правительства решительных мер к облегчению положения еврейского народа (то есть отмены ограничительного законодательства — «гражданского рабства»).

Автор обращения гневно вопрошал председателя Совета министров:

Еврейский народ должен ныне же знать: за что проливает он в этой войне кровь своих сынов, за что гибнет цвет его молодежи, за что вдовеют его жены и сиротеют дети, — за то ли, чтобы после всех этих великих жертв остаться рабом и мучеником на русской земле; или чтобы зажить на ней свободным равноправным гражданином?³⁸

Стиль обращения показался представителям еврейских общин очень резким, даже после «смягчения редакции»; подписать его, по словам самого Дубнова, «по-видимому, не хватило гражданского мужества — и проект застрял»³⁹.

Твердый и требовательный тон продемонстрировали в обращении к военному министру А.А. Поливанову (сентябрь 1915-го) и еврейские депутаты Думы. «Как представители

³⁷ Опубликовано С.М. Дубновым: Из черной книги русского еврейства: Материалы для истории войны 1914–1915 годов // Еврейская старина. 1918. № 10. С. 227–231.

³⁸ Там же. С. 230.

³⁹ Там же. С. 196.

еврейского населения в Государственной думе, считаем своим долгом обратить внимание Вашего Превосходительства на прискорбные явления в деятельности подведомственного Вам учреждения», — писали министру М.Х. Бомаш и Н.М. Фридман.

Опрос о службе евреев, проводимый по инициативе Генштаба (апрель 1915-го), по мнению депутатов, ставил евреев «в положение подозреваемых и поднадзорных... начальники воинских частей, читая циркуляр, не могли не прийти к убеждению, что отношение правительственной власти к евреям predetermined...». В связи с появлением в сентябре 1915-го нового циркуляра Генштаба, выясняющего «отношение евреев» к войне, депутаты просили министра «принять зависящие меры к прекращению агитации в армии против евреев»⁴⁰.

Посещения еврейскими политическими и общественными деятелями членов правительства показали анекдотическую неспособность министров Российской империи повлиять на военные власти, распоряжавшиеся во фронтовой полосе, и доказали непродуктивность надежд на традиционный «штадланут» в весенние месяцы 1915 года, в период массовых депортаций⁴¹.

Разочарование еврейской элиты России в возможностях прямого диалога с высшими чиновниками отразилось и в изменении тона обращений евреев к правительственным кругам, и в попытках повлиять на антиеврейскую политику военных властей с помощью политических партий, представленных в Думе.

⁴⁰ ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 93. Лл. 50–500б.

⁴¹ Столь же непродуктивными были и попытки повлиять на военные власти. В начале марта 1915-го делегация, состоявшая из трех раввинов, посетила главного начальника снабжений Северо-Западного фронта генерала Н.А. Данилова и пожаловалась на наговоры, Данилов сказал, что сам «не верит в эти рассказы, все бумаги проходят через его руки и в них одни глупости», и посоветовал евреям обратиться к главнокомандующему фронтом Н.В. Рузскому, но эта встреча так и не состоялась (ЦАИЕН. НМ2/7954.3; оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 14). Как видно, сочувствие Данилова к еврейской делегации никак не проявилось в деятельности военной администрации фронта.

Политические партии и еврейский вопрос (1915)

В предшествующие войне годы еврейские депутаты Думы вели борьбу за равноправие еврейского населения России, рассчитывая прежде всего на поддержку своего главного политического союзника — партии кадетов. Эта поддержка давалась далеко не автоматически и часто обуславливалась тем, насколько руководство кадетов (то есть П.Н. Милюков) считало возможным поддержать те или иные требования евреев в конкретной политической ситуации⁴².

Подход П.Н. Милюкова, ставившего обсуждение ситуации в зависимости от общего расклада политических сил и от надежд кадетов играть центральную роль на политической сцене, продолжал доминировать в отношении конституционных демократов к «еврейскому вопросу» и в годы войны.

Начиная с зимы 1915-го, возможная реакция партии по «еврейскому вопросу» неоднократно обсуждалась на заседаниях ЦК кадетов. Как отмечалось на заседании 22–23 февраля 1915 года, евреи обвиняют в разжигании антисемитизма «местное население — поляков», а поляки указывают, «что обвинения евреев в шпионстве идут из армии от командующих». Было отмечено, что жалобы евреев доведены до сведения властей, при этом Горемыкин «обещал похлопотать у главнокомандующего», а Маклаков «заявил, что он сделал максимум для евреев».

Общий оптимистический тон обсуждения (сводившийся к тому, что существует проблема гонений на евреев, которая решается с помощью правительства и при активном участии кадетов) не испортило упоминание о «неудовольствии евреев на нас» в связи с отказом партии поддержать предложенную евреями «декларацию к обществу» о борьбе с антисемитизмом, сочтенную кадетами «неуместной и несвоевременной»⁴³.

⁴² *Gassenschmidt Ch.* Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia. P. 105, 117.

⁴³ Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3 (1915–1920 гг.). М., 1998. С. 50–51.

На заседании ЦК кадетов 15 марта 1915 года обсуждалось предпринятое военными властями взятие заложников из числа еврейского населения Радомской и Келецкой губерний, ставшее предметом совещания, «в котором приняли участие некоторые члены Госсовета и Гос. Думы из октябристов, прогрессивных и беспартийных деятелей и к.-д.-тов». Н.В. Некрасов сообщил на совещании о своих впечатлениях (он с санитарным отрядом находился в момент ареста заложников как раз в Келецкой губернии). «Влиятельный октябрист» Шидловский предположил, что «Ставка здесь ни причем и к ней именно следует обратиться за отменой неудачного распоряжения местной военной власти». Прогрессист профессор Посников заявил, наоборот, что «упомянутые мероприятия являются ответом на аналогичные распоряжения австрийских военных властей». П.Н. Милюков добавил, что на совещании «было признано неудобным» добиваться отмены взятия заложников, «а лишь его неприменения» и для этого специальная делегация (М.М. Ковалевский и сам Милюков) представит вопрос Горемыкину, Сазонову и «главнокомандующему» <видимо, Николаю Николаевичу — С.Г.> с упором на возможную реакцию в союзных европейских державах на такой «акт несправедливости и нетерпимости»⁴⁴.

М.М. Винавер (одновременно и член еврейского Политического Бюро, и влиятельный член ЦК партии кадетов) также высказался за обращение в Ставку, с указанием на Европу, которая не может понять, как можно брать заложников из подданных своего же государства, «как можно огульно заподозривать в измене многочисленную группу населения». При этом обращение в Ставку должно быть сделано непосредственно и влиятельными лицами, поскольку хождение еврейских депутатов Бомаша и Фридмана к министрам не привело ни к чему, кроме выражений платонического сочувствия⁴⁵.

⁴⁴ Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 59–60.

⁴⁵ Там же. С. 60–61. Показательно скептическое отношение Винавера к усилиям еврейских депутатов, которых он к тому же не считал «влиятельными лицами».

На заседании ЦК кадетов 19 апреля 1915 года М.М. Винавер предложил принять подготовленный им проект резкой резолюции ЦК по еврейскому вопросу — «против огульного обвинения целого народа в повальном подозрении и предательстве». Он просил не откладывать принятие резолюции, поскольку «настроение против евреев нарастает даже в либеральных кругах». П.Н. Милюков, подержанный другими членами ЦК, выступил против принятия такой резолюции решением ЦК, «в виде приказа по партии», без предварительного обсуждения в более широких партийных кругах.

По поводу нарастания «в либеральных кругах» (как подразумевалось, среди самих кадетов) антиеврейских настроений Милюков отреагировал обиженным замечанием: «Оскорбительно и для партии такое недоверие со стороны евреев». Милюкова поддержал Ф.Ф. Кокошкин, считавший «неудобным» выступление кадетов по еврейскому вопросу, в то время как партия не высказывается по другим вопросам внутренней жизни: «Такое изолированное выступление по еврейскому вопросу психологически подействует на обывателя как раз обратно».

ЦК принял решение образовать специальную комиссию для подготовки доклада по еврейскому вопросу на предстоящей в июне партийной конференции⁴⁶. В ожидании этого доклада кадеты никак не отреагировали на поступающие сообщения о массовых депортациях евреев в мае 1915-го. Попытка А.И. Браудо и Я.Г. Фрумкина потребовать осуждения депортаций партийным органом, газетой «Речь», натолкнулась на решительное сопротивление П.Н. Милюкова, по-прежнему считавшего недопустимой критику военных властей во время войны.

На просьбу еврейского Политического Бюро посетить зону выселения, и в частности местечко Кужи, измена евреев в котором представлялась в официальной печати как причина депортации, откликнулся не кто-либо из видных кадетов, а трудовик А.Ф. Керенский⁴⁷.

⁴⁶ Там же. С. 72–74.

⁴⁷ Фрумкин Я.Г. Из истории русского еврейства. С. 97–99. Многие кадеты,

Долгожданный доклад по еврейскому вопросу был зачитан от имени ЦК партии кадетов М.М. Винавером на состоявшейся 6–8 июня конференции партии и был единогласно одобрен⁴⁸. В докладе подробно описывались ужасы, пережитые еврейским населением прифронтовой полосы за 10 месяцев войны, но не прозвучало ни слова упрека в адрес военных властей.

Указывалось лишь, что на фоне демонстрируемой представителями еврейства России верности отечеству, реакционные силы в правительственном лагере в союзе с реакционной печатью (упоминалось «Новое время») выдвинули «обвинение в повальном предательстве евреев»⁴⁹. Именно этими реакционерами («давно известными ненавистниками еврейства»)

заблаговременно принимаются меры, чтобы настроить против еврейства армию и народ... Единичные случаи шпионства, возможные среди пограничного населения всех национальностей, обобщаются, дают повод к самым невероятным измышлениям и темным легендам...⁵⁰

Предложенная конференции и принятая ей резолюция отнюдь не содержала конкретных предложений; как и доклад, она вообще не раскрывала роль армии в происходящем с русским еврейством. Делегаты конференции лишь весьма туманно призвали «оказать дружное противодействие попыткам реакционных сил разорвать на еврейском вопросе нашу связь с народом и армией», показать «массам, что их вновь хотят обмануть, возбудив в них темные страсти...»⁵¹.

Но даже столь безадресная резолюция подверглась критике на заседании кадетского ЦК 9 июня 1915 года. В.А. Ма-

включая П.Б. Струве, резко критиковали Милюкова за столь примирительную позицию (Там же. С. 98)

⁴⁸ Доклад был полностью опубликован С.М. Дубновым: Из черной книги русского еврейства // Еврейская старина. 1918. № 10. С. 197–227.

⁴⁹ Там же. С. 202.

⁵⁰ Там же. С. 225.

⁵¹ Там же. С. 226.

клаков выразил опасение о том, какое впечатление она произведет на армию: «Польские евреи имели право желать наших поражений, и вскрытие такого положения вещей произведет на армию отвратительное впечатление». По мнению А.В. Тырковой, «еврейская резолюция нехороша тем, что мы как будто выдаем патент на патриотизм всему еврейскому народу». П.Н. Милюков сразу возразил: «не на патриотизм, а на право гражданина»⁵².

Различия в отношении к еврейскому вопросу различных политических сил левого направления (трудовиков и социал-демократов) и кадетов, а также острая неудовлетворенность евреев поведением своих политических союзников проявились, в частности, при обсуждении доклада Огановского.

Н.П. Огановский, посетивший районы выселения евреев из Ковенской губернии, представил доклад о поездке, для обсуждения которого было созвано (видимо, в июне 1915-го) специальное совещание представителей левых (социал-демократы, трудовики) и центристских (кадеты) политических партий вместе с еврейскими общественными деятелями⁵³.

Огановский отмечал в докладе, что в отличие от немцев, поступавших «деликатно», русские войска обращались с населением грубо, тогда как «администрация Ковенской губернии в антагонизме с военной властью относилась довольно бережно к имуществу выселенцев и вообще всех евреев». Когда в Вилькомирском уезде полиция стала отбирать у крестьян награбленное еврейское добро, солдаты вступились, поскольку сами раздавали имущество крестьянам. «Наши войска относятся к евреям, как к людям враждебной национальности... с которой необходимо бороться, вести войну... держать за шиворот, иначе они наделают зла... Солдаты говорили евреям: отдавайте ваши товары, все равно вы их приготавливали, спрятали для немцев, открывайте ваши кошельки, у вас там германские деньги», — писал Огановский. Солдаты «искренне убеждены» в том, что евреи поголовно враждебны

⁵² Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 99.

⁵³ Доклад и стенограмма совещания: ЦАИЕН. НМ2/7954.1 (оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 11).

России, поскольку солдатские массы не сталкивались раньше с евреями и легко верят наветам.

Конфликты между евреями и литовцами в районе выселений Огановский описывает как проблему комплексную. Экономических корней у враждебности литовцев к евреям нет, поскольку еврей-торговцы Ковенской губернии сильно конкурируют между собой и боятся «надуть», чтобы не потерять клиентов. Причину враждебности литовцев Огановский видел в пропаганде «польских ксендзов», «клерикализме и юдофобии». В целом литовцы не участвовали в грабежах и насилии над евреями, которых грабили хулиганы-люмпены, однако наживались на бедственном положении выселенцев, заламывая по 5–6 рублей за подводу.

Экономические последствия оказались очень тяжелыми как для евреев, так и для неевреев. Выселения разорили еврей-ев-торговцев, большая часть капитала которых была вложена в товар, который пришлось оставить или продать по очень низкой цене. Товары после выселения подорожали на 20–30 процентов (а обувь на 70 процентов). По словам Огановского, некоторые местные крестьяне считали, будто евреи специально подкупили администрацию, чтобы их выселили, желая таким образом показать, что обойтись без них невозможно.

Обсуждение доклада Н.П. Огановского русскими и еврейскими политиками и общественными деятелями вылилось в бурную дискуссию. Первым выступил социал-демократ Н.С. Чхеидзе, заявивший:

Евреи меняют отношение к русскому народу и русской интеллигенции. До этого они думали, что погромы и антисемитизм — дело небольшой партии, очень влиятельной в России, но будущее за другими партиями. Сейчас они думают, что все против них. Русская интеллигенция тоже виновата, что не обратилась к евреям, отдала все в руки бюрократии, антисемитской и ведущей Россию к поражению. Мы немцев будем упрекать за удушливые газы, а они скажут, — что вы сделали с евреями... Изменение отношения к евреям — это дело... национального спасения.

Представитель кадетов князь Д.И. Шаховской попытался защитить пассивную позицию своей партии по еврейскому вопросу:

Если Дума и русская общественность не сделали ничего по еврейскому вопросу, то потому что не могли, а не потому что не хотели. Мешать, противодействовать правительству было невозможно, еврейский вопрос только один из тысяч вопросов, где допущены ошибки и преступления. Сейчас нужно обеспечить нажим на правительство... и подготовить конкретные законопроекты.

Н.С. Чхеидзе резко возразил Шаховскому: «Это собрание — не первое, посвященное еврейскому вопросу. Уже более полугодом мы его обсуждаем. В декабре 1914 года... я сказал, не пора ли что-то делать с этим. Нельзя примириться — это позорная позиция. Что делать — прокламации писать или бомбы бросать — это вопрос тактики». Тогда, в конце 1914-го, решено было собирать материалы о зверствах против евреев. На открытии Думы 29 января 1914 года по еврейскому вопросу выступили только социал-демократы, и даже евреи предупреждали тогда Чхеидзе, что требование социал-демократов предоставить евреям равноправие вызовет только обратную реакцию из-за антисемитизма в стране и армии. Сегодня стало очевидным, заключил Чхеидзе, что «по еврейскому вопросу общественные деятели будут держать экзамен на линию поведения».

Я.Г. Фрумкин, член еврейского Политического бюро, выступил против равнодушия русской общественности к страданиям еврейского народа: «выселения низводят Россию на ступень средневекового варварства — русское общество это не поняло, оно не отреагировало даже в элементарных формах».

Оппозиционные депутаты Думы «принципиально отказались» ехать в районы выселения, чтобы ознакомиться с обстановкой, Земгор ничего не сделал, чтобы помочь выселенным. И Дума должна в каждом обсуждаемом ею вопросе говорить и о евреях.

Но Я.Г. Фрумкин считал позицию Чхеидзе безответственной, поскольку реальная работа над достижением равноправия займет годы, а представление в Думу заранее обреченного на неудачу законопроекта, как предлагает Чхеидзе, «ничем не отличается от простого разговора».

Д.О. Заславский, представлявший на совещании Бунд, направил свои критические стрелы по конкретному политическому адресу — партии кадетов:

Следует говорить об ответственности не русского общества, а конкретной политической группы, то есть партии кадетов, которая поставила себя в совершенно противоречивое положение, так как она не мешала правительству вести Россию к поражению. Гонения на евреев — совершенно беспримерны и их нельзя поставить на одну доску с другими преступлениями, совершаемыми сейчас в России. Влиятельные группы еврейской политической элиты, связанные с кадетами, также виноваты в политическом умалчивании еврейского вопроса.

А.Ф. Керенский, со своей стороны, ясно сознавал опасность радикализации требований национальных элит России, в том числе евреев:

Течения, возникающие среди еврейской интеллигенции и среди других народов, сомневающиеся в самой сущности русской культуры, в возможности строить в России правовое демократическое государство — эти течения несут симптомы разложения... Необходимо моральное возрождение русской культуры, то есть осознание своего преступления перед другими нациями и особенно перед еврейской. Евреи никогда не выдвигали требования, угрожающие русской власти, как поляки или украинские сепаратисты.

В целом никаких конкретных рекомендаций, тем более конкретного плана действий, совещание не выработало, продемонстрировав еврейским общественным деятелям, насколько слаба реальная поддержка их требований даже со стороны, казалось бы, естественных союзников — левоцентристских партий.

В июле 1915-го, на фоне военных неудач и демонстративных жестов навстречу требованиям «общественности» (увольнение в июне 1915-го непопулярных и одиозных министров, в частности, военного министра В.А. Сухомлинова и министра внутренних дел Н.А. Маклакова), проходила подготовка очередной сессии Думы⁵⁴.

2 июля 1915 года состоялась встреча М.Х. Бомаша с П.Н. Милюковым, посвященная перспективам обсуждения ситуации, в которой оказалось еврейство России, на предстоящей сессии Думы⁵⁵. Бомаш хотел узнать, что именно партия конституционных демократов собирается предпринять в Думе, но Милюков ответил более чем обтекаемо: «...форма выступления по еврейскому вопросу выяснится позднее, когда выяснится общее положение в Думе... Не думаю, что по еврейскому вопросу будет отдельная речь».

На предложение Бомаша к кадетской партии выступить с запросом по ситуации еврейского населения в прифронтовой полосе Милюков ответил решительным отказом: «О запросах не может быть и речи, тем более по вопросу о эксцессах против евреев». Свою позицию лидер кадетов мотивировал тем, что «обвинение должно быть юридически обосновано».

М.Х. Бомаш спросил, будут ли обсуждаться проекты законов, облегчающих положение еврейского населения в тылу, то есть законопроект об отмене, хотя бы частичной, ограничений на право жительства для беженцев и об отмене процентной нормы для евреев в университетах. Милюков и здесь отказался поддержать просьбы евреев: «Я безусловно против, это только дает правым повод к выступлению... это неуместно». На просьбу Бомаша хотя бы упомянуть преступления против евреев в резолюции Думы Милюков также ответил отказом: «это не соберет большинства Думы... спровоцирует правых к выступлению». В качестве компромисса лидер ка-

⁵⁴ О политической борьбе вокруг созыва Думы см., в частности: *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи, 1906–1917, историко-правовой очерк. М., 1998. С. 502–505; *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 88–100.

⁵⁵ Стенограмма встречи: ЦАИЕН. НМ2/7954.3 (оригинал: ЦГИАК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 14).

детов предложил лишь представить Думе резолюцию об отмене ограничений для всех национальностей «без выделения евреев» <выделено в тексте — С.Г.>.

Фактический отказ П.Н. Милюкова и всего руководства кадетов⁵⁶ занять активную позицию по еврейскому вопросу летом 1915-го может быть объяснен особенностями политической ситуации тех дней. На базе правых и центристских партий формировался Прогрессивный блок, требовавший создания «кабинета общественного доверия», но и демонстрировавший «условную лояльность самодержавию»⁵⁷. Раздражать своих правых партнеров по Прогрессивному блоку откровенно проеврейской позицией кадетской партии Милюков, видимо, опасался⁵⁸.

При этом сам П.Н. Милюков в своей речи в Думе ясно говорил о страданиях евреев в прифронтовой полосе⁵⁹. 20 июля 1915 года Н.М. Фридман выступил в Думе самостоятельно, от своего, а не партии кадетов, имени⁶⁰. Описав бедствия, выпавшие на долю еврейства России за год войны (ни разу не упомянув при этом о роли военного командования и армии), еврейский депутат призвал Думу «сказать бодрящее слово, совершить то действие, которое может вывести еврейский народ из того отчаянного положения, в которое он поставлен, которое может вернуть ему силы и бодрость»⁶¹. Как защитник еврейского народа в этой речи был упомянут А.Ф. Керенский, выехавший в местечко Кужи, чтобы доказать абсурдность обвинения местных евреев в измене⁶². Встречен-

⁵⁶ Милюков был непререкаемым лидером кадетского руководства, способным в одиночку проводить в ЦК партии решения по политическим вопросам (*Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти. С. 100).

⁵⁷ Там же. С. 103.

⁵⁸ *Hamm M.F.* Liberalism and the Jewish Question: The Progressive Blok // *The Russian review.* 1972. Vol. 31. April. P. 163–164.

⁵⁹ *Ibid.* P. 170; *Фрумкин Я.Г.* Из истории русского еврейства. С. 99.

⁶⁰ Из недавнего прошлого: Речи еврейских депутатов в Государственной думе за годы войны. С. 5–24.

⁶¹ Там же. С. 23–24.

⁶² Там же. С. 22–23. См. также: *Львов-Рогачевский В.* Гонители еврейского народа. С. 95; *Greenberg L.* The Jews in Russia. Vol. II. P. 100.

ное рукоплесканиями «слева», выступление Фридмана, не содержащее никаких конкретных предложений, оставалось лишенным реального политического значения актом.

Как мы видели, в течение первого полугодия 1915-го еврейский вопрос неоднократно обсуждался как партией кадетов, так и представителями левого крыла политического спектра России. Положение еврейского населения прифронтовой полосы вызывало однозначное сочувствие, выливавшееся в символические акты солидарности с евреями (именно таков доклад по еврейскому вопросу на конференции партии кадетов в июне 1915-го). Но реальной политической помощи страдавшему от преследований еврейскому населению ни кадеты, ни левые группировки оказать не могли. Социал-демократы и трудовики были слишком маргинальной силой в тогдашнем политическом спектре, и их позиция имела лишь символическое значение.

Причины весьма сдержанного отношения кадетов к главным требованиям евреев — положить конец преследованиям со стороны военных властей и облегчить с помощью отмены ограничений на право жительства ситуацию в черте оседлости, — были глубже, чем стремление выждать подходящий момент. Лидеры кадетов отнюдь не нуждались в имидже «проеврейской» партии, способном лишь помешать им в формировании широкого политического блока, который летом 1915-го от имени всего общества фактически потребовал поделиться с ним властью.

Более того, поддержка требования евреев обуздать военных могла быть воспринята как весьма очень непатриотический акт в момент, когда армия, истекая кровью, пыталась сдержать наступление врага.

В этих условиях евреи не могли рассчитывать на серьезную практическую помощь со стороны кадетов. Они вновь обратились к правительству, но на этот раз не со смиренными просьбами о помощи. Эффективное давление на власть было оказано извне, через союзников России и международные еврейские круги.

«Еврейский вопрос» в русском правительстве (1915)

Давление еврейских кругов Запада на Россию, через свои правительства, с целью добиться облегчения положения русского еврейства, началось отнюдь не в 1915-м. Соответствующая позиция американского еврейства начала сказываться на официальной политике США еще с 1880 года⁶³. В предвоенный период (особенно в связи с событиями 1905-го) помощь международного еврейства своим русским собратьям включала эффективное политическое лоббирование, приведшее, в частности, к денонсированию американским правительством торгового договора с Россией (1911)⁶⁴.

Еще одним направлением давления еврейских финансовых кругов Запада на русское правительство было требование уступок в еврейском вопросе как условие для предоставления кредитов⁶⁵: «со времени Кишиневского погрома группа парижского Ротшильда отказывалась от участия в русских займах»⁶⁶. Широкую известность получила деятельность крупнейшего американского еврейского банкира Якоба Шифа, не только не кредитовавшего Россию, но и организовавшего во время русско-японской войны крупный заем Японии⁶⁷. Шиф будто бы даже заявил представителю русско-

⁶³ Best G.D. To Free a People. American Jewish Leaders and the Jewish Problem in Eastern Europe, 1890–1914. Westport (Connecticut) — London, 1982. P. 9–12, 91–113.

⁶⁴ Gassenschmidt Ch. Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia. P. 113, 139; Best G.D. To Free a People. P. 166–205. См. также: Энгель В.В. «Еврейский вопрос» в русско-американских отношениях: На примере «паспортного» вопроса, 1864–1913. М., 1998.

⁶⁵ См., в частности: Aronsfeld C.C. Jewish Bankers and the Tsar // Jewish Social Studies. Vol. XXXV. April 1973. P. 87–104 (специально о позиции английских финансовых кругов, связанных с Ротшильдами: P. 94–97).

⁶⁶ Миндлин А. Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом в конце XIX — начале XX века // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 2(12). С. 93.

⁶⁷ Sherman A.J. German-Jewish Bankers in World Politics: The Financing of the Russo-Japanese War // Leo Baek Institute Year Book. XXVIII. 1983. P. 59–73; Best G.D. To Free a People. P. 91–113.

го правительства, что «с Романовыми мир заключен не может быть»⁶⁸.

А.И. Браудо, организатор и вдохновитель работы еврейского Политического и Информационного бюро в годы войны, еще с 1903 года играл активнейшую роль в налаживании контактов с еврейскими кругами Германии, Франции и Англии, а также в организации постоянного освещения в прессе этих стран положения русских евреев и в создании специальных органов печати, сосредоточенных на этой теме. Первым таким органом, созданным Браудо совместно с немецкими общественными деятелями вскоре после кишиневского погрома 1903 года, стал издаваемый в Берлине «Russische Korrespondenz». Затем последовала выходящая в Париже и превратившаяся в ежедневную газету «La Correspondance russe», просуществовавшая пять лет (1905–1910), а затем и издававшийся в Англии журнал «Darkest Russia»⁶⁹.

Эта информационно-пропагандистская деятельность получила активное продолжение во время войны. Работавший в 1904–1905 годах в Берлине Р. Бланк был направлен А.И. Браудо в ноябре 1914-го «делегатом» в Англию и Францию с тем, чтобы служить связным между Политическим бюро в Петрограде и еврейскими комитетами этих стран и добиваться через них давления на русское правительство («защищать честь и интересы русского еврейства»)⁷⁰.

Собранные петроградским информационным бюро материалы о преследованиях евреев русскими военными властями переправлялись на Запад и там с соответствующими комментариями («варварские дела российских черносотенцев, позорящие дело союзников перед всем культурным миром»), доводились еврейскими организациями до сведения своих правительств.

⁶⁸ Миндлин А. Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом. С. 84. См. также: Cohen N.W. Jakob H. Schiff: A Study in American Jewish Leadership. Hanover, 1999. P. 137–139.

⁶⁹ Бланк Р. Сеятель добра. С. 58–59; Познер С. Страницы прошлого (из воспоминаний о А.И. Браудо). С. 82; Мовшиович Д. А.И. Браудо и последние этапы борьбы за эмансипацию евреев в России. С. 104–105.

⁷⁰ Бланк Р. Сеятель добра. С. 60–64.

В свою очередь, правительства Англии и Франции начали давить на Россию⁷¹, разделив позицию еврейских организаций: гонения на евреев — не внутреннее дело России, а «внутреннее» дело всех держав Антанты⁷². В частности, с весны 1915-го английское правительство активно требовало от своих русских союзников улучшить положение евреев в России. Это давление осуществлялось как в Лондоне (во время переговоров министра финансов России П.Л. Барка с представителями английского правительства, в частности с военным министром Г. Китченером), так и в Петрограде (через британского посла Дж. Бьюкенена)⁷³.

Как и русско-еврейская элита в Петрограде, лидеры западного еврейства не сразу утратили иллюзии относительно последствий войны для русских евреев. Так, посол России в США Ю.П. Бахметев сообщил 29 ноября 1914 года в МИД о встрече с Оскаром Страусом («бывшим послом в Константинополе»), который говорил с русским послом об «улучшении участи» евреев в России, добавляя, что евреи не получили таких же «обещаний и надежд», как поляки. Бахметев объяснил Страусу, что «поляки — отдельный народ, бывший когда-то независимым... тогда как евреи находятся совершенно в ином историческом положении... в настоящую политическую минуту их верность уже оценена отечеством, государь император милостиво принял депутации от них, наши генералы посещали синагоги, многие евреи получили заслуженные награды...», так что теперь русская власть не смотрит на евреев как на преступников-революционеров, однако изме-

⁷¹ Там же. С. 63; Андреев Д. А.И. Браудо: штрихи к политическому портрету // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 1(5). 164. Пропагандистская деятельность на Западе была направлена не только против русских властей. Одним из первых практических результатов координации действий российского и западного еврейства стала приостановка «кампании наветов», исходившей от «польских эмиссаров»: «Когда польские “патриоты” начинали разговор на излюбленную ими тему: “наше несчастье — евреи”, их немедленно останавливали дружеским советом: “об этом вы лучше не распространяйтесь, этим вы только вредите вашему собственному делу”» (Бланк Р. Сеятель добра. С. 62).

⁷² Бланк Р. Сеятель добра. С. 63.

⁷³ Levene M. War, Jews, and the new Europe. P. 60–61.

нений в еврейском законодательстве до конца войны ждать не стоит.

Страус согласился с этими объяснениями, признав, что «как бы ни была ужасна война вообще, ее надо довести до конца, то есть до уничтожения силы Германии», и поэтому агитация американских и европейских евреев против России должна быть прекращена.

Русский посол в Вашингтоне добавил, что американские евреи действительно «замолчали», перестав устраивать антирусские митинги и демонстрации. Само обращение Страуса, по оптимистичной оценке Бахметева, «указывает на намерение заслужить желаемые ими льготы, а уже не пытаться вырвать их»⁷⁴.

Но уже три месяца спустя, 28 февраля 1915 года, посол Бахметев сообщал об изменении ситуации: его «английский и французский товарищи» «неоднократно заговаривали со мною о желательности... чтобы мы успокоили здешнее общественное мнение... какими-нибудь облегчениями или обещаниями русским жидам»⁷⁵.

Я. Шиф и его группа (The American Jewish Committee) продолжали требовать изменения антиеврейской политики русских властей в качестве предварительного условия предоставления любых займов⁷⁶. К весне 1915-го, под влиянием сообщений из прифронтовой полосы России, позиция Шифа стала еще более жесткой. Шиф успешно блокировал в 1915-м размещение в США займа для стран Антанты до тех пор, пока часть этих денег планировалось передать России, и снял свои возражения, лишь убедившись, что этот займ Россия использовать не сможет. Позиция Шифа оставалась неизменной, несмотря на убытки его банковской фирмы и на-

⁷⁴ Россия и США: дипломатические отношения, 1900–1917. М., 1999. С. 310–311, см. также: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 315. Лл. 158–159. По версии Страуса, он во время встречи заявил послу, что ситуация евреев в России ослабляет Антанту и настраивает против нее общественное мнение США (Cohen N.W, Jakob H. Schiff. P. 196).

⁷⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 60. Лл. 59–61.

⁷⁶ Миндлин А. Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом. С. 97.

падки конкурентов и прессы, обвинявших его в прогерманских симпатиях⁷⁷. Вместе с Шифом против предоставления займов России боролся Американский еврейский комитет, организовавший в 1915-м соответствующую общественную компанию⁷⁸. Одновременно американские еврейские газеты инициировали сбор подписей под петицией против продажи России оружия⁷⁹.

Как реагировало на это давление русское правительство? А.Н. Яхонтов, ведший записи заседаний правительства, полагал (так он писал в 1922 году П.Л. Барку), что ни до, ни после августовских дискуссий 1915-го еврейский вопрос в Совете Министров не обсуждался, поскольку известна была позиция «государя императора, что он не возьмет на себя никакого почина в пересмотре законов о сей нации»⁸⁰. Барк, напротив, считал ошибочным представление Яхонтова о том, будто еврейский вопрос возник для обсуждения «неожиданно под влиянием катастрофических событий», и описывал ситуацию иначе:

почти с самого начала войны обсуждалась необходимость изменить законы, касающиеся евреев. По повелению государя я <Барк — С.Г.> обсуждал этот вопрос с великим князем Николаем Николаевичем и генералом Янушкевичем в Ставке... мероприятия, принятые генералом Янушкевичем по отношению к евреям, были совершенно нетерпимы... его величество меня вполне одобрил <то есть разделяя мнение Барка о нетерпимости антиеврейской политики Янушкевича — С.Г.> и уполномочил меня передать его решение вел. кн. Израелитские делегации были неоднократно принимаемы разными министрами, поддер-

⁷⁷ Cohen N.W. Jakob H. Schiff. P. 196–198. Best G.D. To Free a People. P. 209.

⁷⁸ Szajkowski Z. Jews, Wars, and Communism. Vol. I. The Attitude of American Jews to World War I, The Russian Revolutions of 1917, and Communism (1914–1945). N.Y., 1972. P. 16–17. Об организации Американского еврейского конгресса, координировавшего борьбу за права евреев Восточной Европы, см.: Френкель Й. Пророчество и политика: Социализм, национализм и русское еврейство, 1862–1917. Иерусалим–М., 2008. С. 645–686.

⁷⁹ Levene M. War, Jews, and the new Europe. P. 62.

⁸⁰ Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 449.

живающими их сторону в высших инстанциях <то есть перед самим царем — С.Г.>. Наконец, во время моих поездок в Англию и Францию я беседовал по этому вопросу с министрами финансов английским и французским и еврейскими представителями в этих странах, как Ротшильд в Англии и Ротшильд во Франции. Следовательно, меры, принятые Советом Министров летом 1915 г... были только результатом подготовительных прений и рассуждений происходивших задолго до этого⁸¹.

Сразу же после начала войны, 19 июля 1914 года, Совет Министров принял решение о приостановлении на время войны выселения незаконно проживающих вне Черты семей евреев, призванных на военную службу⁸². А на политику военных властей Совет министров впервые обратил внимание на заседании 6 февраля 1915 года, когда министр иностранных дел С.Д. Сазонов сказал о выселении военными властями 40 тысяч евреев из Плоцкой губернии: «Положение этих евреев ужасно»⁸³.

На заседании правительства 8 мая 1915 года главной темой стали массовые депортации евреев из Ковенской и Курляндской губерний. Общее недовольство министров поведением военных властей было выражено на заседании вполне наглядно. Наметились две линии критики — с точки зрения внутренней и внешней политики.

Министр финансов П.Л. Барк и министр иностранных дел С.Д. Сазонов упрекали Ставку за те внешнеполитические осложнения, к которым неизбежно приведет ее политика.

⁸¹ Там же. С. 440.

⁸² Там же. С. 8. Решение было конфиденциальным («не для опубликования»). Вместе с тем, по данным евреев (см., напр., речь Н.М. Фридмана в Думе 26 июля 1915 года: Из недавнего прошлого: Речи еврейских депутатов в Государственной думе за годы войны. С. 9–10), местными властями активно проводились выселения и семей фронтовиков, и самих раненых.

⁸³ Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 126. Впрочем, еврейской делегации, посетившей его через несколько дней по тому же поводу, Сазонов ничего конкретного не сказал. В тот же день (6 февраля 1915 года) военный министр В.А. Сухомлинов записал в дневнике: «Большие бедствия создаются от выселения немцев, евреев и турок во внутреннюю Россию» (Там же. С. 387).

Барк заявил, что у России будут трудности с размещением на внешних рынках миллиардного займа, сообщив министрам, что во время его визита в Англию Г. Китченер просил обратить внимание на еврейский вопрос в России, который затрудняет возможность поставок и увеличивает антагонизм между союзниками. С.Д. Сазонов добавил, что «международные отношения потребуют после войны общих облегчений для евреев России», и тем самым происходящее сейчас с евреями противоречит здравому смыслу⁸⁴.

Министр внутренних дел Н.А. Маклаков возмущался, напротив, внутренними осложнениями, к которым ведут антиеврейские акции («погромы и питание революции», «переселение народов, чреватое последствиями», огромные экономические убытки). От реакции же Запада Маклаков отмахнулся: «на Китченера можно не обращать внимания»⁸⁵. Главноуправляющий земледелием А.В. Кривошеин («теневой премьер», «сильный человек кабинета»⁸⁶) назвал происходящее «средневековьем» и заявил, что антиеврейская политика Ставки вызовет осложнения как внутри страны, так и в отношениях с союзниками⁸⁷.

⁸⁴ Там же. С. 163.

⁸⁵ Там же. 8 мая В.А. Сухомлинов записал в дневнике о выселениях евреев: «Мера невозможная» (Там же. С. 393).

⁸⁶ Куликов С.В. А.В. Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны: Письма А.И. Гучкова, А.Д. Протопопова, П.Б. Струве / Вводная ст., подг. текста и комм. С.В. Куликова // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб., 1994. С. 42.

⁸⁷ Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 163. При этом с начала войны А.В. Кривошеин и Н.Н. Янушкевич были политическими союзниками, координировали свои действия и доверительно советовались (Там же. С. 382–383). В частности, осенью 1914-го Кривошеин писал Янушкевичу: «после победоносной войны... надо будет и политику вести более широкую по отношению к инородцам... скорее как Англия — децентрализация и терпимость» (Бахтурин А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны. С. 47). Критику Ставку на заседаниях правительства, Кривошеин конспирировал вместе с Николаем Николаевичем и генералом Янушкевичем по поводу нового состава правительства, причем видел в Янушкевиче кандидата на пост военного министра (см.: Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность и Первая мировая война. С. 20).

Видимо, именно после массовых депортаций и тяжелой реакции, которую они вызвали в обществе (как и в самом Совете министров), стала заметной активность членов правительства, направленная на «обуздание» Ставки и адресованная верховному арбитру — императору. Именно тогда и могла быть составлена записка И.Л. Горемыкина Николаю II, в которой председатель Совета министров выступил против несправедливости коллективного наказания евреев и предвидел тяжелые, в том числе и международные, осложнения из-за массовых депортаций⁸⁸.

В начале лета 1915-го П.Л. Барка посетила делегация из трех «видных представителей» еврейства — финансистов барона Александра Гинцбурга, Бориса Каменка и Марка Варшавского. Они просили содействия министра финансов в отмене «совершенно невероятного» (выражение Барка) распоряжения Верховного Главнокомандующего о взятии заложников от всего еврейского населения прифронтовой полосы. Барк обещал довести дело до царя, и через несколько дней на аудиенции в Царском Селе доложил о нем Николаю II, добавив, что еврейское финансовое давление на Россию растет, заграничные займы размещаются плохо, видные еврейские финансисты (в частности, Ротшильды в Париже) прямо указывают на желательность уступок в еврейском вопросе: «Мы не можем и не должны одновременно воевать с Германией и еврейством. В этом случае мы не можем рассчитывать на победу», — будто бы сказал царю министр⁸⁹.

Император разрешил Барку поехать в Ставку и путем личного доклада повлиять на великого князя. Барк встретился с Верховным и урегулировал с ним вопрос освобождения заложников⁹⁰.

В июле 1915-го в ответ на «соображения Совета министров о недопустимости огульных мер в применении к евреям и опасных для государственного порядка и кредита осложнениях», генерал Янушкевич ответил правительству, что находит ре-

⁸⁸ Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. P. 140–142.

⁸⁹ Барк П.Л. Воспоминания. С. 92–93.

⁹⁰ Там же. С. 94–95.

прессии против евреев «весьма слабыми» и только «практические затруднения» гражданских властей удерживают Ставку от «усиления их в еще более значительной степени»⁹¹.

К августу 1915-го Россия переживала явный внутренний кризис, вызванный поражениями армии и повальной эвакуацией населения прифронтовой полосы (что не могло не пошатнуть позиций Ставки). Одновременно усилилась угроза внешнеполитического и финансового кризиса, к которому вели, в частности, антиеврейские меры военных властей.

Между тем военные (Н.Н. Янушкевич), не понимая момента, «закусили удила» и намеревались продолжать репрессии. Министры чувствовали, что император поддержит их против Ставки, — и так сложились условия для лобовой атаки на еврейскую политику военных властей.

На заседании правительства 4 августа 1915 года управляющий Министерством внутренних дел князь Н.Б. Щербатов инициировал обсуждение еврейского вопроса, нарисовав впечатляющую картину:

Сотни тысяч евреев всех полов, возрастов и состояний продвинуты и продолжают продвигаться на восток от территории театра военных действий. Распределение всей этой массы в границах черты оседлости не только трудно, но прямо невозможно. Местные губернаторы доносят, что... они не отвечают за безопасность новых поселенцев ввиду возбужденного состояния умов и погромной агитации, особенно со стороны... солдат. Не только бытовые, но и экономические, и санитарные соображения требуют разрежения населения...⁹²

⁹¹ Яхонтов, Арк. Первый год войны. С. 293–294. Столь заносчивый ответ Янушкевича можно объяснить как его личными качествами — неприязнью к евреям и убеждением в их враждебности России, так и спецификой момента — в июле 1915-го Янушкевич признавался Кривошеину: «в эти дни тяжело на душе и сдержать нервы трудно» (Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 401).

⁹² Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 43.

Ответственность за тяжелую ситуацию князь Щербатов возложил на высшее военное руководство и лично на начальника штаба Верховного Главнокомандующего:

Все наши усилия вразумить Ставку... остаются тщетными. Мы все вместе и каждый в отдельности и говорили, и писали, и просили, и жаловались. Но всесильный Янушкевич считает для него необязательными общегосударственные соображения. В его планы входит поддерживать предубеждение против всех вообще евреев и выставлять их, как виновников неудач на фронте⁹³.

Щербатов сообщил также о усиливающемся еврейском давлении («руководители русского еврейства настойчиво домогаются общих мероприятий... для облегчения положения своих соотечественников»). Представители еврейства в разговорах с Щербатовым будто бы ссылались на растущее недовольство евреев и крепнущие среди них революционные настроения, а также на требования международных финансовых кругов («...Россия не найдет ни копейки кредита»). Управляющий МВД признал, что «пожелания <евреев — С.Г.> принимают почти ультимативный тон: если вы хотите иметь деньги на ведение войны, то...».

Разводя руками («...сейчас мы бессильны, ибо деньги в еврейских руках..., а без денег нельзя вести войну»), князь Щербатов предложил приостановить действие правил о черте оседлости⁹⁴.

Правительству сообщили, что делегация еврейских финансистов (Каменка, барон Гинцбург и Варшавский), «на днях» посетившая министра финансов П.Л. Барка, недвусмысленно требовала «изменения нашей политики по еврейскому вопросу», ставя в зависимость от этого «улучшение наших финансовых операций»⁹⁵.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. С. 43–44. И.Л. Горемыкин предложил сразу «оградить» сельские местности от «еврейского нашествия», а военный министр А.А. Поливанов — исключить для расселения евреев и казацки области: «как бы из этого не родилась волна погромов» (Там же. С. 45–46).

⁹⁵ Как видно из воспоминаний П.Л. Барка, эта делегация посетила его за

А.В. Кривошеин суммировал требования еврейских финансовых кругов: «Нож приставлен к горлу и ничего не поде лаешь». Он предложил предъявить «представителям евреев... не менее откровенный ультиматум: мы даем вам изменение правил о черте оседлости... а вы пожалуйста нам денежную поддержку на русском и иностранном рынках...»⁹⁶.

Министр путей сообщения С.В. Рухлов резко выступил против: «Вся Россия страдает от тяжестей войны, но первыми получают послабления евреи... Подтверждается поговорка, что за деньги все покупается... Какое впечатление это произведет не на еврейских банкиров, а на армию и на весь русский народ...»⁹⁷.

На следующем заседании правительства (6 августа 1915 года) И.Л. Горемыкин сообщил министрам, что изменение правил о черте оседлости принципиально одобрено императором. Министр торговли и промышленности князь Шаховской просил разрешить евреям селиться не только в городах вне Черты, но и в сельской местности, там, где организуются промышленные предприятия. Однако другие министры его не поддержали своего коллегу⁹⁸. Против проекта решения вновь выступил Рухлов:

В два-три дня разрушается одна из основ национальной политики, руководившей государственной властью в течение многих лет... своим постановлением Совет Министров предрешает все дальнейшее направление еврейского вопроса в России... И все это производится под давлением еврейской мощны! Не правительство считает нужным, а его заставляют... Русские мрут в окопах, а евреи будут устраиваться в сердце России...⁹⁹

два месяца до заседания правительства, ее требование было весьма конкретным — отмена взятия заложников; никаких ультиматумов она не ставила.

⁹⁶ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 44–45.

⁹⁷ Там же. С. 45–46.

⁹⁸ Там же. С. 47.

⁹⁹ Там же. С. 48.

Министру путей сообщения резко ответил П.Л. Барк, заявивший, что не министры, а армия, генерал Янушкевич, возбуждали еврейский вопрос «казацкими нагайками», подвергая еврейский народ «недопустимым ни в одном цивилизованном государстве насилиям и издевательствам». Половину миллиардного займа русского правительства разместить не удалось, и ситуация с кредитами только ухудшается¹⁰⁰. Акцентируя вынужденный характер предлагаемых мер, А.В. Кривошеин заметил: «Нельзя сразу вести войну с Германией и с еврейством... Эти войны надо разделить»¹⁰¹.

Результатом таких обсуждений стал циркуляр МВД от 15 августа 1915 года, разрешивший евреям «жить в городских поселениях» за пределами Черты, «за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министерств... Двора и Военного»¹⁰².

Удивительно, насколько сильно члены правительства находились в плену мифа о всесии евреиства, направляемого кучкой всевластных олигархов¹⁰³.

Именно страх перед всемогуществом евреев был одной из причин многолетнего упорного нежелания властей отменить дискриминационные ограничения. Теперь же, парадоксальным образом, этот же страх послужил основанием для частичного снятия самого тяжелого из ограничений, черты оседлости¹⁰⁴. Уверенность во влиянии евреев и страх перед ними более чем наглядно проявились на заседании правительства.

А.В. Кривошеин предлагал потребовать от евреев взамен за разрешение селиться во внутренних областях России не только предоставления займов, но и изменения тона русской

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. С. 49.

¹⁰² Гольденвейзер А.А. Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе (от 1860-х годов до революции 1917 г.). N.Y., 1960. С. 136–137. Евреи и теперь не получили права проживать в столицах и в сельской местности, а также в казачьих областях.

¹⁰³ Rogger H. Jewish Policies and Right Wing Politics in Imperial Russia. P. 105.

¹⁰⁴ Ibid.

прессы (поскольку она «почти вся в еврейских руках»)¹⁰⁵. Князь Щербатов взялся самому переговорить с еврейскими представителями о предлагаемом смягчении правил о месте жительства, поскольку «Министерство финансов евреи почитают под своим давлением»¹⁰⁶.

Остается открытым вопрос, было ли влияние еврейских финансовых кругов настолько велико, или же министры опасались прослыть юдофилами в глазах Николая II — читателя протоколов заседаний Совета Министров. В известном смысле министрам, «проталкивавшим» акт о частичной отмене Черты (прежде всего А.В. Кривошеину, Н.Б. Щербатову, П.Л. Барку) было удобно (и перед царем, и перед критикой со стороны националистов — того же С.В. Рухлова) выстроить простое объяснение своему предложению об облегчении положения евреев.

Контекст частичной отмены Черты представлялся «прогрессивными» министрами следующим образом: Ставка своими действиями вызвала гнев всемогущего мирового еврейства, и теперь российскому правительству не остается ничего, как частично удовлетворить требования евреев.

При этом сами представители русско-еврейской элиты, в частности Г.Б. Слиозберг, резко отрицали само наличие каких-либо ультиматумов, будто бы предъявленных ими правительству в обмен на снятие ограничений Черты¹⁰⁷. Как можно заметить, визит к министру еврейской делегации совершенно по-разному интерпретирован в позднейших воспоминаниях П.Л. Барка и на самом заседании правительства: в одном случае речь идет об уважительной просьбе решить конкретный вопрос, в другом — об откровенном давлении с целью добиться широких политических уступок.

Давление западных союзников на Россию по «еврейскому вопросу» отмечалось всеми современниками, и активная

¹⁰⁵ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 45.

¹⁰⁶ Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 211.

¹⁰⁷ Rogger H. Jewish Policies and Right Wing Politics in Imperial Russia. P. 102.

роль еврейских кругов Запада в нем не вызовет сомнения¹⁰⁸. Однако Совет министров облек в наиболее удобную и наименее болезненную для себя форму собственное понимание необходимости не просто исправить созданную действиями военных ситуацию¹⁰⁹, но и провести давно назревшее решение о постепенной отмене дискриминационных ограничений. Не случайно, видимо, что всего за несколько дней до обсуждения еврейского вопроса на заседании правительства (1 августа 1915 года) А.В. Кривошеин получил многозначительное письмо от П.Б. Струве, к советам которого прислушивался. Струве рекомендовал Кривошеину воспользоваться эвакуацией «Царства Польского и Западных губерний» для проведения «с наименьшими психологическими трениями» отмены Черты — «меры, по существу давно ставшей необратимой и могущей оказать большой и благотворительный психологический эффект не только в России, но и за границей». «У нас наверху, — продолжал Струве, — ясно представляют тот яд, который вливают в духовную жизнь страны вопиющие формы еврейского бесправия <курсив в тексте — С.Г.>»¹¹⁰.

Частичная отмена черты оседлости в августе 1915-го, став очень значительным рубежом в правительственной политике по отношению к евреям, не изменила ситуацию коренным образом. Во-первых, в результате отмены старой была созда-

¹⁰⁸ См., например, объяснительную записку по еврейскому вопросу, поданную русским МИДом в Форин Оффис в сентябре 1915-го (YIVO Archives. RG 348. Wolf-Moshkowitz Collection. Folder 110). 30 сентября 1915 года эта записка была переслана барону Л. де Ротшильду «для конфиденциального ознакомления» лордом Р. Сесилем, заместителем министра иностранных дел Великобритании.

¹⁰⁹ Ср. с мнением Г.Б. Слиозберга: «Центральная правительственная власть понимала, что эти ужасные меры <выселения из прифронтовой зоны — С.Г.> не оправдываются ни обстоятельствами, ни какими-нибудь действительными целями в интересах победы союзников» (Слиозберг Г.Б. Дореволюционный строй России. С. 277–278).

¹¹⁰ Куликов С.В. А.В. Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны. С. 51–52. Струве советовал Кривошеину выслушать голос интеллигентного и благоразумного представителя еврейства, А.И. Браудо, как человека порядочного, здравомыслящего и хорошо осведомленного (Там же. С. 52). Неизвестно, состоялась ли встреча Браудо и Кривошеина.

на «новая черта» (столицы, казачьи области и сельские местности по всей стране). Новые правила проживания, утвержденные подзаконным актом (циркуляром МВД) внятыми не были, в течение первых трех месяцев после их принятия было подано 18 тысяч просьб о разъяснении и жалоб на применение этих правил¹¹¹. Главное же — ни у самих евреев, ни у их политических противников, ни у правительства не было ощущения, будто еврейский вопрос в России решен, что еще раз показали бурные дебаты в Думе в 1916-м.

«Еврейский вопрос» в Думе (1916)

Образовавшийся при активном участии кадетов в августе 1915-го Прогрессивный блок включил в свою программу пункт о «вступлении на путь отмены ограничений в правах евреев, в частности, дальнейшие шаги к отмене черты оседлости, облегчение доступа евреев в учебные заведения и отмены стеснений в выборе ими профессий»¹¹². Казалось бы, включение этого пункта в программу блока, куда входили известные недоброжелательством к евреям октябристы и даже часть националистов, следует рассматривать как большую победу дела еврейского равноправия¹¹³. Однако правые партии в блоке, согласившись на упоминание стремления к еврейскому равноправию в программе блока, отнюдь не собирались предпринимать какие-либо практические шаги в этом направлении. «Прогрессивные националисты» откровенно говорили, что на время войны следует заключить «перемирие» с евреями.

Один из их лидеров, А.И. Савенко, заявлял: «В настоящее время Черта переживает пароксизм антисемитизма, особенно в армии... Надо стать на путь уступок в еврей-

¹¹¹ Löwe H.-D. The Tsars and the Jews. P. 334.

¹¹² Фрумкин Я.Г. Из истории русского еврейства. С. 105; Hamm M.F. Liberalism and the Jewish Question. P. 163.

¹¹³ К началу 1916-го даже левая пресса, скептически относившаяся к блоку, считала неизбежным принятие Прогрессивным блоком практических шагов в сторону еврейского равноправия (Hamm M.F. Liberalism and the Jewish Question. P. 169).

ском вопросе, нельзя иметь 8 миллионов врагов, надо искать примирения»¹¹⁴.

Другой известный националист, В.В. Шульгин, заявил в Думе 8 марта 1916 года: «постоянное раздражение... против наших сограждан, которые как-никак все-таки воюют с нами, оно есть минус для победы и мы стараемся это ослабить. Это и есть для меня “вступление на путь”» <имеется в виду формулировка по еврейскому вопросу в программе блока — С.Г.>»¹¹⁵.

Шульгину вторил в феврале 1916-го В.М. Пуришкевич: «Я ненавижу евреев, и мои взгляды на еврейский вопрос совсем не изменились, но из этого вовсе не следует, чтобы я указывал в настоящее время перстом и говорил, что в жиде все зло»¹¹⁶.

Доказательством призрачности надежд евреев на Прогрессивный блок и их растущей политической изоляции стало обсуждение в Думе так называемого «кафафовского» циркуляра.

9 января 1916 года исполняющий обязанности директора Департамента полиции К.Д. Кафафов разослал губернаторам и начальникам губернских жандармских управлений циркуляр об усилении преступной активности евреев, которая выражается в агитации в войсках, подстрекательстве к забастовкам и подрывной экономической деятельности — искусственном вздорожании предметов первой необходимости (евреи для этого «скрывают товары, замедляют их доставку на места и... задерживают разгрузку товаров на железнодоро-

¹¹⁴ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 276.

¹¹⁵ Там же; Ганелин Р.Ш. Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 годов. С. 35. См. также: Натт М.Ф. Liberalism and the Jewish Question. P. 165.

¹¹⁶ Ганелин Р.Ш. Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 годов. С. 8. Но даже такие уклончивые объяснения Пуришкевича выглядят вполне филосемитски на фоне Г.Г. Замысловского: «Когда армия приходит в какое-нибудь селение, первое, о чем она думает, это — как бы избавиться от жидов, и солдаты даже бросаются вешать этих жидов, м.б., иногда ни в чем не повинных... А вы в Государственной думе собираетесь поднимать жидовский запрос» (из речи в Думе в марте 1916-го, см.: Там же. С. 13).

рожных станциях»), а также в изъятии из оборота звонкой монеты¹¹⁷. Доставленный в Петроград еврейскими общественными деятелями из двух губерний циркуляр был разослан еврейским информационным бюро для сведения политических партий.

10 февраля 1916 года циркуляр был оглашен с думской трибуны социал-демократом Н.С. Чхеидзе. По согласованию с еврейским Политическим бюро циркуляр от имени кадетов осудил В.А. Маклаков, он вызвал и однозначное возмущение представленных в Прогрессивном блоке партий, вплоть до прогрессивных националистов¹¹⁸. На волне протестов левые партии решили подать парламентский запрос председателю Совета министров, потребовав у него объяснения обстоятельств появления циркуляра и наказания виновных. Когда об этом стало известно, еврейские депутаты, при поддержке кадетов, решили перехватить инициативу и подать запрос от своего имени («в интересах успешности самого дела и с точки зрения достоинства еврейского представительства»).

Запрос, подписанный Н.М. Фридманом и более чем полусотней депутатов (включая П.Н. Милюкова и В.А. Маклакова) был подан председателю Думы 25 февраля 1916 года. Однако буквально на следующий день оказалось, что весь Прогрессивный блок считает запрос «несвоевременным», и его рассмотрение в Думе было отложено в долгий ящик.

При этом правоцентристские партии блока 8 марта, не обсуждая самого циркуляра, предложили Думе сделать определение в адрес МВД, которое ведет «политику разъединения и розни, пытаясь отвлечь внимание общества к внутренним распрям и обостряя национальную вражду».

М.Х. Бомаш, считая все же необходимым обсудить и сам скандальный циркуляр, внес новый запрос (но на этот раз

¹¹⁷ Там же. С. 6.

¹¹⁸ Там же. С. 7–8, см. приведенное выше высказывание В.М. Пуришкевича. Дальнейшие перипетии борьбы в Думе излагаются по: Ганелин Р.Ш. Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 годов. С. 10–19; см. также: Фрумкин Я.Г. Из истории русского еврейства. С. 108–110.

В.А. Маклаков отказался его подписать)¹¹⁹. Выяснилось, что и правое, и левое крыло Прогрессивного блока по-прежнему выступают против запроса и требуют от еврейских депутатов его снять.

М.Х. Бомаш, убежденный Милюковым, что приглашенный в Думу К.Д. Кафафов будет вынужден извиниться, написал заявление о снятии запроса. Однако Кафафов отнюдь не оправдывался, а наступал. Он сообщил, что содержащиеся в циркуляре сведения Департамента полиции исходят из «высокоавторитетного источника» (имелась в виду Ставка) и подтверждаются другими источниками, что циркуляр не может иметь подстрекательского характера, поскольку был адресован исключительно властям и не подлежал публично-му оглашению.

Кафафов также заметил, что Департамент полиции в других своих циркулярах требует не допускать еврейских погромов. Во время выступления представителя МВД М.Х. Бомаш почувствовал, что «почва уходит у него из-под ног».

Масла в огонь подлил представитель октябристов, заявивший, что он удовлетворен разъяснением и его партия будет голосовать против запроса. М.Х. Бомаш «с дрожью в голосе» зачитал заранее написанный отказ от запроса, на основании будто бы признанной правительством «недопустимости приемов, практиковавшихся доньше по отношению к еврейскому населению».

Таким образом, продолжавшаяся в течение месяца парламентская борьба еврейских депутатов, ставивших своей целью добиться осуждения в Думе разжигающей враждебность

¹¹⁹ При обсуждении срочности запроса разразился скандал. Во время речи Г.Г. Замысловского социал-демократ А.И. Чхенкели потребовал от оратора прекратить употребление выражений «жиды, жидовский гешефт, жидовское мошенничество». Замысловский продолжал в том же духе, а на замечание председательствовавшего на заседании В.А. Маклакова заметил: «В русской Думе о жидах не дают говорить». Когда же Чхенкели назвал Замысловского «хулиганом», Маклаков поставил вопрос о непарламентском поведении социал-демократа, и тот был исключен на одно заседание; в знак протеста левые депутаты покинули зал. Видный кадет А.И. Шингарев выступил с отпором погромной речи Замысловского, «спася честь кадетов» (*Ганелин Р.Ш.* Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 годов. С. 13–15).

к евреям деятельности МВД и тем самым заставить Прогрессивный блок сделать первые практические шаги к решению еврейского вопроса, закончилась их полным поражением.

Н.М. Фридман и М.Х. Бомаш оказались в политической изоляции, их надежды на Прогрессивный блок и на кадетов как союзников в борьбе за еврейское равноправие рассыпались в прах. При этом еврейские депутаты отнюдь не были донкихотами: собирая подписи под своими запросами, они явно рассчитывали на широкую поддержку в Думе.

Отсутствие этой поддержки можно объяснить несколькими факторами.

Во-первых, МВД «прикрылось» авторитетом военного командования, ссылаясь на нового (с августа 1915-го) начальника штаба Верховного Главнокомандующего М.В. Алексева. К.Д. Кафафов, в частности, показал на следствии в 1917-м, что его циркуляр повторял текст сообщения, поступившего 26 ноября 1915 года из Ставки в Департамент полиции¹²⁰. Через председателя Думы М.В. Родзянко члены блока, в том числе и кадеты, узнали, «что главным штабом собрано против евреев целое досье и в случае запроса весь этот материал, проштемпелеванный авторитетом армии, будет двинут правыми с думской кафедры. Министр внутренних дел Хвостов, в свою очередь, в кулуарах угрожал, что он огласит первоначальный текст циркуляра, при- сланный ему из штаба и значительно им смягченный»¹²¹.

Во-вторых, партии блока отнюдь не считали, что еврейский вопрос, вызывающий бурную реакцию и «справа», и «слева», должен стать центром общественно-политической жизни¹²². Один из «видных депутатов центра» заявил в ин-

¹²⁰ Там же. С. 6.

¹²¹ Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 262. Ср. с мнением еврейского публициста А. Идельсона: «даже либеральные элементы не считали для себя возможным бороться против еврейских наветов. Все, это, мол, относится у войне, а к явлениям войны нужно относиться бережно...» (*Ганелин Р.Ш.* Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 годов. С. 28).

¹²² Так, в частности, представитель октябристов граф Капнист мотивировал отказ своей партии поддержать запрос М.Х. Бомаша (*Ганелин Р.Ш.* Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 годов. С. 17).

тервью левому «Новому пути»: «Мне все равно, получают ли они <евреи> равноправие или нет. По-моему, так же смотрит на дело и народ... в массах имеется настроение не в пользу евреев, это чувствуется и на фронте...». Видный же кадет признал, что для многих в Прогрессивном блоке «вопрос о правах для евреев звучит дико»¹²³.

П.Н. Милюков на заседании ЦК партии кадетов 31 марта 1915 года отрицал, что евреям была обещана какая-либо поддержка: «инициатива запроса исходила от самих евреев», тогда как кадеты «безуспешно пытались отговорить евреев от их намерения сделать запрос». Милюков откровенно признал, что кадеты старались не рассориться с правым большинством блока, «сохранить для будущего возможность работать с блоком по тому же еврейскому вопросу»¹²⁴.

Ущерб, нанесенный обсуждением «кафафовского» циркуляра престижу еврейских политиков, был очевиден. Министр внутренних дел А.Н. Хвостов даже заявил в прессе, что именно благодаря запросам и думским прениям циркуляр Кафафова стал широко известен, таким образом, еврейские депутаты своими действиями лишь навредили своему делу¹²⁵. С другой стороны, кадеты, в очередной раз доказав, что для них, «обремененных важными задачами, еврейский вопрос есть такая мелочь и пустяк...»¹²⁶, также понесли в результате значительный политический ущерб¹²⁷. Публицист М. Алейников назвал в «Еврейской жизни» положение еврейских депутатов «трагическим одиночеством», со стороны еврейской общественности раздавались призывы к депутатам выйти из партии кадетов¹²⁸.

¹²³ Новый путь. 1916. № 7. С. 4–5.

¹²⁴ Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 263.

¹²⁵ Ганелин Р.Ш. Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 годов. С. 20.

¹²⁶ Статья Леонида Андреева, цит. по: Ганелин Р.Ш. Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 годов. С. 24.

¹²⁷ *Hamt M.F. Liberalism and the Jewish Question*. P. 169.

¹²⁸ Ганелин Р.Ш. Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 годов. С. 20. Резко критиковал еврейских депутатов Д. Заславский:

Подготовка в Думе закона о снятии сословных ограничений с крестьян в мае-июне 1916-го переполнила чашу терпения еврейских депутатов. Поскольку в этом законе был пункт, не распространяющий на евреев равенство при приеме на государственную службу, кадеты начали с блоком переговоры о том, «что мог бы блок дать евреям взамен этого». Блок обещал перейти к еврейским вопросам позднее, после обсуждения застрявших законопроектов о реформах земства¹²⁹. Выступая на заседании ЦК 19 мая 1915 года, А.С. Изгоев заявил: «Потребовать полного равноправия евреев — значит порвать с блоком и получить полную свободу действий. Такая свобода не прельщает в настоящее время...»; но если блок категорически «откажется что-либо сделать, то, очевидно, нельзя будет с ним вести дела». Кадеты должны будут объявить блоку, что пойдут с ним «на соглашение» в еврейском вопросе (то есть не будут предпринимать не скоординированных с блоком действий), однако потребуют создания внутри блока комиссии для рассмотрения этого вопроса.

Если же сотрудничество с блоком наладится, оптимистично заключил А.С. Изгоев, можно будет более не смущаться «ни правой демагогией, ни еврейской»¹³⁰. Подобный план постепенных действий, игнорирующий «еврейскую демагогию», не удовлетворил М.М. Винавера, указавшего на разочарованность евреев своими политическими союзниками, поскольку евреи «не видят просвета во все ухудшающемся своем положении»¹³¹. А.С. Изгоев отреагировал: «евреи страшно

«...ясно, что маленькие серые люди — еврейские депутаты — беспомощные в жизни, беспомощные на трибуне, только слабое орудие в руках безответственных политиков еврейского народа» (*Заславский Д., Иванович Ст.* Евреи и кадеты. С. 3).

¹²⁹ Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 310. Главный докладчик по проекту закона, В.А. Маклаков, был принципиально против упоминания в нем равных прав для евреев (*Hamt M.F. Liberalism and the Jewish Question*. P. 171) и считал, что в Думу следует внести «специальный законопроект об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (*Новый путь*. 1916. № 22. С. 8).

¹³⁰ Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 311, 313.

¹³¹ *Там же*. С. 314.

раздражены против кадетов. Интеллигенция еврейская вся враждебна кадетам»¹³². Как заметил В.И. Вернадский, «в среде еврейской интеллигенции относятся крайне враждебно к кадетам. Тем менее оснований считаться с их настроениями и требованиями»¹³³.

Обсуждение закона об отмене сословных ограничений в ЦК кадетов показало, что казалось бы главный политический союзник евреев демонстрировал все меньше готовности считаться с ними. С другой стороны, росло и разочарование в кадетях среди евреев, почувствовавших себя преданными¹³⁴. Н.М. Фридман, выступая в Думе 7 июля 1916 года, резко обвинил Прогрессивный блок в нежелании выполнять собственную программу по еврейскому вопросу, недоумевая, что же способно послужить для блока поводом для «вступления на путь еврейского равноправия». Фридман подчеркнул, что именно Дума должна взять на себя инициативу в решении еврейского вопроса, а не делая этого, она изменяет своему долгу перед народом. Он объявил также о выходе еврейских депутатов, в знак протеста, из Прогрессивного блока¹³⁵.

Несмотря на частичную отмену Черты в августе 1915-го, острота еврейского вопроса как общественно-политической проблемы России не была снята. Евреи требовали полного уравнивания в правах, включая право жительства без ограничений, право на занятие должностей на государственной службе и т.д. Вместо этого правительство с подачи военных открыто обвиняло евреев в неблагонадежности. Традиционные политические союзники евреев (кадеты) не были готовы предпринять какие-либо серьезные шаги в направлении полного еврейского равноправия.

На международной арене еврейский вопрос оставался камнем преткновения и для престижа России, и для получения ей кредитов. Так, посол России в Лондоне граф Бен-

¹³² Там же. С. 315.

¹³³ Там же. С. 316.

¹³⁴ *Hamt M.F.* Liberalism and the Jewish Question. P. 171.

¹³⁵ Новый путь. 1916. № 22. С. 6. См. также: *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism 1914–1917. L. & Basingstoke, 1977. P. 95.

кендорф сообщил 5 апреля 1916 год в МИД о полученных из «серьезных источников» слухах о готовящихся в прифронтной полосе еврейских погромах. Через несколько дней С.Д. Сазонов ответил послу, что по наведенным министром внутренних дел тщательным справкам нет никаких указаний на готовящиеся погромы. «Совершенно непонятно, откуда в Лондоне могли появиться подобные необоснованные слухи», — писал министр¹³⁶.

Новые займы после частичной отмены Черты в Россию не поступили. Об этом свидетельствует обсуждение визита в мае-июне 1916-го думской делегации в Англию и Францию. Представители банкирского дома Ротшильдов объяснили русским парламентариям и в Париже, и в Лондоне, что антиеврейская политика русских властей больно бьет по общему кредиту союзников в Америке. При этом сами английское и французское правительства указывали, что у них совершенно нет средств для кредитов России, а позиция американских евреев остается неизменной — они требуют облегчения жизни евреев в России как условия предоставления займов¹³⁷.

Решение о частичной отмене Черты прошло «как бы незамеченным для Запада»¹³⁸, что косвенно свидетельствует против существования закулисной договоренности русского правительства с международными еврейскими финансовыми кругами в 1915 году¹³⁹.

Антиеврейская политика военных властей, с одной стороны, и активное давление на Россию на международно-фи-

¹³⁶ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 126. Лл. 8–9. На обложке дела наклейка: «1916. Евреи = жида». Ср. с просьбой начальника Дипломатической канцелярии Ставки князя Кудашева от 23 августа 1915 года опровергнуть сведения, распространяемые в США о погроме в Надворной: «В Надворной были репрессалии лишь в отношении тех жителей, из домов которых стреляли в русские войска» (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 177. Л. 131).

¹³⁷ *Миндлин А.* Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом. С. 98–99.

¹³⁸ Там же. С. 99.

¹³⁹ П.Л. Барк вспоминал в неопубликованных мемуарах, что в 1916 г. неоднократно возвращался к этому вопросу в своих беседах с представителями английского и французского правительств, обещая им «полное равноправие евреев» вскоре — *Bakhmiettieff Archive*. P.L. Bark. Memoirs (typescript). Ch. XX. P. 30–33.

нансовой арене, с другой стороны, — придали «еврейскому вопросу» в русской политической жизни в годы Первой мировой новую остроту. Надежды русско-еврейской элиты на улучшение положения евреев вследствие провозглашения ими лояльности русскому государству быстро развеялись.

В самые тяжелые месяцы репрессий со стороны военных властей (январь-июнь 1915-го) попытки евреев получить реальную помощь от своих естественных политических союзников (кадетов) и от русского правительства закончились неудачей. Более успешным следует признать лоббирование интересов русского еврейства с помощью международного давления, что послужило одной из причин, если не главной причиной, частичной отмены Черты в августе 1915-го¹⁴⁰. Однако даже эта мера, вынужденная и почти «неофициальная» (объявленная всего лишь циркуляром министра внутренних дел) не сняла остроты «еврейского вопроса» в политической жизни России.

Обсуждение «вопроса» в Думе в 1916 году продемонстрировало по-прежнему жесткую позицию военных властей по отношению к евреям, а также нараставшее взаимное разочарование кадетов и евреев, и никак не помогло русскому кредиту за границей¹⁴¹.

Тем самым отношение русской армии к евреям в 1914–1916 годах явным образом (как с точки зрения внутривнутриполитической стабильности, так и с точки зрения внешнеполитических позиций и финансового положения страны) ударило по способности России эффективно вести войну.

Заключение

В архиве С. Ан-ского сохранилась рукопись статьи (возможно, принадлежащей ему самому) «Немецкая ставка на русскую реакцию», видимо, относящаяся к концу 1914 — началу 1915 годов. Автор статьи блестяще анализирует политическую ситуацию вокруг еврейского вопроса в России во время войны.

«...Немцы рязались в тогу защитников Европы от русского варварства», — отмечает он, а Англия и Франция оказались в ложном положении, пытаясь опротестовать ставшие известными факты бесчинств русской армии. «Вопиющие безобразия и вандализм, допущенные, если не организованные в Восточной Пруссии и Галиции, вызвали взрыв негодования во всем цивилизованном мире, не исключая и союзных стран». Гонения против евреев создали в нейтральных странах, прежде всего в Америке, «крайне враждебное отношение к России» и вынудили западных союзников давить на русское правительство с целью заставить его изменить отношение к евреям. Таким образом, по мысли автора, главная надежда немцев — на помощь русской «реакции» и автократии, которые своими ошибками помогут им выиграть войну¹.

Автор цитируемой статьи не преувеличивал остроту ситуации. Виднейшие русские политики считали, что армией попросту объявлена «война» евреям. Министр финансов П.А. Барк заявил царю летом 1915-го, убеждая его повлиять на антиеврейскую политику Ставки: «мы не можем и не должны одновременно воевать с Германией и с еврейством. В этом случае мы не можем рассчитывать на победу»².

¹⁴⁰ Бланк Р. Сеятьель добра. С. 63.

¹⁴¹ *Натт М.Е. Liberalism and the Jewish Question.* P. 172. По мнению Луиса Гринберга, напротив, русская общественность почти единогласно требовала от властей полного равноправия евреев (*Greenberg L. The Jews in Russia.* Vol. II. P. 101–102).

¹ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 339. Ед.хр. 25. Лл. 1–10.

² Барк П.А. Воспоминания // Возрождение. 1866. № 172 (Апрель). С. 93.

Как мы уже видели, таким же определением пользовался (на заседании правительства 6 августа 1915 года) и А.В. Кривошеин: «Нельзя сразу вести войну с Германией и с еврейством... эти войны надо разделить»³. Сходную оценку давал в начале войны и Н.Н. Янушкевич, объявив в письме председателю Совета Министров: «нам предстоит весьма трудная борьба с еврейством»⁴.

Каким же образом русская армия оказалась в состоянии «войны» с евреями и каковы были ее шансы выиграть эту войну?

В предшествовавшие Первой мировой войне годы отношение руководства армии к евреям внутри вооруженных сил и к евреям как группе населения становилось все более негативным. Русские генералы видели в евреях вредный и опасный «элемент», плохо приспособленный либо вовсе не способный к военной службе⁵. Как обоснование этого взгляда на евреев использовались риторика и аргументация крайне правых политических кругов (Совет Объединенного дворянства, Всероссийский Национальный Союз), влиятельных в высших эшелонах власти (в 1915-м руководитель СРН Н.Е. Марков заявлял, что война идет с «Иудо-Германией» и что немецкий лозунг «с нами Бог» означает «бог иудейский,

³ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни. С. 49. В. В. Шульгин в эмиграции также описывал Первую мировую войну как столкновение России с «двумя сильнейшими противниками» — Германией и еврейством. В этом столкновении Россия была обречена на поражение («Оставим святочные темы и перейдем к еврейскому вопросу» (Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина) / Публ., вступит. ст. и прим. О.В. Будницкого // Евреи и русская революция: Материалы и исследования / Ред.-сост. О.В. Будницкий. М. — Иерусалим, 1999. С. 397).

⁴ Письмо от 19 сентября 1914 года, см.: Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительства, 1878–1917 / Ред. М.Н. Покровский. Серия III. Т. 6. Ч. 1. М., 1935. С. 353.

⁵ Вновь упомянем спор о призыве или недоборе евреев в армию: по данным военной статистики, в 1912-м треть списка призывников-евреев не явилась на призыв, тогда как доля неявки среди православных была шестеро ниже (Sunborn J.A. Drafting the Russian Nation. P.117). Даже если статистика недобора среди православных занижена, все же процент неявки евреев на призыв весьма внушителен.

бог талмуда»)⁶. Руководство Военного министерства и высший генералитет, подталкиваемые императором и Думой, ввели для евреев в предвоенные годы откровенно расовые ограничения и активно готовили законопроект об отмене призыва евреев в армию⁷.

Причины столь враждебного отношения к евреям были, на наш взгляд, шире бесхитростно антисемитских настроений в рядах генералитета. После поражения в войне с Японией и революции 1905 года и вплоть до 1914-го этнический национализм все заметнее превращался в определяющий фактор внутренней политики России, лояльность существующему строю и национальные чувства все больше виделись властями в этнических категориях⁸.

Русская национальная идентичность определялась, в числе прочего, по контрасту с антагонистическими ей национальными группами как за границами России, так и внутри страны. В евреях, на протяжении XIX века бывших в глазах властей прежде всего религиозной группой, в XX столетии стали видеть группу этническую и даже расовую⁹. Для националистической идеологии евреи были полярной противоположностью русскому «народу»; сохранению образа этого «народа» и служило их преследование¹⁰.

Армия была, видимо, в большей степени антиеврейски настроенной, чем остальное общество. В отличие от антисе-

⁶ Цит. по: Иванов А.А. Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб., 2006. С. 43.

⁷ Й. Петровский-Штерн, подробно анализируя стройную систему выработанных военными властями в отношении евреев ограничительных мер и называя их «чертой оседлости в армии» (Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. С. 418), все же считает позицию Военного министерства в еврейском вопросе в предвоенные годы «умеренно консервативной» и даже «откровенно центристской (Там же. С. 355), хотя подобные оценки противоречат приводимым им самим данным.

⁸ Sunborn J.A. Drafting the Russian Nation. P. 69.

⁹ Avrutin E.M. Racial Categories and the Politics of (Jewish) Difference. P. 13–40. См. также полемизирующую с такой точкой зрения статью: Weinerman E. Racism, Racial Prejudice and Jews in Late Imperial Russia // Ethnic and Racial Studies. Vol. 17. 1994. P. 442–495.

¹⁰ Sunborn J.A. Drafting the Russian Nation. P. 115–116.

митизма гражданского, видевшего в евреях экономическую угрозу для русского народа, армейское командование не видело в евреях угрозы военной, однако считало евреев непригодным в силу «расовых особенностей» для исполнения воинского долга «племенем». Отсутствие у евреев собственной военной мощи отнюдь не делало их неопасными, поскольку они могли и помогать врагу напрямую, и оказывать деморализующее влияние на русских солдат¹¹.

Массовые войны XIX века (Гражданская война в США прежде всего) положили начало процессу стирания границ между солдатами и гражданским населением, которое стало восприниматься как сторона в тотальной войне¹². В свою очередь, «прогрессивное» военное мышление в предвоенные годы проповедовало активную политику нейтрализации «нелояльных элементов» населения как условие военных успехов¹³. Поскольку евреи в предвоенные годы стали восприниматься как «другой» Российской империи, как извечный враг, олицетворяющий все угрозы и беды России, борьба с ними представлялась естественной частью любого конфликта¹⁴. Понятно, что поскольку это враг «таился» в тылу, выжидая момент для нападения, то единственной защитой армии от него оставалась превентивная атака, своей жестокостью ошеломляющая гражданского «врага»¹⁵.

Новое «Положение о полевом управлении войск в военное время», принятое накануне войны, дало необъятные полномочия армейскому командованию, не имевшему ни подготовки, ни опыта, ни аппарата для их эффективного использования. Военные неоднократно продемонстрировали свою не-

¹¹ *Ibid.* P. 116.

¹² Лангевинье Д. Что такое война? Эволюция феномена войны и ее легитимация в Новое время // *AB IMPERIO*. 2001. № 4. С. 17.

¹³ *Holquist P.* To Count, to Extract, and to Exterminate. P. 124.

¹⁴ См. подробнее: Гольдин С. Еврей как понятие. С. 374–377.

¹⁵ Эта мысль высказана Марком Блоком в связи с немецкими жестокостями по отношению к гражданскому населению оккупированных районов Франции (цит. по: *Audoin-Rouzeau S., Becker A.* 14–18: Understanding the Great War / Trans. from the French by Catherine Temerson. N.Y., 2002. P. 51).

опытность в административных делах, безапелляционность и легкость в принятии серьезных, касающихся судеб многих тысяч людей решений.

С первых дней войны командиры различных рангов неизменно указывали на нелояльность еврейского населения русскому оружию и его прямое пособничество неприятелю, обнаружив существование на театре военных действий проблемы еврейской лояльности. Эту проблему предполагалось решать с помощью широких полномочий, предоставленных военным властям актами военного времени. В то же время в первые пять месяцев войны и обвинения против евреев, и методы борьбы с их нелояльностью носили спорадический характер, оставаясь местной инициативой.

Перелом наступил в январе 1915-го. В опубликованном 22 января объявлении Ставки в сконцентрированной форме излагались и обвинения против евреев, и практические меры, предлагаемые армией: выселения, в том числе в сторону неприятеля, взятие заложников, ограничения на передвижения евреев в прифронтовой полосе. При этом не делалось никакого различия между евреями — российскими подданными и евреями оккупированной Галиции. Предлагаемые меры должны были либо обеспечить лояльность евреев с помощью страха перед выселениями и казнями заложников, либо минимизировать контакты войск с евреями (те же выселения, затруднение доступа и передвижения евреев в прифронтовой полосе).

Прямым следствием этого январского (1915) объявления Ставки стала попытка командования Северо-Западного фронта осуществить массовую депортацию еврейского населения прифронтовой полосы (в частности, из Плоцкой губернии). Эта попытка закончилась неудачей, поскольку для осуществления массовых депортаций требовалось четкое взаимодействие военных с гражданскими властями как в прифронтовой полосе (где за осуществление депортаций отвечали губернаторы и полиция), так и в тылу, которому предстояло принимать выселяемых. Подобного взаимодействия командование Северо-западного фронта добиться не смогло, а весной 1915-го его отсутствие предотвратило массовые депортации евреев из Галиции.

Однако в апреле-мае 1915 года командующий 10-й Армией генерал Е.А. Радкевич с помощью прямых и недвусмысленных угроз в адрес гражданской администрации смог настоять на выселении около 200 тысяч евреев из Ковенской и Курляндской губерний, даже вопреки противодействию своего прямого начальника — М.В. Алексеева. Это единственное массовое выселение еврейского населения было осуществлено благодаря упрямству Радкевича и поддержке, полученной им в Ставке у ярого антисемита Н.Н. Янушкевича.

В результате этой депортации массы выселяемых евреев нарушили нормальную работу транспорта и дезорганизовали тыл армии. Политический ущерб, наносимый депортациями и внутри страны, и за границей, вообще оставался вне поля зрения большинства военных, однако тот же М.В. Алексеев хорошо его сознавал и сумел блокировать распространение практики массовых депортаций, которая стала «входить в моду» у командующих армиями. Однако локальные выселения оставались для военного командования разных рангов удобным и широко используемым средством избавить район боев от нежелательного присутствия еврейского населения.

Как и локальные выселения, взятие заложников от еврейского населения применялось с начала войны армейскими командирами на местном уровне. С января 1915 года командование видело во взятии заложников вполне легитимную, применимую ко всему еврейскому населению прифронтовой полосы меру. В то же время с мая 1915-го взятие заложников, как более легко осуществимое, должно было, по мысли М.В. Алексеева, стать заменой поголовных выселений в качестве основного средства обеспечения лояльности евреев. Как поголовные выселения, так и взятие заложников от мирного еврейского населения стали символом репрессивной политики военных властей по отношению к евреям и перестали применяться лишь с лета 1915-го, в частности, под нажимом Совета министров.

К лету 1915 года стало очевидным, что поставленная командованием цель — обеспечение лояльности евреев с помощью репрессивных мер — при использовании подобных средств недостижима: последовательное массовое выселение евреев не только совершенно дезорганизовало бы тыл русской ар-

мии, но и переместило бы вглубь страны носитель «заразы политической и инфекционной»¹⁶. Тогда как замена выселений на взятие в массовом порядке заложников столкнулась с организованным отказом еврейских общин сотрудничать с военными властями. Экзотические решения (гнать евреев пулеметами в сторону неприятеля или, по предложению Д.Г. Щербачева, изолировать их в специальной резервации) были неприменимы на практике. Убедившись в невозможности очистить от евреев прифронтовую полосу и не допуская даже мысли об их поголовном физическом истреблении, русское командование переходит к «оборонительной» тактике по отношению к еврейской «угрозе», теперь стремясь лишь уменьшить «вред» от евреев запретом печати на иврите и на идиш, запрещением евреям заниматься поставками для армии и служить в органах Земгора. Это изменение тональности еврейской политики военных властей совпало со сменой высшего командования русской армии в августе 1915-го и с заменой Н.Н. Янушкевича на М.В. Алексеева.

Отказ от провозглашенных ранее универсальными репрессивных мер сопровождался и изменением содержания обвинений против евреев. Если до августа 1915-го военные власти обвиняли их прежде всего в пособничестве неприятелю и шпионаже в его пользу, а солдат-евреев — в стремлении уклониться от службы на передовой, то к концу этого года начинают преобладать обвинения в революционной пропаганде и политической подрывной деятельности. Это могло быть как проявлением борьбы Ставки со специалистами политического сыска из МВД, где считали, что органы военной контрразведки игнорируют антиправительственную подрывную деятельность, ограничиваясь борьбой с «чистым» шпионажем, так и следствием искренней убежденности в «разлагающем» влиянии евреев, которое нужно минимизировать с помощью ограничительных мер.

В любом случае, предпринятые русскими военными властями «оградительные» меры против евреев также проде-

¹⁶ Выражение генерала Д.Г. Щербачева (ЦГИАУ(К). Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Л. 780б).

монстрировали свою ограниченную эффективность. Евреи по-прежнему оставались в составе медицинских и «питательных» отрядов в прифронтовой зоне, во многих местах продолжали выполнять заказы Земгора и нередко даже экономически преуспевали в прифронтовой полосе. Военные власти без колебаний использовали против евреев индивидуальные административные высылки, но эта мера не могла обеспечить победу в борьбе за лояльность евреев и за прекращение их «вредного» влияния на войска, — а именно такую цель ставило русское командование по крайней мере с января 1915 года.

Каким образом может быть проинтерпретировано использование русским военным командованием репрессивных мер против евреев? Можно ли говорить о его «целенаправленной, системной и далеко идущей программе действий» (как П. Холквист)¹⁷? Или перед нами некая общая тенденция отношения к евреям, проявлявшаяся в конкретных действиях лишь спорадически, в силу личного темперамента и антиеврейских эмоций того или иного военачальника? Рассмотренная П. Холквистом история подготовки январского (1915) объявления Верховного Главнокомандования об «открытой враждебности евреев» — ключевого для последующих событий документа — убеждает, насколько непродуманным, фактически случайным было его появление. Меморандумы невысокого ранга чиновника МИДа, прикомандированного к Ставке (В. Муравьева) о враждебности русской армии евреев Галиции и Буковины были одобрены лично Николаем II, а Янушкевич наложил на них резолюцию: «было бы очень желательно гнать всех евреев к фрицам»¹⁸. Этим и была открыта дорога к массовым депортациям и репрессиям, — однако неизменно (за единственным исключением) малоэффективным с точки зрения их инициаторов. И как раз здесь видно, насколько хаотичной была «еврейская политика» русской армии.

Безусловно, отношение военных властей к евреям изначально было резко негативным (Н.Н. Янушкевич рассчитывал в декабре 1914-го, что «репрессии дисциплинируют ев-

¹⁷ Holquist P. The Role of Personality. P. 54.

¹⁸ *Ibid.* P. 64.

рейское население, заставят почувствовать твердость русской власти»; генерал Маврин в марте 1915-го предлагал «освободить занятый нами край от еврейского засилья», и т.д.)¹⁹. Однако русские военачальники и военные администраторы не смогли, по их собственным оценкам, предпринять последовательных шагов против еврейской «угрозы»²⁰.

Многочисленные примеры (Н.Н. Янушкевич, Е.А. Радкевич, Н.В. Рузский) убеждают, что прямую ответственность за конкретные антиеврейские меры несут вполне конкретные фигуры. В то же время мы не видим в русском военном командовании выраженных групп «ярко антиеврейской» и «прагматической» ориентации.

Такой действительно крупный военный и государственный деятель, как М.В. Алексеев, на посту главнокомандующего Северо-Западным фронтом относился к евреям вполне прагматично и стремился предотвратить и минимизировать массовые депортации еврейского населения.

С другой стороны, став с августа 1915-го начальником штаба Верховного Главнокомандования, тот же Алексеев постоянно предлагал принятие «самых решительных» мер против евреев, «очищал» от евреев общественные организации, советовал применять репрессии против семей евреев, сдавших в плен и т.д. Вероятно, поведение М.В. Алексева диктовалось текущими потребностями обеспечения условий для успешного ведения войны.

Подчеркнем еще раз — в действиях военных властей по отношению к евреям просматривается скорее не внятная и целенаправленная политика, а попытка добиться поставленных (идеологических по своей природе) целей с помощью разнородных и непоследовательно проводимых мер.

Контакты русских войск и мирного населения прифронтовой полосы (не только евреев) сопровождались многочисленными эксцессами (о размахе грабежей и мародерства командование знало хорошо). Хотя существовали инструк-

¹⁹ *Сергійчук В.* Погроми в Україні. С. 72, 89.

²⁰ См. уже неоднократно упоминавшийся меморандум генерала Щербачева, констатирующий полную несостоятельность предпринимавшихся армией мер (ЦГИАУ(К). Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Лл. 76–78об).

ции, на декларативном уровне объяснявшие войскам, что польское население находится под «особым покровительством» русской армии²¹, было достаточно очевидно, что такое «покровительство» не распространялось на другие группы населения.

В частности, об этом свидетельствует обескураживающий для русского командования эпизод. После публикации в Германии захваченного приказа по 113 пехотному полку русской армии (декабрь 1914-го), предписывающего «зверское обращение с мирными жителями», у Ставки было запрошено опровержение. Однако при проверке оказалось, что штаб Северо-Западного Фронта действительно 21 ноября 1914 года предписал командующему 10-й Армией, действовавшей в Восточной Пруссии, точно исполнять требование Верховного Главнокомандующего «при наступлении гнать перед собой всех жителей мужского пола... начиная с 10 лет». Ставке пришлось признать, что факт имел место и армия была «вынуждена» так поступать из-за «вероломства и изуверства местных жителей»²².

Враждебное отношение к евреям как к нелояльной России этнической группе в реальной обстановке прифронтовой полосы переродилось в агрессивное отношение русской армии к мирному еврейскому населению. Евреи явно воспринимались русской армией как «чужие», исключенные из «ценностного сообщества» и не подлежащие «культурно-правовой защите»²³, — под влиянием как огульных обвинений всех евреев в предательстве и вредительстве (чему войска в массе верили), так и культурным шоком, который испытали на фронте рядовые солдаты. На поведении казаков сказывались, помимо того, их вековые обычаи ведения войны. Офицеры и военачальники предпочитали не замечать подобного отношения войск к евреям, а младшие офицеры иногда и сами

²¹ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 251.

²² Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. Т. 2. Минск, 2003. С. 441. Запрос в Ставку поступил от комиссии сенатора А.Н. Кривцова, расследовавшей преступления германской и австро-венгерской армий во время войны.

²³ Лангевитше Д. Что такое война? С. 11–12.

присоединялись к грабителям и погромщикам. Официальное осуждение мародерства и погромов русским военным командованием и несмелые попытки борьбы ними не могли прекратить грабежей и насилия над еврейским населением прифронтовой полосы.

* * *

Попытки лидеров русского еврейства повлиять на позицию армии с помощью гражданской бюрократии и своих «естественных» союзников — партии кадетов — значительных успехов не принесли. Более серьезным средством нажима на правительство (а через него и на армию) стало давление международных еврейских финансовых кругов и правительств западных союзников России. Именно это давление дало Совету министров поводом вмешаться в происходящее и провести в августе 1915 года частичную отмену черты оседлости²⁴. При этом министры намекали на достижение договоренности с «всесильным» международным еврейством о предоставлении России кредитов на ведение войны, — которых, однако, так и не было вплоть до Февральской революции (что свидетельствует, на наш взгляд, в пользу того, что министры блефовали).

Обсуждение «еврейского вопроса» в Думе в 1916 году продемонстрировало по-прежнему жесткую позицию военных властей по отношению к евреям и сильное влияние этой позиции на представленные в Думе партии, в том числе на кадетов, отнюдь не спешивших выступить по этому вопросу против командования армии. Тем временем летом 1916-го, как и годом ранее, западные правительства и финансовые круги продолжали выдвигать требование облегчения положения евреев и изменения отношения к ним в качестве условия предоставления финансовой помощи²⁵. Тем самым отношение

²⁴ Парадоксальным образом, еврейская политика военных властей (в частности, того же Н.Н. Янушкевича) превратила их самих в «козлов отпущения» для Совета министров, в «удобных» виновников и хаоса внутри страны, и международного давления на Россию.

²⁵ Миндлин А. Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом. С. 98–99.

армии к евреям в 1914–1916 годах прямо ударяло по международно-финансовым позициям России и ее способности эффективно вести войну.

Отношение к евреям в годы Первой мировой войны контрастировало с обещаниями, делавшимися другим народам империи (например, полякам и армянам), в том числе о создании воинских формирований на национальной основе²⁶. Более враждебного, чем к евреям, отношения со стороны властей удостоились в годы войны лишь граждане воюющих с Россией государств, в том числе этнические немцы, включая русских подданных. Сотни тысяч последних также выселялись в отдаленные районы страны. Однако репрессии против немцев (в отличие от евреев) и «немецкого засилья» были выведены из сферы компетенции военных властей, став отдельной областью государственной политики, включавшей принятие специальных законодательных актов, фактически лишивших подданных воюющих с Россией государств прав собственности на принадлежащие им в России земельные угодья и иную собственность²⁷. Процесс реальной экспроприации государством такой собственности, затронувший около 500 тысяч колонистов (и свыше 6 миллионов десятин земли), прервала лишь Февральская революция²⁸. Прошла также кампания по национализации (или поглощению русским капиталом) ряда крупных фирм, принадлежащих германскому капиталу²⁹. Из-за этого проживавшие в России немцы могли завидовать евреям — и завидовали им.

* * *

Политика русского военного командования по обеспечению лояльности и регулированию жизни гражданского (в частности, еврейского) населения была лишь частью схожего и общего для эпохи опыта. Например, оккупировав территорию Бельгии, германская армия установила там крайне

²⁶ Sunborn J.A. Drafting the Russian Nation. P. 74–76.

²⁷ Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. P. 100–106.

²⁸ Ibid. P. 113, 119–120.

²⁹ Ibid. P. 73–77, 82.

жесткий оккупационный режим, с казнями гражданского населения (было казнено 5500 человек), массовым взятием заложников и депортацией десятков тысяч человек для работы на военных заводах в Германии³⁰. Немецкому командованию оккупированных территорий на Востоке (Ober Ost) было не чуждо стремление воплотить в жизнь упорядоченную «военную утопию», совмещавшую традиционный монархический консерватизм с современным технократическим типом управления³¹, бюрократическим контролем и невиданным на Востоке Европы «порядком» (Ordnung)³². Однако, в отличие от русских военных властей, германская армия вела себя так на оккупированных территориях, а не в своей собственной стране.

Эпоха трагических испытаний, начавшаяся в 1914-м для евреев Украины, Белоруссии, Литвы, Галиции и Польши, отнюдь не закончилась в феврале 1917-го. Революция в России и окончание Первой мировой означали начало длительных и кровавых конфликтов и войн, а для еврейских общин — новый виток насилия, погромов, преследований и расстрелов. На этот раз жертвы исчислялись многими десятками (возможно, и сотнями) тысяч³³. В чудовищном антиеврейском насилии 1918–1920 годов справедливо видят прямое продолжение и кульминацию событий 1914–1915 годов, когда евреи оказались абсолютно беззащитными жертвами любых вооруженных людей, а все механизмы защиты и обеспечения безопасности со стороны государства рухнули³⁴.

³⁰ Audoin-Rouzeau S., Becker A. 14–18: Understanding the Great War. P. 49, 57; Hull I.V. Absolute Destruction. P. 233–242.

³¹ Liulevicius V.G. War Land on the Eastern Front. P. 7.

³² Ibid. P. 54, 108. Опробованные на Востоке методы тотального военного контроля над экономикой и общественной жизнью были затем введены Людендорфом для всей Германии (Ibid. P. 55).

³³ Только в 1300 погромах на территории Украины погибло от 60 до 200 тысяч евреев, еще около 200 тысяч были ранены и искалечены, см.: Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 275–276.

³⁴ Там же. С. 286. См. также: Prusin A.V. Nationalizing a Borderland. P. 65–101 (о львовском погроме 1918 года).

* * *

Каким образом в еврейском «случае» (case study), в истории отношения русской армии и гражданских властей к евреям, отразился системный кризис Российской империи в последние годы ее существования? Очевидными кажутся как минимум четыре проявления этого системного кризиса:

1. Русская армия, пытаясь «обезвредить» еврейское население ради победы над врагом, мешала сама себе эффективно вести войну. Выселения евреев приводили к параличу в работе транспортной сети в тылу в период боев и были очень сильным ударом по экономике прифронтальной зоны. Борьба с еврейскими поставщиками стоила для армии больших денег (в самом прямом смысле). Антиеврейские меры лишали Россию необходимых ей как воздух займов на международных финансовых рынках. Военным руководители России явно вообще не задумывались о той «цене», которую приходится платить за казавшиеся необходимыми антиеврейские меры.

2. Система военного управления прифронтными территориями, разработанная для эффективного ведения войны, сосредоточила в руках командования гигантские полномочия. Высшее военное руководство ревниво оберегало эти недавно полученные права, противясь попыткам правительства установить контроль над распоряжениями Ставки в области гражданского управления или хотя бы влиять на них. Конфликт высшего командования с центральной властью, некомпетентность военной администрации, ее неспособность действовать согласованно с гражданскими властями особенно остро выразились в случае с евреями. Тем самым система военного управления, призванная укрепить государство в период кризиса, резко ослабила его.

3. Поведение войск по отношению к евреям также свидетельствовало о кризисе. Сами масштабы еврейских погромов, мародерства, грабежей, изнасилований, в которых участвовали войска, ясно показывают, насколько низок был уровень дисциплины «внизу», на уровне солдат и младших офицеров, задолго до «распада армии» в 1917-м. Монополия государства на насилие фактически рухнула уже в 1914 году, вытесненная локальным всесилием практически любого «человека с ружьем».

4. В русском военном механизме, где «межличностные отношения приобретали особое значение»³⁵, каждый командующий фронтом или армией фактически мог вести собственную, более или менее жесткую, еврейскую политику. М.В. Алексеев признавался: «Когда Гинденбург отдает приказание, он знает, что оно будет точно исполнено не только командиром, но и каждым унтером. Я же никогда не уверен, что даже командующие армиями исполнят мои приказания»³⁶.

Невозможно объяснить все происходившее наличием нескольких антисемитов в русском военном командовании, но очевидная роль личностных пристрастий, иногда даже капризов, в принятии важнейших решений явно демонстрирует кризис системы управления страной.

Не менее ясно отразилась в истории всей «войны» с евреями и проблема компетентности лиц, принимающих решения. Главным инициатором и движущей силой антиеврейских мер был генерал Н.Н. Янушкевич. Но почему у него нашлось столько времени на то, чтобы заниматься евреями? Потому что Янушкевич не слишком разбирался в стратегии и в управлении войсками и предпочитал вообще в это не вмешиваться.

* * *

Во всем происходившем в годы войны с евреями отразилось резкое ослабление русского государства в целом, не выдержавшего чудовищного напряжения тотальной войны и не сумевшего найти адекватный ответ на новые вызовы времени³⁷. Одним из проявлений этого процесса распада государственности стала неэффективная и хаотичная деятельность системы военного управления. Исправная к 1914-му, государственная машина России в ходе войны на огромных территориях перестала работать или просто исчезла, монополия государства на насилие была утрачена, возникавший вакуум власти заполняли анархия и дезорганизация всех сфер жизни³⁸.

³⁵ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 38.

³⁶ Цит. по: Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо». Запад и военная элита России. С. 79.

³⁷ Стоун Н. Первая мировая война: Краткая история. М., 2009. С. 15–149.

³⁸ Sunborn J.A. Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford, 2014. P. 247–249.

Такая потеря контроля сказывалась не только в прифронтовой полосе, — одним из ее проявлений стали немецкие погромы 1915 года в Москве³⁹. В мае 1915-го Департамент полиции секретным циркуляром предупреждал свои местные отделения: «... Под впечатлением официальных известий, подтверждающих шпионскую деятельность евреев в настоящую войну, будирующий элемент населения открыто ведет пропаганду, возбуждающую широкие народные массы к повсеместному еврейскому погрому»⁴⁰. Но к тому времени «открытую пропаганду» против евреев уже вело высшее командование русской армии, погромы в прифронтовой полосе производили русские войска. Неэффективно воюя с мощным внешним врагом и придумав для себя еще и «войну» с врагом внутренним, в лице евреев, — русские военные элиты сами готовили страну к революции и к гражданской войне.

* * *

С началом Первой мировой войны еврейское население России оказалось лицом к лицу с русской армией. Боевые действия происходили в основном в черте оседлости, в «русской» Польше и в Галиции, то есть в районах массового проживания евреев. Сотни населенных пунктов, переходивших из рук в руки в ходе ожесточенных боев, были еврейскими местечками. Если и прежде их обитателей подозревали в нелояльности, то теперь, в условиях тотальной войны, — еще и в шпионаже. Все гражданское население прифронтовой полосы рисковало своими жизнями, но евреи стали жертвой целенаправленных и спровоцированных высшим командованием преследований. При этом и громившие евреев в местечках солдаты, и командовавшие ими офицеры искренне верили в измену и поголовное «шпионство» евреев⁴¹.

Результатом стали огромные материальные и моральные потери еврейского населения прифронтовой полосы. По дан-

³⁹ Лор Э. Русский национализм и Российская империя. С. 42–60; Айрапетов О.Р. Московский погром в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте // Русский сборник. Т. 8. М., 2010. С. 112–144.

⁴⁰ Цит. по: Сергийчук В. Погромы в Україні. С. 97.

⁴¹ Sunborn J.A. Drafting the Russian Nation. P. 121.

ным еврейских организаций помощи, только 5 процентов выселенных и эвакуированных евреев смогло взять с собой свое движимое имущество, 22 процента не смогли взять ничего, остальные — ту или иную часть имущества⁴². Страдания выселенных, ограбленных, избитых, униженных, изнасилованных людей видны по тысячам страниц архивных источников, газетной хроники и мемуарной литературы.

За рамками нашей книги фактически осталось экономическое и социальное положение еврейского населения прифронтовой полосы, а также деятельность еврейских и русских общественных организаций, помогавших евреям⁴³. Отметим лишь, что помимо лишений и разорения, парадоксальным результатом Первой мировой войны для массы российских евреев стало то, что теперь они, в течение многих лет жившие в черте оседлости, смогли пересечь эту границу и «проникнуть в новый для них мир внутренней России, куда прежде не имели доступа»⁴⁴.

Существуют различные точки зрения на то, как повлияла война на политическое положение российского еврейства. Некоторые исследователи подчеркивают, что русское общество не осталось глухо к требованиям евреев, Дума и общественное мнение включились в борьбу за еврейское равноправие (что отразилось в петициях деятелей русской культуры, в издании сборника «Щит») ⁴⁵. Нам же эта реакция на требования евреев не кажется однозначно положительной — напротив, борьба евреев за свое равноправие обнажила достаточно

⁴² Baron S.W. The Russian Jew under Tsars and Soviets. P. 191.

⁴³ См., например: Zipperstein S.J. The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life During the First World War // Studies in Contemporary Jewry. 1988. № IV. P. 22–40; Шустер Ф. «Дай мне хлеба, и я дам тебе девушку»: Бедность, контрабанда, шпионаж и проституция во время Первой мировой войны в еврейском контексте // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства С. 10–28.

⁴⁴ Гамтрел П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4(122). С. 48, 60.

⁴⁵ Greenberg L. The Jews in Russia: The Struggle for Emancipation. Vol. II. P. 101–102; Baron S.W. The Russian Jew under Tsars and Soviets. P. 198.

серьезные противоречия между ними и русскими либеральными кругами⁴⁶.

Партия кадетов — «естественный» союзник евреев в русских политических кругах — оказала весьма нерешительную поддержку борьбе евреев за прекращение репрессивной политики военных властей и за полное равноправие. Вместе с тем принятие, пусть и декларативное, лозунгов еврейского равноправия Прогрессивным блоком намечало направление послевоенного решения «еврейского вопроса» в России.

* * *

Если, резюмируя, рассматривать отношение русских военных к евреям в 1914–1916 годах как «войну», объявленную еврейству, то победой армии она не завершилась. Следствием предпринимавшихся военными мер стали серьезное расстройство тыла самой русской армии, огромный ущерб международному имиджу и финансово-кредитным позициям России, частичная отмена черты оседлости, наконец, крепнущее и в политической элите, и в русском обществе убеждение в скором наступлении еврейского равноправия⁴⁷.

Поставленные русским командованием цели — обеспечить лояльность еврейского населения с помощью репрессий и минимизировать приносимый евреями «вред» с помощью ограничительных мер, — достигнуты не были. Более того, именно в результате всех этих действий еврейский вопрос превратился в инструмент мощного международного давления на Россию. Евреи серьезно пострадали, став жертвами погромов и выселений, казней и изнасилований, — но стратегически русская армия и эту свою войну проиграла.

⁴⁶ О далеком от полного взаимопонимания сотрудничестве еврейских и русских интеллектуалов при издании сборника «Щит» см., в частности: Кельнер В. Два инцидента: Из русско-еврейских отношений в начале XX в. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 3(10). С. 193–197.

⁴⁷ В 1915 году В.В. Розанов, негодуя по поводу «визга и шипа по всей линии газет» в защиту евреев, видел «иудейское равноправие как непрременный результат войны», замечая: «Бедная Россия: вся ты будешь Андрюшею Ющинским... подведена под длинный нож...» (Розанов В.В. Мимолетное. М., 1994. С. 220).

Библиография

Источники и литература

Список сокращений

- АВПРФ — Архив внешней политики Российской Федерации (Москва).
 ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
 ИР ЦНБ НАНУ — Институт рукописей Центральной научной библиотеки им. Вернадского Национальной академии наук Украины (Киев).
 АНБ — Отдел рукописей и архивов Национальной и университетской Библиотеки (Mahleket kitvej jad veahrhijonim shel hasifrija ha leumit vahaunivrsitait) (Иерусалим).
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва).
 ЦАИЕН — Центральный архив истории еврейского народа (Naarhijon hamerkazi letoldot haam hajehudi) (Иерусалим).
 ЦГИАУ(К) — Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве (Центральний державний історичний архів України у м. Київі).
 AGAD — Archiwum Główne Akt Dawnych (Варшава).
 APW — Archiwum Państwowe m. st. Warszawy (Варшава).

Источники

1. Архивы

Израиль:

Naarhijon hamerkazi letoldot haam hajehudi (Центральный архив истории еврейского народа — ЦАИЕН), НМФ/ 583. В, С, Е; НМФ/ 588.2; НМ2/7912.3; НМ2/7913.3, 5; НМ2/7916.7, 11; НМ2/7954.1, 2; НМ2/7962.6; НМ2/8279.5, 6.

Mahleket kitvej jad veahrhijonim shel hasifrija ha leumit vahaunivrsitait (Отдел рукописей и архивов Национальной и университетской библиотеки — ОриА НБ), V254.

Россия:

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. 102, Ф. 579, Ф. 9458.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Ф. 400, Ф. 1759, Ф. 1859, Ф. 1932, Ф. 2005, Ф. 2020, Ф. 2031, Ф. 2043, Ф. 2049, Ф. 2050, Ф. 2110, Ф. 2111, Ф. 2118, Ф. 2122, Ф. 2134, Ф. 2143, Ф. 2144, Ф. 2152, Ф. 2188, Ф. 2213.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), Ф. 133, Ф. 134.

Украина:

Институт рукописей Центральной научной библиотеки им. Вернадского Национальной академии наук Украины — ИР ЦНБ НАНУ, Ф. 321, Ф. 339.

Центральный державний історичний архів України у м. Києві (Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве — ЦГИАУ(К), Ф. 361, Ф. 363, Ф. 992, Ф. 1010.

Польша:

Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD), Kancelaria Warszawskiego General-Gubernatora, Pomocnik Warszawskiego General-Gubernatora, Rosyjskie jednostki wojskowe, nie wchodzące w skład Warszawskiego wojennego okręgu.

Archiwum Państwowe m. st. Warszawy (APW), Warszawski wydział ochrony porządku, Kancelaria Gubernatora Warszawskiego, Referat I Tajny.

США:

Bakhmiettief Archive. P.L. Bark Memoirs

YIVO Archives. RG 348. Wolf-Moshkowits collection.

2. Периодические издания

Армейский вестник, 1914–1915.

Варшавская заря, 1914–1915.

Виленские губернские ведомости, 1914–1915.

Виленские новости, 1915.

Военная летопись, 1915.

Война и евреи, 1914–1915.

Вестник трудовой помощи среди евреев, 1915–1916.

Дело помощи, 1916.

Евреи на войне (Москва), 1915.

Еврейская неделя, 1915–1917.

Еврейская жизнь, 1915–1917.

Еврейские вести, 1916.

Ковенские губернские ведомости, 1914–1915.

Львовское военное слово, 1914–1915.

Минская газета-копейка, 1914–1915.

Наш вестник, 1914–1915.

Новое время, 1914–1915.

Новый восход, 1914–1915.

Новый путь, 1916.

Плоцкие губернские ведомости, 1914.

Помощь, 1916.

Рассвет, 1914–1915.

Речь, 1914–1915.

Русский инвалид, 1914–1915.

Солдатский вестник Петроградского Военного округа, 1914–1915.

Czas (Krakow), 1914–1915.

Gazeta Krakowska, 1914–1915.

3. Печатные источники:

А.В. Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны. Письма А.И. Гучкова, А.Д. Протопопова, П.Б. Струве / Вводная статья, подготовка текста и комментарии С.В. Куликова // Русское прошлое, историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб., 1994. С. 40–61.

Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 годов. Т. I. Пг., 1916.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000.

Андреева Н.С. «Невозможно из немца сделать русского...» (Из истории национальной политики российского правительства в Прибалтике в начале века) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 9. СПб., 2001.

Антонович Ан. Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. 2009. № 11. С. 241–174.

Барк П.А. Воспоминания // Возрождение. 1966. № 172 (Апрель).

Белов В. Евреи и поляки на войне. Впечатления офицера-участника. Пг., 1915.

Бланк Р. Сеятель добра // Александр Иванович Браудо (1864–1924): Очерки и воспоминания. Paris, 1937. С. 57–67.

Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1964.

Быть евреем в России... Материалы по истории русского еврейства, 1880–1890-е годы (составление, заключительная статья и комментарии Н. Портновой). Иерусалим, 1999.

Верховский А.И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.). Пг., 1918.

Войков В.Н. С Царем и без Царя. М., 1995.

Военный дневник Великого князя Андрея Владимировича Романова, 1914–1917 / Составление, предисловие, комментарии: В.М. Осин, В.М. Хрусталева. М., 2008.

Война и евреи. СПб., 1912.

Войтоловский Л.Н. Выход кровавый Марс: По следам войны. М., 1998.

Генералы и евреи (Докладная записка начальника Генерального Штаба Я.Г. Жилинского, публикация и комментарии А. Литвина) // Вестник Еврейского университета. 2000. № 4(22). С. 273–290.

Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. I. Paris, 1969.

Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский-М., 2001.

Грулев М. Записки генерала-еврея. Orange, 1987.

Гурко Василий. Война и революция в России: Мемуары командующего Западным фронтом, 1914–1917. М., 2007.

Далинский. Евреи в армии (отклик на книгу М.Л. Усова «Евреи в армии»). СПб., 1911.

Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне, 1914–1915. Berlin, 1924.

Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской монархии. М., 2000.

Джунковский В.Ф. Воспоминания (под общей редакцией А.Л. Паниной). В 2 тт. М., 1997.

Дело Гершановича, с защитительной речью О.О. Грузенберга. М., 1916.

Деникин А.И. Путь русского офицера. New York, 1953.

Дополнительные материалы к книгам А. Ренникова «В стране чудес» и Артура Тупина «Прибалтийский край и война»: Голоса балтийских немцев и отзывы русской печати, с предисловием члена Государственной думы барона А.Ф. Мейендорфа. Венден, 1915.

- Документы о преследованиях евреев // Архив русской революции. Т. XIX. Berlin, 1928. С. 245–284.
- Дубнов С. М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. СПб., 1998.
- Дубнов С. М. Встречи с А. И. Браудо // Александр Иванович Браудо (1864–1924). Очерки и воспоминания. Paris, 1937. С. 45–49.
- Евреи в армии. СПб., 1911.
- Еврейская энциклопедия. Тт. 1–16. СПб., 1908–1913.
- Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М., 1996.
- Заславский Д., Иванович Ст. Евреи и кадеты. Пг., 1916.
- Золотарев А. М. Материалы по военной статистике России // Военный сборник. 1889. № 5. С. 98–143.
- Из недавнего прошлого: Речи еврейских депутатов в Государственной думе за годы войны. Пг., 1917.
- Из черной книги русского еврейства: Материалы для истории войны 1914–1915 годов // Еврейская старина. 1918. № 10. С. 195–296.
- Война. Россия. Евреи: Стенограммы встреч министров русского правительства с представителями еврейской общественности в 1915 году / Публикация, предисловие и комментарии В. Е. Кельнера // Вестник Еврейского университета. 2001. № 5(23). С. 265–284.
- Корольков М. Grimасы жизни: Воспоминания военного юриста. Новый Сад, 1929.
- Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1991.
- Куропаткин А. Н. Задачи русской армии. В 3-х тт. Т. 3: Задачи России и русской армии в 20-м столетии. СПб., 1910.
- Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915 — 2 июля 1916 г.). Пб., 1920 (двухтомное переиздание — Минск, 2003).
- Львов-Рогачевский В. Гонители еврейского народа. М., 1917.
- Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительства, 1878–1917 / Ред. М. Н. Покровский. Серия III. Т. 6, ч. 1. М., 1935.
- Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып. I. Paris, 1964.
- Мовшович Д. А. И. Браудо и последние этапы борьбы за эмансипацию евреев в России // Александр Иванович Браудо (1864–1924). Очерки и воспоминания. Paris, 1937. С. 103–108.
- Николай Михайлович, великий князь. Записки // Гибель монархии. М., 2000.
- Никольский Е. А. Записки о прошлом. М., 2007.
- Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988.
- «Оставим святочные темы и перейдем к еврейскому вопросу» (Из переписки В. А. Маклакова и В. В. Шульгина). Публикация, вступительная статья и примечания О. В. Будницкого // Евреи и русская революция: Материалы и исследования / Редактор-составитель О. В. Будницкий. М.-Иерусалим, 1999. С. 374–442.
- Отчет канцелярии военного генерал-губернатора Галиции с 28.8.1914 г. по 1.7.1915 г. Киев, 1916.
- Познер С. Страницы прошлого (из воспоминаний о А. И. Браудо) // Александр Иванович Браудо (1864–1924): Очерки и воспоминания. Paris, 1937. С. 77–91.

- Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество 1914–1918. Т. 1: Эволюция взглядов. М., 2014.
- Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907–1916 г. Т. 1. М., 1924.
- Приложение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914.
- Приложения к положению о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914.
- Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3 (1915–1920 гг.). М., 1998.
- Редигер А. История моей жизни: воспоминания военного министра. В 2-х тт. М., 1999.
- Ренников А. В стране чудес: Правда о прибалтийских немцах. Пг., 1915.
- Родзянко М. В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. XVII. Berlin, 1926. С. 5–169.
- Розанов В. В. Война 1914 г. и русское возрождение. Пг., 1915.
- Розанов В. В. Мимолетное. М., 1994.
- Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
- Россия и США: дипломатические отношения, 1900–1917. М., 1999.
- Слюзберг Г. Б. Дореволюционный строй России. Paris, 1933.
- Свод Законов Российской империи, издание неофициальное. Т. II. М., 1910.
- Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999.
- Сергейчук Володимир. Погромы в Україні: 1914–1920. Київ, 1998.
- Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.-СПб., 1995.
- Степун Ф. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000.
- Трифон. По поводу книги «Евреи в армии» // Военный сборник. 1911. № 12. С. 75–84.
- «Украинцы... могут сделаться честными австрийцами»: Кто учинил погром русинов в Галиции / Подготовка публикации: П. С. Лидовский // Военно-исторический журнал. 1997. № 3.
- Усов М. А. Предание и факты (к еврейскому вопросу). СПб., 1908.
- Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства (Воспоминания, материалы, документы) // Книга о русском еврействе (от 1860-х годов до революции 1917 г.). New York, 1960 (переиздание: М.-Иерусалим-Минск, 2002).
- Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. В 2 тт. New York, 1954.
- Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие. М., 1990.
- Яхонтов А. Н. Тяжелые дни: Секретные заседания Совета министров (16 июля — 2 сентября 1915 г.) // Архив русской революции. Т. XVIII. Berlin, 1926. С. 5–136.
- Яхонтов Арк. Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.): Записи, заметки, материалы бывшего помощника управляющего делами Совета министров / Вводная статья и комментарии Р. Ш. Ганелина и М. Ф. Флоринского // Русское прошлое, историко-документальный альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 245–348.
- An-sky. Hurban Galitsie // Gezamlte shrift. Vol. 4. Vilno — Warsaw — New York, 1923.

- An-sky*. Hurban ha-jehudim be Polin, Galicija ve Bukovina, helek 1–4. Berlin, 1929.
- Ansky S.* The Dibbuk and Other Writings. New Haven and London, 2002. P. 169–208.
- Astrov Nicholas J.* The Municipal Government and the All-Russian Union of Towns // The War and the Russian Government. New Haven, 1929.
- Golovin Nicholas N.* The Russian Army in the World War. New Haven, 1931.
- Jablonska Helena.* Dziennik z obężonego Przemysła, 1914–1915. Przemysł, 1994.
- Miklaszewski W.* Memorabilia (od 1.8.1914 do 1.9.1915). Warszawa, 1929.

Литература

На русском языке:

- Айранетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003.
- Айранетов О.Р.* Московский погром в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте // Русский сборник. Т. 8. М., 2010. С. 112–144.
- Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. Книга III. Ч. 1–2. М., 2001.
- Андреев Д. А.И.* Браудо: штрихи к политическому портрету // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 1(5). С. 151–170.
- Андреева Н.С.* Прибалтийские немцы и Первая Мировая война // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999.
- Астаилов А.Б.* Русские солдаты и Первая мировая война. Психологическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник 2001/2002. М., 2004. С. 399–425.
- Бахтурина А.Ю.* Государственное управление окраинами Российской империи в годы Первой мировой войны // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 59–78.
- Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000.
- Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.
- Башевиз Зингер Исаак.* В суде моего отца; Люблинский штукатур. СПб., 1997.
- Бовуа Даниэль.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011.
- Булдаков В.П.* Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 208–217.
- Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
- Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005.
- Будницкий О.В.* Происхождение еврейских погромов периода Гражданской войны в России // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох / Сборник статей, ред.: К. Бруиш, Н. Катцер. М., 2014. С. 143–159.
- Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003.
- Галвазин С.* Охранные структуры Российской империи. М., 2001.
- Ганелин Р.Ш.* Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 годов // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 3(10). С. 4–37.
- Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 7–37.
- Гаттрел П.* Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4(122). С. 46–72.
- Геттрел П.* Экономическое и социальное развитие России в начале XXв. // Реформы или революция? Россия 1861–1917: материалы международного colloквиума историков. СПб., 1992.
- Гольденвейзер А.А.* Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе (от 1860-х годов до революции 1917 г.). New York, 1960. С. 111–141.
- Гольдин С.* Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / Будницкий О.В. (отв. ред.). М., 2005. С. 29–46.
- Гольдин Семен.* Еврей как понятие в истории имперской России // «Понятие о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М., 2012. С. 340–391.
- Ерошкин Н.П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960.
- Зайончковский П.А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский, 1904–1983: Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 24–69.
- Зайончковский П.А.* Высшее военное управление: Император и царствующий дом // П.А. Зайончковский, 1904–1983: Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 70–100.
- Залесский К.А.* Первая мировая война: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.
- Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.
- Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Книга первая: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг.; Книга вторая: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003.
- Зданович А.А.* Отечественная контрразведка, 1914–1920: Организационное строительство. М., 2004.
- Иванов А.А.* Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб., 2006.
- Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М., 2003.

- Катков Г.М. (Джордж). Февральская революция. Париж, 1984.
- Кельнер В. Два инцидента: Из русско-еврейских отношений в начале XX в. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 3(10). С. 190–198.
- Керсновский А.А. История Русской Армии. М., 1999.
- Клиер Дж. Казаки и погромы: Чем отличались «военные» погромы? // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / Будницкий О.В. (отв. ред.). М., 2005. С. 47–70.
- Колоницкий Борис. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
- Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.
- Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
- Курцев А.Н. Беженство // Россия и первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 129–146.
- Лангевише Дитер. Что такое война? Эволюция феномена войны и ее легитимация в Новое время // AV IMPERIO. 2001. № 4. С. 7–28.
- Лор Эрик. Русский национализм и Российская империя. М., 2012.
- Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Paris, 1957.
- Миндлин А. Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом в конце XIX — начале XX века // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 2(12). С. 81–103.
- Могильнер Марина. Homo Imperii: История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX века). М., 2008.
- Недипович С.Г. В поисках «внутреннего врага»: депортационная политика России (1914–1917) // Первая мировая война и участие в ней России: Материалы научной конференции. М., 1994.
- Недипович С.Г. Репрессии против подданных «Центральных держав»: Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1996. № 4.
- Недипович С.Г. Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Neues Leben. 1996. № 12–15.
- Недипович С.Г. Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую паковость уволить, и без нежностей...»: Депортации в России, 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. № 1.
- Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1995.
- Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М., 1994.
- Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии, 1827–1914. М., 2003.
- Полян Павел. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
- Пивоварчик С.А. Трагедии Первой мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Будницкий О.В. (отв. ред.), Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 71–83.
- Поршнева О.С. Социальное поведение солдат русской армии в годы Первой мировой войны // Социальная история. Ежегодник 2001/2002. М., 2004. С. 355–398.
- Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

- Раскин Д. Евреи в составе российского офицерского корпуса в XIX — начале XX века // Евреи в России; история и культура. СПб., 1998. С. 170–174.
- Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976.
- Савченко В.Н. Восточная Галиция в 1914–1915 годах (этносоциальные особенности и проблема присоединения к России) // Вопросы истории. 1996. № 11–12.
- Сергеев Е.Ю., Улуян Ар.А. Военные агенты Российской империи в Европе, 1900–1914. М., 1999.
- Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо»: Запад и военная элита России (1900–1914). М., 2001.
- Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи, 1906–1917: историко-правовой очерк. М., 1998.
- Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004.
- Стоун Норман. Первая мировая война: Краткая история. М., 2009.
- Тарсаидзе Александр. Четыре мифа. Нью-Йорк, 1969.
- Уортман Ричард С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. II: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004.
- Френкель Йонатан. Пророчество и политика. Социализм, национализм и русское еврейство, 1862–1917. Иерусалим-М., 2008.
- Фуко М. Политическая технология индивидов // Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью 1970–1984 гг. Ч. 1. М., 2002.
- Фуллер Уильям. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
- Хаген фон М. Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 385–405.
- Хаеиш Анатолий И. Выселение евреев из Литвы весной 1915 года (на примере местечка Жеймели) // Иудаика: тексты и исследования. 2003. № 1.
- Хитерер В. К истории еврейского населения Галиции и Буковины накануне и в годы Первой мировой войны // Евреи в Украине: История, культура, традиции. Київ, 1997.
- Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 83–101.
- Холл Карл. «Расовые признаки коренятся глубже в природе человеческого организма»: неуловимое понятие расы в Российской империи // «Понятие о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М., 2012. С. 194–258.
- Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2001.
- Шаццлло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне: Генералы и политика. М., 2000.
- Шлянта Петр. «Братья-славяне» или «азиатские орды»? Польское население и российская оккупация Галиции в 1914–1915 годах // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох / Сборник статей; ред. К. Бруиш, Н. Катцер. М., 2014. С. 21–40.

Шустер Ф. «Дай мне хлеба, и я дам тебе девушку»: Бедность, контрабанда, шпионаж и проституция во время Первой мировой войны в еврейском контексте // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / Будницкий О.В. (отв. ред.). М., 2005. С. 10–28.

Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России 1797–1917: очерки истории цензуры. СПб.-Иерусалим, 1999.

Энгель В.В. «Еврейский вопрос» в русско-американских отношениях. На примере «паспортного» вопроса 1864–1913. М., 1998.

На других языках:

Achmatowicz Aleksander. Polityka Rosji w kwestii polskiej w pierwszym roku Wielkiej Wojny 1914–1915. Warszawa, 2003.

Altshuler M. Russia and her Jews — The Impact of the 1914 War // The Wiener Library Bulletin. 1973/ 1974. № 30/31.

Angress Werner T. The German Army's «Judenzahlung» of 1916. Genesis-Consequences-Significance // Year Book of Leo Baeck Institute. 1978. Vol. 23 (1). P. 117–138.

Aronsfeld C.C. Jewish Bankers and the Tsar // Jewish Social Studies/ Vol. XXXV. April 1973. P. 87–104.

Avrutin Eugene M. Racial Categories and the Politics of (Jewish) Difference in Late Imperial Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007. № 8.1. P. 13–40.

Audoin-Rouzeau Stéphan, Becker Anette. 14–18 Understanding the Great War / Translated from the French by Catherine Temerson. New York, 2002.

Baron Salo W. The Russian Jew under Tsars and Soviets. New York, 1964.

Best Gary Dean. To Free a People: American Jewish Leaders and the Jewish Problem in Eastern Europe, 1890–1914. Westport (Conn) — London, 1982.

Bushnell John. The Tsarist Officer Corps, 1881–1914: Customs, Duties, Inefficiency // The American Historical Review. Vol. 86. № 4 (October 1981).

Bushnell John. Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–1906. Bloomington, 1985.

Cohen Naomi W. Jakob H. Schiff: A Study in American Jewish Leadership. Hanover, 1999.

Deák István. Beyond Nationalism: A Social & Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918. New York — Oxford, 1992.

Frankel J. The Paradoxical Politics of Marginality: Thoughts on the Jewish Situation during the years 1914–21 // Studies in Contemporary Jewry. 1988. № IV. P. 3–21.

Fuller William C. Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881–1914. Princeton, 1985.

Fuller, William C. Jr. Strategy and Power in Russia: 1600–1914. New York, 1992.

Gatrell Peter. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington and Indianapolis, 1999.

Gassenschmidt Christoph. Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia, 1900–1914: The Modernization of Russian Jewry. New York, 1995.

Goldin Semion. Deportation of Jews by the Russian Military Command, 1914–1915 // Jews in Eastern Europe. № 1(41). Spring 2000. P. 40–73.

Goldin Semion. The «Jewish Question» in the Tsarist Army in the Early Twentieth Century // The Revolution of 1905 and Russia's Jews / ed. Stefani Hoffman and Ezra Mendelsohn. Philadelphia, 2008. P. 70–78.

Goldin S. «Я сразу опознал в нем жида»: евреи в документах русской военной контрразведки и военных судов в годы Первой мировой войны // Jews and Slavs. Vol. 19 / Edited by V. Moskovich, L. Finberg. Jerusalem-Kyiv, 2008. P. 132–145.

Graf Daniel W. The Reign of the Generals: Military Government in Western Russia, 1914–1915. Ph.D. Dissertation. University of Nebraska, 1972.

Graf Daniel W. Military Rule Behind the Russian Front, 1914–1917: The Political Ramifications // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1974. Bd. 22. P. 390–411.

Greenberg Louis. The Jews in Russia: The Struggle for Emancipation. Two volumes in one. New Haven — London, 1965.

Jones David R. Imperial Russia's Forces at War // Military Effectiveness / Allan R. Millet & Williamson Murray (eds.). Vol. I: The First World War. Boston, 1988.

Hagen Mark von. War in European Borderland: Occupation and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918. Seattle and London, 2007.

Hamm Michael F. Liberalism and the Jewish Question: The Progressive Blok // The Russian Review. Vol. 31. April 1972. P. 163–172.

Holquist Peter. To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / Ronald Grigor Suny & Terry Martin (eds.). New York, 2001.

Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge (Mass), 2002.

Holquist P. The Role of Personality in the First (1914–1915) Russian Occupation of Galicia and Bukovina // Anti-Jewish Violence Rethinking the Pogrom in East European History / Jonathan Dekel-Chen, David Gaunt, Natan M. Meir, Israel Bartal (eds.). Bloomington and Indianapolis, 2010. P. 52–73.

Howard Michael. War in European History. London — Oxford — New York, 1976.

Hull Isabel V. Absolute Destruction: Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany. Ithaca and London, 2005.

Katkov George. Russia 1917: The February Revolution. London, 1967.

Keep John L.M. Soldiers of the Tsar. Oxford, 1985.

Kenez Peter. Russian Officer Corps Before the Revolution: The Military Mind // The Russian Review. Vol. 31. № 4 (July 1972).

Kenez Peter. Changes in the Social Composition of the Officer Corps During World War I // The Russian Review. Vol. 3. № 4 (October 1972).

Levene Mark. War, Jews, and the New Europe: the Diplomacy of Lucien Wolf, 1914–1919. Oxford, 1992.

Levin Nora. The Jews in the Soviet Union since 1917. Vol. I. New York, 1988.

Lincoln Bruce W. Passage Through Armageddon: The Russians in War and Revolution 1914–1918. New York, 1986.

Litai A. Perek mi'magilat ha-hurban // Reshumot. Vol.2. Tel Aviv, harpa"d.

Liulevicius Vejas Gabriel. War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I. Cambridge, 2000.

Lohr Eric. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge (Mass) — London, 2003.

Lohr Eric. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // *The Russian Review.* № 60(3). July 2001. P. 404–419.

Lohr Eric. 1915 and the War Pogrom Paradigm in the Russian Empire // *Anti-Jewish Violence Rethinking the Pogrom in East European History* / Jonathan Dekel-Chen, David Gaunt, Natan M. Meir, Israel Bartal (eds.). Bloomington and Indianapolis, 2010. P.41–51.

Löwe Heinz-Dietrich. The Tsars and the Jews: Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia (1772–1917). Chur, 1993.

Luckett Richard. The White Generals: The Account of the White Movement and the Russians Civil War. New York, 1971.

Menning Bruce W. Bayonets Before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington & Indianapolis, 1992.

Petrovsky-Shtern Yohanan. The «Jewish Policy» of the Late Imperial War Ministry: The Impact of the Russian Right // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* № 3(2), Spring 2002. P. 217–254.

Petrovsky-Shtern Yohanan. Jews in the Russian Army, 1827–1917, Drafted into Modernity. Cambridge, 2008.

Podbolotov S. «...And the Entire Mass of Loyal People Leapt Up»: The attitude of Nicholas II towards the pogroms // *Cahiers du Monde russe.* Vol. 45. 2004. P. 193–208.

Prusin Alexander V. The Russian Military and the Jews in Galicia, 1914–15 // *The Military and Society in Russia, 1450–1917* / Eric Lohr and Marshall Poe (eds.). Leiden-Boston-Köln, 2002. P. 524–544.

Prusin Alexander Victor. Nationalizing a Borderland: War, Ethnicity, and Anti-Jewish Violence in East Galicia, 1914–1920. Tuscaloosa, 2005.

Rogger H. Jewish Policies and Right Wing Politics in Imperial Russia. Oxford, 1986.

Schmidl Erwin A. Jews in the Habsburg Armed Forces, 1788–1918. Eisenstadt, 1989.

Sherman A.J. German-Jewish Bankers in World Politics: The Financing of the Russo-Japanese War // *Leo Baek Institute Year Book.* Vol. XXVIII. 1983. P. 59–73.

Silber Markos. The New Poland will Nurture all of its Children: The Efforts in Central Europe to Achieve Autonomy for the Jews of Congress Poland during World War I. Ph.D. Dissertation. University of Tel Aviv, 2001.

Stone Norman. The Eastern Front 1914–1917. New York, 1975.

Sunborn Joshua A. Drafting the Russian Nation Military: Conscriptations, Total War and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb (Illinois), 2003.

Sunborn Joshua A. Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford, 2014.

Szajkowski Zosa Jews, Wars, and Communism. Vol. I: The Attitude of American Jews to World War I, The Russian Revolutions of 1917, and Communism (1914–1945). New York, 1972.

Rutherford, Ward. The Alley: The Russian Army in World War I. London, 1977.

Ury Scott. The Shtadlan of the Polish-Lithuanian Commonwealth: Noble Advocate or Unbridled Opportunist? // *Polin.* 2002. № 15. P. 267–299.

Wildman Allan K. The End of Russian Imperial Army. Princeton, 1980.

Wrzosek Mieczysław. Polski czyn zbrojny podczas pierwszej wojny światowej. Warszawa, 1990.

Zieliński Konrad. Stosunki polsko-żydowskie na ziemiach Królestwa Polskiego w czasie pierwszej wojny światowej. Lublin, 2005.

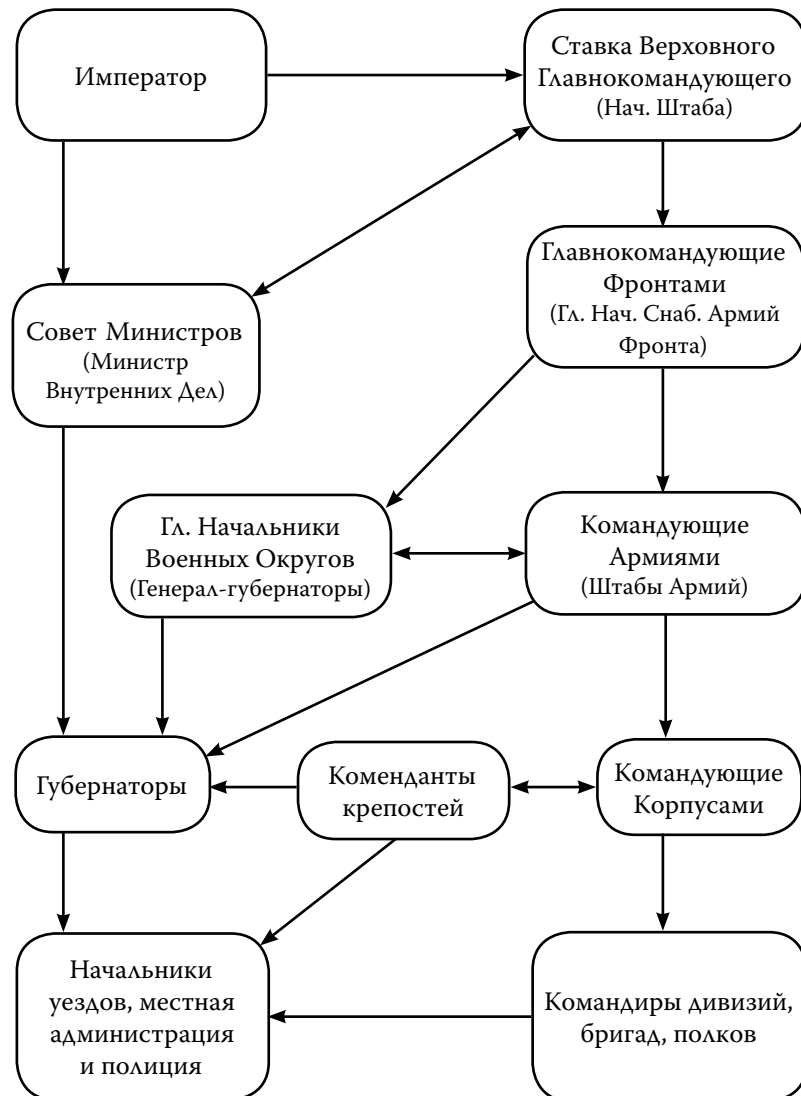
Zieliński Konrad. The Shtetl in Poland, 1914–1918 // *The Shtetl: New Evaluations* /Ed. by Steven T. Katz. New York and London, 2007. P. 102–120.

Zipperstein Steven J. The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life During the First World War // *Studies in Contemporary Jewry.* 1988. № IV. P. 22–40.

Weinerman E. Racism, Racial Prejudice and Jews in Late Imperial Russia // *Ethnic and Racial Studies.* Vol. 17. 1994. P. 442–495.

Приложение 1

Схема органов военного и гражданского управления
(июль 1914 — август 1915)

Приложение 2

Хронология депортаций еврейского населения
в 1914–1915 годах¹

1914:

Август — 11-го — выселение евреев из ряда деревень Хотинского уезда Бессарабской губернии²

23-го — евреи выселяются из ряда пунктов Радомской и Люблинской губерний (Козеницы, Яновец, Рыки, Новоалександрия, Ирена и др.), относящихся к району крепости Ивангород.

29-го — депортация из ряда пунктов Ломжинской губернии (Мышинец, Каидло, Завось и др.)³.

Сентябрь — 25-го — повторные выселения из района Ивангорода, связанные с ведущимися там боями (евреям разрешено вернуться 4 ноября)⁴.

С конца сентября до конца декабря — выселения в Варшавской губернии, в частности:

27-го сентября — выселение из Ломянков,

29-го сентября — из Лешно (оба — Варшавской губернии)⁵.

7-го октября — выселение из Пясечно,

14-го октября — из Гродзиска,

30-го октября — из Скерневиц.

7-го ноября — выселение из Кернози,

25-го ноября — из Илова.

¹ Основанная на данных просмотренных нами источников, настоящая хронология тем самым очевидно фрагментарна.

² Было выселено около полутора тысяч человек — см.: *Litai A. Perek mi'magilat ha-hurban // Reshumot. Vol. 2. Tel Aviv, harpa'd. P. 222.*

³ В район крепости Ивангород евреям было дозволено вернуться через две недели, см.: *Еврейская старина. 1918. № 10. С. 232–233; ЦАИЕН. НМФ/583.Е (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160).*

⁴ *Еврейская старина. 1918. № 10. С. 232–233; ЦГИАУ(К). Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 225.*

⁵ АНБ. V254; ЦАИЕН. НМФ/580.А (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 157). Евреи из Лешно 9 дней скрывались в лесу, затем получили разрешение вернуться домой (*там же*).

начало декабря — выселение из Гжегожевиц,
24-го декабря — из Сохачева⁶.

1915:

Январь — Февраль — начало массовых депортаций.

С 25-го января по начало февраля — выселение из 40 лишним пунктов Варшавской губернии (в том числе Мщеннова, Жирардова, Прушкова, Ловича, Пясечно и др.), число выселенных составляло десятки тысяч человек⁷.

26-го января — приказ о поголовном выселении из Плоцкой губернии, отменен на следующий день⁸.

31-го января — выселение из Вышеграда и Бодзанова (Плоцкой губернии), Пинчова и Вислицы (Келецкой губернии)⁹.

16-го февраля — в течение одного дня из Добромильского уезда в Галиции¹⁰.

Март — выселения из Радошиц (Радомской губернии), Мниева (Келецкой губернии), местечка Ботки (Batakiiai, Ковенской губернии), Августовского уезда (район Гродненской крепости),

⁶ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 233–234; ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 157. Л. 1.

Точное число депортированных в Варшавской губернии с октября по декабрь 1914-го определить трудно; в феврале 1915-го около 11 тысяч выселенных воспользовались помощью варшавской еврейской общины, по другим данным, только из Скерневиц было выселено 5 тысяч, из Гродзиска — свыше 4 тысяч человек (см. список получающих помощь евреев: Рассвет. 1915. № 9. С. 23–24; Еврейская старина. 1918. № 10. С. 233; АНБ. V254). Через некоторое время евреям было разрешено вернуться в некоторые пункты, например, в Гродзиск, Пясечно, Болимов (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 233–235).

⁷ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 234–235.

⁸ Там же. С. 236, ЦГИАУ(К). Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 215.

⁹ ЦАИЕН. НМФ/588.В (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165); Рассвет. 1915. № 8. С. 12; Там же. 1915. № 13. С. 19.

¹⁰ Евреи были направлены в Самбор, 29 марта 1915 года после настоячивых просьб начальника Самборского уезда получили разрешение вернуться (ЦГИАУ(К). Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Лл. 11–12, 15–16, 48).

25-го — выселение из Бялой (Петроковской губернии)¹¹.

Апрель — 1-го — приказ штаба 10-й Армии о выселении евреев из ряда населенных пунктов Сувалкской губернии, расположенных на левом берегу реки Неман (Сейны, Серее (Sejrijai), Лодзее (Lazdijai), Сопоцкин и др.)

7-го — приказ командующего 10-й Армией о поголовном выселении из ряда пунктов Виленской и Гродненской губерний по линии Ковно (Kaunas) — Стеклишки (Stakliškės) — Ораны (Varėna) — Рось — Соколка. Выселения из Олиты (Alytus), Друскеник (Druskinkai), Козловой Руды (Kazlu Rūda) и др. Депортация приостановлена 11 апреля штабом Северо-Западного фронта¹².

14-го — выселения из 28 пунктов в Галиции по приказу штаба 30-го корпуса¹³.

24-го и 28-го — штаб 10-й Армии отдает приказ о поголовном выселении евреев по линии Рига — Бауск (Bauska) — Поневеж (Panėvėžys) — Вилькомир (Ukmerge) — Ковно (Kaunas), то есть из Курляндской, Ковенской, а также частично Гродненской и Сувалкской губерний¹⁴.

28-го — выселение из крепости Перемышль (Przemysl)¹⁵.

29-го — выселения из Пунска, Прен (Priėnai), Бельвержисек (Balbieriškis) в Сувалкской губернии¹⁶.

¹¹ В Ботках «поводом для выселения послужило обвинение, будто евреи бросили кошку в колодезь, чтобы отравить воду» (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 235); о других выселениях см.: АНБ. V254; ЦГИАУ(К). Ф. 1010. Оп. 1. Д. 3. Л. 215; Рассвет. 1915. № 15. С. 29.

¹² О выселениях из Сувалкской губернии см.: Еврейская старина. 1918. № 10. С. 235; о неудавшейся попытке выселить десятки тысяч евреев из Виленской и Гродненской губерний см.: ЦАИЕН. НМ2/7962.6 (оригинал: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67).

¹³ Выселено 1238 человек, в том числе 565 из Толмача, 303 из Тысьменницы, 188 из Нижнева (все — в окрестностях Станиславова, ныне Ивано-Франковск), см.: ЦГИАУ(К). Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Л. 83).

¹⁴ ЦАИЕН. НМ2/7962.6 (оригинал: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67).

¹⁵ Выселенные по приказу коменданта крепости, евреи были направлены в Ярослав (ЦГИАУ(К). Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Лл. 62–63).

¹⁶ Выселения были связаны с проводимыми одновременно массовыми депортациями из соседних губерний (Еврейская старина. 1918. № 10. С. 236).

30-го — приказ штаба 12-й Армии о выселении евреев из района между правым берегом реки Нарев и левым берегом реки Оржица (Orzyc)¹⁷.

Май — к 5-му — закончено массовое выселение из Ковенской и Курляндской губерний (из 44 пунктов Ковенской губернии и 18 пунктов Курляндской, общее количество выселенных достигло 190–200 тысяч человек)¹⁸.

7-го — выселение 4 тысяч евреев из Буковины¹⁹.

10-го — выселение из Тыркшлю (Tirkšliai) и Цитовяны (?),

26-го — из местечка Новоораны (Nevavagėnai, все — Ковенской губернии).

В течение мая евреи выселяются из Могильницы (Варшавской губернии, 5 тысяч человек), Рожан (Ломжинской губернии), Илжи (Люблинской губернии), Вержбиц и Клевова (Радомской губернии), а также ряда местностей Восточной Галиции²⁰.

Июнь — 1-го — выселение из Туккума (Tukums, Курляндской губернии),

4-го — из местечек Новый Двор и Кузница (Гродненской губернии)²¹.

12-го — выселение с пятиверстной линии вдоль реки Збруч в Подольской губернии (из Гусятина, Сатанова, Тарноруды, Жванца, Збрижа и др.)²²

¹⁷ ЦАИЕН. НМФ/584.В (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 160); штаб армии просил также утвердить выселение евреев из Белостока, Ломжи, Остроленки (ЦАИЕН. НМ2/ 7913.5; оригинал: РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 455).

¹⁸ Число пунктов выселения см.: Помощь. 1916. № 4. С. 5–6, по другой методике подсчета число «пунктов выселения или беженства» достигало 329 в Ковенской и 98 в Курляндской губерниях (Там же. С. 4). Число выселенных см.: Еврейская старина. 1918. № 10. С. 240.

¹⁹ ЦГИАУ(К). Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Л. 64.

²⁰ О выселениях из польских губерний см.: Еврейская старина. 1918. № 10. С. 235; ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 225. Л. 2; ЦАИЕН. НМФ/588.С (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165). В Галиции были выселены в том числе 500 евреев из Чертковского уезда, 300 из Бучачского, 200 из Гусятинского (ЦГИАУ(К). Ф. 361. Оп. 1. Д. 674. Лл. 75–76).

²¹ ЦГИАУ(К). Ф. 1010. Оп. 1. Д. 93. Л. 690б.; ЦАИЕН. НМ2/796216.11 (оригинал: РГВИА. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 128).

²² Архив русской революции. Т. XIX. С. 260. В Сатанов евреям было решено вернуться в марте 1916-го (Еврейская неделя. 1916. № 12. С. 39).

17-го — из посада Избица (Люблинской губернии).

29-го — распоряжение командующего 13-й армии о выселении южнее линии Грубешов (Grubieszów) — Порицк (?).

Выселение из района крепости Брест-Литовск (всех жителей, не имеющих специальных билетов на право проживания).

Июль — Август — выселения из района Слонима и Волковыска (Гродненская губерния, впоследствии отменены)²³.

13-го — 14-го июля — выселения из местечек Трашкуны (Troškūnai) и Оникшты (Anykščiai, Ковенской губернии),

конец июля — выселение из местечка Маляты (Moletai, Виленской губернии)²⁴.

Сентябрь — Октябрь — 1-го сентября выселение из Березниц, Торчина и ряда других местечек Волынской губернии²⁵.

С 1-го сентября — выселения в Минской губернии, в частности из местечка Телеханы, из окрестностей Лунинца (Лунчек, Хмельник и др.)

11-го сентября — выселение из Сморгони (Виленской губернии).

17-го сентября — выселение из села Гостынь (Минской губернии).

К 11-му октября евреи выселены в Минской губернии из Хотинич, Пуховичей, Залужья и многих других пунктов²⁶.

Оказалось, что в домах выселенных евреев держали лошадей, там было полно навоза, выломаны печи и т.д. (ЦАИЕН. НМФ/585.А; оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 162). В Збриже после выселения евреи больше не селились (сообщено В. Лукиным).

²³ О выселении из Избицы см.: ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 222. Л. 1.

О выселении в Волынской губернии по линии Грубешув-Порицк см.: ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 106. Л. 1; о выселении из Бреста: Минская газета-копейка. 1915. № 1009. 8 июня. С. 3; о выселениях из Слонима и Волковыска: Еврейская старина. 1918. № 10. С. 247.

²⁴ Там же. С. 249; ЦАИЕН. НМФ/588.В (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165).

²⁵ ИР ЦНБ НАНУ. Ф. 321. Оп. 3. Ед.хр. 70. Лл. 1–2; ЦАИЕН. НМФ/585.Д (оригинал: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 162).

²⁶ О выселениях из Минской губернии см.: Еврейская старина. 1918. № 10. С. 250; красочное описание выселения из Сморгони: АНБ. V254.

В конце сентября — начале октября по распоряжению штаба Северного фронта евреи-беженцы выселяются из Псковской губернии²⁷.

С 28-го октября — выселения в Волынской губернии (Млынов, Муравицы, Бережицы, Владимирец и др.)²⁸.

Ноябрь — 10-го — выселения из Ливенгофа (Витебская губерния) и из Логишина (Минская губерния)²⁹.

Таким образом, «выселения по самому осторожному подсчету коснулись 189 еврейских общин, в которых жило, по переписи 1897 г., не менее 230.000 евреев»³⁰.

²⁷ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4с. Д. 109. Лл. 10, 13, 46.

²⁸ Еврейская старина. 1918. № 10. С. 250.

²⁹ О выселении из Ливенгофа см.: Еврейская старина. 1918. № 10. С. 250; из Логишина — ЦГИАУ(К). Ф. 1010. Оп. 1. Д. 93. Л. 56.

³⁰ Помощь. 1916. № 4. С. 6.

Приложение 3 Именной указатель

Алейников Михаил (1880–1938) — журналист, сионистский деятель. Издатель газеты «Рассвет», член Политического бюро при еврейских депутатах. 323, 366

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, с 1908 начальник штаба Киевского военного округа, с 1912 — командир 13-го армейского корпуса. С начала войны начальник штаба Юго-Западного фронта, с марта 1915 Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, с августа 1915 начальник штаба Верховного Главнокомандующего, с февраля по май 1917 Верховный Главнокомандующий, один из основателей Добровольческой армии. 25, 48–51, 63, 76, 77, 82, 83, 87, 91, 95, 101, 106, 118, 127, 129, 130, 146, 153, 167–169, 174–176, 186, 188, 189, 200, 205, 245, 253–255, 259–261, 365, 376, 377, 379, 385

Ан-ский С. (Раппопорт Семен Акимович) (1863–1920) — русско-еврейский писатель, общественный деятель, этнограф. Во время войны — уполномоченный Земгора и ЕКОПО. Автор книги «Хурбан Галиции». Депутат Учредительного собрания от партии эсеров. В эмиграции. 9, 15, 273, 286, 287, 302, 322, 324, 371

Апухтин — генерал-майор, в 1914–1915 начальник 68-й пехотной дивизии, отдельного отряда войск в Либаве (Лиепаяе). 89, 90

Баговут Александр Карлович (1863 — ?), действительный статский советник. Полтавский (12.2. 1913 — 23.11. 1915), виленский (23.11 — 7.12. 1915), курский (с 7.12. 1915) губернатор. 131, 132, 178, 179

Барк Петр Львович (1869–1937) — министр финансов в 1914–1917. В эмиграции, мемуарист («Воспоминания», 1965–1967). 63, 125, 142, 192, 201, 329, 349, 351–354, 356, 358, 359, 369, 371

Бекман Владимир Александрович (1848 — ?) — генерал от кавалерии, в 1903 командовал гарнизоном в Кишиневе. С ян-

варя 1905 — командующий 20-м армейским корпусом, с августа 1905 — одновременно курляндский военный генерал-губернатор. С 1906 — командующий 22-м армейским корпусом в Гельсингфорсе, в 1908–1909 финляндский генерал-губернатор. 46

Белецкий Степан Петрович (1873–1918) — в 1915–1916 товарищ министра внутренних дел, директор Департамента полиции, расстрелян. 260

Бискупский Василий Викторович (1878 — ?) — генерал-майор, в 1914–1917 командовал 1-м Московским лейб-драгунским полком, затем — кавалерийской бригадой. В эмиграции, активно сотрудничал с нацистами. 298

Бобринский Георгий Александрович, граф (1863–1928) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант, с августа 1914 по октябрь 1916 военный генерал-губернатор областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны. 79, 84, 85, 115, 116, 159, 177–183, 191, 200, 203, 237, 246, 251, 252, 258

Бобырь Николай Павлович (1854 — ?) — генерал от инфантерии, в 1907–1915 комендант Новогеоргиевской крепости. В германском плену. 23, 231

Бомаш Меир Хаймович (1861 — ?) — врач, с 1912 депутат IV Государственной думы от Лодзи. 13, 112, 241, 280, 287, 320, 328–330, 335, 337, 344, 363–365

Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956) — генерал-лейтенант. С начала войны генерал-квартирмейстер штаба 3-й Армии, штаба армий Северо-Западного фронта. Затем начальник штаба 6-й Армии, начальник штаба армий Северного фронта, начальник гарнизона Псков. В ноябре 1917 начальник штаба Верховного Главнокомандующего. В Красной армии. Мемуарист («Вся власть Советам», 1964). 150, 188, 189, 252, 253, 282

Брамсон Леонтий (Леон) Моисеевич (1863–1941) — еврейский журналист, общественный деятель. Один из руководителей ОРТ и ЕКОПО. 15, 190, 323, 333

Браудо Александр Исаевич (1864–1924) — еврейский общественный деятель. 320, 323, 338, 348, 349, 360

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, с начала войны командующий 8-й Армией, с марта 1916 Главнокомандующий армиями Юго-

Западного фронта, в мае-июле 1917 Верховный Главнокомандующий, затем в Красной армии. Мемуарист («Мои воспоминания», 1963). 42, 51, 88, 115, 179, 196, 222, 226, 229, 262, 281

Варшавский Марк Абрамович (1845–1922) — крупный предприниматель, меценат, еврейский общественный деятель, председатель хозяйственного правления петроградской еврейской общины в годы Первой мировой войны. 331, 354, 356

Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) — профессор, один из основателей и член ЦК партии кадетов. 368

Вернандер Александр Петрович (1844 — ?) — инженер-генерал, с 1912 по 1915 помощник военного министра В.А. Сухомлинова. 45

Винавер Максим Моисеевич (1862–1926) — еврейский и русский политический деятель, юрист. В эмиграции. Мемуарист. 12, 14, 125, 323, 337–339, 367

Воейков Владимир Николаевич (1868 — 1930-е) — генерал-майор. В 1913–1917 — дворцовый комендант. В эмиграции. Мемуарист («С Царем и без Царя», 1935). 96

Войтоловский Лев Наумович (1876–1941) — врач, журналист, писатель. Участник русско-японской и Первой мировой войны. Автор мемуаров («Всходил кровавый Марс», 1931). 143, 146, 269

Воронцов-Дашков Илларион Иванович, граф (1837–1916) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета, с 27.2. 1905 по 23.8. 1915 наместник на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа, Главнокомандующий Кавказским фронтом в 1914–1915. 43, 44

Вырубов Василий Васильевич — земский деятель, председатель комитета Земского союза при Северо-Западном и Западном фронтах. 255

Герасимов Александр Михайлович (1861–1930) — вице-адмирал, в 1913–1917 комендант морской крепости Петра Великого в Ревеле. В Белом движении, затем в эмиграции. 160

Геруа Борис Владимирович (1876–1942) — генерал-майор Генштаба, во время войны на различных командных и штабных должностях. В эмиграции. Мемуарист («Воспоминания о моей жизни», 1969–1970). 64

Гинцбург Александр Горациевич, барон — крупный предприниматель, еврейский общественный деятель. 35, 322, 354, 356

Гмелин — штаб-ротмистр в штабе 8-й Армии, подготовил доклад о евреях в армии и еврейском населении в апреле 1916. 111

Головин Николай Николаевич (1875–1944) — генерал-лейтенант, в годы войны и.д. нач. штаба армии, нач. штаба Румынского фронта. В эмиграции. Видный военный историк («The Russian Army in the World War», 1930; «Военные усилия России», 1938). 19, 51, 52, 55, 391

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) — действ. тайный советник, статс-секретарь. В 1914–1916 — председатель Совета Министров. Убит грабителями. 71, 72, 100, 176, 198, 240, 285, 322, 326–328, 331, 334, 336, 337, 354, 356, 357

Горчинский-Остоя Витольд — помещик Ковенской губернии, инициатор создания Польского легиона в составе русской армии и его руководитель (октябрь 1914 — январь 1915). 152

Григорьев Владимир Николаевич (1851 — ?) — генерал от кавалерии, с 1909 комендант Ковенской крепости. 185

Грузенберг Оскар Осипович (Оскар-Израиль Иосифович) (1866–1940) — знаменитый еврейский адвокат и общественный деятель. Депутат Учредительного собрания от единого еврейского списка, в 1918–1919 возглавлял Еврейский совет самообороны. В эмиграции. Мемуарист («Вчера», 1938). 224, 225, 285, 323, 326, 327

Грулев Михаил Владимирович (1857–1943) — генерал-лейтенант, еврей по происхождению (крестился в 1879). С 1910 по 1912 комендант Брест-Литовской крепости. В эмиграции. Мемуарист («Записки генерала-еврея», 1930). 35, 36

Грязев Николай Дмитриевич (1868-?) — ковенский губернатор (декабрь 1912-август 1915). 89, 90, 168, 169, 242, 248, 314

Гуревич Эйзекиель Бенционович (1861 — ?) — врач, депутат IV Государственной думы от Курляндской губернии. 112, 320, 331

Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович (1864–1937) — генерал от кавалерии. Ком. 6-го армейского корпуса, затем — 5-й и Особой армиями. В июле 1916 — Главнокомандующий

армиями Северного фронта. В октябре 1916 — феврале 1917 исполнял обязанности начальника штаба Верховного Главнокомандующего, в марте-мае 1917 Главнокомандующий армиями Западного фронта. В эмиграции. Мемуарист. 77, 149

Гучков Александр Иванович (1862–1936) — лидер партии октябристов. Председатель Военно-Промышленного комитета, военный министр Временного правительства в марте-апреле 1917. В эмиграции. 353

Давидсон Лейб — многолетний член правления, председатель варшавской еврейской общины. 326

Данилов Николай Александрович (1867–1934) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. С начала войны гл. начальник снабжения армий Северо-Западного, затем Северного фронта, с июня 1916 командовал 10-м армейским корпусом, в 1917 — 2-й Армией. В Красной армии. 64, 65, 83, 86, 87, 91–93, 125, 126, 335

Данилов Юрий Никифорович (1866–1938) — генерал от инфантерии. С начала войны по август 1915 — генерал-квартирмейстер Ставки, затем — командир 25-го армейского корпуса, с августа 1916 — начальник штаба Северного фронта, в 1917 — командующий 5-й Армией. В эмиграции. Мемуарист («Россия в мировой войне, 1914–1915», 1924). 48, 63, 67, 82, 142

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — генерал-лейтенант. С начала войны командовал бригадой, дивизией, корпусом. В 1917 начальник штаба Верховного Главнокомандующего (апрель-май), Главнокомандующий Западным (июнь-июль) и Юго-Западным (июль-август) фронтами. Один из вождей Белого движения, Главнокомандующий Добровольческой армией в 1918–1920. В эмиграции. Мемуарист («Путь русского офицера», 1953). 25, 34–36

Джунковский Владимир Федорович (1865–1938) — генерал-лейтенант. С 25.1. 1913 по 19.8. 1915 товарищ министра внутренних дел, командующий Отдельным корпусом жандармов. С ноября 1915 командовал стрелковой бригадой и рядом дивизий на фронте. Мемуарист («Воспоминания», 1997). 64, 79, 80, 83, 210, 221, 287

Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В 1878–1889 начальник Академии Генерального штаба, в 1889–1903 командующий

войсками киевского военного округа, в 1897–1903 одновременно киевский, волинский и подольский генерал-губернатор. Затем — член Государственного совета. 28

Дубнов Семен Маркович (1860–1941) — знаменитый еврейский историк, мыслитель и общественный деятель, редактор журнала «Еврейская старина». Мемуарист («Книга жизни»). Погиб в рижском гетто. 14, 15, 141, 334, 339

Духонин Николай Николаевич (1876–1917) — генерал-лейтенант, в 1915–1916 — генерал-квартирмейстер, затем — начальник штаба армий Юго-Западного фронта. В сентябре-октябре 1917 — начальник штаба Верховного Главнокомандования, 1–20 ноября 1917 — исполняющий обязанности Верховного Главнокомандующего. Растерзан толпой солдат в Могилеве после ареста. 221

Евлогий, архиепископ (Георгиевский Василий Семенович) (1868–1946) — архиепископ Волинский и житомирский, возглавлял русскую православную церковь в завоеванной Галиции. В эмиграции. Мемуарист («Путь моей жизни»). 85

Енгальчев Павел Николаевич, князь (1864 — ?) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант. С 23.12. 1914 — варшавский генерал-губернатор. 68, 80, 93

Жилинский Яков Григорьевич (1853–1918) — генерал от кавалерии. С начала войны по сентябрь 1914 Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, в 1915–1916 представитель Ставки при главном командовании войск союзников (во Франции). Расстрелян большевиками. 42, 48, 67, 146

Забелин Александр Федорович (1859–1933) — генерал от инфантерии, с начала войны по 27.12. 1914 главный начальник снабжения армий Юго-Западного фронта, затем — начальник Главного управления военно-учебных заведений. В эмиграции. 64, 87

Замысловский Георгий Георгиевич (1872–1920), член III и IV Государственных дум, крайне правый. 362, 364

Заславский Давид Осипович (Иосифович) (1880–1965) — деятель Бунда и публицист, один из составителей подборки «Из черной книги русского еврейства. Материалы для истории войны 1914–1915 годов» в журнале «Еврейская старина». Затем видный советский журналист. 14, 343, 366

Золотарев Игнатий Михайлович — (1868 — ?) — действительный статский советник, в 1912–1915 — товарищ министра внутренних дел, затем — сенатор. 332, 333

Зуев Дмитрий Петрович (1854 — ?) — генерал от инфантерии, в сентябре 1915–1917 Главный начальник двинского военного округа. 237

Иванов Николай Иудович (1851–1919) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В 1905 подавлял восстание моряков в Кронштадте, с 1908 командующий войсками Киевского военного округа. С начала войны Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, с марта 1916 состоял при Ставке. 31, 43, 48, 67, 92, 96, 113, 127, 146, 161, 187, 201, 277

Игнатъев Алексей Николаевич, граф (1874–1948) — киевский губернатор в 1915–1917 гг. 121

Игнатъев Алексей Павлович, граф (1842–1906) — генерал от кавалерии. В 1889–1896 — киевский, волинский и подольский генерал-губернатор, затем член Государственного совета. 28

Изгоев (Лянде) Александр Соломонович (1872–1935) — профессор-юрист, редактор журнала «Русская мысль», член ЦК партии кадетов. 367

Каменка Борис Абрамович (1855 — ?) — банкир, председатель правления Азовско-Донского банка. В эмиграции. 354, 356

Кассо Лев Аристидович (1865–1914) — тайный советник, с февраля 1911 по ноябрь 1914 министр народного просвещения. 322

Кафафов Константин Дмитриевич (1863— ?) — вице-директор Департамента полиции (с апреля 1912 по февраль 1917), 23.11.1915 — 14.2.1916 — исполняющий обязанности директора Департамента. 119–121, 127, 254, 362, 364–366

Келлер Федор Артурович, граф (1857–1918) — генерал-лейтенант, командующий 10-й кавалерийской дивизией, затем (с апреля 1915) 3-м Конным корпусом. Убит петлюровцами. 287

Керенский Александр Федорович (1881–1970) — депутат Государственной думы с 1912, лидер фракции трудовиков, затем министр и министр-председатель Временного правительства. С августа 1917 — Верховный Главнокомандующий.

В эмиграции. Мемуарист («Россия на историческом повороте», 1966). 285, 338, 343, 345

Китченер Горацио Герберт, граф (1850–1916) — фельдмаршал, военный министр Великобритании в 1914–1916. 349, 353

Клембовский Владислав Наполеонович (1860–1923) — генерал от инфантерии, командир 16-го армейского корпуса, командующий 5-й Армией, с декабря 1915 начальник штаба Юго-Западного фронта, помощник Начальника штаба Верховного Главнокомандующего, в марте 1917 начальник штаба Верховного Главнокомандующего, в июне-августе 1917 — Главнокомандующий армиями Северного фронта. Затем в Красной армии; арестован, умер в тюрьме. 108, 115

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — историк, правовец, академик, член Государственного совета по выборам (академическая группа). 337

Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) — один из основателей и член ЦК партии кадетов с 1905, убит матросами в больнице Петропавловской крепости. 338

Кондзеровский Петр Константинович (1869 — ?) — генерал-лейтенант, дежурный генерал при Верховном Главнокомандующем. В эмиграции. Мемуарист («В Ставке Верховного», 1967). 93

Кривошеин Александр Васильевич (1858–1923) — в 1908–1915 Главноуправляющий земледелием и землеустройством (на правах министра). Глава правительства генерала Врангеля в Крыму, затем в эмиграции. 70, 75, 89, 91, 96, 97, 99, 100, 353, 355, 357–360, 372

Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) — действительный статский советник, генерал-лейтенант, занимал в 1909–1911 посты товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов. После убийства П.А. Столыпина обвинен в халатности и уволен в отставку. С сентября 1914 помощник гл. начальника Двинского военного округа по гражданской части, с ноября 1914 особоуполномоченный по гражданскому управлению прибалтийскими губерниями (фактически генерал-губернатор этих губерний), с августа 1915 в резерве. После 1917 — в эмиграции. Мемуарист («Гибель императорской России», 1923). 74, 78–81, 85, 86, 88, 89, 144, 150, 169–171, 203, 233, 244

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, в 1898–1904 военный министр, главнокомандующий русскими войсками в войне с Японией, с 1915 командир Гренадерского корпуса, командующий 5-й Армией, февраль-июль 1916 — Главнокомандующий армиями Северного фронта. 40, 56, 114

Ладыженский Иван Николаевич (1872 — ?) — действительный статский советник, управляющий делами Совета министров в 1914–1917. 70

Лемке Михаил Константинович (1872–1923), историк литературы, журналист. В 1915–1916 — в управлении печати Ставки. Выпустил книгу дневниковых записей «250 дней в царской Ставке». 63, 74, 81–83, 98, 118, 261, 289

Литвинов Александр Иванович (1853 — ?) — генерал от кавалерии. Ком. 5-го армейского корпуса, с ноября 1914–1917 — командующий 1-й Армией. 42, 205, 294

Любимов Дмитрий Николаевич (1864–1942) — сенатор, с 28.12. 1914 — помощник варшавского генерал-губернатора по гражданской части. 80, 140, 141, 167, 244

Людендорф фон Эрх (1865–1937) — в 1914 начальник штаба германской армии, действовавшей в Восточной Пруссии, затем — начальник штаба германского Восточного фронта, с 1916 — первый генерал-квартирмейстер верховного командования германской армии (фактически руководил военными действиями Германии). Мемуарист. 383

Маврин Алексей Алексеевич (1854 — ?) — генерал от инфантерии, с декабря 1914 по июнь 1916 главный начальник снабжения армий Юго-Западного фронта, отрешен от должности. 64, 93, 119, 126, 179, 183, 202, 203, 249, 251, 379

Макеев — полковник, командир 59-го Люблинского пехотного полка, уволен в отставку в 1888 в результате «дела о внешности Торы в синагогу». 37, 38

Маклаков Василий Алексеевич (1870–1957) — депутат II–IV Государственных дум, член ЦК партии кадетов с 1905, один из лидеров правого крыла партии. В эмиграции. 363, 364, 367, 372

Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918) — министр внутренних дел и шеф Особого корпуса жандармов с января 1913

по июнь 1915. Расстрелян. 73, 127, 129, 130, 192, 197, 330–332, 336, 344, 353

Мезенцов — жандармский полковник, начальник жандармского управления при временном военном генерал-губернаторе Галиции в 1914–1915. 116, 252

Меллер-Закомельский Александр Николаевич, барон (1844–1928) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного совета. В 1904–1905 командовал армейским корпусом, во время революции 1905–1907 подавлял восстания в Севастополе, на Транссибирской магистрали, в Прибалтике. В эмиграции. 30

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — историк, политический деятель, лидер партии кадетов в 1906–1917. Министр иностранных дел Временного правительства в феврале–мае 1917. В эмиграции. Мемуарист («Воспоминания»). 336–340, 344, 345, 363, 364, 366

Милютин Дмитрий Алексеевич, граф (1816–1912) — генерал-фельдмаршал, военный министр в 1861–1881, военный историк, статистик, писатель и публицист. 148

Мищенко Павел Иванович (1853–1919) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант. В 1911–1912 — наказной атаман Войска Донского. Командовал армейским корпусом на Северо-Западном, затем на Кавказском фронте. Покончил с собой. 42, 108, 128

Муев — жандармский ротмистр, затем подполковник, начальник контрразведывательного отделения при штабе Северо-Западного фронта в 1914–1915. 213, 214

Мясоедов Сергей Николаевич (1866–1915) — жандармский подполковник, обвинен военным судом в шпионаже в пользу Германии и казнен. 142, 210, 223, 225

Набоков Сергей Дмитриевич (1868 — ?) — действительный статский советник, с 23.8. 1910 по 26.5. 1915 — курляндский, затем курский губернатор. 168

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) — профессор, член ЦК партии кадетов в 1909–1917, депутат III–IV Государственных дум, министр Временного правительства. Репрессирован. 337

Николай II (1868–1918) — император (1894–1917), Верховный Главнокомандующий русской армией с августа 1915 по февраль 1917. Расстрелян. 25, 31, 35, 39, 40, 47, 51, 57, 63, 72, 76, 101, 146, 187, 201, 316, 354, 359, 378

Николай Николаевич (Младший), великий князь (1856–1929) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, до войны командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. С начала войны Верховный Главнокомандующий русской армией, с августа 1915 по март 1917 — наместник на Кавказе, с 1919 в эмиграции. 39, 43, 44, 47, 63, 72, 81, 99, 100, 146, 151, 171, 201, 337, 351, 353

Нурок Мордехай (1879–1962) — митавский раввин, видный деятель партии Мизрахи в Восточной Европе в межвоенный период. 331, 332

Оболенский Владимир Андреевич, князь (1869–1938) — земский деятель, в годы войны — на фронте с санитарным отрядом. В эмиграции. Мемуарист («Моя жизнь. Мои современники»). 143, 144

Оболенский Николай Леонидович, князь (1878–1960) — коллежский, затем статский советник, с 3.10. 1914 начальник гражданской канцелярии Ставки, 23.2 — 29.6. 1915 — директор канцелярии варшавского генерал-губернатора, затем — губернатор в Курске, Харькове, Ярославле. 74, 80, 93

Ольденбургский Александр Петрович, принц (1844–1932) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, с начала войны руководил санитарно-эвакуационной частью армии. 256

Орановский Владимир Алоизиевич (1866–1917) — генерал от кавалерии. С начала войны начальник штаба Северо-Западного фронта, с января 1915 по 1917 командир 1-го кавалерийского корпуса. Убит солдатами. 48

Плеве Павел Адамович (1850–1916) — генерал от кавалерии, с начала войны командующий 5-й, с января по май 1915 — 12-й, затем вновь 5-й Армиями, в декабре 1915 — феврале 1916 — Главнокомандующий армиями Северного фронта. 42, 109, 127, 146, 253, 254

Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920) — генерал от инфантерии. С июня 1915 по март 1916 военный министр и

председатель Особого совещания по обороне государства. В Красной армии. 30, 74, 334, 356

Потоцкий Сергей Николаевич (1877–1954) — русский военный агент в Бельгии и Нидерландах, затем в Дании, один из руководителей русской военной разведки против Германии. В эмиграции. 142

Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — министр внутренних дел в сентябре 1916 — феврале 1917. Расстрелян. 71, 353

Посников Александр Сергеевич (1845–1921) — профессор, директор Петербургского политехнического института, депутат IV Государственной думы, участник Прогрессивного блока. 337

Пуанкаре Раймон (1860–1934) — президент Франции в 1913–1920. 77

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — один из основателей Союза русского народа и Союза Михаила Архангела, депутат II–IV Государственных дум. 362, 363

Пустовойтенко Михаил Саввович (1865 — ?) — генерал-лейтенант, в 1915–16 генерал-квартирмейстер Ставки, затем командир пехотной дивизии и 16-го армейского корпуса. 82

Радкевич (Родкевич) Николай (по другим источникам Евгений) Александрович (1857 — ?) — генерал от инфантерии, в начале войны командир 3-го Сибирского корпуса, с февраля 1915 по декабрь 1916 — командующий 10-й Армией. 44, 49, 129, 130, 167–171, 175, 186, 205, 294, 376, 379

Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (1859–1918) — генерал от инфантерии. Болгарский генерал, до войны — посол Болгарии в России, с начала войны — на русской службе, командующий 8-м армейским корпусом. С сентября 1914 — командующий 3-й Армией, с 1915 — 2-м Сибирским армейским корпусом, с марта 1916 — 12-й Армией. Расстрелян (по другим данным, зарублен) красноармейцами в Пятигорске. 288

Раух Георгий Оттович (1860–1936) — генерал от кавалерии, начальник кавалерийской дивизии, затем корпуса. В эмиграции. 139

Редигер Александр Федорович (1853–1920) — генерал от инфантерии, военный министр в 1905–1909, затем (до 1917) —

член Государственного совета. Мемуарист («История моей жизни: воспоминания военного министра»). 30, 31, 54

Ренненкампф Павел Константинович (Карлович) (1854–1918) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии. С начала войны командующий 1-й Армией. В ноябре 1914 отставлен от командования. Расстрелян, по другим данным, растерзан толпой. 23, 30, 31, 49, 193

Риттих Александр Федорович (1831 — ?) — генерал-лейтенант, этнограф, военный географ и статистик. 44

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) — председатель Государственной думы в 1911–1917. В эмиграции. Мемуарист («Крушение Империи» в «Архиве Русской Революции», 1926). 100, 198, 365

Рубинштейн Дмитрий Львович (1876 — ?) — банкир, купец первой гильдии. 136

Рузский Николай Владимирович (1854–1918) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. С начала войны командующий 3-й Армией, с сентября 1914 по март 1915 Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, в июле-августе 1915 командующий 6-й Армией, в августе-декабре 1915 и в августе 1916 — апреле 1917 Главнокомандующий армиями Северного фронта. Член Государственного и Военного советов. Расстрелян (по другим данным, зарублен) красноармейцами в Пятигорске. 48–50, 78, 87, 146, 165, 167, 188, 204, 228, 243, 256, 281, 335, 379

Рухлов Сергей Васильевич (1853–1918) — в 1909–1915 министр путей сообщения. Один из лидеров Всероссийского национального союза. Расстрелян в Пятигорске. 75, 99, 140, 357, 359

Саввич Сергей Сергеевич (1863 — ?) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Командир 4-го Сибирского армейского корпуса, апрель-декабрь 1915 — нач. штаба Юго-Западного фронта, затем командир 16-го армейского корпуса, с октября 1916 — гл. начальник снабжения армий Северного фронта. 66

Савенко Анатолий Иванович (1874 — ?) — журналист, депутат IV Государственной думы, националист, участник Прогрессивного блока. 361

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — министр иностранных дел в 1910–1916. В эмиграции. Мемуарист («Воспоминания»). 99, 328, 329, 337, 352, 353, 369

Самсонов Александр Васильевич (1859–1914) — генерал от кавалерии, с начала войны командующий 1-й Армией. Погиб (застрелился) при ее разгроме в Восточной Пруссии. 48, 85

Сахаров Владимир Викторович (1853–1920) — генерал от кавалерии, с начала войны командующий 2-м и 7-м армейскими корпусами, затем 11-й Армией, помощник Главнокомандующего (фактически Главнокомандующий) Румынским фронтом. После Февральской — Революции — в отставке. По одним данным — расстрелян в Крыму, по другим — эмигрировал. 42

Свечин Михаил Андреевич (1876–1969) — генерал-лейтенант, во время войны — командир кавалерийского полка, дивизии, корпуса. В Белом движении, затем — в эмиграции. Военный писатель, мемуарист. 145

Сиверс Фаддей Васильевич (1853–1915) — генерал от инфантерии, в сентябре 1914 — феврале 1915 командующий 10-й Армией. Покончил жизнь самоубийством. 49

Слиозберг Генрих Борисович (1863–1937) — еврейский общественный деятель, адвокат. В эмиграции. Мемуарист («Дела минувших дней: записки русского еврея», 1935). 32, 359, 360

Смирнов Владимир Васильевич (1849–1918) — генерал от инфантерии. Командовал 20-м армейским корпусом, с декабря 1914 по 1917 — командующий 2-й Армией. Расстрелян (по другим данным, зарублен) красноармейцами в Пятигорске. 43, 109–111, 140, 211

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) — министр внутренних дел и председатель Совета министров в 1906–1911. Погиб в результате покушения. 30

Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — один из основателей партии кадетов, член ее ЦК (1906–1915). В эмиграции. 339, 353, 360

Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии. С 1909 по июнь 1915 — военный министр. В 1917 приговорен к пожизненной каторге

по обвинению в неготовности армии к войне, амнистирован советской властью. В эмиграции. 23, 28, 42, 45, 74, 82, 87, 99, 210, 344, 352, 353

Толмачев Александр Алексеевич (1860–1932) — генерал-майор, в 1914–1916 на тыловых должностях в Минском военном округе. В Белом движении, затем в эмиграции. 235

Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823–1889) — обер-прокурор Святейшего Синода в 1865–1880, одновременно в 1866–1880 — министр народного просвещения. В 1882–1889 — министр внутренних дел. 46

Туманов Георгий Александрович, князь (1856–1918) — генерал от кавалерии, командир 13-й кавалерийской дивизии, затем кавалерийского корпуса в составе ряда армий. Расстрелян в Пятигорске. 108

Туманов Николай Евсеевич, князь (1844–1918) — генерал-инженер, гл. начальник Двинского военного округа в 1914 — сентябре 1915. С 14.9. 1915 по 13.6. 1916 — главный начальник Петроградского военного округа, затем — главный начальник снабжения армий Западного фронта. 68, 79, 84, 124, 185, 314

Тыркова (Вильямс) Ариадна Владимировна (1869–1962) — журналистка, член ЦК партии кадетов, заведовала партийным бюро печати. В эмиграции, мемуаристка. 340

Френкель Яков Хаимович — владелец крупной кожевенной фабрики в Шавлях (Шауляе). 332

Фридман Нафтали Маркович (1863–1921) — адвокат, политический и общественный деятель. Депутат III–IV Государственных дум от Ковенской губернии (1907–1917), затем депутат Учредительного собрания Литовской республики. 13, 112, 176, 191, 192, 228, 312–314, 320, 321, 323, 326–330, 332, 335, 337, 345, 346, 352, 363, 365, 368

Фрумкин Яков Григорьевич (1874–1971) — адвокат, историк, еврейский общественный деятель. В эмиграции, мемуарист. 323, 338, 342, 343

Харитонов Петр Алексеевич — государственный контролер (1907–1916). 75

Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918) — министр внутренних дел с сентября 1915 по март 1916. 365, 366

Хелмицкий Павел Людвигович (1855–1918) — начальник 3-й Кавказской казачьей дивизии. Расстрелян большевиками. 306, 307

Хоронжицкий Соломон Израилевич — адвокат, член руководства Еврейской народной партии (Фолькспартей), позднее сионистский деятель в России и межвоенной Литве. 332

Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926) — депутат III и IV Государственных дум, председатель фракции социал-демократов в IV Думе, в 1917 — председатель Петроградского Совета, председатель ВЦИК, затем председатель Закавказского сейма. В эмиграции, покончил жизнь самоубийством. 341–343, 363

Чхенкели Акакий Иванович (1874–1959) — член IV Думы, социал-демократ (меньшевик). В эмиграции. 364

Шавельский Георгий Иванович (1871–1951) — протопресвитер русской армии, находился при Ставке. В эмиграции. Мемуарист («Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота», 1954). 80, 85, 267

Шаховской Всеволод Николаевич, князь (1874–1954) — с февраля 1915 по февраль 1917 министр торговли и промышленности. В эмиграции. 83, 84, 357

Шаховской Дмитрий Иванович, князь (1862–1939) — член ЦК партии кадетов в 1905–1917. Репрессирован. 342

Шебеко Вадим Николаевич (1864 — ?) — в 1914–1916 гродненский губернатор, затем московский градоначальник. 186

Шейдеман Сергей Михайлович (1857 — ?) — генерал от кавалерии, в августе-сентябре 1914 командующий 2-й Армией. 49

Шидловский Сергей Иллиодорович (1861–1922) — депутат III–IV Дум. В IV Думе — лидер фракции октябристов. Глава бюро Прогрессивного блока. В эмиграции. 337

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) — депутат II–IV Дум, член ЦК партии кадетов. Убит матросами в Петропавловской крепости. 364

Шифф Якоб (1847–1920) — американско-еврейский банкир и филантроп, глава банкирского дома «Кун, Лееб и компани». 347, 350, 351

Шуваев Дмитрий Савельевич (1854–1937) — генерал от инфантерии, в 1909–1916 начальник гл. интендантского управления, с марта 1916 по январь 1917 военный министр. В Красной армии; репрессирован. 113

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) — депутат II–IV Государственных дум, националист, участник Прогрессивного блока. В Белом движении, в эмиграции, с 1945 — в СССР. 362, 372

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) — министр юстиции в 1907–1915, в 1917 — председатель Государственного совета. Расстрелян. 73, 83

Щербатов Николай Борисович, князь (1868–1948) — управляющий Министерством внутренних дел с июня по сентябрь 1915. 83, 87, 100, 102, 289, 355, 356, 359

Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. С начала войны командующий 9-м армейским корпусом, с апреля 1915 командующий 11-й, с октября 1915 — 7-й Армиями. В 1917 — помощник Главнокомандующего (фактически Главнокомандующий) Румынским фронтом. С 1918 — в эмиграции. 181, 182, 258, 377, 379

Эверт Алексей Ермолаевич (1857 — ?) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, с августа 1914 командующий 4-й Армией, с августа 1915 по март 1917 Главнокомандующий армиями Западного фронта. По одним данным, стал жертвой солдатского самосуда в 1917, по другим — застрелен при аресте в 1926 в Смоленске. 43, 50, 127, 146, 223, 256

Экк Эдуард Владимирович (1851–1937) — генерал от инфантерии. В 1907–1912 — командир Гренадерского корпуса в Москве, в 1912–1917 командир 7-го армейского корпуса, в 1917 — 23-го армейского корпуса. В Белом движении, затем в эмиграции. 44

Эльснер Евгений Феликсович (1867–1930) — генерал-лейтенант. С начала войны помощник Главного начальника снабжения армий Юго-Западного фронта, с июня 1916 — Главный начальник снабжения армий Юго-Западного фронта. В Белом движении, затем в эмиграции. 252

Эрлих Генрих Моисеевич (1882–1942) — один из руководителей Бунда в Польше в межвоенный период. Зять С.М. Дуб-

нова, один из составителей публикации «Из черной книги русского еврейства. Материалы для истории войны 1914–1915 годов» в журнале «Еврейская Старина». Погиб в тюрьме в СССР. 14, 273

Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918) — генерал от инфантерии, с марта 1914 начальник Генерального штаба. С начала войны начальник штаба Верховного Главнокомандующего, с августа 1915 по март 1917 помощник по военной части заместника на Кавказе; расстрелян красногвардейцами. 47, 63, 73, 75, 76, 80–82, 87, 91–93, 95, 99, 100, 106, 124–127, 130, 142, 153, 171, 174, 179, 180, 187, 189, 201, 202, 240, 251, 259, 262, 263, 271, 328, 351, 353–356, 358, 372, 376–379, 381, 385

Яхонтов Аркадий Николаевич (1876–1938) — помощник управляющего Советом министров в мае 1914 — октябре 1916. В эмиграции. Подготовил ценные публикации на основе ведшихся им записей заседаний Совета министров. 12, 13, 71, 95, 96, 99, 143, 145, 351

Приложение 4

Список и фотографии лиц, зарегистрированных в качестве шпионов

Источник: «Альбом лиц, зарегистрированных жандармской, сыскной и общей полицией по подозрению в шпионстве», Петроград, 1916.

Из коллекции Центрального Архива истории еврейского народа, Иерусалим

По одному человеку было арестовано в следующих местах:

1. В Астрахани.	Риль, Ионафань	№ 311.
2. В Варшаве.	Жакс, Юзефъ	№ 141.
3. В Вильно.	Чень-Цинь-Синь	№ 385.
4. В Глазовъ, Вятской губ.	Ленинг, Вальтеръ	№ 218.
5. В Читѣ, Забайкальской обл.	Мюллеръ, Ахиль	№ 251.
6. В Ахсабадѣ, Закаспійской обл.	Кисава, Дурсунъ	№ 182.
7. В Казани.	Киндальскій, Иванъ	№ 183.
8. В Къльбахѣ.	Копонацкій, Эжи	№ 198.
9. В Вольмарѣ, Лифляндской губ.	Конопцкій, Эжи	№ 198.
10. В Млавѣ, Плоцкой губ.	Страубергъ, Адамъ	№ 339.
11. В Новой Вухарѣ.	Альтеръ, Шмуль	№ 9.
12. В Радомѣ.	Задо, Мухамедъ	№ 143.
13. В Самарѣ (и Петроградѣ).	Гольдбергъ, Лейба	№ 98.
14. В Саратовѣ.	Фотъ-Вакаво, Вольдемаръ	№ 55.
15. В Смоленскѣ.	Шиманскій, Юсефъ	№ 399.
16. В Суwalkaxъ (и Ковно).	Ридель, Робертъ	№ 303.
17. В Петро-Александровскѣ, Смир- Даринской обл.	Вагнеръ, Вацлавъ	№ 52.
18. В пос. Воинск, Радниск. уѣзда, Сѣдлецкой губ.	Вертельскъ, Юлиусъ	№ 36.
19. В Рыбинскѣ, Ярославской губ.	Зембачинскій, Владиславъ	№ 147.
20. В Узлеборгѣ.	Рейхельтъ, Павелъ	№ 807.
21. В Кременчугѣ, Полтавской губ.	Кохъ, Гансъ	№ 203.
	Марельзонъ, Беръ (зарегистр. въ Одессѣ)	№ 243.

III. Национальность и подданство лицъ, зарегистрированныхъ въ качествѣ шпионовъ.

На первомъ мѣстѣ (по количеству задержаній) стоятъ евреи (русско-подданные). Изъ 427 указанныхъ въ альбомѣ мужчинъ, — еврейскіе 85 человекъ, что составляетъ около 20% общаго количества шпионовъ. На второмъ мѣстѣ идутъ проживающіе въ Россіи австрійскіе подданные различныхъ национальностей. Ихъ зарегистрировано 77 человекъ (18%). Далѣе идутъ германскіе подданные. Число ихъ — 71 (16%). На четвертомъ мѣстѣ стоятъ русскіе нѣмцы, — 48 человекъ (11%). На пятомъ мѣстѣ — 29 чел. (6,5%). Столько же зарегистрировано и лицъ русской національности. Седьмое мѣсто занимаютъ турецко-подданные — 13 человекъ. За ними идутъ латыши — 12 человекъ. Румыны и персидско-подданные занимаютъ 9 мѣсто (по 8 человекъ). На десятомъ мѣстѣ стоятъ болгары и эстонцы (по 6 человекъ).

Далѣе идутъ единичныя лица иныхъ національностей, подробный перечень коихъ будетъ сдѣланъ ниже.

A. Шпионы русско-подданные:

I. Евреи — 85 человекъ.

1. Аберманъ, Абрамъ	№ 1.	Гройманъ, Мойше	№ 107.
Авербухъ, Гершъ	№ 2.	Гузманъ, Иегуда	№ 108.
Азрхъ, Эли	№ 4.	Дайчъ-Дайчманъ, Бенъяминъ	№ 115.
Алтъманъ, Шулимъ	№ 7.	Даментбергъ, Мордо	№ 120.
5. Альтеръ, Шмуль	№ 9.	35. Элизъ, Давидъ	№ 131.
Ангштейнъ, Израиль	№ 14.	Элизъ, Дувидъ	№ 132.
Ангштейнъ, Шмуль	№ 15.	Звигальскій, Юс	№ 145.
Бъльцъ, Фишель	№ 29.	Зондовичъ, Берко	№ 154.
Бенъяминъ, Бенъяминъ	№ 32.	Имакъ, Самуэль	№ 160.
Биргеръ, Ицко	№ 39.	40. Гоффе, Неемій	№ 162.
Бланкъ, Гершъ	№ 42.	Кагановичъ, Гиршъ	№ 164.
Бланкъ, Ионанъ	№ 43.	Калана, Моисей	№ 168.
Бланкъ, Янкель	№ 44.	Каженоцкій Цанко	№ 171.
Бурштейнъ, Моисей	№ 50.	Квашъ, Мойше	№ 177.
15. Вайсбергъ, Пинхусъ	№ 54.	45. Киселевъ, Аронъ	№ 184.
Варшавскій, Семенъ	№ 58.	Когенъ, Маркусъ	№ 194.
Вассерманъ, Вольфъ	№ 59.	Кохпанейцъ, Семенъ	№ 197.
Василянъ, Зиса	№ 60.	Крамортъ, Вилдоръ	№ 206.
Веллеръ, Максимъ	№ 67.	Круглицкій, Шмай	№ 208.
Венгеръ, Кольманъ	№ 68.	50. Кудерманъ, Соломонъ	№ 210.
Витновецкій, Абрамъ	№ 75.	Левертъ, Мойше	№ 216.
Газданъ, Шмуль	№ 78.	Левинъ, Робисъ	№ 217.
Гамштейнъ, Мунашъ	№ 79.	Ливскій, Гигель	№ 222.
Гейхманъ, Шавель	№ 84.	Лукачеръ, Гершъ	№ 225.
25. Геренротъ, Шмуль	№ 90.	55. Луковъ, Давидъ	№ 237.
Голодъ, Абрамъ	№ 97.	Маргаллесъ, Элизъ	№ 234.
Гордишъ, Самуэль	№ 100.	Маркусъ, Матисъ	№ 235.
Гордонъ, Зисель	№ 101.	Марельзонъ, Беръ	№ 243.
Горвицъ, Зигмундъ	№ 103.	Мураховскій, Абрамъ	№ 248.
30. Гринштейнъ, Соломонъ	№ 106.	60. Нейфельдъ, Левъ	№ 257.

Оберманъ, Шимонъ	№ 263.	Сигалъ, Нафтаэль	№ 326.
Островскій, Лейба	№ 271.	Сиротъ, Хаймъ	№ 329.
Перперъ, Израиль	№ 278.	75. Сосновъ, Ицко	№ 332.
Передлаий, Волько	№ 279.	Студницъ, Довбанъ	№ 341.
65. Подонскій, Аронъ	№ 289.	Тесслеръ, Янкель	№ 347.
Потокеръ, Хайкель	№ 291.	Фридбергъ, Зундель	№ 368.
Пражесклеръ, Станиславъ (вы- крестъ катола)	№ 293.	Фридлиндъ, Николай (выкрестъ)	№ 369.
Прицимталъ, Мойша	№ 295.	80. Пимерманъ, Хаймъ	№ 381.
Ридеръ, Янкель	№ 309.	Шмуль, Аромъ	№ 390.
70. Ройманъ, Зисъ	№ 315.	Шницбергъ, Мойше	№ 405.
Ройманъ, Янкель	№ 316.	Штернманъ, Гдаль	№ 410.
Рыссинъ, Левинъ	№ 318.	85. Штернъ, Мошко	№ 412.

II. Нѣмцы (р. под.) — 48 чел.

1. Августусъ, Бруно	№ 2.	25. Никель, Эдуардъ	№ 259.
Балькъ, Эрвинъ	№ 19.	Опяцъ, Вильгельмъ	№ 267.
Баронъ фонъ-Вахъ, Альфредъ	№ 25.	Баронъ фонъ-деръ Остенъ-Са- кенъ, Отто	№ 270.
Бергманъ, Фридрихъ	№ 34.	Баронъ фонъ-деръ Палеиъ, Гу- ставъ	№ 273.
5. Бертельсъ, Юлиусъ	№ 36.	Парли, Отто	№ 276.
Биссингъ, Яковъ	№ 40.	фонъ-Пенюльдъ, Петръ	№ 281.
Вегенеръ, Эдуардъ	№ 61.	фонъ-Раденскій, Оттогаръ	№ 302.
Верманъ, Юлиусъ	№ 69.	Рейманъ, Эдуардъ	№ 305.
Винтеръ, Гарри	№ 73.	Риль, Ионафанъ	№ 311.
10. Винтеръ, Джонъ	№ 74.	Розъ, Карлъ	№ 314.
Гемпель, Фердинандъ	№ 85.	85. Стельмеръ, Вольдемаръ	№ 333.
Гене, Вильгельмъ	№ 87.	Баронъ Унгеръ-Штернбергеръ	№ 355.
Гертель, Карлъ	№ 93.	Ферстеръ, Константинъ	№ 359.
Геруль, Иванъ	№ 94.	Шауригъ, Карлъ	№ 389.
15. Баронъ Энгельгардтъ, Рудольфъ	№ 134.	Шварцъ, Робертъ	№ 392.
Эндль, Августъ	№ 135.	40. Шивтенбергъ, Альфредъ	№ 393.
Эндль, Юсефъ	№ 136.	Шильке, Бенъяминъ	№ 398.
Эникъ, Августъ	№ 137.	Ширле, Адольфъ	№ 406.
Зибертъ, Густавъ	№ 151.	Шпанъ, онъ же Пановъ Ко- нстантинъ	№ 408.
20. Каллертъ, Лонганусъ	№ 167.	Штернбергеръ, Фердинандъ	№ 413.
Клаусъ, Юсефъ	№ 187.	45. Штульцъ, Германъ	№ 415.
Кнорре, Бруно	№ 193.	Шульцъ, Конрадъ	№ 416.
Кохъ, Фридрихъ	№ 204.	Шульцъ, Оскаръ	№ 417.
фонъ-Липмангъ, Иоганнъ, онъ же баронъ Розенъ, баронъ Корфъ, баронъ Остенъ-Сакенъ, По- руричъ Гедеслопъ, Петръ, Са- харовъ	№ 221.	48. Ябсъ, Эмиль	№ 418.

III. Поляки — 29 чел.

1. Баторъ, Юсефъ	№ 22.	Маеранъ, Мечиславъ (аутера- нинъ)	№ 231.
Вагнеръ, Вацлавъ	№ 52.	Осецкій, Юсефъ	№ 269.
Ванько-Ванковъ, Иванъ, Лес- гардъ	№ 57.	Поджановъ, Владиславъ	№ 287.
Гладковскій, Иванъ	№ 95.	Познанскій, Викентій	№ 288.
5. Зайончковскій, Николай	№ 144.	20. Потиъ, Юсефъ (аутеранинъ)	№ 292.
Калинчикъ, Вацлавъ	№ 169.	Святловскій, Янъ	№ 324.
Карасъ, Янъ	№ 174.	Тилле, Ричардъ	№ 348.
Касулицъ, Францъ	№ 175.	Томашевскій, Эдуардъ	№ 349.
Качинскій, Антонъ	№ 176.	Чапанскій, Леонъ	№ 384.
10. Киндальскій, Иванъ	№ 183.	25. Черемскій, Станиславъ	№ 386.
Копонацкій, Эжи	№ 198.	Шиманскій, Юсефъ	№ 399.
Коханскій, Леонъ	№ 202.	Шмелъчинскій, Теодоръ	№ 403.
Ластовскій, Левъ	№ 213.	Яникоскій, Францъ	№ 426.
Лехъ, Станиславъ	№ 219.	29. Яницкій, Владиславъ	№ 427.
15. Лодзевичъ, Станиславъ	№ 223.		

IV. Русскіе — 29 чел.

1. Андреевъ, Анатолий	№ 13.	Павелгугъ, Петръ	№ 275.
Барабалинъ, Павелъ	№ 20.	Подобенный Моисей	№ 286.
Бляхъ, Савватій	№ 28.	Рачковскій, Стефанъ	№ 304.
Белертъ, Иванъ	№ 63.	Рихтеръ, Александръ (?)	№ 312.
5. Вшипановъ, Павелъ	№ 76.	20. Родъ, Владимиръ (?)	№ 313.
Гейманъ, Павелъ	№ 82.	Садоровъ, Александръ	№ 327.
Ершовъ, Василій	№ 139.	Столбовскій, Владиміръ	№ 337.
Жидковскій, Сергій	№ 142.	Трицковскій, Несторъ	№ 352.
Климовскій, Пана	№ 191.	Федоровскій, Андрей	№ 357.
10. Колесниковъ, Арсеній	№ 196.	25. Филипенко, Александръ	№ 361.
Корженевскій, Александръ	№ 199.	Парковъ, Иванъ	№ 377.
Кругашевъ, Борисъ	№ 209.	Шароновъ, Дмитрій	№ 388.
Кумельскій, Василій	№ 211.	Шорень, Михаилъ	№ 407.
Мельничукъ, Карлыкъ	№ 241.	29. Яковлевъ, Александръ	№ 427.
15. Николаевъ, Николай	№ 261.		

V. Латыши—12 чел.

1. Гентцель, Карл № 88.	Страуберг, Адамъ № 339.
Геншель, Вильгельмъ № 89.	Стуре, Фрицъ № 342.
Земанъ, Самуилъ № 146.	Тройъ, Эммануилъ № 353.
Казуа, Андрей № 166.	10. Хильковъ, Карлъ № 372.
5. Манга, Янъ № 233.	Перпе, Мартинъ № 379.
Рейсонъ, Карлъ № 306.	12. Шмидтъ, Эдуардъ № 404.

VI. Эстонцы—6 чел.

1. Аальверъ, Гансъ № 8.	4. Обершнейдеръ, Эрнстъ № 264.
2. Касвъ, Юганъ № 165.	5. фонъ-Радигоръ, Эдмундъ № 310.
3. Кохвъ, Гансъ № 203.	6. Шуальц, Артуръ № 414.

VII. Магометане—5 чел.

1. Аналовъ, Али-Мусаевъ № 10.	4. Омаръ-Оглы, Мухамедъ № 265.
2. Вагановъ, Абдулъ № 51.	5. Шейковский, Шейхъ Искандеръ бекъ № 394.
3. Назаровъ, Юсуфъ (персъ) № 253.	

VIII. Молдаване—4 чел.

1. Айтовскій Дмитрий № 6.
2. Ковбонаги-Григоръ, Степанъ № 172.
3. Стояновъ, Петръ № 338.
4. Чухурашъ, Федоръ № 337.

IX. Литовцы—3 чел.

1. Бурачевскій, Пиприанъ № 48.
2. Потровский, Константинъ № 285.
3. Янайтисъ, Францъ № 424.

X. Грузины—2 чел.

1. Думбадзе, Василий № 127.
2. Кикава, Дурсунъ № 182.

XI. Сарты—2 чел.

1. Миръ, Муминбаевъ № 247.
2. Суфиевъ, Гузыбай № 344.

XII. Финляндскіе уроженцы—2 чел.

1. Мури, Уно (финля.) № 249.
2. Стенбакка, Густавъ (шведъ) № 334.

XIII. Словакъ (рус. подданный).

1. Кривошъ, Владимиръ № 207.
--

Итого № 228.

Б. Иностранные подданные.

1. Австрийско-подданные—77 чел.

1. Батовскій, Антошъ № 21.	Земко, Иванъ № 148.
Бауэръ, Поликарпъ № 24.	Зибенштейнъ, Феликсъ № 150.
Вьлзоръ, Андрей № 27.	Зинькевичъ, Иванъ № 153.
Бекъ, Артуръ № 30.	Кейлигъ, Францъ № 179.
5. Бекъ, Зигфридъ № 31.	30. Кеннерешъ, Павелъ № 181.
Боровскій, Юзефъ № 45.	Каша, Густавъ № 185.
Буковецкій, Константинъ № 47.	Клейбергъ, Эммануилъ № 189.
Вагнеръ, Юлиусъ № 53.	Колачъ, Яковъ № 195.
фонъ-Вакано, Вольдемаръ № 55.	Корнвейтисъ, Авраамъ № 200.
10. Вучичъ, Николо № 77.	35. Кочмарскій, Николаи № 205.
Баронъ Гейнъ, Робертъ № 83.	Лашневъ, Емельянъ № 214.
Гольдбергъ, Лейба № 98.	Лоячинскій, Мечиславъ № 224.
Горачекъ, Людвигъ № 99.	Лостеръ, Антошъ № 225.
Григоровичъ, Теофилай № 105.	Ливеръ, Людвигъ № 229.
15. Гудейчукъ, Иосифъ № 109.	40. Мясникъ, Мартинъ № 236.
Гурка, Иосифъ № 111.	Матлякъ, Казимиръ № 237.
Гусакъ, Дмитрий № 112.	Матяноха, Станиславъ № 238.
Доллежалъ, Александръ № 122.	Менцель, Альфредъ № 242.
Доллежалъ, Карлъ № 123.	Михаловскій, Здиславъ № 244.
20. Графъ Дрогоавскій, Романъ № 125.	45. Музикаръ, Карлъ № 246.
Друкеръ, Константинъ № 126.	Мыско, Филиппъ № 250.
Эпертъ, Густавъ № 129.	Немешъ, Евгений № 258.
Эпертъ, Иванъ № 130.	Николади, Элиасъ № 260.
Жакъ, Юзефъ № 141.	Опель, Станиславъ № 266.
25. Зембачинскій, Владиславъ № 147.	50. Оцкевичъ, Болеславъ № 272.

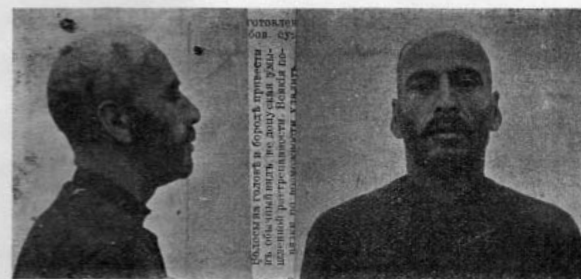
№ 4.

Азархъ, Илья-Эля Шмерковъ. Дактилоскоп. № 266. | 13/26 92986 14 | 72576

Смоленскій 2 гильдия купеческій внукъ, род. въ Августѣ 1886 г. въ им. Стодолце, Волжск. у., Витебск. г., иудейск. ростъ 1 м. 71 с. въ обуви, волосъ т.-русые, усы рыжіе, на лицѣ веснушки; обуч. въ Ригѣ въ коммерч. училищ.; сотрудничалъ газ. Рижск. Вѣсти и Русское Слово; холостъ, им. въ живыхъ отца Шмерку Беркова, мать Марію Ицикову, бр. Соломона, Льва, Мордуха и Салидила, с. Рахиль; прож. въ Ригѣ, Стрѣлковская ул., д. 9. Задерж. 2 Мая 1915 г. въ Ригѣ за ложныя статьи въ газетахъ. Зарегистр. 3 Мая 1915 г. въ Инфа. Губ. Жанд. Упр. какъ воен. шпионъ (д. 69—915 г.).

№ 5.

Абдулъ-Керимъ-Абдулъ, Азимъ-Оглы. Дактилоскоп. № 344. | 27/26 97896 20 | 44775

Персид. подд., род. въ 1881 г. въ Ардебилѣ (Персія), магометан. шитье, неграмот., род. умерли, торговалъ въ разность, прож. въ Ташкентѣ. Задерж. 27 Сент. 1914 г. въ Ташкентѣ жанд. вл. по подозр. въ шпион. (д. № 79).

№ 6.

Айтовскій, Дмитрий Васильевъ. Дактилоскоп. № 36. | 1/1 53333 6 | 43333

Мѣщ. г. Рени, Измаильск. у., Бессараб. г., около 24 л., молдаван., правосл., ростъ 1 м. 64 с., волосъ черные, на ср. пальцѣ л. руки трамъ, грамотенъ, холостъ, парикмахеръ, им. въ живыхъ бр. Ивана, Николая и Якова, прож. въ Одессѣ, Кузнечная ул. 25. Задерж. 13 Июня 1915 г. въ Одессѣ жанд. вл. по подозр. въ шпион. (д. 53—915 г.).

№ 7.

Алتمانъ, Шулимъ Шмулевъ (см. кличку **Капуста**). Дактилоскоп. № 418. | 32/30 $\frac{99899}{76777}$ |

Жванецк. мѣст., Каменецк. у., Подольск. г., род. въ г. Хотинѣ, Вессараб. г., около 49 л., иудейск., ростъ 1 м. 63 с., волосы т.-русые, образ. домашн., женатъ на Ривкѣ Мошковой Вансударъ, им. въ живыхъ бр. Янкеля, с.с. Марію, Рухлю, Хаю и Цислю; агентъ Русск. Страх. Об-ва, прож. въ м. Жванецк, Подольск. г.

Зарегистр. 20 Января 1914 г. въ Каменецк-Подольскѣ, Губ. Ж. Упр. за шпионство.

№ 8.

Альверъ, Гансъ Гансовъ. Дактилоскоп. № 369. | 29/23 $\frac{97399}{77456}$ |

Кр. Лифлянд. г., Фелдинск. у., Старо-Суславск. в., род. 28 Сент. 1889 г. въ м. Тарвастъ, Старо-Суславск. в., эстонск., лютеран., ростъ 1 м. 69 с., волосы св.-русые, на л. рукѣ указ. пал. I фаланга не дѣйств., по сред. треугольн. шрамъ; оконч. Кронштадтск. фельдш. школу, холостъ, им. въ живыхъ отца Ганса Андрея, мать Марію Іосифову ур. Кавсонъ; служ. фельдшеромъ на транспортѣ Сухона. Задерж. 24 Июля 1914 г. въ Кронштадтѣ по подозр. въ шпион. Зарегистр. 25 Авг. 1914 г. Кроншт. Жанд. Управл. (д. № 42).

№ 9.

Альтеръ, Шмуль-Зайнвешъ Хацкелевъ. Дактилоскоп. № 404. | 31/28 $\frac{97996^{20}}{89976}$ |

Жит. г. Малаы, Плонск. г., возр. не указ., иудейск., грамотн., конторщикъ, женатъ на Шпринцъ Гершковой Лигишицъ, им. въ живыхъ мать Марію, бр. Шлому, Давида, Хилъ и с. Суру. Задерж. въ Млавѣ (время и поводъ ареста не указаны). Зарегистр. 3 Декабря 1910 г. въ Ломжѣ Н-комъ Слѣд. Отд.

№ 40.

Биссингъ, Яковъ Фридриховъ. Дактилоскоп. № 164. | 9/1 $\frac{32594^{11}}{12564}$ |

Колонистъ Самарск. г. Николаевск. у., с. Екатериноградъ, около 31 г., немецъ, католик., волосы русые, на ногтѣ ср. пальца л. руки шрамъ; грамотн., женатъ на Евгеніи Васильевой Сахаровой, им. въ жив. бр. Александра и Ивана; прож. въ Харьковѣ, Никитинск. пер. д. 5, конторщикъ Ком. Зингера. Задерж. 30 Сент. 1915 г. въ Харьковѣ, по подозр. въ шпион. жанд. власт.

№ 41.

Бишли-Оглы, Мессудъ Шабановъ. Дактилоскоп. № 328. | 25/17 $\frac{99296^{22}}{65566}$ |

Сынъ земледѣльца, род. въ Турніи, около 28 л., турокъ, магометан., ростъ 1 м. 60 с., волосамъ т.-русые, неграмотн., бродячск., женатъ, прож. въ Слуцкѣ, Минск. губ. Задерж. 21 Апр. 1914 г. въ Луцкѣ, Волынск. губ. жанд. властями по подозр. въ шпион. (д. 38).

№ 42.

Бланкъ, Гершъ Шмулевъ. Дактилоскоп. № 347. | 27/28 $\frac{97896^{10}}{69774}$ |

Кишиневск. мѣст., около 39 л., иудейск., ростъ 1 м. 52 с., волосы т.-русые, образ. домашн., коммивояжеръ, женатъ на Сулѣ Шлековой Грановской, им. въ живыхъ отца Шмула Исидора, мать Радю Абрамову, бр. Льва, Шулима, Якова, с.с. Розу, Эстеръ и Марію; прож. въ Одессѣ, Канатная ул. 45. Задерж. 30 Сент. 1915 г. въ Одессѣ жанд. вла. по подозр. въ шпион. (д. 77—915 г.).

№ 43.

Бланкъ, Гойцикъ Соломонъ Лейбовъ, ложное имя **Айзинъ.** Дактилоскоп. № 76. | 1/1 ⁶³⁴³⁶₆₄₄₄₅

Каменецъ-Подольск. мѣщан., род. въ м. Радзивилловъ, Кременецк. у. Подольск. г., около 28 л., иудейск., ростъ 1 м. 60 с., волосы черн., недост. 6 верхн. и 6 нижн. зубовъ,—челюсть искуства; оконч. 4 кл. коммерч. учил. въ г. Згераѣ Петровск. г., холостъ, им. въ живыхъ отца Лейбу Шмулева, мать Шгою Моисеву ур. Зексъ, бр. Павла 30 л.; невеста Двойра Авонкова Хирго; прожив. въ мѣст. Радзивилловъ, Кременецк. у.

Задерж. 21 Марта 1915 г. по подозр. въ воен. шпион. Зарегистр. 3 Июня 1915 г. въ Ровно, жанд. вл. (д. № 36).

№ 44.

Бланкъ, Янкель Ханмовъ. Дактилоскоп. № 243. | 13/17 ⁷³³⁹⁴₈₁₃₄₆

Балтск. мѣщ. Подольск. г., около 55 л., иудейск., ростъ 1 м. 65 с., волосы т.-русые, образ. домашн., женатъ на Нохамъ Псеровой Мишцель, им. въ живыхъ брата Айзика и с. Идесъ; прожив. въ Одессѣ, Успенск. пер. 20, хозяинъ галантер. магаз.

Задерж. 11 Июля 1915 г. въ Одессѣ жанд. вл. по подозр. въ шпион. (д. № 61—915).

№ 45.

Боровскій, Юзефъ Францевъ, Дактилоскоп. № 267. | 14/18 ⁹³³⁹⁴₈₁₅₇₇

Австр. подд., около 45 л., род. Чернощицахъ, поляк., католик., ростъ 1 м. 76 с., сутулый на л. рукѣ 3 родим. пятна, им. бородавки: на щекахъ, брови, на лбу, на шеѣ, на груди и спинѣ; обуч. въ 4 кл. гимназій, торговецъ; женатъ на Юзефинѣ Броначекъ; посл. мѣстожит. м. Радовцы въ Австрій.

Зарегистр. 4 Апр. 1915 г. въ Могилевѣ Подольск. жанд. вл. по подозр. въ шпион.

№ 106.

Гринштейнъ, Соломонъ Янкель-Лейбовъ. Дактилоскоп. № 358. | 29/18 ⁸⁷⁶⁷⁶₈₆₆₇₆

Аккерманск. мѣщ., Бессараб. г., около 37 л., иудейск., ростъ 1 м. 72 с., волосы черные; грамотенъ, холостъ, им. въ живыхъ мать Суру, ур. Вугманъ, бр. Сухера, Хуна, сс. Хону и Энту; прожив. въ Симферополѣ, Петроградск. ул. д. 70; управлющ. фирмой бр. Петинато и К^о.

Задерж. 21 Сент. 1915 г. въ Симферополѣ жанд. вл. по подозр. въ шпион. (д. № 65—915 г.).

№ 107.

Гройсманъ, Мойша Юсевъ. Дактилоскоп. № 203. | 9/17 ⁸⁴²⁸³₄₃₅₅₃

Хотинск. мѣщ., Бессараб. г., около 43 л., род. въ м. Зиньковѣ, Летичевск. у., Подольск. г., иудейск., ростъ 1 м. 65 с., волосы русые; образ. домашн., торгов. коженев. товар., женатъ на Сурѣ Абрамовой Пейсахъ, им. въ живыхъ бр. Эзру 32 л., Беньямина 25 л. и с. Кейлю; прож. въ Хотинѣ.

Задерж. 8 Апр. 1915 г. и прива. по 23 ст. пр. о мѣст. объявл. сост. на воен. пол. Зарегистр. 30 Апр. 1915 г. въ Хотинѣ жанд. вл. какъ заподозр. въ воен. шпион. (д. № 56—915 г.).

№ 108.

Гузманъ, Иегуда Гершковъ. Дактилоскоп. № 109. | 1/17 ⁹²³⁶⁶₄₃₁₄₄

Проскуровск. мѣщ., Подольск. г., род. 10 Мая 1898 г., иудейск., ростъ 1 м. 68 с., волосы т.-русые, на пр. рукѣ выше локтя шрамъ длиной 3 сант., на л. ногѣ ниже колѣна шрамъ длиной 4 с., обуч. въ Цюрихѣ въ коммерч. учил.; учит. стенографія, нѣмецк. и франц., холостъ, им. въ живыхъ мать Хаю ур. Глазбергъ, бр. Мсера, Янкеля, Арона, сс. Мирель и Суру.

Задерж. 8 Окт. 1915 г. на ст. Одесса главная жанд. вл. по подозр. въ шпион. (д. № 85—915 г.).

№ 31.

Файнманъ, Хаа-Лйба Абрамова. Дактилоскоп. № 33. | 31/20 $\frac{99596^{17}}{79776}$ |

Мѣщанка г. Бреста, иудейск. исп., дѣвица, грамотна, заним. торговлей.
Арест. жанд. вл. 30 Апрелья 1915 г. въ Брестѣ за шпионство.

№ 32.

Фишманъ, Селика Лазарева. Дактилоскоп. № 3. | 1/1 $\frac{33333^3}{43133}$ |

Вдова Одесск. 1 глѣдѣя купца, Леона Эхлмеуича Фишмана, иудейск., около 32 л., родилась и окончила гимназію въ Парижѣ; ростъ 1 м. 59 с., волосы св.-русые, на лицѣ нѣсколько бородавок; природ. языкъ французскій; имѣетъ брата Шлоо и сестеръ Розину и Беллуну; прожила на свои средства въ Одессѣ въ д. № 16 по Коблевской ул.
Задерж. въ Одессѣ жанд. вл. 22 Юни 1915 г. по подозр. въ шпионствѣ.

№ 33.

Фишъ, Цизя Михелева. Дактилоскоп. № 22. | 22/3 $\frac{69566^{19}}{77458}$ |

Проскуровская, Подольск. г. мѣщанка, около 28 л., дѣвица, иудейск., волосы черные, ростъ 1 м. 45 с., на ул. пальці пр. руки франц.; имѣетъ братьевъ Фишеля, Лейдоша, Абрама и сестеръ Хаву и Лейу; обучалась въ Одесской гимназіи; прожила въ Проскуровѣ, не имѣя опред. занятій.
Задерж. 8 Юля 1915 г. въ Одессѣ жанд. вл. по подозр. въ шпионствѣ.

Приложение 5
Вырезки из газеты «Еврейская Неделя»
за 1915 г.

Зайнab Рѣзникъ.

Старшій унтеръ офицеръ... роты... и въ отъѣздъ, награжденный двумя Георгіевскими медалями и Георгіевскимъ крестомъ 4-й степени. Представленъ въ Георгію 3-й степени.

— Въ петроградскихъ галереяхъ помѣщенъ портретъ 15-лѣтняго добровольца д-ра И. З. Каема. Каемъ проникъ въ неприятельскій лагерь, выдалъ себя за австрійскаго подданаго, записался добровольцемъ и, пробывъ у неприятеля нѣсколько дней, возвратился съ важными свѣдѣніями. Раненъ и награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

Заложники изъ Конска—Гохбергъ и Кроненблюмъ.

Шрейберъ, Шлома Моисеевичъ получилъ Георгіевскую медаль 4-ой степени (№ 124—165) за храбрость.

Мальтинскій, Исакъ Мееровичъ доброволецъ, 14 лѣтъ, изъ Сморгони (Вилнискій губ.) получилъ Георгіевскій крестъ 4-ой степени № 2083 за то, что проваль проводочное награжденіе на Карпатахъ. Мальтинскій, ученикъ втораго класса Городскаго училища, былъ раненъ въ правую ногу, находился на излеченіи въ Военномъ госпиталѣ въ Львовѣ.

Бр. ДУБОВИЦКІЕ.

М. Дубовицкій.

И. Дубовицкій.

З. Дубовицкій.

Въ Переславѣ находится 300 виселенцевъ. Мѣстный Комитетъ развѣщаетъ охоту энергичную дѣятельность. Всѣ виселенцы раздѣлены по частнымъ квартирамъ; для большихъ стелено специальное помѣщеніе. Помощь оказывается деньгами. Дети виселенцевъ обучаются въ мѣстной Тагмуль-Горѣ. При мѣстномъ комитетѣ образована трудовая коммисія, въ которую входятъ преимущественно ремесленники. Благодаря ея успѣхамъ устроена мастерская для изготовленія одѣжды, въ которой находятъ себя работу до 80 человекъ.

Въ Золотоношѣ въ настоящее время находится 854 виселенца. Несмотря на незначительность города, всѣхъ удалось развѣстить по частнымъ квартирамъ. Для одинокихъ стариковъ и старухъ выношено специальное помѣщеніе. Мѣстнымъ комитетомъ открытъ складъ, откуда продукты отпускаются по заготовительной цѣнѣ. Виселенцамъ выдаются денежные наймы на продовольствіе, квартирную плату и отопленіе. Въ виду устройства склада постепенно переходятъ къ заимѣ денежнаго найма натуральнымъ. Экономическое положеніе города не позволяетъ рассчитывать на широкую организацию трудовой помощи. Многие виселенцы могли бы найти примѣненіе своему труду въ ближайшихъ пунктахъ Киевской губ., но ад-

Война.

Намъ сообщаютъ:

И. Дубовицкій находится въ дѣйствующей арміи перваго дня войны, артиллеристъ, за отличіе провозимъ въ фойерверкеры (дѣт.-офиц.), награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 4-й и 3-й степеней, тремя Георгіевскими медалями и орденомъ св. Анны 2-й и 1-й степеней.

Залманъ Дубовицкій, призванъ 1914 г., въ на варшавскомъ фронтѣ при атакѣ нѣмецкихъ окоповъ 24 мая с. г.

Мееръ Дубовицкій, призванъ 1915 года, находится въ дѣйствующей арміи; извѣстій о немъ не имѣется съ 19 апрѣля.

Выселенные обитатели богадельни на ст. Оникшты.

Отбытие выселенцев из м. Оникшты.

Группа выселенцев в Оникштах.

Война.

Наше сообщают:

Гольдштейн, Абрам Маркич, из М. Ефремовъ (Тульской губ.) получилъ Георгиевскій крестъ 4-й степени (№ 313866) за отбитіе атаки. Гольдштейнъ доброволецъ, 20 лѣтъ, представилъ въ отличіе въ качествѣ пулеметнаго начальникова команды кавалеріи Ш-е. Кройца, Гольдштейнъ получилъ Георгиевскую медаль за храбрость. Находился онъ на излеченіи въ лазаретѣ Московскаго Братскаго Общества.

Богаць, Хананъ Ароновичъ, доброволецъ, 39 лѣтъ, представилъ одновременно къ Георгиевскимъ крестамъ 3-й и 4-й степени за развідку и за захватъ 10 пленныхъ германцевъ командиромъ —скаго полка — корпуса К-мъ. Богаць урож. Красносельска, Домнинской губерніи, находится на излеченіи въ лазаретѣ Московскаго Братскаго Общества. Богаць былъ раненъ подъ Кенигсбергомъ и по болѣзни проводилъ со службы, послѣ чего поступилъ добровольцемъ. Въ настоящее время раненъ тяжело.

Левинскій, Левъ Бенъяминовичъ, представилъ штабс-капитаномъ К-мъ къ Георгиевскому кресту 4-й степени за развідку на германскомъ фронтѣ. Левинскій изъ Кіева, находится на излеченіи въ 30-мъ Городскомъ лазаретѣ въ Москвѣ.

Пеставицкій, Хайкель Файвушевичъ, получилъ медаль 4-й степени (№ 115114) за хорошее наблюдение въ качествѣ телеграфиста и медаль 3-й степени за храбрость. Пеставицкій урож. Волынской губ., находится на излеченіи въ лазаретѣ Третьяковской богадельни.

Вольярскъ, Гершико, изъ вѣйна Мурда, Люблинской губ., находившійся на излеченіи въ лазаретѣ Николаевской желѣзн. дор. (подъ Москвой) получилъ Георгиевскую

Моисей Вольфарсонъ.
Георгиевскій кавалеръ.Борухъ Карасикъ.
Георгиевскій кавалеръ.

что офицеры не могутъ быть освобождены отъ первоначальныхъ парадовъ, какъ это дѣлается въ отношеніи егерей нижнихъ чиновъ. Присутствіе же егерей на коронованныхъ парадахъ является крайне неудобнымъ.

Сообщаніе о призывѣ студентовъ.

Сообщаніе о призывѣ студентовъ коснулось вопроса о призывѣ студентовъ въ войска, которые, согласно закону, не имеютъ права поступать въ офицерскія школы. Некоторые участники сообщанія по этому вопросу указали, что призывъ студентовъ-егерей не достигъ бы прослуженной военнымъ едноместной цѣли, такъ какъ призывныхъ пришлось бы направлять въ арію въ качествѣ нижнихъ чиновъ. Противъ этого возражали другіе участники сообщанія, признававшие

В о й н а.

Группа еврейских офицеров, находящихся на излечении в Петрограде, вместе с еврейскими депутатами.

(В центре члены Гос. Думы И. М. Фришман, справа от него чл. Гос. Думы М. Х. Вонша, справа от Гос. Думы Э. В. Туревич).

подней», регистрационных книжек, аттестатов и дипломов. Показывая грозно и глумливо главному на сцене, извратив его в начальнический тон, — и под его черепом, в мозгу его, покаялась такая же брешь, как и у дяди Хаи Шанина при виде небольшой комбинации котлеты с молоком.

— Как? — воскликнул он. — Еврей «без права» и дерзывает так себя, дерзает житьем, посылать в меня, в Промышленника! Видно же, с какой легкой испорченной тоном улыбкой, «трюф», все равно, что котлеты с молоком! Нет, это невозможно! Это позорнее основы и шарнира гармонии!

И он тоже размахивал руками, сверкая горбачами от гнева глазами, возмущался, негодовал и... не «признавал».

Казань.

В о й н а.

— Нам пишут из Елизаветграда.

Бродский, Иона Абрамович, окончив в 1913 г. Елизаветградское Высшее училище, поступил в 1914 г. в Грлиц (Австрия) в политехникум, где учился на архитектурном отделении до начала войны. Возвратившись из Австрии, он был принят, при достижении возраста 1916 г., на вакантную службу в качестве вольноопределяемого в г. С.-П., где продолжил с июня в-на с. г. до октября с. г., учебные занятия неоднократно в б-х; в одном из них он был ранен в ногу и контужен в бок и руку.

Иона Абрамович Бродский.

Правильно исторически за-свидетельствованию копии письма к нему его ротного командира:

«Здравствуйте, писанно Ваше получал. Срочно проучить желаю внимательностью. Службу делайте сдвигать Вам, что я

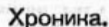
Ейлазар Брузинков.

За проявленную при потачке храбрость и в бою храбро выразившись латин. Георгиевским крестом (№ 4213) и Георгиевской медалью (№ 72550).

производивший медицинское освидетельствование латин. шкеса.

— Это была первая опыт вербовки в той части Латвии, которой посылается Банский дом Ротинский. За проявленную настолько успешно, что решено отпустить латин. вербовочное бюро.

Кроме Лайониса, Ласовель Ротинский видел двух сыновей в английской армии. Оба сражались на Галицийском фронте.

Хроника.

На службе правых.

От 21-го до 23-го ноября в Петрограде прошла служба правых. Председательствовал на службе 64 министр юстиции Н. Г. Шенников. Колонны в 4

Блок, Мордух Файваль, 24 лет, студент Львовского политехникума, наз. Вильям, представлен в старшему инструкторскому званию за разведку и за смелость в качестве наблюдателя. Блок находился на излечении в лазарет Якиманского коммерческого училища, в Москве.

Блат, Зелик Тевелев, из м. Глубоного (Вилненск. губ.) представлен в Георгиевскому кресту 4-й степени командиром своего полка, полковником К-м, за разведку. Блат лечился в лазарет коммерческого клуба, в Ростове на-Дону.

Гросман, Мордух Гершманович, из Велюна (Калишской губ.) представлен ротным командиром капитаном В-ским в Георгие 4-й степени за взятие германского предмета при отступлении из Восточной Пруссии. На второй день по представлении Гросман был ранен, а командир его полка убит.

Прусский, Абрам Меерович, из м. Лейбисина (Валенской губ.), получил медаль на Георгиевский крест за храбрость (медаль № 85932).

Израилевич, Пинкус Гершманович, представлен в Георгие 4-й степени ротным командиром капитаном Ч-м за разведку. Израилевич из г. Мильера, находится на излечении в лазарет г. Самбирска.

Вилин, Гасифь Аронович из Вильны (лазарет служащих Московского отпочающего попечительства) получил медаль за храбрость (№ 128863).

Вольфрехт Берко, из Варшавы, представлен в Георгие 4-й степени за донесение о местонахождении неприятельской батареи посыл удачи разведки и в Георгие 3-й степени за то, что, будучи сам ранен в правую ногу, он вынес из-под неприятельского огня раненого на правую руку и бок офицера. Представлен он в этом отличии ротным командиром П-м. Раненый под Лодью три раза, в оба ноги и правый бок, он нахо-

Вольноопределяющийся В. Воробейев. Уроженец м. Галицизма (Вол. губ.), кандидат зооматематических наук. Награжден Георгиевской медалью за разведку под Кр., а затем Георгиевским крестом 4-й степени за спасение батальонного командира.

Подпоручик М. З. Гольдин. Награжден Георгиевским крестом 4-й и 3-й степени. Чин подпоручика Гольдин получил за то, что, погнав в плен, бжал оттуда, составил карту местности и доставил важные сведения, благодаря которым был взят в плен целый немецкий полк.

Ротштадт, Станислав Борисович, добровольец 19 лет из Варшавы, получил ипотку за отличную работу в качестве брата милосердия на перевалочном пункте и представлен в медаль 4-й степени за работу под неприятельским огнем из Сувачей и Ломжи.

Боринпольский, Лев Абрамович, получил Георгиевскую медаль (№ 88765) за донесение полка сильным артиллерийским огнем из штаба полка, Георгиевский крест 4-й степени (№ 42039) за разведку, при которой сами были взяты три предмета, а также за то, что, будучи ранен, остался в строю. Кроме того, Боринпольский представлен в Георгие 3-й степени за то, что посыл разведки, на которую был выслан с двумя товарищами выжидая отступления, сами были захвачены, ранены занятой

Война.

Ефрейтор N-ского полка Гликманъ, Мошша-Мендель Эльякумовъ, представленъ къ награжденію Георгиевскимъ крестомъ 3-ей степени. Родственники Гликмана получили соответствующее удостовѣреніе изъ дѣйствующей арміи № 1928. Удостовереніе это гласитъ:

«Симъ удостовѣряется, что мѣщанинъ города Ново-Александровска (Ковенской губ.) Мошша-Мендель Эльякумовъ Гликманъ дѣйствительно находится на службѣ въ N-скомъ полку съ 11 іюня с. г. и представленъ къ награжденію Георгиевскимъ крестомъ 3-ей степени. 30 сентября 1915 г. Дѣйствующая армія».

Подъ удостовѣреніемъ имѣется подпись командира N-ского полка.

Гликманъ находился на дѣйствительной службѣ въ Харь-

М. З. Гликманъ.

ковѣ, когда вспыхнула война. Продолжалъ въ началѣ войны всю галиційскую кампанію. Былъ раненъ въ ноябрѣ 1914 г. подъ Краковомъ, гдѣ попалъ въ вѣдѣлю яму. Немного раньше онъ былъ награжденъ Георгиевскимъ крестомъ 4-й степени и званіемъ ефрейтора за храбрость и рядъ удачныхъ развѣдокъ. Находился на излеченіи въ военномъ полевомъ госпиталѣ въ Чернассехъ до весны 1915 г. По выздоровленіи вновь поступилъ въ дѣйствующую армію и принималъ участіе въ теченіе лѣта во всѣхъ бояхъ на сѣверо-западномъ фронтѣ. Гликману теперь 25 лѣтъ. По профессіи онъ наборщикъ, работалъ въ разныхъ петроградскихъ типографіяхъ.

— Рядовой-го-скаго полка Липманъ Перельштейнъ былъ награжденъ 26-го августа 1915 г. Георгиевской медалью 4-й степени № 501—616). Перельштейнъ былъ раненъ 13-го мая подъ Шавлями въ лѣвое бедро. Кроме того, онъ былъ контуженъ въ голову. Перельштейнъ находился на излеченіи въ лазаретѣ, устроенномъ въ помѣщеніи Лѣснаго института въ Петроградѣ. Ему 21 годъ. Родомъ онъ изъ деревни Ловчи, Холмской губ. До поступленія на военную службу занимался торговлей.

Война.

Рядовой —го пѣхотнаго -го полка Аронъ Блейвайсъ награжденъ Георгиевской медалью 4-й степени (226—286). Когда вспыхнула война, Блейвайсъ находился на дѣйствительной службѣ въ гор. Кутаисѣ. Былъ раненъ 19 сентября 1914 г. шрапнелью въ лѣвую ногу. Рану Блейвайсъ получилъ въ 9 час. утра. Несколько верстъ онъ ползъ по полю по направленію къ полевому лазарету. Въ теченіе трехъ часовъ онъ проползъ всего полторы версты. Затѣмъ его подобрала наша солдаты, которые на рукахъ поднесли его къ стоявшимъ на шоссе,

снаряднымъ ящикамъ. Только въ 2 ч. дня его привезли въ полевой лазаретъ, гдѣ ему сдѣлали первую перевязку. Затѣмъ его эвакуировали въ Вильну, а оттуда — въ Петроградъ, гдѣ онъ находился на излеченіи въ лазаретѣ чиновъ министерства Императорскаго Двора (Большая Дворянская, 33/8). Блейвайсеръ ампутировали лѣвую ступню. Родомъ онъ изъ Радомы. Ему 26 лѣтъ. По профессіи онъ печарь. Работалъ въ Варшавѣ.

М. Б. Левинтъ.
Георгиевскій кавалеръ.

— Георгиевской медалью 4-й степени (304—824) награжденъ рядовой —го полка Айзикъ Йоконъ. Онъ принималъ участіе во многихъ бояхъ въ Восточной Пруссіи,

былъ раненъ 10 февраля 1915 г.

шрапнелью въ лѣвую ногу и правую руку. Въ настоящее время находится въ Петроградѣ. Йоконъ родомъ изъ Гродны. Ему 26 лѣтъ. На войну онъ былъ взятъ въ качествѣ запасного. По профессіи онъ мясникъ.

Снитко, Борухъ Іосифовичъ получилъ Георгиевскій крестъ 4-й степени (№ 146216) за спасеніе ротнаго командира в Галиціи и Георгиевскую медаль 4-й степени (№ 466103) за храбрость. Снитко изъ Таганрога, находился на излеченіи въ лазаретѣ Государственнаго Банка въ Москвѣ. Снитко — участникъ русско-японской войны, въ настоящей войнѣ, спасая своего начальника, потерялъ лѣвую ногу.

Ледереръ, Шія Мошкеевичъ получилъ медаль 4-й степени (№ 466—107) за храбрость (у него ампутирована лѣвая нога) и представленъ къ Георгиевскому кресту 4-й степени за то, что, будучи боленъ, оставался въ строю. Ледереръ находился на излеченіи въ лазаретѣ Государственнаго Банка въ Москвѣ.

Оглавление

Предисловие	7
<i>Глава 1.</i> Русская армия в начале XX века	17
<i>Глава 2.</i> Полномочия и деятельность воюющей армии в сфере гражданского управления	59
<i>Глава 3.</i> Русское командование и негативный стереотип еврея	103
<i>Глава 4.</i> Депортации еврейского населения и взятие заложников (1914–1915)	155
<i>Глава 5.</i> Органы военной власти и евреи	207
<i>Глава 6.</i> Солдаты, офицеры и еврейское население прифронтовой полосы	265
<i>Глава 7.</i> «Еврейский вопрос» и политическая ситуация в России	317
Заключение	371
Библиография	389
<i>Приложение 1.</i> Схема органов военного и гражданского управления (июль 1914 — август 1915).	402
<i>Приложение 2.</i> Хронология депортаций еврейского населения в 1914–1915 годах	403
<i>Приложение 3.</i> Именной указатель	409
<i>Приложение 4.</i> Список и фотографии лиц, зарегистрированных в качестве шпионов	427
<i>Приложение 5.</i> Вырезки из газеты «Еврейская Неделя» за 1915 г.	437

Семен Гольдин

«Принять исключительные меры...»
Русская армия и евреи
1914–1917

Знак информационной продукции 16+

Директор *М. Гринберг*
Редактор *В. Нехотин*
Зав. редакцией *И. Аблина*
Художественное оформление *П. Адамова*
Компьютерная верстка *И. Пичугин*
Корректор *Е. Ядренцева*

Мосты культуры, Москва
Тел./факс: (495) 989–8734
e-mail: office@gesharim-msk.ru

Gesharim, Jerusalem
Tel.: (972) 544–993116
e-mail: greenberg0@bezeqint.net

www.gesharim.org

Издательство «Мосты культуры»

ЛР № 030851 от 08.09.98

Формат 60 x 90 / 16. Печ.л. 28.

Подписано в печать 30.11.2017. Заказ №